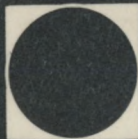

Зарубежная

фантастика

Майкл Крайтон
ШТАММ «АНДРОМЕДА»
ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР

Майкл Крайтон ШТАММ «АНДРОМЕДА» ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР

Научно-фантастические
романы

Издательство «Мир»

10

11

12

13

14

15

16

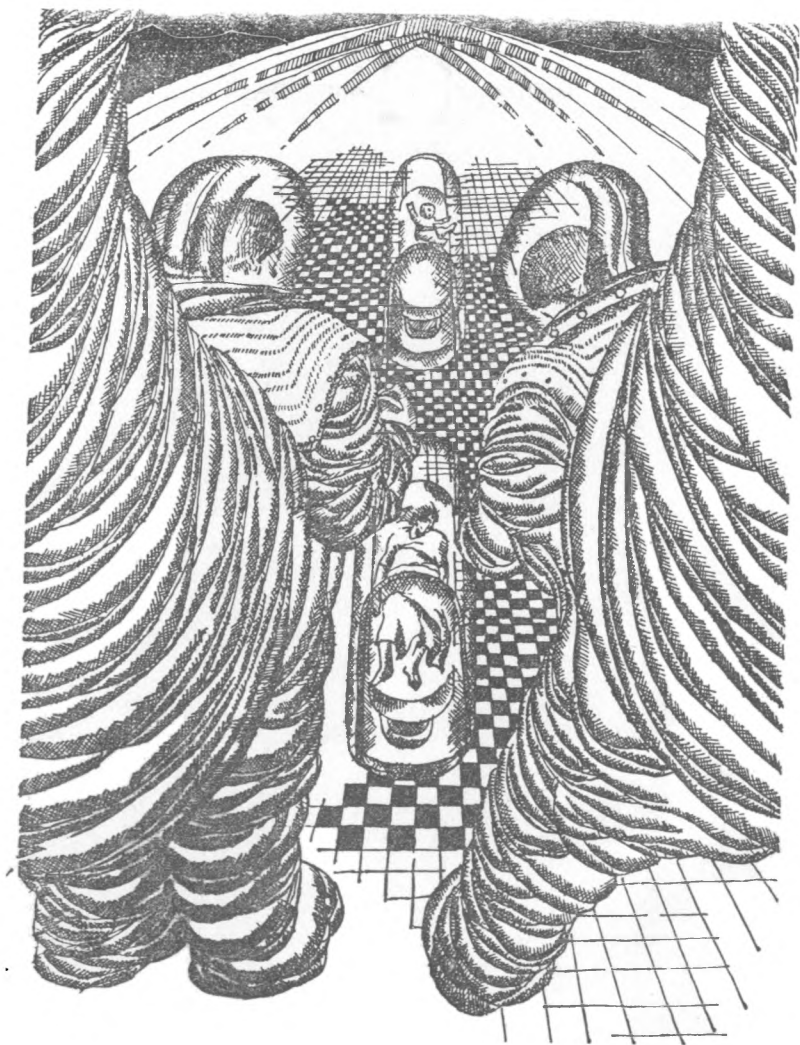
17

18

Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

Майкл Крайтон

ШТАММ «АНДРОМЕДА» ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР

Научно-
фантастические романы

Перевод с английского

МОСКВА «МИР» 1991

ББК 84.4США
К78

Крайтон М.
К78 **Штамм «Андромеда», Человек-компьютер:**
Науч.-фантаст. романы; Пер. с англ. — М.: Мир,
1991. — 528 с. — (Зарубеж. фантаст.)
ISBN 5-03-002778-5

Книгу составляют наиболее популярные романы известного американского писателя-фантаста, посвященные теме ответственности ученых за свои открытия.

К $\frac{47 \ 03040100 — 321}{041(01) — 91}$ без. объявл.

ББК 84.4США

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-002778-5

© состав, издательство «Мир», 1991

© оформление, Сошинская К.А., 1991

Штамм «Андромеда»

Перевод В. Тальми и О. Битова

Посвящаю доктору А.Д., который первым предложил моему вниманию эту проблему

Чем ближе к истине, тем дороже обходится каждый шаг.

Р.А. Янек

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ШТАММ «АНДРОМЕДА»**

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

**ВСЕ МАТЕРИАЛЫ НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫ**

**ОЗНАКОМЛЕНИЕ С НИМИ ЛИЦ, НЕ ИМЕЮЩИХ НА ТО
ПОЛНОМОЧИЙ, КАРАЕТСЯ ТЮРЕМНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ
СРОКОМ ДО 20 ЛЕТ И ШТРАФОМ 20 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ**

**В СЛУЧАЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ
ОТ КУРЬЕРА НЕ ПРИНИМАТЬ**

**ЗАКОН ОБЯЗЫВАЕТ КУРЬЕРА ПОТРЕБОВАТЬ
ОТ ВАС ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ УДОСТОВЕРЕНИЯ –
ФОРМА № 7592. БЕЗ ТАКОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ КУРЬЕР НЕ ИМЕЕТ ПРАВА ПЕРЕДАТЬ
ВАМ НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО**

КОНТАКТ

1. Земля без конца и края

Человек с биноклем. Так это началось: зимним вечером в штате Аризона человек стоял на пригорке у дороги, над безвестным поселком.

Управляться с биноклем лейтенанту Роджеру Шоуну было, надо думать, очень неудобно. Металл бинокля промерз, меховая куртка с капюшоном да еще толстые перчатки делали движения вялыми и неуклюжими. Дыхание со свистом вырывалось в пронизанный лунным сиянием воздух, линзы запотевали. То и дело приходилось протирать их, а пальцы в перчатке не желали слушаться.

Откуда ему было знать, насколько все это ни к чему. Бинокль был слишком слаб, в него нельзя было увидеть, что происходит в поселке, приподнять покров над его тайнами. Шоун изумился бы, услышь он, что те, кому в конце концов удалось их раскрыть, пользовались приборами в сотни тысяч раз мощнее.

Было в облике Шоуна что-то грустное, и нелепое, и трогательное: вот он прислонился к валуну, оперся на него локтями, подносит бинокль к глазам... Би-

нокль был тяжелым и громоздким, а все-таки приятно ощущать в руках что-то привычное, что-то знакомое. Наверное, это было для Шоуна одним из последних привычных ощущений перед смертью.

Можно лишь представить себе, лишь пытаться воссоздать то, что произошло потом.

Медленно, методично лейтенант Шоун оглядел поселок в бинокль. Он увидел, что тот невелик — полдюжины деревянных домиков вдоль единственной улицы. Все было тихо: ни движения, ни огонька, и легкий ветерок не доносил ни звука.

Лейтенант перевел взгляд на окрестные холмы — однообразные, низкие, серые с плоскими, будто срезанными вершинами; на холмах рос чахлый кустарник да редкие сухие заиндевелые деревья — юкка. За холмами были еще холмы, а дальше — безбрежность и бездорожье пустыни Мохаве. Индейцы называли ее Землей без конца и края.

Шоун почувствовал, что дрожит на ветру. Был февраль, самый холодный месяц, и уже за десять вечера. Лейтенант зашагал к фордовскому фургону с большой вращающейся антенной на крыше, стоявшему на дороге чуть поодаль. Двигатель мягко урчал на холостых оборотах; это был единственный звук, который нарушал ночную тишину. Шоун открыл заднюю дверцу и, вскарабкавшись в кузов, захлопнул ее за собой.

В фургоне горел темно-красный свет — ночное освещение, чтобы легче приспособиться к темноте, когда выйдешь на улицу. На приборных панелях и стойках со сложной радиоаппаратурой мерцали зеленые огоньки.

Рядовой Льюис Крейн, радиотехник, сидел в такой же куртке с капюшоном, сгорбившись над картой, и что-то рассчитывал, время от времени сверяясь по приборам.

Шоун спросил Крейна, уверен ли тот, что они были на месте, и Крейн ответил утвердительно. Оба устали — от базы Ванденберг их отделял уже целый день пути, целый день, прошедший в поисках последнего спутника из серии «Скуп»*. В общем-то о спутниках этой серии они почти ничего не знали, разве только то, что секретные спутники «Скуп» запускаются для исследования верхних слоев атмосферы, а затем возвращаются на Землю. Задача Шоуна с Крейном состояла в том, чтобы разыскивать спутники после их приземления. Для облегчения поиска на спутниках устанавливали радиомаяки — «пищалки», которые автоматически включались, когда «Скуп» снижался до восьми километров.

Вот почему в фургоне было столько радиопеленгационной аппаратуры. По существу, он сам себя и выводил к цели. На военном языке это называлось «одно-агрегатная триангуляция» — способ очень эффективный, хотя и медленный. Методика была простая: фургон останавливался, Шоун с Крейном определяли свое местонахождение и записывали силу и направление радиосигнала спутника. Потом проезжали километров тридцать, выбрав наиболее вероятное направление, опять останавливались и определяли новые координаты. Таким образом, раз за разом на карте появлялась россыпь триангуляционных точек, и фургон зигзагами приближался к спутнику, останавливаясь через каждые тридцать километров для коррекции возможных ошибок. Все это, конечно, получалось медленнее, чем с двумя фургонами, зато безопаснее: командование считало, что появление двух фургонов в одном и том же районе скорее привлечет к себе внимание.

* Scoop (англ.) — ковш, черпак. — Здесь и далее прим. перев.

Битых шесть часов они подбирались к очередному спутнику. И наконец они почти у цели...

Крейн нервно постучал карандашом по карте и назвал поселок у подножия холма: Пидмонт, штат Аризона. Жителей — сорок восемь человек. Они еще посмеялись на этом, хотя оба и ощущали смутное беспокойство. РТП — расчетная точка приземления, которую им сообщили на базе, — лежала в двадцати километрах к северу от Пидмонта. Рассчитали РТП в Ванденберге по данным радиолокационных наблюдений и 1410 проекциям траектории, вычисленным ЭВМ. Как правило, ошибка в определении РТП не превышала сотни метров.

Однако с радиопеленгатором не поспоришь. А он засек «пищалку» в самом центре поселка. Шоун высказал предположение, что кто-нибудь из местных мог заметить снижающийся спутник — он же раскалился до свечения, — разыскал его и притащил в Пидмонт. Это звучало правдоподобно. Но житель Пидмонта, наткнувшийся на тепленький, только что из космоса спутник, кому-нибудь да разболтал бы про такое дело: газетчикам, полиции, НАСА, военным — ну хоть кому-нибудь...

А на базе ничего не слышали.

Шоун вылез из фургона, за ним выбрался Крейн, поеживаясь на морозе. Теперь они оба смотрели на поселок — тот лежал перед ними притихший, без огонька. Шоун обратил внимание, что света нет ни на бензоколонке, ни в мотеле. А ведь ни колонок, ни мотелей больше не было на многие километры вокруг.

И тут Шоун заметил птиц.

При свете полной луны он видел их совершенно ясно — огромные птицы величаво парили над поселком, черные силуэты пересекали лунный диск. Лейтенант удивился, почему он не заметил их раньше,

и спросил Крейна, что это за птицы. Крейн ответил, что он не имеет ни малейшего представления, и добавил в шутку:

— Может, стервятники?..

— Между прочим, похоже, — сказал Шоун.

Крейн нервно рассмеялся, выпустив клуб пара:

— Но что им тут делать, стервятникам? Они же слетаются только на падаль...

Шоун зажег сигарету, прикрыв зажигалку ладонями, чтобы ветерок не загасил пламя. Он помолчал, посмотрел еще раз вниз на дома, на силуэт поселка. Потом еще раз оглядел Пидмонт в бинокль и снова не обнаружил никаких признаков жизни, никакого движения.

В конце концов он опустил бинокль и бросил сигарету на свежий снег — она зашипела и погасла. Повернулся к Крейну и сказал:

— Поедем посмотрим...

2. База Ванденберг

В пятистах километрах от Пидмонта, в большой квадратной комнате без окон, где был расположен Центр управления программой «Скуп», лейтенант Эдгар Камроу сидел, водрузив ноги на стол, и лениво перебирал вырезки из научных журналов. Камроу был сегодня ночным дежурным офицером: дежурить ночью ему выпадало раз в месяц, и в его обязанности входило управление действиями сокращенного ночного расчета в составе двенадцати человек. Сегодня расчет контролировал передвижения фургона под кодовым наименованием «Капер-1», который колесил по аризонской пустыне, и поддерживал с ним радиосвязь.

Дежурить Камроу не любил. Серую комнату освещали лампы дневного света; обстановка была убого

утилитарной и очень раздражала его. Обычно он приходил в Центр управления только во время запусков — тогда атмосфера здесь бывала совершенно иной: комнату заполняли озабоченные специалисты, все были заняты своим делом, выполняя часть единой сложной задачи, все жили тем особым сдержанным ожиданием, какое предшествует любому запуску в космос.

А по ночам было нудно. По ночам никогда ничего не случалось, и Камроу использовал эти часы для чтения специальной литературы. По профессии он был физиолог, специалист по сердечно-сосудистой системе, и особо интересовался влиянием на организм перегрузок при больших ускорениях. Сегодня он решил просмотреть статью под названием «Стехиометрия содержания кислорода и диффузионных градиентов при увеличении газовых напряжений в артериях». Читалась статья трудно и показалась малоинтересной. Поэтому он охотно оторвался от журнала, едва над головой ожил динамик радиосвязи с Шоуном и Крейном.

— «Капер-1» вызывает Основную, — слышался голос Шоуна. — «Капер-1» вызывает Основную. Как меня слышите? Прием...

Камроу, повеселевший, отвечал, что слышит хорошо.

— Въезжаем в поселок Пидмонт. Спутник где-то здесь...

— Хорошо, «Капер-1». Не выключайте рацию.

— Вас понял...

Все это в точности соответствовало правилам обнаружения спутников, изложенным в наставлении по программе «Скуп». Наставление — гроссбук в мягкой серой обложке — лежало на углу стола, у Камроу под рукой. Ему было известно, что все переговоры фургона с базой записываются на пленку и впоследствии станут частью постоянного архива «Скуп»; правда, он никак

не мог понять, зачем все это нужно. Казалось, дело проще простого: фургон выезжал, обнаруживал спутник, забирал его и возвращался...

Камроу пожал плечами и снова взялся за статью о газовых напряжениях, слушая Шоуна в полслуха:

— Мы в поселке. Проехали бензоколонку и мотель. Вокруг все тихо. Никаких признаков жизни. Сигналы спутника становятся сильнее. Впереди церковь. Она не освещена, и никого по-прежнему не видно...

Камроу положил журнал на стол. В голосе Шоуна, несомненно, слышалось какое-то волнение. В другой раз Камроу, может, и рассмеялся бы при мысли, что два здоровых парня дрожат со страху, въезжая в сонный поселок среди пустыни. Но Шоуна он знал лично; чем-чем, а избытком воображения Роджер не страдал. Шоун мог уснуть в кино на фильме ужасов. Такой уж он был человек.

И Камроу начал вслушиваться. Сквозь потрескивание помех до него доносился шум мотора. И негромкий диалог в фургоне:

Шоун. Уж слишком тут все спокойно...

Крейн. Так точно, сэр.

Пауза.

Крейн. Сэр!..

Шоун. Да?

Крейн. Вы видели?

Шоун. Что?

Крейн. Вон там, на тротуаре. Вроде человек лежит...

Шоун. Вам, наверно, померещилось...

Снова пауза — и тут Камроу услышал, как фургон, взвизгнув тормозами, остановился.

Шоун. Господи боже!..

Крейн. Еще один, сэр.

Шоун. Как будто мертвый...

Крейн. Может, мне...

Шоун. Отставить! Из фургона не выходить!

Голос его стал громче и официальнее — он послал в эфир вызов.

— «Капер-1» вызывает Основную. Прием...

Камроу поднял микрофон.

— Основная слушает. Что там у вас?

— Сэр, мы видим тела. Много тел. По-видимому, мертвецы...

— Вы уверены в этом, «Капер-1»?

— Черт возьми, — сказал Шоун. — Конечно, уверены...

— Продолжайте поиск спутника, «Капер-1», — ответил Камроу как можно мягче.

Отдав приказание, он окинул комнату взглядом. Двенадцать человек из дежурного расчета смотрели на него невидящими глазами — они слушали передачу.

Мотор фургона взревел.

Камроу сбросил ноги со стола и нажал на пульте красную кнопку «Режим». Теперь Центр управления был надежно изолирован от всех других помещений. Без разрешения Камроу никто не смог бы ни войти, ни выйти.

Затем он снял телефонную трубку.

— Дайте майора Мэнчика. М—Э—Н—Ч—И—К—А. Да, разговор служебный. Жду...

Мэнчик был старшим дежурным офицером на текущий месяц — именно на нем лежала вся полнота ответственности за выполнение программы «Скуп».

В ожидании вызова Камроу прижал трубку плечом и зажег сигарету. Из динамика доносился голос Шоуна:

— Вам тоже кажется, что они мертвые, Крейн?

Крейн. Так точно, сэр. Померли, видать, легко, но уж померли — это как пить дать...

Шоун. Вроде бы и на мертвецов не похожи. Чего-то не хватает. Что-то здесь не то... Смотрите, вон еще — везде лежат. Сколько их!

Крейн. Будто шли, шли и упали. Оступились — и замертво...

Шоун. И на дороге и на тротуарах...

Снова пауза — и голос Крейна:

— Сэр!..

Шоун. Господи боже!..

Крейн. Видите? Мужчина в белой рубаше — вон там пересекает дорогу...

Шоун. Вижу.

Крейн. Перешагивает прямо через трупы, вроде как...

Шоун. Идет сюда.

Крейн. Послушайте, сэр, извините, конечно, но, по-моему, лучше бы нам убраться...

Крейна прервал на полуслове пронзительный крик, и следом донесся треск. На этом передача оборвалась, и восстановить связь с фургоном «Капер-1» Центр управления на базе Ванденберг так и не смог.

3. Кризис

Рассказывают, что, когда Гладстону доложили о смерти «китайца» Гордона* в Египте, премьер пробормотал раздраженно, что британский генерал мог бы выбрать для своей смерти и более удобное время: смерть Гордона породила в правительстве Гладстона разброд и вызвала кризис. Какой-то подчиненный за-

* Чарлз Джордж Гордон (1833—1885) — английский генерал-колонизатор, руководил зверским подавлением Тайпинского восстания в Китае, участвовал в захвате Англией Египта.

метил, что здесь имеет место уникальное стечение обстоятельств и предвидеть это никак нельзя, на что Гладстон сердито ответил:

— А, все кризисы одинаковы...

Он, конечно, имел в виду кризисы политические. Научных кризисов в 1885 году не было и в помине; впрочем, их не было и на протяжении последующих почти сорока лет. Зато потом разразились восемь кризисов первостепенной важности, и два из них получили широкую огласку. Интересно, что оба эти кризиса, связанные с открытием атомной энергии и выходом в космос, затрагивали химию и физику, но не биологию.

В сущности, того и следовало ожидать. Физика первой из естественных наук стала полностью современной и насквозь математизированной. Затем математизировалась и химия, биология же оставалась дефективным ребенком, сильно отставшим от своих сверстников. Ведь еще во времена Ньютона и Галилея люди знали о Луне и других небесных телах больше, чем о собственном теле.

Так было вплоть до конца 40-х годов нашего века. Лишь после войны под влиянием открытия антибиотиков в биологических исследованиях началась новая эра. Внезапно биологи обрели как моральную, так и материальную поддержку, и поток открытий не заставил себя ждать: транквилизаторы, стероидные гормоны, иммунохимия, генетический код. К 1953 году была произведена первая пересадка почки, а к 1958-му — испытаны первые противозачаточные таблетки. Вскоре биология оказалась самой быстрорастущей отраслью науки: биологические познания за десять лет буквально удвоились. Дальновидные исследователи уже всерьез поговаривали об изменении генов, управлении эволюцией и контроле над психикой; деся-

тилетием раньше подобные идеи считались чисто умозрительными, чтобы не сказать сумасбродными.

Но биологического кризиса еще ни разу не случилось. Штамм «Андромеда» дал толчок первому.

Согласно Льюису Борнхайму, кризис есть ситуация, при которой совокупность обстоятельств, ранее вполне приемлемая, вдруг, с появлением какого-то нового фактора, становится совершенно неприемлемой, причем почти безразлично, является ли новый фактор политическим, экономическим или научным: смерть национального героя, колебания цен, новое техническое открытие — любое обстоятельство может явиться толчком для дальнейших событий. В этом смысле Гладстон был прав — все кризисы одинаковы.

Известный ученый Альфред Покран посвятил кризисам специальную работу («Культура, кризисы и перемены») и пришел к интересным выводам. Во-первых, он отмечает, что любой кризис зарождается задолго до того, как фактически разразится. Например, Эйнштейн опубликовал основные положения теории относительности в 1905—1915 годах, то есть за сорок лет до того, как его труды привели в конечном счете к началу новой эпохи и возникновению кризиса.

Покран также отмечает, что в каждом кризисе замешано множество отдельных личностей и характеров и все они неповторимы:

«Трудно представить себе Александра Македонского перед Рубиконом или Эйзенхауэра на поле Ватерлоо; столь же трудно представить себе Дарвина, пишущего письмо Рузвельту о потенциальных опасностях, связанных с атомной бомбой. Кризис творится людьми, которые вступают в него со всеми своими предрассудками, пристрастиями и предубеждениями. Кризис есть сумма промахов, недоумений и интуитивных оза-

рений, совокупность замеченных и незамеченных факторов.

В то же время за неповторимостью любого кризиса скрывается поразительное их сходство друг с другом. Характерная особенность всех без исключения кризисов — их предвидимость в ретроспективе. Кажется, будто им присуща некая неизбежность, будто они предопределены свыше. И хоть это замечание и не относится ко всем кризисам, оно справедливо по отношению к столь значительному их числу, что закаленнейший из историков может стать циником и мизантропом...»

В свете рассуждений Покрана немалый интерес вызывают биографии и характеры тех, кто был вовлечен в историю со штаммом «Андромеда». До «Андромеды» кризисов в биологической науке не было, и первые американцы, столкнувшиеся лицом к лицу с фактами, не были подготовлены к тому, чтобы мыслить приличествующими случаю категориями. Шоун и Крейн были люди способные, но не глубокие, а Эдгар Камроу, дежурный офицер на базе Ванденберг, хотя и был ученым, но тоже оказался неподготовленным и ощутил только раздражение от того, что какая-то непонятная история испортила спокойный вечер.

В соответствии с инструкцией Камроу вызвал своего непосредственного начальника майора Артура Мэнчика, и тут-то вся история приняла другой оборот. Ибо Мэнчик был вполне подготовлен и даже предрасположен к тому, чтобы иметь дело с кризисом самого большого масштаба.

Однако это еще не значит, что он сразу же распознал кризис как таковой.

С лица майора Мэнчика еще не стерлись следы сна; сидя на краешке стола Камроу, он слушал передачу из

фургона в магнитофонной записи. Когда запись кончилась, он сказал:

— Чертовщина какая-то.

И прокрутил все сначала. Пока слушал, успел набить трубку, примять табак и прикурить.

Инженер Артур Мэнчик был немногословным человеком плотной комплекции; транзиторная гипертония грозила вот-вот прекратить его дальнейшее продвижение по армейской служебной лестнице. Много раз ему советовали согнать вес, да только он никак не мог собраться. Он даже подумывал, не бросить ли военную службу и не поступить ли куда-нибудь на частное предприятие, где никто не станет допытываться, какой у сотрудников вес и кровяное давление.

В Ванденберг Мэнчик прибыл из научно-исследовательского института ВВС «Райт Паттерсон» в Огайо. Там он возглавлял эксперименты по отработке методов приземления космических аппаратов — он ставил себе задачей найти оптимальную форму спускаемого аппарата, одинаково безопасную при спуске на сушу и на воду. Мэнчику удалось разработать три многообещающих варианта; его успех был отмечен повышением в должности и переводом в Ванденберг.

И здесь он оказался в ненавистой ему роли администратора. Люди ему наскучили, хитрости управления подчиненными и причуды их характеров не занимали его нисколько. Нередко ему хотелось вернуться к своим аэродинамическим трубам, в институт. Особенно в те ночи, когда его стаскивали с постели, чтобы срочно решить какой-нибудь идиотский вопрос.

Сегодня он был раздражен и взвинчен. И, как всегда, реагировал на подобное состояние по-своему: стал нарочито медлительным, ходил медленно, думал медленно, работал со скучной, обстоятельной неторопливостью. В том и был секрет его успеха. Когда все

вокруг шалели от возбуждения, Мэнчик, казалось, терял последний интерес к происходящему, чуть ли не начинал дремать. Таким хитроумным способом он умудрялся сохранять ясность мысли и объективность суждений.

И теперь, слушая запись во второй раз, он только вздыхал да посасывал трубку.

— Насколько я понимаю, нарушение связи исключено?

Камроу кивнул.

— Мы у себя проверили все системы. Несущую частоту их радиации мы принимаем и сейчас...

Он включил приемник, и комнату наполнило шипение помех.

— Знакомы вы с методом звукопросеивания? — спросил Камроу.

— Смутно, — ответил Мэнчик, подавляя зевоту.

В действительности он сам разработал метод звукопросеивания года три назад. Этот метод позволяет при помощи счетно-решающего устройства отыскать иголку в стоге сена — машине задается соответствующая программа, и она вылавливает из слитных, беспорядочных шумов определенные отклонения от среднего уровня. Можно, например, записать гомон общего разговора на приеме в посольстве, а потом, пропустив запись через ЭВМ, выделить один-единственный голос.

Метод звукопросеивания применяется для различных разведывательных целей.

— Ну, так вот, — сказал Камроу, — после того как передача оборвалась, мы принимаем только несущую частоту с шумами помех, какие вы сейчас слышите. Попробуем теперь выделить из них что-нибудь вразумительное, пропустив частоту через просеиватель и подключив осциллограф...

В углу комнаты светился экран осциллографа, и на нем плясала белая ломаная линия — суммарный уровень шумов.

— Теперь, — сказал Камроу, — включаю ЭВМ. Вот...

Он нажал кнопку на панели, и характер линии на экране тотчас же изменился. Кривая стала спокойнее и равномернее, приобрела ритмичный, пульсирующий характер.

— Так, — произнес Мэнчик. Он сразу расшифровал для себя эту кривую, понял ее значение. Мозг его был уже занят другим, перебирал возможности, взвешивал варианты...

— Даю звук, — предупредил Камроу.

Он нажал другую кнопку, и в комнате зазвучал «просеянный» сигнал — равномерный скрежет с повторяющимися время от времени резкими щелчками.

Мэнчик кивнул:

— Двигатель. Работает на холостых. С детонацией...

— Так точно, сэр. Видимо, рация в фургоне не выключена, и мотор продолжает работать. Именно это мы и слышим, когда сняты помехи...

— Хорошо, — сказал Мэнчик.

Трубка его погасла. Он пососал ее, зажег снова, вынул изо рта, снял с языка табачную крошку.

— Нужно еще доказать... — произнес он тихо, ни к кому не обращаясь.

— Что доказать, сэр?

Мэнчик словно не слышал вопроса.

— У нас на базе есть «Скевенджер»?

— Не знаю, сэр. Но если нет, можно затребовать с базы Эдвардс...

— Затребуйте.

Мэнчик встал. Решение было принято, и он опять почувствовал усталость. Ночь предстояла трудная: не-

престанные звонки, раздраженные телефонистки, скверная слышимость и недоуменные вопросы на другом конце провода...

— Потребуется облет поселка, — сказал он. — Все заснять на пленку. Все кассеты доставить прямо сюда. Объявить тревогу по лабораториям...

Кроме того, он приказал Камроу вызвать технических специалистов, в частности Джеггера. Джеггерс был неженка и кривляка, и Мэнчик его недолюбливал, но знал — Джеггерс хороший специалист. А сегодня понадобятся только хорошие специалисты.

В 23 часа 07 минут Сэмюэл Уилсон, по прозвищу Стрелок, летел над пустыней Мохаве со скоростью 1000 километров в час. Впереди и выше шли ведущие реактивные самолеты-близнецы; выхлопные сопла двигателей зловеще полыхали в черном небе. Ведущие выглядели неуклюже, словно беременные: под крыльями и фюзеляжами у них висели осветительные бомбы.

Самолет Уилсона был другой — гладкий, длинный, черный. «Скевенджер» — их во всем мире было семь — разведывательный вариант модели «Х-18», реактивный самолет среднего радиуса действия, полностью оборудованный как для дневной, так и для ночной разведки. Под крыльями у него были подвешены две 16-миллиметровые камеры: одна — для съемки в видимой части спектра, вторая — для спектрального фотографирования. Кроме того, он был оснащен инфракрасной камерой «Хоманс» и обычной электронной и радиолокационной аппаратурой. Все пленки и пластинки, разумеется, обрабатывались автоматически еще в полете и были готовы для просмотра немедленно по возвращении на базу.

Техническое оснащение «Скевенджеров» позволяло им добиваться почти невозможного. Они могли заснять очертания города при полной светомаскировке и наблюдать за движением отдельных автомашин с высоты 2500 метров. Могли обнаружить подводную лодку на глубине пятьдесят-шестьдесят метров. Могли засечь положение мин в гавани по деформации движения волн и даже получить точные фотоснимки заводов через четыре часа после прекращения там всякой работы, фиксируя остаточные тепловые излучения зданий.

Вот почему «Скевенджер» как нельзя лучше подходил для полета над Пидмонтом глубокой ночью.

Уилсон тщательно проверил оборудование, пробежав пальцами по кнопкам и тумблерам и следя за перемигивающимися зелеными огоньками, которые подтверждали, что все системы исправны.

В наушниках затрещало. Послышался ленивый голос ведущего:

— Подходим к поселку, Стрелок. Видишь его?

Он, сколько мог, подался вперед в своей тесной кабине. Летели они довольно низко, и сначала ничего не было видно, кроме мелькания снега, песка и ветвей юкка. Затем впереди в лунном свете появились очертания домов.

— Вас понял. Вижу.

— Ладно, Стрелок. Дай нам уйти подальше...

Он отстал, увеличив дистанцию между собой и ведущими до одного километра. Они перестраивались в пеленг, чтобы обеспечить визуальную съемку объекта с помощью осветительных бомб. Собственно, необходимости в прямом видении не было — «Скевенджер» мог бы обойтись и без него. Но база Ванденберг требовала собрать всю информацию о поселке, какая только возможна...

Ведущие разошлись в стороны и легли на курсы, параллельно оси улицы.

— Стрелок, ты готов?

Уилсон осторожно накрыл пальцами кнопки камер. Четыре кнопки — четыре пальца, словно на клавишах рояля.

— Готов.

— Заходим...

Ведущие плавно нырнули вниз, к самому поселку. Теперь они шли далеко друг от друга, и, казалось, до земли оставались считанные минуты, когда они сбросили бомбы. При ударе о землю каждая бомба выбросила вверх ослепительно белый шар, и поселок залило неестественно ярким светом, отразившимся от дюралевых тел самолетов.

Ведущие, выполнив свою задачу, взмыли вверх, но Стрелок уже не видел их. Все его внимание, помыслы и чувства сосредоточились на одном — на поселке Пидмонт...

— Цель твоя, Стрелок.

Уилсон не ответил. Он отдал ручку от себя, выпустил закрылки, и самолет мучительно задрожал, падая камнем вниз. Свет заливал песок на сотни метров вокруг. Уилсон нажал на кнопки и скорее ощутил, чем услышал вибрирующий стрекот камер. Падение продолжалось один бесконечный миг, затем он рванул ручку на себя, самолет словно уцепился за воздух, подтянулся и полез в небо. Взгляд Уилсона скользнул вдоль улицы и запечатлел тела, тела повсюду, распростертые на мостовой...

— Ну и ну, — сказал он.

А потом он снова был наверху и все набирал высоту, одновременно разворачивая машину по широкой дуге, чтобы начать второй заход, и стараясь не думать о том, что видел. Одно из первейших правил воздушной разведки — «снимай побольше, размышляй поменьше»; оценивать, анализировать в обязанности пилота не входит. Это дело специалистов — летчики, кото-

рые, слишком интересуются тем, что снимают, обязательно попадают в беду. Чаще всего — гробятся.

Когда самолет вышел на повторный заход, Уилсон старался вовсе не смотреть на землю. Но все же не удержался и взглянул — и опять увидел тела. Фосфорные бомбы уже догорали, внизу стало тусклее и мрачнее. Но тела на улице лежали по-прежнему, они ему не померещились.

— Ну и ну, — повторил он опять. — Вот чертовщина...

Надпись на двери гласила: «Просмотровая Эпсилон». Чуть ниже, красными буквами: «Вход по специальным пропускам». За дверью была комната вроде как для инструктажа, только получше оборудованная: экран во всю стену, перед ним — с десятка железных стульев из гнутых труб с кожаными сиденьями, а у противоположной стены — проектор.

Когда Мэнчик и Камроу вошли, Джеггерс уже поджидал их у экрана. Этот невысокий человечек с упругой походкой энергичным, довольно выразительным лицом отнюдь не принадлежал к числу любимцев базы и тем не менее заслуженно считался мастером дешифровки аэрофотоснимков. Ему доставляло истинное наслаждение разгадывать разного рода маленькие загадки, он был будто создан для такой работы.

Мэнчик и Камроу уселись перед экраном.

— Ну так вот, — сказал Джеггерс, потирая руки, — давайте прямо к делу. Кажется, сегодня у нас есть для вас кое-что интересное... — Он подал знак оператору, застывшему у проектора: — Первую картинку!..

Свет в комнате погас, в проекторе что-то щелкнуло, и на экране возник поселочек среди пустыни, снятый сверху.

— Снимок не совсем обычный, — пояснил Джеггерс. — Из архивов. Сделан два месяца назад с нашего разведывательного спутника «Янос-12». Высота — вы, наверное, помните — 299 километров. Качество снимка превосходное. Не можем только прочесть номерные знаки у автомобилей, но работаем в этом направлении. К будущему году, вероятно, сможем...

Мэнчик поерзал на стуле, но ничего не сказал.

— На экране поселок Пидмонт, штат Аризона, — продолжал Джеггерс. — Жителей — сорок восемь человек. Поселок как поселок, ничего особенного, даже с трехкилометровой высоты. Вот магазин. Бензоколонка — обратите внимание, как отчетливо читаются буквы на рекламной надписи, — и почта. Вот — мотель. Остальное — частные дома. А это церковь... Давайте следующую пленку.

Еще щелчок. На этот раз изображение было темнее, с красноватым оттенком, явно тоже снимок поселка сверху. Контуры зданий казались очень темными.

— Теперь начнем с инфракрасных снимков, сделанных «Скевенджером». На инфракрасной пленке, как вам известно, изображение получается под воздействием тепловых, а не световых лучей. Теплые предметы получаются на пленке светлыми, холодные — темными. Вот, взгляните, здания совсем темные, потому что они холоднее земли. С наступлением ночи здания отдают тепло быстрее...

— А эти белые пятна? — спросил Камроу.

На экране виднелось сорок или пятьдесят белых точек и полосок.

— Это люди, — сказал Джеггерс. — Одни внутри домов, другие на улице. Мы насчитали пятьдесят. В отдельных случаях — вот здесь, например, — ясно видны четыре конечности и голова. А вот этот распластался прямо на мостовой

Он закурил сигарету и указал на белый прямоугольник.

— Здесь, по-видимому, автомобиль. Обратите внимание: с одного конца яркое свечение. Значит, мотор все еще работает, все еще сильно разогрет...

— Фургон, — сказал Камроу. Мэнчик кивнул.

— Теперь вопрос, — сказал Джеггерс, — все ли люди мертвы? Уверенности на этот счет у нас нет. Температура тел не одинакова. Сорок семь из них относительно холодные — значит, смерть наступила некоторое время назад. Три тела теплее. Два из них в машине...

— Наши, — заметил Камроу. — А третий?...

— С третьим посложнее. Вот он, на улице, то ли стоит, то ли лежит, свернувшись клубком. Заметьте, пятно совершенно белое, то есть тело достаточно теплое. Мы определили температуру — около тридцати пяти. Конечно, это немного ниже нормы, но такое понижение температуры кожных покровов может быть связано с сужением периферических сосудов. Ночи в пустыне холодные... Следующий диапозитив!...

На экране появилась еще одна картинка. Мэнчик посмотрел на пятно и нахмурился:

— Оно передвинулось!

— Так точно. Снимок сделан при втором заходе. Пятно переместилось метров на двадцать... Еще картинку!..

Новое изображение.

— Опять передвинулось!

— Именно. Еще на пять-десять метров.

— Значит, кто-то там внизу живой?

— Таков предварительный вывод, — ответил Джеггерс.

Мэнчик прокашлялся.

— То есть это ваше мнение?

— Так точно, сэр. Это наше мнение.

— Что один человек остался в живых и разгуливает среди трупов?

Джеггерс пожал плечами и легонько постучал по экрану.

— Трудно истолковать эти данные как-нибудь иначе, да и...

Вошел солдат с тремя круглыми металлическими коробками в руках.

— У нас есть еще пленки прямой съемки, сэр...

— Прокрутить, — приказал Мэнчик.

Оператор вставил пленку в проектор. Секундой позже в комнату впустили лейтенанта Уилсона.

— Эти пленки я еще не просматривал, — заявил Джеггерс. — Пожалуй, лучше попросим летчика прокомментировать их...

Мэнчик кивнул и бросил взгляд на Уилсона; тот вытянулся и, нервно вытерев ладони о брюки, прошел вперед. Встал у экрана, обернулся и начал монотонно, деревянным голосом:

— Сэр, я прошел над целью сегодня вечером, между 23.08 и 23.13. Сделал два захода, первый с востока, затем с запада. Средняя скорость при съемке — триста сорок километров в час. Высота по скорректированному альтиметру двести сорок километров...

— Постой-ка, сынок, — Мэнчик поднял руку, — ты не на допросе. Рассказывай спокойнее, не торопись...

Уилсон кивнул и сглотнул слюну. Свет в комнате погас, застрекотал проектор. На экране появился поселок, залитый ярким белым сиянием осветительных бомб; эти кадры были сняты с малой высоты.

— Первый заход, — сказал Уилсон. — С востока на запад в 23.08. Снято камерой левого крыла со скоростью 96 кадров в секунду. Прямо по курсу улица...

Он запнулся. Явственно видны были тела. И фуригон, стоящий на улице, — антенна на крыше все еще

медленно вращалась. Когда самолет прошел прямо над фургоном, они заметили шофера, привалившегося к рулю.

— Превосходное качество изображения, — заметил Джеггерс. — Мелкозернистая пленка обладает поразительной разрешающей способностью.

— Уилсон докладывает о своем полете, — напомнил Мэнчик.

— Так точно, сэр, — отозвался Уилсон, чуть поперхнувшись, и вновь уставился на экран. — Я как раз проходил над целью и тут увидел убитых, всех вот этих... Мне тогда показалось, что их человек семьдесят пять...

Голос у него был напряженно тихий.

Изображение на экране исчезло, мелькнули какие-то цифры, потом опять возник поселок.

— Начинаю второй заход, — сказал Уилсон. — Осветительные бомбы уже догорают, и все-таки можно видеть...

— Остановите кадр, — приказал Мэнчик.

Оператор повиновался — изображение на экране застыло. Прямая улица, и на ней тела.

— Прокрутите назад.

Фильм пошел в обратную сторону, будто самолет удалялся с улицы.

— Стоп! Вот он!..

Кадр снова застыл. Мэнчик поднялся, подошел поближе к экрану и пригляделся.

— Посмотрите-ка, — он указал на человека в белой рубаше до колен. Тот стоял и смотрел вверх, на самолет. Старик с морщинистым лицом и широко раскрытыми глазами. — Что вы на это скажете?..

Джеггерс тоже подошел поближе. Сдвинул брови.

— Прокрутите ролик чуточку вперед...

Изображение ожило, и они отчетливо увидели, как человек повернул голову, провожая глазами пролетающий самолет.

— Теперь назад...

Фильм пошел назад. Джеггерс усмехнулся:

— Похоже, что он жив, сэр...

— Вот именно, — резко сказал Мэнчик. — Несомненно жив...

Он встал и пошел к двери. На пороге приостановился и сообщил, что на базе объявляется чрезвычайное положение, всему персоналу надлежит оставаться на своих местах до особого распоряжения, всякие телефонные разговоры и другие контакты с внешним миром прекращены, а все только что увиденное на экране объявляется секретным.

Выйдя в коридор, он зашагал к Центру управления. Камроу последовал за ним.

— Позвоните генералу Уилеру, — распорядился Мэнчик, — и передайте ему, что я ввел чрезвычайное положение, не ожидая санкции, и прошу его немедленно прибыть на базу...

По уставу объявлять чрезвычайное положение имел право только командир базы.

— Может, лучше вам самому доложить? — спросил Камроу.

— У меня других забот хватает, — отрезал Мэнчик.

4. Тревога

Артур Мэнчик вошел в маленькую звуконепроницаемую кабину и сел за столик у телефона. Он точно знал, что собирается предпринять, — правда еще не понял до конца, зачем.

Как один из старших офицеров, ведающих программой «Скуп», Мэнчик с год назад был ознакомлен с программой «Лесной пожар». Пояснения им давал

тогда коренастый человек с сухой и точной манерой речи — профессор какого-то университета. Подробности Мэчик позабыл, помнил только, что где-то находится какая-то лаборатория и группа из пяти ученых, которых можно вызвать туда по тревоге. Задача группы — исследование вземных форм жизни в случае, если они будут занесены американскими космическими аппаратами, вернувшимися на Землю.

Имена этих пяти Мэнчику не называли, но он знал, что для их вызова есть специальный прямой провод министерства обороны. Подключиться к прямому проводу можно, набрав определенный условный номер в двоичном исчислении. Он полез в карман за бумажником, порылся там и вытащил карточку, которую передал ему тогда профессор:

**В случае пожара
оповестить подразделение 87**

Звонить только при чрезвычайных обстоятельствах

Он уставился на карточку и задумался: что же произойдет, когда он наберет двоичный эквивалент числа 87? С кем ему придется говорить? Или кто-нибудь ему позвонит? А может, будут проверять, уточнять, докладывать высшему начальству?

Он протер глаза, взглянул на карточку еще раз и пожал плечами. Так или иначе, сейчас он все узнает. Вырвал листок из блокнота, лежавшего рядом с телефоном, и принялся писать цифры.

Основа двоичной системы исчисления — 2, введенное в какую-либо степень. Два в нулевой степени — единица, два в первой — два, два в квадрате — четыре, и так далее.

Мэнчик обратился к двоичному коду, предназначенному для ЭВМ, которые пользуются этим простейшим языком: «Включено» — «Выключено», «Да» — «Нет». Один математик сострил как-то, что двоичные числа — это способ счета, придуманный людьми, у которых на каждой руке всего по одному пальцу. А по существу это перевод обычных чисел, выраженных в десятичной системе с помощью девяти значащих цифр, в систему, имеющую всего две цифры: 1 и 0.

Мэнчик закончил пересчет, посмотрел на выписанные им цифры и проставил черточки: 1-010-111. Вполне правдоподобный телефонный номер. Он снял трубку и набрал этот номер.

Часы показывали ровно полночь.

ПИДМОНТ

5. Ночь и утро

Все было в полной готовности! Кабели, шифровальные устройства, телетайпы дремали в ожидании долгих два года. Но достаточно было одного звонка Мэнчика — и машина пришла в движение.

Когда он кончил набирать номер, послышалось несколько щелчков, затем низкий жужжащий звук, означавший, как он знал, что вызов переключен на одну из линий шифрованной связи. Через несколько секунд жужжание прекратилось, и раздался голос:

— Разговор записывается на пленку. Назовите вашу фамилию, изложите сообщение и повесьте трубку.

— Докладывает майор Мэнчик, база ВВС Ванденберг, Центр управления программой «Скуп». Считаю необходимым объявить тревогу по режиму «Лесной пожар». Располагаю данными визуальных наблюдений, подтверждающими чрезвычайное происшествие. База по соображениям безопасности изолирована...

Он говорил, а самому ему все это представлялось просто невероятным. Даже магнитофонная лента — и та ему не поверит. Он еще долго сидел с трубкой

в руке, почему-то ожидая ответа. Но ответа не было, лишь щелчок, оповестивший, что линия автоматически отключилась. Трубка безмолствовала, он положил ее на рычаг и вздохнул. Он сделал все, как положено, но не получил ни малейшего удовлетворения.

Мэнчик полагал, что в самые ближайшие минуты его вызовут из Вашингтона, что в ближайшие часы звонки посыплются один за другим, и не отходил от телефона. Но никаких звонков не было; не мог же он знать, что дал толчок автоматическому процессу, независимому от человека. Раз объявленная, тревога по программе «Лесная тревога» протекала строго по плану, и отменить ее можно было не ранее чем через двенадцать часов.

Не прошло и десяти минут, как станции шифрованной связи особой секретности приняли следующее сообщение:

Включено

совершенно секретно

код CBW 9/9/234/435/6778/900

координаты дельта 8997

следует текст

объявлена тревога режиму лесной пожар повторяем

объявлена тревога лесной пожар компетенция

НАСА — медслужба армии — совет нацбезопасности

режим всупает в действие немедленно

дополнительные указания

прессе не сообщать

возможно применение директивы 7—12

состояние тревоги до особого распоряжения

конец

Сообщение это передавалось автоматически. Все до строчки, включая указания относительно прессы и возможного применения директивы 7—12, было предусмотрено заранее, и теперь, после звонка Мэнчика, начало проводиться в жизнь.

Через пять минут последовала еще одна телеграмма, в которой были названы члены группы «Лесной пожар»:

Включено

совершенно секретно

код CBW 9/9/234/435/6778/900

следует текст

следующие американские граждане мужского пола переводятся на положение зет каппа допуск совершенно секретным работам подтверждается фамилии следуют

стоун джереми

ливитт питер

бертон чарлз

кристиансенкрик оставить данную строку

вычеркнуть

читать

керк кристиан

холл марк

перечисленные лица переводятся на положение зет каппа до особого распоряжения

конец

Предполагалось, что эта телеграмма также имеет совершенно служебный характер; назначение ее было — назвать фамилии пяти лиц, переводимых на положение «зет каппа» — кодовое наименование особого допуска. Но, к несчастью, машина неправильно напечатала одно из имен и затем не передала все сообще-

ние повторно. (Если телетайп на секретной линии связи допускает ошибку, все сообщение полагалось передать заново либо перечитать на ЭВМ, чтобы установить, каков же его точный смысл.)

Поэтому телеграмма вызвала сомнение в ее достоверности. В Вашингтоне и кое-где еще пригласили специалистов по ЭВМ для подтверждения правильности сообщения методом так называемого обратного прослеживания. Вашингтонский специалист высказал на этот счет серьезные опасения, поскольку телетайп допустил еще и другие мелкие ошибки. И привело все это к тому, что допуски получили лишь первые двое по списку, а остальные — нет, впредь до надлежащего подтверждения.

Элисон Стоун устала. В доме на склоне холма, откуда открывалась панорама Стэнфордского университетского городка, она и ее муж, профессор бактериологии, принимали сегодня гостей — пятнадцать супружеских пар, и все засиделись допоздна. Миссис Стоун была раздосадована: она выросла в официальном Вашингтоне, где вторая чашка кофе, предложенная подчеркнуто без коньяка, воспринималась гостями как сигнал расходиться по домам. К несчастью, — сокрушалась она про себя — ученые не сильны в правилах хорошего тона. Вторую чашку кофе она подала часа полтора, а то и два назад, а они все еще сидели...

Было около часу ночи, когда у входной двери раздался звонок. Она открыла и с удивлением увидела у порога двух военных. Ей показалось, что они взволнованны и смущены, и она решила, что они заблудились — по ночам машины часто плутали в этих жилых районах, застроенных частными особняками...

— Чем могу помочь?

— Извините за беспокойство, мадам, — вежливо сказал один из них. — Здесь проживает доктор Джереми Стоун?

— Да, — ответила она, слегка нахмурясь. — Здесь...

За спинами военных, на дороге, она заметила синюю армейскую машину. Около нее стоял третий человек, и в руках у него поблескивало что-то такое...

— Он что, с оружием? — спросила миссис Стоун.

— Мадам, — сказал военный, — будьте так добры, нам немедленно нужен доктор Стоун.

Все это, право же, было странно, и ей почему-то стало не по себе. Выглянув за дверь, она увидела еще одного, четвертого человека, который подходил к особняку, заглядывая в окна. В бледном свете, падавшем из окна на газон, она ясно увидела в руках у четвертого карабин.

— Что за представление?

— Мадам, мы не хотели бы тревожить ваших гостей. Будьте любезны вызвать доктора Стоуна сюда...

— Право, не знаю...

— Иначе нам придется зайти самим.

Миссис Стоун поколебалась, но сказала:

— Подождите минутку...

Она отступила на шаг и попыталась закрыть дверь, но один из военных уже проскользнул в прихожую. Он встал у самой двери, прямой и корректный, фуражка в руке.

— Я подожду здесь, мадам, — заявил он и даже улыбнулся.

Она вернулась к гостям, стараясь делать вид, будто ничего особенного не случилось. В комнате было шумно и сильно накурено; все шутили, спорили, смеялись. Джереми она нашла в углу, где толковали

о последних беспорядках. Тронув его за плечо, отвела от собеседников.

— Это, может, и нелепо, — сказала Элисон, — но гам, в прихожей, тебя спрашивает какой-то в форме, и еще один стоит снаружи у дверей, а двое вооруженных бродят вокруг дома. Они утверждают, что им надо повидать тебя...

Стоун как будто удивился, но тут же кивнул:

— Сейчас я с ними разберусь...

Она обиделась: он вел себя так, словно ждал этого визита.

— Ну, знаешь, если тебе было что-то известно заранее, мог бы по крайней мере предупредить...

— Не мог, — перебил он. — Объясню потом...

Он вышел в прихожую, к военному. Элисон за ним.

— Я доктор Стоун.

— Капитан Мортон, — представился военный, хотя руки и не подал. — Пожар, сэр...

— Понятно, — сказал Стоун. Бросил взгляд на свой вечерний костюм. — Я успею переодеться?

— Боюсь, что нет, сэр.

К своему изумлению, Элисон увидела, как муж согласно кивнул:

— Понятно.

Он повернулся к ней и добавил:

— Придется мне уехать...

Лицо его не выражало ровным счетом ничего, и от этого происходящее становилось похожим на кошмар. Она недоумевала, ей стало страшно.

— Когда ты вернешься?

— Не знаю. Через неделю, через две. А может, позже...

Она старалась говорить тихо, но не могла овладеть собой.

— Что это все-таки значит? Ты арестован?

— Да нет, — ответил он, усмехнувшись. — Ничего подобного. Ты там извинись за меня перед гостями, хорошо?..

— Но эти люди, они с ружьями...

— Миссис Стоун, — вмешался военный, — на нас возложена задача охранять вашего мужа. С этой минуты с ним ничего не должно случиться...

— Вот именно, — сказал Стоун. — Видишь, я неожиданно стал важной персоной...

Он еще раз улыбнулся странной, вымученной улыбкой и поцеловал ее. И не успела она до конца осознать, что происходит, как он уже вышел на улицу: капитан Мортон — справа, второй военный — слева. Третий, с карабином, безмолвно пристроился сзади; человек у машины отдал честь и распахнул дверь.

Вспыхнули фары, дверца захлопнулась, машина дала задний ход, развернулась и исчезла в ночи. Миссис Стоун все стояла у порога, пока один из гостей не подошел и не спросил:

— Элисон, что с вами?

Она нашла в себе силы улыбнуться и ответить:

— Да нет, ничего. Джереми пришлось срочно уехать. Вызвали в лабораторию: опять какой-то затяжной эксперимент и что-то там не получается...

Гость покачал головой и сказал:

— Жаль. У вас сегодня было так славно...

Стоун откинулся на сиденье и пристально взглянул на военных. Лица у них были по-прежнему непроницаемо спокойны.

— Что у вас есть для меня? — спросил он.

— Для вас, сэр?..

— Да, черт побери. Что вам для меня передали?

Что-нибудь должны были передать.

— Ах да, сэр.

Ему вручили тоненькую папку. На темной обложке было выведено по трафарету: «Программа „Скуп”. Краткие сведения».

— Это все?

— Все, сэр.

Стоун вздохнул. О программе «Скуп» он никогда до этого дня не слышал; придется проштудировать папку самым тщательным образом. В машине слишком темно. Впрочем, время для чтения будет потом, в самолете. Он стал припоминать события последних пяти лет, начиная с того довольно необычного симпозиума на Лонг-Айленде и выступления коротышки-англичанина, который, если разобраться, положил всему этому начало.

Летом 1962 года на Десятом биологическом симпозиуме, состоявшемся в Коулд-спринг Харбор на острове Лонг-Айленд, выступил английский биофизик Дж. Меррик. Доклад его назывался «Частоты биологических контактов в соответствии с вероятностями видообразования». Меррик слыл бунтарем, не признающим авторитетов, и пользовался репутацией человека, не отличающегося особой ясностью мышления; недавний его развод и присутствие на симпозиуме яркой блондинки-секретарши лишь упрочили подобную репутацию. Представленный им доклад не вызвал сколько-нибудь серьезного обсуждения, мало кого заинтересовали и основные его идеи, сжато резюмированные в заключительной части следующим образом:

«Итак, мы установили, что вероятность первого контакта с внеземной жизнью предопределяется вероятностями видообразования. Неоспорим тот

факт, что сложных организмов на Земле мало, а простые чрезвычайно многообразны. Существуют миллионы видов бактерий и тысячи видов насекомых; однако приматы представлены очень небольшим числом видов, а человекообразные обезьяны — всего четырем. И наконец, человек представлен лишь одним-единственным видом.

Аналогичная закономерность проявляется и в отношении численностей отдельных видов. Простые существа встречаются неизмеримо чаще, чем сложные организмы. На Земле живет три миллиарда человек и нам представляется, что это очень много, пока мы не вспомним, что обыкновенная колба может вместить бактерий в десять и даже в сто раз больше.

Все доступные нам данные о происхождении жизни указывают на эволюционное развитие от простых форм жизни к сложным. Это положение справедливо для Земли, справедливо оно, по-видимому, и для всей Вселенной. Шепли, Мерроу и другие авторы подсчитали число планет в ближайших к нам областях Вселенной, на которых возможна жизнь. Мои расчеты, приведенные выше, касаются относительной распространенности во Вселенной организмов различных видов.

Цель, которую я себе поставил, заключается в определении вероятности контакта человека с другими формами жизни. Вероятности эти воспроизводятся в следующей таблице:

ФОРМЫ ЖИЗНИ	ВЕРОЯТНОСТЬ СОПРИКОСНОВЕНИЯ
Организмы одноклеточные или еще меньшего размера (чистая генетическая информация)	0,784

Организмы многоклеточные, простые	0,194
Организмы многоклеточные, сложные, но не обладающие развитой первой системой	0,014
Организмы многоклеточные с развитыми системами органов, включая нервную систему	0,0078
Организмы многоклеточные с нервной системой, способной перерабатывать информацию высокой сложности (на уровне возможностей человека)	0,0002
Итого	1,0000

Исходя из вышеуказанных соображений, я прихожу к выводу, что первым соприкосновением человека с внеземной жизнью будет контакт с организмами, если не идентичными земным бактериям или вирусам, то сходными с ними. Последствия такого контакта внушают серьезные опасения, если принять во внимание, что три процента всех видов земных бактерий способны оказывать то или иное вредное воздействие на человека».

Далее сам Меррик признал возможным, что первым таким контактом станет контакт с бактериями чумы, завезенными с Луны первыми космонавтами, которые там побывают. Это предложение сильно позабавило собравшихся ученых.

Джереми Стоун относился к тем немногим, кто воспринял идеи Меррика всерьез. В свои тридцать шесть лет Стоун был, вероятно, самым известным из участников симпозиума. Уже шесть лет он возглавлял кафедру бактериологии в Стэнфорде, а незадолго до симпозиума удостоился Нобелевской премии.

Список научных достижений Стоуна, не считая даже серии экспериментов, за которую ему присудили Нобелевскую премию, поразителен. В 1955 году он был первым, кто применил особый метод подсчета бактериальных клеток в культуре. В 1957 году разработал интересный метод получения чистых суспензий. В 1960 году опубликовал принципиально новую теорию действия оперонов у *E. coli* и *S. tabuli* и получил данные относительно физической природы индукторов и репрессоров. Его работа о линейных вирусных превращениях, опубликованная в 1958 году, положила начало новым направлениям научных исследований, развитым, в частности, учеными Пастеровского института, которые в дальнейшем, в 1966 году, получили за эти исследования Нобелевскую премию.

Сам Стоун стал нобелевским лауреатом в 1961 году за работу в области мутантных реверсий бактерий — работу эту он выполнил в свободное время, еще когда был двадцатишестилетним студентом юридического факультета Мичиганского университета.

Самое значительное свойство Стоуна как личности проявилось, наверное, в том, что, будучи еще студентом-правоведом, он написал работу на уровне нобелевских стандартов, показав поистине необычайную широту и глубину интересов. Как сказал один из его друзей, «Джереми знает все, а всем остальным увлекается». Уже случалось, что его сравнивали и с Эйнштейном, и с Бором как человека, обладающего и совестью ученого, и широтой взглядов, и пониманием значения событий...

Стоун был худощав и лысоват; он отличался феноменальной памятью, которая с равной легкостью хранила как научные факты, так и непристойные анекдоты. Но наиболее характерной чертой Стоуна был

витавший вокруг него дух нетерпения: у всех, кто общался с ним, обязательно возникало чувство, что они заставляют его попусту тратить драгоценное время. Он имел отвратительную привычку перебивать собеседников и обрывать разговор на полуслове, привычку, от которой безуспешно пытался избавиться. Держался он высокомерно, и если добавить к этому присуждение Нобелевской премии в молодом возрасте да еще скандальные события его личной жизни — он был женат четыре раза, в том числе дважды на женах своих коллег, — то отнюдь не удивительно, что окружающие не пылали любовью к нему.

Однако именно Стоун в начале 60-х годов пробился в правительственные круги в качестве одного из ходатаев от лица «новой науки». Роль эту он воспринимал с шутливой покорностью — «вакуум жаждет, чтоб его заполнили раскаленным газом», как он сам выразился однажды, — но в действительности оказывал значительное влияние на ход событий.

К началу 60-х годов Америка волей-неволей пришла, наконец, к пониманию того, что она обладает значительным комплексом научных учреждений. По сравнению с Европейским Экономическим Сообществом ученых в США было больше в четыре раза, а денег они тратили больше в семь раз. Львиная доля этих денег поступала прямо или косвенно от конгресса, и конгрессу очень нужны были люди, способные дать толковый совет, как их лучше истратить.

В 50-е годы все крупнейшие советники были физиками: Теллер и Опенгеймер, Брэкмен и Уайднер. Но десять лет спустя, когда биология стала привлекать гораздо больше средств и внимания, выделилась новая группа во главе с Дибэйки в Хьюстоне, Фармером в Бостоне, Хеггермэном в Нью-Йорке и Стоуном в Калифорнии.

Выдвижению Стоуна помогли многие обстоятельства: престиж нобелевского лауреата, политические связи, поддержка его последней жены — дочери Томаса Уэйна, сенатора из штата Индиана, — и, наконец, его юридическое образование. Все это, вместе взятое, привело к тому, что Стоун неоднократно выступал перед разными вконец запутавшимися сенатскими подкомитетами и получил немалую власть, какой наделены особо доверенные советники.

Эту власть он использовал в полной мере при проведении научно-исследовательских и строительных работ по программе «Лесной пожар».

Стоун заинтересовался выводами Меррика — ведь они были созвучны его собственным идеям. Идеи эти были изложены в короткой статье под заголовком «Стерилизация космических аппаратов», опубликованной в журнале «Сайенс», а затем перепечатанной в английском журнале «Нейчур». Стоун исходил из той посылки, что угроза бактериального заражения при космических исследованиях — угроза двусторонняя и что защита от нее также должна быть двусторонней.

До статьи Стоуна предметом научного обсуждения служила в основном лишь опасность, угрожающая другим планетам от спутников и космических зондов, которые могут нечаянно занести туда земные микроорганизмы. Подобная возможность учитывалась уже на заре американских космических исследований, и к 1959 году в НАСА были введены строгие правила стерилизации космических аппаратов перед запуском.

Целью введения этих правил было предотвратить загрязнение других миров. Ведь если на зонде, запускаемом к Марсу или Венере в поисках новых форм жизни, окажутся земные бактерии, весь эксперимент неизбежно будет сорван.

Стоун рассмотрел ситуацию, противоположную по характеру. Он указал, что в равной мере вероятно и другое: заражение Земли внеземными организмами через посредство космических зондов. Аппараты, сгорающие при вхождении в плотные слои атмосферы, никакой опасности не создают, но любая «мягкая» посадка — как пилотируемых кораблей, так и зондов наподобие спутников «Скуп» — меняет положение коренным образом. Тут, указывал Стоун, опасность внеземного заражения становится очень серьезной.

Статья его вызвала кратковременный, но быстро угасший интерес. «Я надеялся на большее», — признался он впоследствии. Поэтому в 1963 году он сколотил неофициальную семинарскую группу, которая дважды в месяц собиралась в комнате 410 на верхнем этаже биохимического корпуса Стэнфордского медицинского института позавтракать и поспорить о проблеме заражения извне. Именно эта группа из пяти человек — Стоун и Джон Блэк из Стэнфорда, Сэмюэл Холден и Терренс Лиссет из Калифорнийского медицинского института и Эндрю Вайс с биофизического факультета университета в Беркли — составила позже первое ядро программы «Лесной пожар». В 1965 году они направили президенту петицию, намеренно копирующую известное письмо Эйнштейна Рузвельту относительно атомной бомбы.

*Стэнфордский уни-
верситет
Пало-Альто, штат
Калифорния
10 января 1965 года*

*Президенту Соединенных Штатов
Белый дом
1600, Пенсильвания-авеню*

Вашингтон, округ Колумбия

Уважаемый господин президент!

Теоретические работы последнего времени указывают на то, что меры стерилизации космических аппаратов, возвращаемых на Землю, могут оказаться недостаточными для обеспечения стерильности аппаратов при вхождении в земную атмосферу. Вследствие этого существует потенциальная опасность привнесения болезнетворных организмов в существующую земную экологическую структуру.

По нашему мнению, полностью удовлетворительной стерилизации космических зондов и пилотируемых аппаратов, возвращаемых на Землю, достичь невозможно. Проведенные нами расчеты свидетельствуют, что даже если аппараты будут подвергаться стерилизации в космическом пространстве, то и тогда вероятность заражения все еще составит одну десятитысячную, если не более. Эти расчеты основаны на данных об известных нам формах организованной жизни; другие формы жизни могут быть устойчивы к любым методам стерилизации.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем необходимым безотлагательно создать научный комплекс, способный бороться с внеземными формами жизни, если таковые будут случайно привнесены на Землю. Указанный комплекс преследовал бы двоякую цель: ограничить распространение чуждой формы жизни и обеспечить лабораторное ее исследование и анализ с целью защиты земной жизни от ее вредного воздействия.

Мы рекомендуем расположить указанный комплекс в ненаселенном районе Соединенных Штатов, разместить его под землей, оснастить всеми известными современной науке средствами герметиза-

ции и, наконец, предусмотреть в нем ядерное устройство самоликвидации на случай какого-либо чрезвычайного происшествия. Насколько нам известно, никакая форма жизни не в состоянии выдерживать температуру в два миллиона градусов, возникающую при ядерном взрыве.

С искренним уважением

*Джереми Стоун, Джон Блэк, Сэмюэл Холден,
Терренс Лиссет, Эндрю Вайс.*

Реакция на письмо была обнадеживающе скорой. Через двадцать четыре часа Стоуну позвонил один из советников президента, а на следующий день он вылетел в Вашингтон для встречи с президентом и членами Совета Национальной Безопасности. Спустя две недели пришлось лететь и в Хьюстон, чтобы обсудить дальнейшие планы с представителями НАСА.

Правда, раз или два, как вспоминает Стоун, ему доводилось слышать шуточки насчет «дурацкой затеи — вытрезвителя для козьяков», но большинство ученых, с которыми он говорил, отнеслось к его проекту благоприятно. Через месяц неофициальная группа Стоуна получила законные права Комитета по изучению проблемы заражения извне и выработке соответствующих рекомендаций.

Комитет был занесен в список мероприятий по перспективным исследованиям (СМПИ) Министерства обороны Соединенных Штатов и субсидировался по линии этого министерства. В это время СМПИ содержал в основном физические и химические исследования: по ионным распылителям, реверсивному дублированию, пи-мезонным субстратам, однако постепенно министерство обретало интерес и к биологическим вопросам. Например, одна из групп, включенных в СМПИ, разрабатывала методику электронного зон-

дирования мозговой деятельности (а честно говоря, методику управления мышлением); другая группа исследовала возможности биосинергии, то есть совместного существования человека и машин, вживленных в его организм; третья оценивала результаты «проекта Озма» — поиска внеземных цивилизаций, проводившегося в 1961—1964 годах. Была еще четвертая группа — она занималась предварительной разработкой конструкции машины, которая могла бы выполнять все человеческие функции и была бы способна к самовоспроизведению.

Все эти исследования имели сугубо теоретический характер, и возглавляли их довольно известные ученые. Внесение в СМПИ гарантировало определенные, весьма значительные права, а главное — деньги для проведения расширения экспериментов.

И вот, как только комитет во главе со Стоуном представил предварительный набросок «Методики анализа жизни», где подробно излагались способы изучения любых возможных жизненных форм, Министерство обороны тут же выделило 22 миллиона долларов на строительство специальной изолированной лаборатории. (Выделение столь значительной суммы объяснялось и тем, что полученные здесь результаты могли иметь значение для ряда других, уже начатых разработок. В 1965 году все проблемы стерилизации и борьбы против заражения представлялись первостепенно важными. НАСА, например, начало строительство «приемной лунной лаборатории» для космонавтов кораблей «Апполон», которые могут занести с Луны на Землю вредные для человека бактерии или вирусы. Каждый, кто побывал на Луне, должен подвергнуться в этой лаборатории трехнедельному карантину до полного завершения дезинфекции. Были и другие смежные и весьма важные проблемы — создание

«сверхчистых» цехов промышленности, где требовалось свести содержание пыли и микробов в воздухе к предельному минимуму, и «стерильных камер» — их проектировали в Национальном институте здравоохранения в Бетесде. Предполагалось, что в будущем обеспечение асептической среды, «острова жизни» и системы поддержания стерильности приобретут еще большее значение, и средства, выделенные Стоуну, рассматривались как надежное капиталовложение во все эти начинания).

А как только появились деньги, за строителями дело не стало, и в 1966 году лаборатория «Лесной пожар» во Флэтроке, штат Невада, была закончена. Авторами проекта выступили конструкторы-кораблестроители из отдела электрокораблей компании «Дженерал дайнэмикс» — фирма эта накопила солидный опыт проектирования жилых отсеков на атомных подводных лодках, где людям приходилось жить и работать по многу месяцев подряд.

По проекту лаборатория представляла собой пятиэтажное подземное сооружение конусообразной формы. Каждый этаж, иначе — уровень, представлял собой кольцо; посредине — вертикальный сердечник-шахта, где размещались кабели, трубопроводы, лифты. Каждый последующий уровень более стерилен, чем предыдущий: первый сверху — нестерилен, второй — умеренно стерилен, и так далее. Перемещение с уровня на уровень жестко контролировалось; персонал, прежде чем подняться или спуститься, должен был всякий раз проходить целый ряд дезинфекционных и карантинных процедур.

Когда лаборатория была построена, оставалось одно — подобрать группу ученых, которые были бы готовы по первому сигналу приняться за изучение чуждых Земле организмов. Из многих возможных кандидатов в состав

группы тревоги по программе «Лесной пожар» были отобраны пять человек, включая самого Джереми Стоуна. Все пятеро согласились в случае биологической тревоги считать себя немедленно мобилизованными.

Не прошло и двух лет после письма президенту, а Стоун уже мог с полным правом сказать, что его страна «теперь способна справиться с любым неведомым биологическим врагом». Он делал вид, что крайне польщен тем, с какой готовностью правительство откликнулось на его предложения и с какой поспешностью претворило их в жизнь. Однако в узком кругу друзей он признался, что все получилось до странности легко, что слишком уж быстро согласился Вашингтон с его планами.

Стоун не знал и не мог знать, что скрывалось за готовностью Вашингтона, не догадывался, что многие правительственные деятели крайне заинтересованы в постановке и решении этой проблемы. Ибо до той ночи, когда Стоун покинул своих гостей и укатил в синем военном лимузине, он понятия не имел о программе «Скуп».

— Эта пташка — самая быстрая, какую мы сумели найти, сэр, — сказал военный.

Стоун вошел в самолет, смущенный нелепостью происходящего. Огромный «Боинг-727» был совершенно пуст; ряды незанятых кресел уходили куда-то далеко к хвосту.

— Если хотите, садитесь в первом классе, — предложил военный, усмехнувшись. — Нам все равно...

И ушел. Стюардессы в самолете не было; вместо нее явился хмурый солдат военной полиции с пистолетом на боку. Он встал, вытянувшись у двери. Двигатели вздрогнули и тихо взвыли в ночи.

Стоун откинулся в кресле, разложил на коленях папку с материалами по программе «Скуп» и стал читать. Вскоре он заинтересовался и пробежал страницу за страницей так быстро, что солдат решил: пассажир просто перелистывает подшивку от нечего делать. Стоун между тем не пропускал ни слова.

Программа «Скуп» была детищем генерал-майора Томаса Спаркса, начальника Управления химического и биологического оружия медицинской службы американской армии. Спаркс руководил исследованиями по этим видам оружия, проводимыми в Форт-Детрике, штат Мэриленд, в Харлее, штат Индиана, и в Дагуэе, штат Юта. Стоун видел Спаркса раз или два и помнил лишь, что тот человек обходительный, носит очки и выглядит совсем не так, как можно бы ожидать от персоны, занимающей подобный пост.

Теперь, читая материалы, Стоун узнал, что контракт на разработку спутников «Скуп» был заключен с лабораторией реактивных двигателей при Калифорнийском технологическом институте в Пасадене в 1963 году. Было объявлено, что цель программы «Скуп» — сбор живых организмов, могущих существовать в верхних слоях атмосферы, иными словами, в ближней зоне космического пространства. На деле это была армейская программа, хотя финансировалась она через Национальное управление аэронавтики и космических исследований — организацию якобы гражданской. Фактически же НАСА — учреждение правительственное, притом весьма загруженное чисто военными заказами: в 1963 году 43 процента работ, проводившихся по его заказам, были засекречены.

Формально лаборатория реактивных двигателей проектировала спутник для вывода к нижним границам космического пространства, сбора микроорганизмов и пыли и последующего их изучения. Программа считалась чисто научной, затеянной чуть ли не любо-

пытства ради, — именно так расценивали ее все ученые, которые были с ней связаны.

Истинные цели программы «Скуп» были, однако, совершенно иными. «Скуп» предназначался для обнаружения таких новых форм жизни, которые могли бы пригодиться Форт-Детрику; короче говоря, это была программа, рассчитанная на открытие новых видов бактериологического оружия.

Форт-Детрик в штате Мэриленд — беспорядочная группа зданий, разбросанных на площади 500 гектаров — строился специально для разработки новых химических и биологических средств ведения войны. Установки и приборы, собранные здесь, оцениваются в 100 миллионов долларов — это один из самых крупных исследовательских центров в Соединенных Штатах. Только 15 процентов проведенных здесь работ освещаются в открытых научных журналах, остальное засекречено, как и все исследования в Харлее и Дагуэе. Харлей представляет собой сверхсекретное учреждение, занимающееся главным образом вирусам; за последние десять лет там выведены многие «новинки», начиная со штамма под кодовым наименованием «Керри Нейшн» (тяжелые расстройства пищеварения) и кончая штаммом «Арнольд» (судороги и смерть). Испытательный полигон Дагуэй в штате Юта, размерами больше целого штата Род-Айленд, используется для испытания отравляющих веществ типа «Табун», «Склар» и «Кафф-11».

Стоун знал — не многие американцы представляют себе, какого размаха достигли в США военные химико-биологические приготовления. Сумма правительственных расходов на разработку химического и бактериологического оружия превышает 500 миллионов долларов в год. Значительная доля этой суммы распределяется между такими академическими центрами,

как Университет Джона Гопкинса в Пенсильвании и Чикагский университет. Договоры на исследования в области вооружений маскировались здесь нарочито туманными формулировками. Правда, иногда туман чуть-чуть рассеивался. Например, в Университете Джона Гопкинса выполняли программу «сравнительного изучения существующих или потенциально возможных болезней, представляющих интерес для ведения биологической войны, и изучения некоторых химических и иммунологических реакций на отдельные анатоксины и вакцины».

За последние восемь лет о работах, проведенных в Университете Джона Гопкинса, в открытую печать не просочилось ни слова. Результаты, полученные в некоторых других университетах, например, в Чикаго и Лос-Анджелесе, изредка печатались, но военное ведомство рассматривало эти публикации как «пробные шары», предназначенные прежде всего для устрашения иностранных наблюдателей. Классическим примером такого рода была статья Тендрона и еще пяти авторов, озаглавленная «Исследование токсина, быстро прерывающего окислительное фосфорилирование путем абсорбции через кожу». В статье описывался, но не назывался яд, который впитывается через кожу и убивает человека менее чем за минуту. И открыто признавалось, что это еще относительно мелкое «достижение» по сравнению с другими ядами, разработанными за последнее время.

При таких затратах сил и средств, казалось бы, можно ожидать, что с каждым годом будут появляться все новые, все более и более смертоносные виды химико-бактериологического оружия. Однако за пятилетие с 1961 по 1965 год этого не наблюдалось, и сенатский подкомитет по военной готовности еще в 1961 году пришел к выводу, что в этой области «обычные методы

научных исследований уже почти исчерпали себя» и что надо «искать новые методы и пути решения проблем».

Именно так и поступил генерал Томас Спаркс, принимаясь за программу «Скуп».

В своем окончательном виде программа «Скуп» была рассчитана на запуск семнадцати спутников, предназначенных для сбора и доставки на Землю внеземных организмов. Стоун прочитал краткие отчеты по уже состоявшимся полетам.

«Скуп-1», позолоченный конус весом около 17 килограммов, был запущен 12 марта 1966 года с базы ВВС Ванденберг в Калифорнии. Ванденберг используется, как известно, для запусков в направлении с запада на восток в отличие от мыса Кеннеди, где старты ориентированы в обратном направлении — с востока на запад; кроме того, на базе Ванденберг в отличие от мыса Кеннеди легче сохранить все в тайне...

«Скуп-1» шесть дней находился на орбите искусственного спутника Земли, а потом был благополучно посажен в болото близ местечка Атенс в штате Джорджия. Но в контейнере спутника оказались, увы, лишь самые обыкновенные земные бактерии.

«Скуп-2» из-за неполадок с приборами сгорел при вхождении в плотные слои атмосферы. «Скуп-3» тоже сгорел, хотя и был защищен новейшей слоистой пластико-вольфрамовой теплоизоляцией.

«Скуп-4» и «Скуп-5» сели в целости и сохранности, первый в Индийском океане, второй в предгорьях Аппалачей, но ни тот, ни другой не доставили на Землю никаких принципиально новых микроорганизмов. В контейнерах была обнаружена лишь безвредная разновидность *S. albus*, распространенного представителя микрофлоры человеческой кожи. После всех этих неудач пришлось решительно улучшить процедуру стерилизации спутников перед запуском.

«Скуп-6» вышел на орбиту в первый день нового 1967 года. Этот спутник воплотил в себе все возможные усовершенствования, при конструировании его учли все уроки предыдущих запусков, и на него возлагались огромные надежды. Спустя одиннадцать дней он приземлился в Индии, неподалеку от Бомбея. В обстановке строжайшей тайны тридцать четвертая авиадесантная дивизия, дислоцировавшаяся тогда в Эврё, под Парижем, была поднята по тревоге, чтобы разыскать спутник и вернуть его хозяевам. Эта дивизия приводилась в боевую готовность при любом космическом запуске — таковы были условия программы «Скраб», плана, разработанного для прикрытия и возврата пилотируемых кораблей «Меркюри» и «Джеминай» на случай, если приземление одного из них по необходимости произойдет в Советском Союзе или в социалистических странах.

«Скуп-6» разыскали и вернули без особых происшествий. В его контейнере обнаружили одноклеточный организм коккобациллярной формы. Однако этот организм оказался в сущности безвредным и поражал только домашних кур, вызывая у них легкое недомогание, проходившее через четыре дня.

Сотрудники Форт-Детрика начали уже терять надежду, что программа «Скуп» даст им когда-либо перспективный патогенный материал. Тем не менее «Скуп-7» запустили вскоре после «Скупа-6». Дата запуска не была объявлена, но, по-видимому, это произошло 5 февраля 1967 года. «Скуп-7» вышел на расчетную орбиту с апогеем 508 километров и перигеем 358 километров. Он оставался на орбите в течение четырех суток, но вдруг по неизвестным причинам резко отклонился от расчетных параметров, и было принято решение посадить его по команде с Земли.

Предполагаемое место посадки находилось в пустыне, на северо-востоке штата Аризона...

Где-то в середине полета Стоуну пришлось оторваться от чтения: подошел офицер, поставил перед ним телефон и отступил на почтительное расстояние.

— Да? — спросил Стоун, чувствуя себя довольно странно. Он не привык разговаривать по телефону в самолете.

— С вами говорит генерал Маркус, — донесся усталый голос. Стоун понятия не имел, кто такой генерал Маркус. — Хотел вам сообщить, что мы уже вызвали всех членов группы, за исключением профессора Керка.

— Что с ним?

— Профессор Керк в больнице. Подробности узнаете по прибытии на место...

Разговор окончился, и Стоун отдал аппарат офицеру. Минуту-другую он перебирал в памяти людей, входящих в группу, и пытался вообразить, как они вели себя, когда их вытаскивали из постелей.

Во-первых, Ливитт. Уж он-то, должно быть, собрался быстро. Ливитт был клинический микробиолог, знаток инфекционных заболеваний. На своем веку он перевидал достаточно чумных и любых других эпидемий, чтобы знать цену краткости сборов. Кроме того, Ливитт был закоренелый пессимист. (Однажды он признался, что на собственной свадьбе размышлял лишь о том, какие алименты со временем придется платить). Он был ворчлив, раздражителен и очень грузен; на лице его лежали угрюмые складки, а в глазах застыла печаль — казалось, эти глаза вглядываются в будущее, но видят там одну унылую безнадежность. И вместе с тем Ливитт был рассудителен, наделен богатым воображением и не боялся мыслить широко и дерзко.

Затем патолог Бертон из Хьюстона. Бертон Стоун никогда не жаловал, хотя и отдавал должное его таланту ученого. Очень уж разные они были: Стоун

собран — Бертон неряшлив, Стоун всегда владел собой — Бертоном владели настроения, Стоун был, пожалуй, самоуверен — Бертон нервен, вспыльчив, обидчив. Коллеги наградили Бертон прозвищем Спотыкач, то ли потому, что он вечно спотыкался, наступал на свои развязанные шнурки и обтрепанные манжеты брюк, то ли потому, что обладал удивительным умением нечаянно наткаться на важнейшие открытия.

Затем шел Керк, антрополог из Йелльского университета, но он, если генерал не напутал, приехать не сможет. Стоун знал, что Керка ему будет не хватать. Этот не слишком образованный, фатоватый человек был как бы по ошибке наделен исключительной способностью к точному логическому мышлению. Суть проблемы Керк схватывал буквально на лету и, мастерски оперируя исходными данными, выдавал требуемый результат; он не умел свести концы с концами в своем личном бюджете, но математики нередко обращались к нему за помощью в решении сложнейших абстрактных задач.

Однако Керка нет, и это заметная потеря. От пятого участника группы толку, разумеется, будет немного. Стоун даже поморщился, вспомнив о Марке Холле. Холл был компромиссной кандидатурой — Стоун предпочел бы врача, хорошо знакомого с болезнями обмена веществ, и согласился на хирурга крайне неохотно. За Холла горой стояли в Министерстве обороны и в Комиссии по атомной энергии — там очень верили в «гипотезу о решающем голосе случайного человека» — и в конце концов Стоун и другие уступили.

Стоун почти не знал Холла и не мог себе представить, как тот реагировал на сигнал тревоги... И уж никак не мог предположить, что с оповещением остальных выйдет сильная задержка. Например, патолога

Бертонa вызвали лишь в пять часов утра, а микробиолога Питера Ливитта — в половине седьмого, когда тот уже успел прийти к себе в больницу.

А к Холлу явились только в пять минут восьмого.

— Страшная была история, — рассказывал позднее Марк Холл. — Вырвали меня из обыденной, привычной обстановки и швырнули в чужой незнакомый мир... В 6.45 утра Холл находился в умывальной, примыкающей к операционной № 7, и скреб себе руки перед первой из запланированных на день операций. Он проделывал все обычные процедуры, как делал это каждое утро на протяжении вот уже нескольких лет; настроение было отличное, и он перебрасывался шутками со своим ассистентом, который мылся у соседнего крана. Затем он прошел в операционную, держа руки на весу, и сестра подала ему полотенце. Там же был еще один ассистент, готовивший больного к операции, — он смазывал операционное поле спиртовым раствором йода — и еще одна сестра. Все они обменялись обычными приветствиями.

В больнице Холл слыл человеком резким, вспыльчивым, из тех, чьи поступки нельзя предвидеть заранее. Оперировал он быстро, почти вдвое быстрее, чем его коллеги. Пока все шло гладко, он смеялся и острлил, поддразнивал сестер, ассистентов, анестезиолога. Но если возникали осложнения, если операция продвигалась медленно и трудно, Холл становился непереносимо раздражительным.

Как и большинство хирургов, он настаивал на строгом соблюдении раз и навсегда установленного порядка. Отступления от правил немедленно выводили его из равновесия. Те, кто был в операционной, знали об этом и потому с опаской вскинули глаза вверх, на

смотровую галерею, когда на ней появился Ливитт. Тот включил микрофон внутренней связи и сказал:

— Здравствуйте, Марк.

Холл в это время накрывал больного стерильными зелеными простынями, оставляя оголенным лишь операционное поле на животе.

— Здравствуйте, Питер, — ответил он, удивленно взглянув на Ливитта. — Простите за беспокойство, но обстоятельства чрезвычайные...

— Подождут, — ответил Холл. — У меня операция.

Он закончил подготовку и потребовал скальпель. Одной рукой он пальпировал живот, определяя исходные точки для первого разреза.

— Ждать не могут, — сказал Ливитт.

Холл остановился, положил скальпель и еще раз посмотрел вверх. Воцарилось молчание.

— Какого черта... почему не могут?..

Ливитт сохранял спокойствие.

— Придется вам размыться. Я же сказал — обстоятельства чрезвычайные...

— Послушайте, Питер, у меня больной под наркозом. Полностью подготовленный. Не могу же я вот так, за здорово живешь...

— Операцию сделает Келли.

— Келли?..

Это был один из штатных хирургов.

— Он уже моется. Все согласовано. Жду вас в раздевалке через тридцать секунд...

И ушел.

Холл обвел всех вокруг себя свирепым взглядом. Никто не шевельнулся, не сказал ни слова. Он сорвал перчатки и выкатился из операционной, по дороге громко выругавшись.

Свою роль в программе «Лесной пожар» Холл считал более чем незначительной. В 1966 году к нему однажды подошел главный микробиолог больницы Ливитт и в самых общих чертах рассказал о целях программы. Холлу все это показалось довольно забавным, и он согласился войти в состав группы, если его услуги когда-нибудь потребуются; про себя он был совершенно уверен, что этот «Лесной пожар» — пустая затея.

Ливитт тогда же предложил ознакомить Холла с материалами по этой программе и держать его в курсе дальнейших событий. Холл в первое время из вежливости брал папки, но вскоре стало ясно, что он не удосуживается их читать, и Ливитт перестал их ему давать. Холл, пожалуй, только обрадовался: он не любил свалки на своем столе.

Один только раз, год назад, Ливитт спросил, неужели Холлу не интересно узнать хоть что-нибудь о работе, в которой он согласился участвовать и которая может со временем оказаться очень опасной. Хирург ответил коротким «нет».

Теперь, в раздевалке для врачей, он пожалел об этом своем ответе. Комната была тесная, без окон, все четыре стены были заняты шкапами для одежды, а посередине стояла большая кофеварка; рядом с ней высилась стопка бумажных стаканчиков. Ливитт как раз наливал себе кофе с унылой миной на серьезной бульдожьей физиономии.

— Кофе наверняка отвратительный, — сказал он. — В больнице ничего приличного не достанешь... Быстрей переодевайтесь!

— А не сообразоволи ли вы сначала сказать мне, зачем...

— Не сообразоволю. Переодевайтесь. Нас ждет машина. Мы опаздываем. Возможно, уже опоздали...

Говорил он с грубовато-мелодраматическими интонациями, и это всегда раздражало Холла.

Ливитт шумно отхлебнул кофе.

— Так я и предполагал. И вы это можете пить!.. Пожалуйста, поскорее...

Холл отпер свой шкафчик и ногой распахнул дверцу. Прислонившись к ней, стащил с ботинок черные пластиковые чехлы, предусмотренные в операционных во избежание накопления электростатических зарядов.

— Вы, наверно, скажете мне, что это связано с той дурацкой программой?

— Вот именно, — ответил Ливитт, — поторапливайтесь. Нас ждет машина, чтобы отвезти в аэропорт, а сейчас утренний час пик...

Холл быстро переоделся, ни о чем больше не думая, в состоянии какого-то внезапного оупения. Ему как-то никогда и в голову не приходило, что это возможно... Одевшись, он зашагал за Ливиттом к выходу. На улице, залитой ярким солнечным светом, их ждала оливковая армейская машина с включенной «мигалкой» на крыше. И вдруг он понял с ужасающей ясностью, что Ливитт не шутит, что никто не шутит, и то, что ему казалось диким бредом, становится реальностью.

Со своей стороны, Питер Ливитт недолюбливал Холла. Он вообще не переваривал врачей-практиков. Хотя у него самого тоже был врачебный диплом, он никогда не практиковал, предпочитая заниматься научными исследованиями. Интересы Ливитта тяготели к клинической микробиологии и эпидемиологии, а узкой специальностью его была паразитология. Изучал он паразитов по всему свету; работа его ознаменовалась открытием бразильского ленточного червя *Taenia renzi*, описанного в статье, которую он опубликовал в 1953 году.

Однако с возрастом Ливитт прекратил путешествия. «Эпидемиология, — любил повторять он, — это

развлечение для молодежи; когда в пятый раз подхватишь амебную дизентерию, пора уходить». Пятый случай с Ливиттом произошел в Родезии в 1955 году; он промучился целых три месяца, потерял сорок фунтов веса, а поправившись, подал в отставку. Ему предложили пост главного микробиолога в этой больнице, и он принял предложение с условием, что значительную часть времени он посвятит научной работе.

В больнице он слыл отличным клиническим микробиологом, однако по-настоящему его, как и прежде, интересовали только паразиты. С 1955 по 1964 год он опубликовал серию изящных исследований, посвященных обмену веществ у *Ascaris* и *Necator* и получивших высокую оценку специалистов.

Репутация Ливитта вполне оправдывала его приглашение в состав группы «Лесной пожар»; Ливитт в свою очередь предложил кандидатуру Холла. Известна была Ливитту и причина, почему окончательный выбор пал на Холла, — сам Холл о ней и не догадывался.

Когда Ливитт в свое время предложил ему присоединиться к группе, Холл осведомился, с чего бы это:

— Я же просто хирург...

— Верно, — сказал Ливитт. — Но вы хорошо знаете гематологию.

— Ну и что?

— Это может понадобиться. Химический состав крови, кислотность, щелочность и тому подобное. Со временем это может оказаться решающим.

— Но спецов по крови дай бог сколько, — заметил Холл. — И многие куда сильнее меня...

— Да, — ответил Ливитт, — но все они женаты.

— Ну и что?

— А нам нужен холостяк.

— Зачем?

— Необходимо, чтобы в составе группы был холостяк.

— Смешно, — сказал Холл.

— Может быть, смешно,— сказал Ливитт,— а может быть, и нет...

Они вышли из больницы и подошли к армейской машине. Застывший у машины молодой офицер откозырял им.

— Доктор Холл?

— Да.

— Будьте добры, предъявите удостоверение...

Холл протянул ему маленькую пластмассовую карточку. Больше года он таскал эту карточку в своем бумажнике; если это и было удостоверение, то довольно странное: фамилия, фотография, отпечаток большого пальца, и все. Никаких признаков, что это официальный документ.

Офицер взглянул на карточку, на Холла, потом снова на карточку.

— Все в порядке, сэр...

Он открыл перед ними заднюю дверцу. Холл влез в машину, Ливитт за ним. Хирург обратил внимание, как тот прикрыл ладонью глаза, защищаясь от красной «мигалки» на крыше.

— Что с вами?

— Да нет, ничего. Просто не выношу мигающего света. Напоминает мне о том, как я был шофером скорой помощи во время войны... — Ливитт откинулся на спинку, машина тронулась. — Так вот, — продолжал он, — на аэродроме вам дадут папку, с которой вы ознакомитесь в полете...

— В полете?..

— Вы полетите на истребителе «F-104».

- Куда?
- В Неваду. Постарайтесь прочесть все материалы в самолете. Как только доберемся до места, читать будет некогда.
- А другие где?
- Ливитт посмотрел на часы.
- У Керка аппендицит, он в больнице. Остальные уже приступили к работе. В настоящий момент они в вертолете над поселком Пидмонт, штат Аризона...
- Никогда о таком не слышал.
- Никто не слышал, — откликнулся Ливитт, — до этого самого дня...

6. ПИДМОНТ

В 9.59 того же утра с базы Ванденберг, с бетонной площадки особо секретного ангара № 9 поднялся реактивный вертолет «К-4» и взял курс на восток, в сторону Аризоны. Решение отправить вертолет именно из этого ангара майор Мэнчик принял, чтобы не привлекать излишнего интереса к скафандрам. Дело в том, что три человека в вертолете — пилот и двое ученых — были облачены в прозрачные надувные пластиковые костюмы и походили не то на тучных марсиан, не то, как выразился один из техников в ангаре, на рекламные воздушные шары фирмы «Мэйси».

Пока вертолет взбирался в чистое утреннее небо, два пассажира в кабине молча разглядывали друг друга. Один из них был Джереми Стоун, другой — Чарлз Бертон. Оба они прибыли на базу Ванденберг чуть больше часа назад: Стоун из Стэнфорда, Бертон — из Бейлорского университета в Хьюстоне.

Бертону шел пятьдесят пятый год. Он был патологом, профессором медицинского факультета университета, а кроме того, консультантом Центра пилотиру-

емых космических полетов НАСА в Хьюстоне. До этого он выполнил ряд исследований в Национальном институте здравоохранения в Бетесде, посвященных влиянию бактерий на ткани тела человека.

Уж так получилось в истории науки, что этот жизненно важный ее участок до Бертона, в сущности, оставался нетронутым. То, что болезни вызываются микробами, было известно с 1840 года, когда Генле сформулировал свою гипотезу, и все-таки к середине XX века человек все еще не постиг, как и почему они оказывают вредоносное влияние. Механизм их действия оставался нераскрытым.

Как и многие другие его ровесники, Бертон начал с *Diplococcus pneumoniae*, возбудителя пневмонии. Перед войной пневмококками занимались многие, но после появления пенициллина в 40-х годах интерес к ним и ассигнования на их исследование сразу сошли на нет. Бертон переключился на *Staphylococcus aureus*, распространенный кожный патоген, вызывающий прыщи и чирья. Когда он занялся этой проблемой, коллеги потешались над ним, ибо стафилококки, как и пневмококки, весьма чувствительны к пенициллину. Коллеги сомневались, удастся ли Бертону добыть средства на проведение подобной работы.

В течение пяти лет казалось, что они правы. Денег было мало, и Бертону зачастую приходилось с шапкой в руке обращаться к филантропам и во всякие частные фонды. Тем не менее он стоял на своем, терпеливо исследуя оболочки клеточных стенок, от которых зависит реакция окружающих тканей, и открыл с полдюжины выделяемых бактерией токсинов, которые разъедают ткани, разносят инфекцию, разрушают красные кровяные тельца.

А в 50-х годах вдруг обнаружили первые штаммы стафилококков, устойчивые к пенициллину, — новые штаммы, очень опасные, вызывающие странные

смертные случаи, нередко в результате абсцесса мозга. Чуть ли не на утро после первого такого случая Бертон обнаружил, что его работа приобрела первостепенную важность: десятки лабораторий по всей стране переклЮчилиcь на изучение стафилококков; теперь оно стало настоятельно необходимым. За один только год ассигнования, отпускаемые Бертоу, подскочили с 6 до 300 тысяч долларов. Вскоре он стал профессором патологической анатомии.

Но, оглядываясь на свои прошлые достижения, Бертон не ощущал особой гордости: он знал, что это удача и только, — просто так случилось, что он занимался нужным делом и, когда пробил час, оказался, так сказать, под рукой. Теперь, сидя в вертолете, он размышлял о том, что получится из этой воздушной прогулки.

Джереми Стоун сидел напротив и старался скрыть свою неприязнь к обличью Бертона. Под пластиковым костюмом на Бертоне была грязная ковбойка с пятном на левом нагрудном кармашке и мятые обтрепанные брюки; даже волосы — и те были нечесанные и грязные.

Стоун уставился в окно, принуждая себя думать о чем-нибудь другом.

— Пятьдесят человек, — сказал он, покачав головой, — умерли в течение восьми часов с момента посадки спутника. Главный вопрос — как распространяется инфекция?

— Надо полагать, по воздуху, — ответил Бертон.

— Надо полагать.

— Все смертные случаи пока что имели место лишь в самом поселке. О жертвах за пределами Пидмонта сведений не поступало?

Стоун покачал головой.

— Я попросил военных выяснить. Они связались с дорожной полицией. Жертв вне поселка пока нет...

— Ветра не было?

— Чистая случайность. Вечером еще был — довольно свежий, пятнадцать километров в час, северный и достаточно устойчивый. А около полуночи прекратился. Говорят, в такое время года безветрие тут редкость...

— Повезло.

Стоун кивнул.

— Именно. И не только в этом. В радиусе двухсот километров — ни одного значительного населенного пункта. Дальше, правда, на севере Лас-Вегас, на западе Сан-Бернардино, на востоке Финикс. Если зараза дойдет до любого из них, дело будет плохо.

— Но пока нет ветра, мы можем кое-что успеть...

— Будем надеяться, — ответил Стоун.

С полчасу ученые обсуждали возможные направления распространения болезни, то и дело обращаясь к вороху рабочих карт, выданных за ночь вычислительным центром базы Ванденберг. На такие карты наносятся данные сложного комплексного анализа географических факторов; в данном случае карты представляли собой контурные модели юго-западной части Соединенных Штатов с учетом направлений господствующих ветров.

Затем они перешли к другому вопросу: как быстро могла наступить смерть? Оба слушали передачу из фургона и сделали один и тот же вывод: по-видимому, смерть настигла всех в Пидмонте внезапно.

— Даже если перерезать человеку горло бритвой, он и то не умрет так быстро, — сказал Бертон. — Если в один прием рассечь обе сонные артерии и яремные вены — и то пройдет от десяти до сорока секунд, пока померкнет сознание, и почти минута, пока наступит смерть.

— В Пидмонте все, очевидно, кончилось за одну-две секунды.

Бертон пожал плечами.

— Травма, — предположил он, — удар по голове.

— Да. Или газ нервно-паралитического действия.

— Тоже возможно.

— Либо газ, либо что-то очень похожее, — сказал Стоун. — Если это произошло из-за блокирования каких-то ферментных систем — вроде того, которое вызывается мышьяком, например, или стрихнином, — смерть наступила бы спустя пятнадцать-тридцать секунд, а то и позднее. А вот блокада первых путей или нервно-мышечного узла или корковое отравление — они могут оказать стремительное, почти мгновенное действие...

— Если это быстродействующий газ, — откликнулся Бертон, — он должен беспрепятственно диффундировать через легкие...

— Или через кожу. Или через слизистые. В общем через любую пористую поверхность.

— Но если этот газ так активно диффундирует... — Бертон дотронулся до своего костюма.

Стоун усмехнулся:

— Ну, это мы очень скоро выясним...

В переговорном устройстве раздался голос пилота:

— Приближаемся в Пидмонту. Прошу указаний.

— Сделайте круг, посмотрим сверху, — сказал Стоун.

Вертолет заложил крутой вираж. Оба ученых поглядели вниз, на поселок. Ночью стервятники опустились на землю и теперь густо облепили тела.

— Этого я и боялся, — признался Стоун.

— Они могут стать переносчиками инфекции, — отозвался Бертон. — Наглопитаются зараженного мяса и разнесут микробы повсюду...

Стоун кивнул, не отрываясь от иллюминатора.

— Что будем делать?

— Отравим их газом. — Стоун включил переговорное устройство и осведомился: — Вы захватили баллоны?

— Так точно, сэр.

— Еще один круг, и накройте газом весь поселок.

— Слушаюсь, сэр.

Вертолет накренился и пошел на новый разворот. Вскоре земля исчезла в клубах бледно-голубого газа.

— Что это за газ?

— Хлоразин, — сказал Стоун. — В малых концентрациях чрезвычайно сильно действует на обмен веществ у птиц. Ведь обмен у них идет с особой интенсивностью. Птицы — это мускулы да перья, сердце у них бьется обычно со скоростью сто двадцать ударов в минуту. Многие виды за день съедают больше, чем весят сами...

— Газ расщепляет органические соединения?

— Совершенно верно. Он уложит птиц наповал.

Вертолет сделал еще вираж и завис на месте. Вновь поднявшийся легкий ветерок развеял газ, относя его к югу. Вскоре видимость восстановилась. Сотни птиц лежали на земле, некоторые еще судорожно били крыльями, но большинство было уже мертво.

Стоун смотрел и хмурился. Где-то в глубине души он уже знал, что проглядел, упустил из виду нечто очень важное. Какой-то факт, какую-то важную нить, тянущуюся от этих птиц, за которую непременно надо было ухватиться...

— Дальнейшие распоряжения, сэр? — спросил пилот.

— Поверните к середине улицы и спустите трап, — сказал Стоун. — Вам оставаться на высоте шести метров и ни в коем случае не приземляться. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Когда мы спутимся на землю, поднимитесь до высоты полтора метра.

- Слушаюсь, сэр.
- Вернетесь, когда подадим сигнал.
- Слушаюсь, сэр.
- И если с нами что-нибудь случится...
- Мне следовать прямым курсом на базу «Лесной пожар», — закончил пилот безжизненным голосом.
- Совершенно верно.

Пилот понимал, что это значит. Ему платили по самым высоким ставкам, какие только существуют в ВВС: основной оклад плюс надбавка за опасность, плюс надбавка за специальное задание в мирное время, плюс надбавка за выполнение задания над территорией противника, плюс особые полетные за каждый час пребывания в воздухе. За один сегодняшний день ему причиталось больше тысячи долларов, а если он не вернется, семья получит еще десять тысяч по краткосрочному страховому полису.

Такие деньги платят, разумеется, не за красивые глаза: если с Бертоном и Стоуном в Пидмонте что-нибудь случится, пилот должен лететь на базу «Лесной пожар», зависнуть там на высоте десяти метров и ждать, пока группа «Лесной пожар» не решит, каким именно способом лучше всего испепелить его и вертолет в воздухе.

Ему платили за риск. Он шел на этот риск добровольно. Он знал, что над ним на высоте шести тысяч метров патрулирует реактивный перехватчик, вооруженный ракетами класса воздух—воздух, и этому перехватчику приказано расстрелять вертолет в случае, если у пилота в последнюю секунду сдадут нервы и он не поведет свою машину на базу «Лесной пожар»...

— Будьте осторожны, — сказал пилот. — Прошу вас, сэр.

Вертолет прошел над улицей и завис. Вниз с треском полетел веревочный трап. Стоун встал, надел

шлем, защелкнул герметизирующий замок и открыл вентиль. Костюм наполнился кислородом и раздулся. Баллончики, закрепленные на спине, обеспечивали его воздухом на два часа.

Подождав, пока Бертон проделает то же самое, Стоун открыл люк и выглянул наружу. Под вертолетом вздымалось густое облако пыли.

Стоун включил свою рацию.

— Вы готовы?

— Готов.

Он начал спускаться по трапу. Бертон подождал немного и последовал за ним. В клубах пыли Бертону вообще ничего не удавалось разглядеть. Наконец он коснулся ногами земли и отпустил трап. Вокруг стояла мутная, пыльная мгла, в которой еле проступал силуэт Стоуна.

Вертолет взмыл вверх, потянув за собой трап. Пыль осела. Теперь они могли оглядеться.

— Пошли, — сказал Стоун.

Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, они двинулись по улице поселка Пидмонт.

7. «Совершенно необычный фактор»

Между первым контактом человека со штаммом «Андромеда» и прибытием Стоуна и Бертон в Пидмонт прошло едва двенадцать часов. Много недель спустя, когда уже можно было спокойно разобраться в событиях, они живо помнили все увиденное до мельчайших деталей.

Зимнее солнце висело низко, заливая холодным и безрадостным светом заиндеветую за ночь землю. С места своей высадки они могли видеть улицу из конца и конец — серые, обшарпанные деревянные до-

ма. Но прежде всего их поразила тишина. Мертвая тишина — только ветерок подвывал слегка, проносясь беспрепятственно сквозь осиротевшие постройки. И повсюду лежали тела, тела — одни распростерлись на земле, другие свернулись клубком и застыли, словно скованные морозом...

Ни бодрого пофыркивания автомашин, ни собачьего лая, ни криков детей.

Тишина.

Стоун и Бертон переглянулись. Они с мучительной остротой понимали, как много им предстоит узнать, выяснить, как упорно придется искать. На этот поселок обрушилась катастрофа, и теперь они обязаны узнать о ней все, что только возможно. Но у них не было нитей, за которые можно ухватиться, не было никаких отправных точек.

По существу, им были известны лишь два факта. Первый: все, по-видимому, началось с приземления «Скупа-7». Второй: смерть настигла жителей поселка с потрясающей быстротой. Если эту болезнь занес спутник, то ничего подобного в истории медицины прежде не встречалось.

Они долго стояли и молчали, озираясь по сторонам, сопротивляясь ветру, который давил на их раздутые скафандры. Наконец Стоун прервал молчание:

— Почему все на улице? Если это случилось вечером, то люди должны были сидеть у себя дома...

— А потом, — сказал Бертон, — многие в пинах. Вечер был холодный. Накинули бы что-нибудь, пиджак там или плащ. Что-нибудь, чтоб не простудиться.

— Может, они спешили...

— Куда?

— Поглазеть на что-то, — ответил Стоун, беспомощно пожав плечами.

Бертон наклонился над ближайшим трупом.

— Странно... Обратите внимание, как он схватился за грудь. И многие другие в той же позе...

Стоун присмотрелся: действительно, у многих руки прижаты к груди. У одних просто прижаты, другие словно вцепились пальцами в грудь.

— Они как будто не испытывали боли. Лица совсем спокойные...

— Пожалуй, даже удивленные, — поддержал Бертон. — Словно бы застигнутые врасплох. И все хватаются за грудь...

— Коронарная? — предположил Стоун.

— Сомневаюсь. Это все-таки болезненно, на лицах осталась бы гримаса... Легочная эмболия — тоже...

— Но если все случилось очень быстро, они могли и не успеть...

— Что же, возможно. Но мне сдается все же, что смерть пришла без боли. И за грудь они хватались просто потому...

— Что не могли дышать, — закончил Стоун.

Бертон кивнул.

— Очень возможно, что это удушье. Быстрое, безболезненное, почти мгновенное удушье... Нет, все равно не то. Когда человеку не хватает воздуха, он первым делом ослабляет все застёжки, особенно на груди и на шее. А взгляните на того мужчину — он даже не дотронулся до галстука. И у этой женщины тугой воротничок...

Бертон уже почти оправился от первого потрясения, мысль его начала работать четко. Они приблизились к фургону — тот стоял посреди улицы, фары все еще слабо светились. Стоун протянул руку к приборному щитку и выключил их. Затем он спихнул с баранки закоченевшее тело водителя и прочел фамилию на нагрудном кармашке куртки:

— Шоун.

В задней части кузова неподвижно застыл еще один человек — рядовой по фамилии Крейн. Оба трупа уже зачоченели. Стоун показал на радиооборудование.

— Работать будет?

— Думаю, что да, — ответил Бертон.

— Тогда давайте найдем спутник. Это наша первая задача. Потом уж займемся...

Он запнулся, вглядываясь в лицо Шоуна, который в момент смерти, очевидно, рухнул всем телом на рулевое колесо. На лице была большая резаная рана, дугой рассекавшая кожу, перебита.

— Ничего не понимаю, — сказал Стоун.

— Что? — переспросил Бертон.

— Посмотрите на рану.

— Очень чистая. Прямо-таки удивительно чистая. Кровотечения практически не было.

Тут до Бертона дошло. В изумлении он хотел даже почесать себе голову, но рука уткнулась в пластиковый шлем.

— Такая рана на лице... — сказал он. — Порванные капилляры, раздробленные кости, перебитые вены... Да ведь должна была вытечь уйма крови!

— Вот именно. Должна была. А взгляните на другие тела: даже там, где стервятники рвали мясо, крови нет.

Бертон озирался вокруг со все возрастающим удивлением. Ни один из мертвецов не потерял ни капли крови. И как он раньше не заметил!

— Такова, вероятно, особенность этой болезни.

— Вот именно, — сказал Стоун. — Думаю, вы правы.

Он поднатужился, крикнул и, высвободив из-за руля зачоченевшее тело Шоуна, вытащил его из фургона.

— Давайте найдем этот чертов спутник. Теперь он начинает беспокоить меня всерьез...

Бертон зашел сзади, вытянул тело Крейна из машины, а сам влез на его место. Стоун включил зажигание. Стартер лениво провернулся, но мотор безмолствовал. Стоун еще и еще раз попытался завести машину, потом признался:

— Не могу понять, в чем дело. Аккумулятор подсел, конечно, но искру давать должен все равно...

— А как насчет бензина?

Стоун громко выругался. Бертон улыбнулся и выкарабкался наружу. Вместе они прошли на улице до бензоколонки, отыскали ведро, налили в него бензина — пришлось повозиться, пока сообразили, как включается насос, — потом вернулись с полным ведром к фургону и залили бензин в бак. Стоун вновь нажал на стартер — мотор чихнул и заработал.

— Пошел!..

Бертон запустил вращающуюся антенну. Тотчас же они услышали слабое попискивание спутника.

— Сигнал утасает, но еще различим. Вроде бы где-то слева...

Стоун включил скорость и тронул машину, стараясь не задеть тела. Писк стал сильнее. Проехали бензоколонку и магазин — писк начал слабеть...

— Проскочили. Разворачивайтесь...

Стоун не сразу нашел в коробке передач задний ход. Потом они двинулись назад, ориентируясь по силе радиосигнала. Прошло еще минут пятнадцать, прежде чем удалось установить, что источник его находится на северной окраине поселка. Наконец подъехали к одноэтажному каркасному домику. На ветру скрипела вывеска: «Доктор Ален Бенедикт».

— Ну, конечно, — сказал Стоун, — можно бы и догадаться, что потащат находку к доктору...

Они вылезли из фургона и направились к домику. Входная дверь была открыта и качалась на ветру.

Стоун и Бертон прошли в первую комнату — никого. Тогда они повернули направо и очутились в кабинете врача.

Бенедикт, грузный, рыхловатый мужчина, сидел за столом, на котором громоздилась куча раскрытых учебников. У стены расположились пузырьки и шприцы, а над ними висели фотографии семьи и другие снимки — мужчин в военной форме. На одном из них были нацарапаны слова: «Дорогому Бенни от ребят из 87-го. Анцио». Сам Бенедикт смотрел куда-то в угол — незрячие, широко раскрытые глаза, умиротворение на лице...

— Ну что ж, — сказал Бертон, — этот-то по крайней мере помер на улице...

И тут они увидели спутник.

Он стоял торчком, тускло поблескивающий конус высотой около метра, когда-то полированный, а теперь потрескавшийся и оплавившийся при вхождении в плотные слои атмосферы. Он был вскрыт, и вскрыт ужасно грубо, видимо при помощи зубила и клещей, которые валялись рядом на полу.

— Поллюбопытствовал, — не сдержался Стоун. — Идиот...

— Откуда ему было знать?

— Мог бы хоть осведомиться у кого-нибудь, — Стоун вздохнул. — Зато теперь он в курсе дела. И с ним еще сорок девять человек... — Он нагнулся и, как мог, прикрыл зияющую треугольную дыру. — Контейнер при вас?..

Бертон вытащил сложенный мешок из пластика и развернул его. Вдвоем они накиннули мешок на злополучный спутник и загерметизировали шов.

— Надеюсь, что-нибудь там еще осталось...

— А я, пожалуй, был бы рад, — тихо ответил Стоун, — если б там не осталось ничего...

Они вернулись к телу доктора Бенедикта. Стоун подошел и тряхнул его за плечи. Окоченевший труп свалился со стула на пол.

Бертон обратил внимание на локти, и внезапно его охватило сильное возбуждение. Он склонился над телом.

— Ну-ка помогите мне, — попросил он Стоуна.

— Что делать?

— Его надо раздеть.

— Зачем?

— Хочу проверить, есть ли признаки внезапного застоя.

— Но зачем?

— Сейчас увидите, — сказал Бертон.

Он начал расстегивать рубашку и брюки доктора. Оба ученых сосредоточенно возились до тех пор, пока на полу не простерлось обнаженное тело.

— Вот, пожалуйста, — Бертон отступил на шаг.

— Черт возьми, — заявил Стоун.

Никаких следов отечных изменений кожи вследствие венозного застоя! Обычно, когда человек умирает, кровь под воздействием силы тяжести оттекает вниз. Бенедикт умер сидя, кровь должна была оттечь к тканям ягодиц и бедер. И к локтям, опиравшимся на ручки кресла. Должна была — но не оттекла.

— Очень странное явление, — сказал Бертон.

Оглядевшись, он увидел небольшой автоклав для инструментов. Достал оттуда скальпель и осторожно, чтобы не проколоть свой костюм, приладил лезвие.

— Попробуем для начала крупные поверхностные артерии и вену, — предложил он.

— А именно?

— Лучевые. У запястья.

Опасливо держа скальпель, Бертон провел им по внутренней стороне запястья доктора, как раз у ос-

нования большого пальца. Рана была совершенно бескровной. Он рассек жировую и подкожную ткани. Крови не было.

— Поразительно...

Надрезал еще глубже. Кровь не появлялась. Наконец дошел до крупного сосуда и резко рассек его. На пол посыпались черно-красные крошки.

— Черт побери, — сказал Стоун.

— Свернулась начисто.

— Не удивительно, что ни у кого не было кровотечения...

— Помогите-ка мне, — попросил Бертон.

Вдвоем они повернули тело на спину, и Бертон сделал глубокий разрез в средней части бедра. Добрался до артерии толщиной в палец, но и там не осталось крови, только плотная красноватая масса.

— Невероятно...

Он сделал еще один надрез, на этот раз в области грудной клетки. Обнажил ребра и оглядел кабинет доктора Бенедикта: не попадется ли на глаза какой-нибудь очень острый нож. Нужен был остеотом, инструмент для иссечения кости, но такого нигде не попадалось. В конце концов он взял зубило, то самое, которым был вскрыт спутник, и с его помощью перерубил несколько ребер, открыв сердце и легкие. Опять-таки никаких признаков кровотечения!

Бертон глубоко вздохнул и вскрыл левый желудочек. Сердце внутри было наполнено красной губчатой массой. Жидкой крови не было совсем.

— Свернулась полностью, — повторил он. — Со-мнений нет.

— А что, по-вашему, способно вызвать такое свертывание?

— Во всей сосудистой системе? Пять с половиной литров крови? Не представляю...

Бертон тяжело опустился в кресло доктора Бенедикта и уставился на тело, которое только что вскрыл.

— Никогда в жизни ни о чем подобном не слышал. Правда, есть такая дрянь — называется «распространенное внутрисосудистое свертывание», но для него необходимо редчайшее стечение обстоятельств.

— А может ли подобный эффект быть вызван каким-нибудь одним токсином?

— Теоретически может, я думаю. Но в действительности такого токсина на Земле нет...

Он внезапно умолк.

— Н-да, — произнес Стоун, — пожалуй, так оно и есть...

Он поднял «Скуп-7» с пола и понес на улицу, к фургону. Вернувшись, предложил:

— Давайте-ка осмотрим все дома...

— Начнем отсюда?

— Можно и отсюда...

Бертону довелось обнаружить миссис Бенедикт. Еще не старая женщина приятной наружности сидела в кресле с книжкой на коленях; казалось, она собирается перевернуть страницу. Бертон начал бегло осматривать ее, но тут его откуда-то с другого конца дома позвал Стоун.

Он нашел Стоуна в маленькой спальне склонившимся над кроватью, на которой лежало тело подростка лет пятнадцати. Несомненно, это была его комната: цветастые картинки на стенах, полка с моделями самолетов...

Мальчик лежал на спине, открытые его глаза смотрели в потолок. Рот был тоже открыт. Одна рука крепко сжимала пустой тюбик из-под специального клея для моделей самолетов; по всей комнате были

разбросаны пузырьочки из-под лака, разбавителя, скипидара.

Стоун отступил на шаг.

— Смотрите сами...

Бертон заглянул мальчику в рот, ощупал пальцем уже затвердевшую массу.

— Господи боже, — только и сказал он.

Стоун нахмурился.

— А ведь на такое требовалось время. Независимо от того, что толкнуло его на самоубийство, на это нужно было время. Мы слишком упрощали то, что здесь произошло. Не все умерли мгновенно. Одни погибли дома, другие успели выскочить на воздух, а этот мальчишка... Он покачал головой. — Давайте заглянем в другие дома...

Прежде чем выйти на улицу, Бертон вернулся в кабинет врача и постоял еще немного над его телом. Странно было видеть разрезанные кисть и ногу, вскрытую грудную клетку — и ни капли крови. Было в этом что-то неестественное, нечеловеческое. Как будто кровоточивость — неотъемлемый признак, отличающий человека... «Ну, что ж, — подумал Бертон, — возможно, так оно и есть. Возможно, способность наша истекать кровью и делает нас людьми...».

Стоуну Пидмонт представлялся головоломкой, разгадать ее стало для него делом чести. Он был убежден, что поселок может, должен раскрыть все до конца: и характер болезни, и ее течение, и ее последствия. Нужно только правильно сопоставить данные наблюдений.

Но по мере того, как они продолжали свои поиски, он не мог не признать, что данные эти становятся все более противоречивыми.

Еще один дом. Муж, жена и их взрослая дочка за обеденным столом. Им, очевидно, было весело и легко, они были счастливы, и никто из них не успел даже отодвинуть свой стул. Так они и застыли на полуслове, ласково улыбаясь друг другу поверх тарелок, — еда на тарелках уже начала портиться, привлекая рой мух. Тихое их жужжание наполняло комнату, и Стоун обратил на это внимание. «Не забыть про мух», — подумал он.

Старука с седыми волосами и морщинистым лицом. Она с улыбкой покачивалась в петле, перекинутой через потолочную балку. Веревка терлась о балку, чуть поскрипывая.

У ног старухи лежал конверт. На нем аккуратным, четким, неторопливым почерком: «Тому, кто найдет и поднимет».

Стоун вскрыл конверт и прочел письмо:

«День страшного суда близится. Разверзнутся земля и воды и поглотят весь род людской. Да смилостивится Всевышний над моею душой и над всеми, кто был ко мне милосерд. Остальные пусть убираются ко всем чертям. Аминь».

Бертон выслушал и сказал:

— Помешалась бабушка. Старческий маразм. Увидела, как все вокруг умирают, и тронулась...

— И покончила с собой?

— Очевидно.

— Довольно странный способ самоубийства, вам не кажется?

— Тот мальчишка тоже избрал эксцентричный способ...

Стоун молча кивнул.

Рой Томсон жил один. Судя по замасленной спецовке, он был владельцем местной бензоколонки. Рой, видимо, налил в ванну воду, стал перед ней на колени, сунул в ванну голову и держал ее под водой, пока не умер. Когда они нашли его, тело уже заковано, а голова все еще была в воде; вокруг никого, никаких следов борьбы.

— Но это же немыслимо! — пробормотал Стоун.— Покончить с собой подобным способом просто невозможно...

Лидия Эверетт, поселковая портниха, спокойно вышла во двор, села в кресло, облила себя бензином и чиркнула спичкой. Рядом с ее останками они обнаружили обгоревшую канистру из-под бензина.

Шестидесятилетний Питер Арнольд сидел у себя в гостиной, выпятив грудь, в военной форме времен второй мировой войны. Тогда он дослужился до капитана и вот теперь опять стал капитаном перед тем, как выстрелить себе в висок из двенадцатимиллиметрового кольта. Крови вокруг не было, и старик выглядел почти смешно: сидит себе, расправив плечи, с чистенькой сухой дырочкой в голове.

Рядом со стариком стоял магнитофон, и левая его рука покоилась на футляре. Бертон вопросительно взглянул на Стоуна и нажал на клавишу. К ним обратился надтреснутый, раздраженный голос:

— Вы не слишком спешили, как я погляжу... Но я все равно рад, что вы, наконец, прибыли. Нам нужно подкрепление. Бой, доложу я вам, был жестокий. Прошлой ночью при штурме высоты потеряли сорок процентов личного состава и двоих офицеров впридачу.

Плохи дела, очень плохи. Если бы Гэри Купер был с нами! Нам очень нужны такие герои, как он, герои, которые сделали Америку сильной!.. Не могу передать вам, как это ужасно меня волнует, — ведь там, над нами, великаны в летающих блюдцах. Они сжигают нас заживо, душат газом. Вижу, как умирают наши люди, а у меня нет противогазов. Ни одного!.. Но я не намерен ждать. Я исполню свой долг. Жаль только, что у меня лишь одна жизнь, которую я могу отдать во имя своей страны...

Лента продолжала крутиться, но голос умолк. Бертон выключил магнитофон.

— Спятил, — сказал он. — Свихнулся начисто...

Стоун кивнул.

— Одни мгновенно погибли, другие... другие сошли с ума.

— И тут мы опять возвращаемся к главному вопросу. Почему они погибли? В чем различие между теми и другими?

— Быть может, разная степень иммунитета? — предположил Бертон. — Одни более подвержены этой инфекции. А у других проявилась защитная реакция, пусть временная.

— Пойдите-ка, — сказал Стоун, — есть же доклад летчика и пленка — здесь был живой человек. Старик какой-то в белой ночной рубахе...

— Вы думаете, он еще жив?

— Ну, не знаю. Но если одни продержались дольше, чем другие, если кто-то прожил достаточно долго, чтобы записать на пленку целую речь или перед тем, как повеситься, оставить записку, нельзя не поинтересоваться: а не мог ли кто-нибудь прожить еще дольше? Больше того, нет ли сейчас в поселке живых?

В этот момент они и услышали плач.

Сначала они решили, что это ветер: звук был тонюсенький, исчезающе слабый. Затем стали прислуши-

ваться — сначала недоуменно, потом изумленно... Плач продолжался, перемежаясь с сухим, надрывным кашлем.

Они выбежали на улицу. Звук был такой слабый, что трудно было понять, откуда он шел. Они бежали по улице, а звук, казалось, усиливался, и это подгоняло их.

И вдруг плач смолк.

Ученые застыли на месте, тяжело дыша. Они стояли посреди безлюдной улицы и недоуменно смотрели друг на друга.

— Мы что, тоже с ума сошли? — спросил Бертон.

— Да нет, — отозвался Стоун, — слышно было явственно.

Они подождали. Минуту-другую все было тихо. Бертон окинул взглядом улицу, дома, фургон, оставшийся перед домом доктора Бенедикта.

И тут плач возобновился — теперь очень громкий, тоскливый детский плач.

Они пустились бежать. Это оказалось рядом, через два дома по правую руку. Перед домом, на тротуаре, лежали ничком мужчина и женщина, оба схватившись за грудь... Ученые, не останавливаясь, ворвались в дом. Плач слышался все громче, гулко отдаваясь в опустевших комнатах. Они кинулись на второй этаж и ворвались в спальню. Большая незастеленная двухспальная кровать. Комод, зеркало, шкаф.

И детская кроватка.

Склонившись над нею, они сдернули одеяла и увидели крошечное, краснолицее, бесконечно несчастное существо. Ребенок мгновенно замолчал и уставился на лица под прозрачными шлемами. Помолчал и залился опять.

— Напугали мы его, — сказал Бертон. — Бедный мальш...

Он неловко поднял младенца на руки и покачал его. Тот продолжал орать. Беззубый рот был широко раскрыт, щеки побагровели, на лбу проступили жилы.

— Голодный, наверно, — догадался Бертон.

Стоун сосредоточенно хмурился.

— Совсем еще маленький. Месяца два, не больше. Мальчик или девочка?

Бертон развернул пеленки.

— Мальчик. Нужно его перепеленать. И накормить... — Он огляделся. — В кухне, наверно, есть какие-нибудь отвары...

— Ни в коем случае, — заявил Стоун. — Кормить его нельзя...

— Это еще почему?

— Нельзя. Ни кормить, ни пеленать — ничего нельзя делать, пока мы не выберемся из Пидмонта. А может, режим питания как-то влияет на ход болезни? Может, не сразу погибли как раз те, кто давно не ел? Может, в пище ребенка были какие-то защитные вещества? Мало ли что может быть... — Он помолчал. — В любом случае рисковать мы не имеем права. Подождем, пока не поместим его в лабораторную обстановку...

Бертон вздохнул. Он знал, что Стоун прав, но знал и то, что ребенок не кормлен по меньшей мере двенадцать часов. Что ж тут удивительного, что он кричит...

— События приняли новый оборот, — сказал Стоун. — Этот ребенок для нас главный ключ к тайне, и надо сберечь его во что бы то ни стало. Я считаю, мы должны немедленно возвращаться.

— Но мы ведь еще не подсчитали число жертв...

— Не имеет значения. У нас есть такая ценная находка, на какую мы не могли и надеяться. Уцелевшее живое существо.

Младенец на мгновение замолчал, сунул палец в рот и вопросительно посмотрел на Бертон. Убедившись, что еды не будет, он опять заревел.

— Жаль, он не может рассказать нам, что здесь случилось...

— А я надеюсь, что может, — заверил Стоун.

Они остановили фургон на середине улицы и дали знак вертолету снизиться. Бертон держал в руках ребенка, Стоун — спутник. «Странные трофеи, — подумалось Стоуну, — из очень странного места под названием Пидмонт». Ребенок, наконец, замолчал, он просто устал плакать и уснул беспокойным сном, изредка просыпаясь, чтобы всхлипнуть несколько раз, и снова забываясь.

Вертолет опустил, взметнув облако пыли. Бертон прикрыл лицо ребенка одеялом. Когда трап коснулся земли, Бертон не без труда вскарабкался наверх.

Стоун стоял внизу и ждал своей очереди, держа на руках капсулу «Скуп», в облаке пыли, круговороте ветра, оглушенный ревом вертолета. И вдруг ощутил, что на улице не один. Он обернулся и увидел человека.

Это был очень старый человек. Редкие седые волосы, изможденное морщинистое лицо, босые ноги. Длинная ночная рубаша на нем была вся в грязи и пожелтела от пыли. Качаясь и спотыкаясь, старик брел к Стоуну. Грудь его под рубахой ходила ходуном.

— Кто вы такой? — спросил Стоун, хотя узнал его сразу: это тот, кого они видели на пленке, заснятой со «Скевенджера».

— Вы... — начал старик.

— Кто вы такой?

— Вы... вы это сделали...

— Как вас зовут?

— Не троньте меня... Я не как остальные...

Дрожа от страха, он уставился на Стоуна, на его пластиковый костюм. «В самом деле, — подумал Стоун, — мы, наверно, кажемся ему какими-то чудищами. Марсианами, пришельцами из других миров».

— Не троньте меня...

— Да не тронем. Как вас зовут?

— Джексон. Питер Джексон, сэр. Пожалуйста, не трогайте меня... — Он махнул рукой в сторону трупов, лежащих на улице. — Я не как остальные...

— Не тронем мы вас, — повторил Стоун.

— Других-то вы...

— Нет, не мы.

— Они все умерли.

— Это не мы.

— Врете! — закричал старик; глаза у него округлились. — Все вы врете! Вы не люди! Вы только притворяетесь! Вы знаете, что я человек больной. Вы знаете, что меня легко обмануть. Я больной человек. У меня кровь течет. У меня это... это...

Он пошатнулся, схватился за живот и скорчился от боли.

— Что с вами?

Старик упал. Он побледнел и задыхался. На лице у него выступил пот.

— Желудок, — выдавил он. — Это у меня желудок...

Его вырвало, тяжело, с кровью.

— Мистер Джексон...

Но тот потерял сознание. Он лежал на спине с закрытыми глазами, и Стоун подумал было, что старик умер. Но затем увидел, что грудь его вздымается, хотя и очень-очень медленно.

Спустился Бертон.

- Кто это?
- Тот самый странник в белой рубаше. Помогите поднять его в кабину...
- Он жив?
- Пока да.
- Будь я проклят, — подвел черту Бертон.

Чтобы поднять в вертолет обмякшее тело Джексона, пришлось использовать лебедку. Потом спустили трос еще раз и втянули в кабину спутник. И только после этого Бертон и Стоун заняли свои места в вертолете.

Гермокостюмов они не сняли, а лишь подсоединили к ним свежие баллончики с кислородом, тем самым, обеспечив себя воздухом еще на два часа. Теперь запаса должно было хватить до конца полета.

Пилот связался с базой Ванденберг, и Стоун вызвал майора Мэнчика.

- Что вы там обнаружили? — спросил Мэнчик.
- Поселок мертв. У нас достаточно доказательств, что здесь действует совершенно необычный фактор.
- Осторожнее, — предупредил Мэнчик. — Разговор идет по открытому каналу...
- Знаю. Вы дадите запрос на применение директивы 7-12?
- Попытаюсь. Вы хотите сразу же?..
- Да, немедленно.
- Пидмонт?
- Да.
- Спутник захватили?
- Разумеется.
- Хорошо, — сказал Мэнчик. — Я дам запрос...

8. Директива 7-12

Директива 7-12 представляла собой часть документации по программе «Лесной пожар» и предусматривала порядок действий на случай возникновения чрезвычайной биологической ситуации. Согласно этой директиве, на месте соприкосновения земной жизни с внеземными организмами надлежало взорвать термоядерный заряд ограниченной мощности. Кодовым наименованием директивы служило слово «Прижигание»: взрыв преследовал целью «прижечь» заразу, распылить на атомы и тем предотвратить возможность ее распространения.

Операция «Прижигание» как пункт программы «Лесной пожар» была утверждена лишь после долгих препирательств между многими ведомствами — канцелярией президента, госдепартаментом, Министерством обороны и Комиссией по атомной энергии. Комиссия, и без того недовольная установкой ядерного устройства в самой лаборатории «Лесной пожар», всячески противилась включению операции в общую программу; госдепартамент и Министерство обороны указывали, что наземный ядерный взрыв, каковы бы ни были его цели, повлечет за собой серьезные международные осложнения.

Президент в конце концов утвердил директиву 7-12 с оговоркой, что окончательное решение о взрыве бомбы при операции «Прижигание» он примет единолично. Стоуна подобная опека не устраивала, но другого выхода не было: на президента сильно давили, чтобы он отказался от этой директивы вообще, и даже на компромисс он пошел лишь после продолжительных споров. К тому же нельзя было пренебречь и докладом Гудзоновского института.

Гудзоновскому институту по контракту было поручено изучить возможные последствия операции «При-

жигание». В представленном институтом докладе рассматривались четыре принципиальные ситуации (сценарные разработки), при которых президент может оказаться перед необходимостью отдать приказ о начале операции «Прижигание». По степени серьезности эти сценарные разработки располагались в следующем порядке:

1. Спутник или пилотируемый космический корабль приземлился в ненаселенном районе Соединенных Штатов. В этом случае взрыв может быть произведен без особого шума и с незначительными жертвами. Русских можно неофициально информировать о причинах нарушения Московского договора 1963 года, запрещающего испытания в атмосфере.

2. Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном американском городе. (В качестве примера был взят Чикаго). В этом случае взрыв приведет к значительным разрушениям и жертвам, и серьезным международным последствиям.

3. Спутник или пилотируемый корабль приземлился в крупном городе нейтралистской страны. (В качестве примера был взят Дели). Операция «Прижигание» будет означать в этом случае американскую интервенцию с применением ядерного оружия для предотвращения дальнейшего распространения болезни. Сценарные разработки содержали семнадцать вариантов возможного развития американо-советских отношений после разрушения города Дели. Двенадцать из них непосредственно вели к термоядерной войне.

4. Спутник или пилотируемый корабль приземлился в каком-нибудь из крупных советских городов. В таком случае по плану операции «Прижигание» Соединенным Штатам Америки нужно будет оповестить Советский Союз о случившемся и предложить русским разрушить город самим. Сценарные разработки Гуд-

зоновского института предусматривали шесть возможных вариантов дальнейшего развития американо-советских отношений, и все шесть вариантов кончались войной. Исходя из этого, было рекомендовано, чтобы Соединенные Штаты в случае приземления спутника на территории Советского Союза или социалистических стран, хранили полное молчание. В основе такого предложения лежал прогностический расчет, что эпидемия в России унесет от двух до пяти миллионов человек, в то время как взаимные термоядерные удары и контрудары обойдутся по меньшей мере в 250 миллионов жизней.

После ознакомления с докладом Гудзоновского института президент и его советники решили, что контроль над операцией «Прижигание» и ответственность за нее должны оставаться в руках политиков, а не ученых. Разумеется, конечные последствия такого подхода в то время никто не мог себе представить.

Решение по докладу Мэнчика Вашингтон принял меньше чем через час. Мотивы решения президента так и остались неясны, но суть его была весьма проста:

Президент почел за благо отложить применение директивы 7-12 на срок от 24 до 48 часов. Вместо бомбардировщиков он вызвал национальную гвардию и приказал ей оцепить район вокруг Пидмонта в радиусе шестидесяти километров. И стал ждать, что будет дальше.

9. Флэтрок

Дипломированный хирург Марк Уильям Холл сидел на тесном заднем сиденье истребителя «Ф-104», упершись глазами в папку, лежавшую на коленях. В последнюю минуту перед вылетом Ливитт передал

ему эту папку — тяжелую, толстую кипу бумаг в серой картонной обложке. Предполагалось, что Холл прочтет все это в полете, однако «Ф-104» был не слишком приспособлен для чтения: места едва хватало, чтобы держать руки на коленях, не говоря уже о том, чтобы раскрыть папку и читать.

И все-таки Холл ухитрялся читать.

На обложке печатными буквами по трафарету было выведено «Лесной пожар», а ниже шла зловещая надпись:

Все материалы настоящего дела совершенно секретны. Ознакомление с ними лиц, не имеющих на то полномочий, карается тюремным заключением сроком на 20 лет и штрафом 20 тысяч долларов.

Когда Ливитт вручил ему папку, Холл прочел предупреждение и присвистнул.

— Не принимайте этого всерьез, — откликнулся Ливитт.

— А что, только страшат?

— Черта с два! Если в эту папку заглянет кто-нибудь, кому не положено, он просто-напросто исчезнет... — Очень мило!..

— Прочтете, тогда увидите, почему, — сказал Ливитт.

Полет продолжался час сорок минут. Час сорок минут полнейшей, сверхъестественной тишины — скорость самолета в 1,8 раза превышала скорость звука. Холл пролистал почти всю папку; прочитать эти материалы ему оказалось не под силу. Многие страницы объемистой папки были заполнены перекрестными ссылками и служебными заметками, начисто ему непонятными. Первая страница была не менее заумна, чем последующие:

Программа: «Лесной пожар»

Компетенция: НАСА — Медслужба армии

Гриф: совершенно секретно

Классификация: государственной важности

Содержание: создание особо секретной лаборатории с целью предотвратить распространение токсичных внеземных агентов

Сопутствующие программы: «Чистота», «Нуль-загрязнение», «Прижигание»

Краткое содержание: Строительство лаборатории предписано распоряжением президента в январе 1965 г. Начало проектирования — март 1965 г. Консультации — Форт-Детрик и «Дженерал дайнэмикс» — июль 1965 г. Рекомендована постройка многоэтажного комплекса в пустынной местности для изучения возможных или вероятных вредоносных агентов. Спецификация рассмотрена в августе 1965 г. Утверждена с поправками тогда же. Окончательный проект составлен и зарегистрирован Медслужбой армии под кодовым наименованием «Лесной пожар» (копии: Детрик, Хоукинз). Площадка для строительства на северо-востоке штата Монтана рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на юго-западе штата Аризона рассмотрена в августе 1965 г. Площадка на северо-западе штата Невада рассмотрена в сентябре 1965 г. Площадка в Неваде утверждена в октябре 1965 г.

Строительство закончено в июле 1966 г. Финансирование по бюджету НАСА, Медслужбы армии, Министерства обороны (графа — неподотчетные резервы). Ассигнования на содержание и персонал лаборатории утверждены конгрессом по той же графе.

Основные последующие изменения: микропористые фильтры — см. стр. 74. Самоликвидационное устрой-

ство (ядерное) — стр. 88. Демонтирование ультрафиолетовых излучателей — стр. 81. Теория самоликвидации (теория решающего голоса) — стр. 255.

Штатное расписание из настоящего дела изъято. Данные по кадрам — только в делах Медслужбы армии («Лесной пожар»).

На второй странице были приведены основные параметры системы в целом, разработанные группой первичного планирования программы «Лесной пожар». Здесь была изложена общая конструктивная идея: лаборатория располагается на нескольких примерно однотипных горизонтах, и чем ниже уровень, тем он более стерилен.

Стр. 2 (всего 274 страницы)

Программа: «Лесной пожар»

Основные параметры

1. Предусматривается пять уровней:

Первый уровень. Не обеззараженный, но чистый. По стерильности соответствует больничной операционной или «чистому цеху» по техническим условиям НАСА. Вход без предварительного карантина.

Второй уровень. Минимальная стерилизация — гексахлорофеновая и метилтолуоловая ванны без полного погружения. Карантин в течение часа со сменой спецодежды.

Третий уровень. Усиленная стерилизация — ванна с полным погружением, ультрафиолетовое облучение, обязательный двухчасовой карантин для предварительных лабораторных исследований. Разрешен допуск персонала при наличии бестемпературных инфекций верхних дыхательных и мочеполовых путей. Допускается также вирусная симптоматика.

Четвертый уровень. Максимальная стерилизация — полное погружение последовательно в биокаиную, монохлорофеновую, ксантолизиновую и профиновую ванны с промежуточным ультрафиолетовым и инфракрасным облучением в течение тридцати минут. Запрещен допуск лиц с любыми видами инфекции, обнаруживаемыми симптоматически или по клиническим данным. Ежедневная медицинская проверка всего персонала. Карантин — шесть часов.

Пятый уровень. Многократная стерилизация — без ванн и анализов, но с уничтожением спецодежды два раза в день. Профилактическое введение антибиотиков в течение сорока восьми часов. Ежедневная проверка на привнесенную инфекцию на протяжении первых восьми дней пребывания.

2. На каждом уровне имеются:

а) *жилые помещения* (индивидуальные);
б) *помещения для отдыха*, в том числе кинозал и зал для спортивных игр;

в) *кафетерий-автомат*;

г) *библиотека* — ведущие периодические издания, размноженные на аппарате «Ксерокс», рассылаются из главной библиотеки на первом уровне или передаются по телевидению;

д) *убежище* — особонадежный антимикробный комплекс с полной защитой на случай заражения уровня;

е) *лаборатории*;

1) биохимическая, со всем необходимым оборудованием для автоматического анализа аминокислотного состава, определения последовательности аминокислот, окислительно-восстановительного потенциала, жиров и углеводов у людей, животных и других объектов;

2) патогистологическая, с электронным, фазово-контрастным и световым микроскопами, микротомом;

ми и лечебными кабинетами. На каждом уровне — пять штатных технических работников. Секционный зал. Комната для подопытных животных;

3) микробиологическая, со всем необходимым оборудованием для исследования роста, питания, а также для аналитических и иммунологических исследований. Секции бактериологическая, вирусологическая, паразитологическая и т.д.;

4) фармакологическая, со всеми необходимыми материалами для изучения дозировок и специфичности действия известных соединений на рецепторы. Постоянный запас лекарственных средств, в том числе наркотиков (см. приложение);

5) главный зал подопытных животных: 75 генетически чистых мышей, 27 крыс, 17 кошек, 12 собак, 8 приматов;

6) резервная лаборатория для непредвиденных экспериментов;

ж) *медицинская часть* для лечения персонала, включая операционную на случай неотложного хирургического вмешательства;

з) *средства связи для бесперебойного поддержания видеотелефонной и другой связи между уровнями.*

Проверяйте нумерацию страниц

Если обнаружите, что какой-либо страницы не хватает, докладывайте немедленно

Проверяйте нумерацию страниц

Читая дальше, Холл узнал, что на самом верхнем, первом уровне расположен крупный комплекс электронно-вычислительных машин для анализа поступающей информации, который обслуживает все уровни. Такая система была признана приемлемой, поскольку при решении биологических задач реальное астроно-

мическое время не имеет особого значения по сравнению с возможностью полного использования машинного времени; к тому же комплекс способен обрабатывать несколько задач одновременно.

Он продолжал листать папку в поисках раздела, который его заинтересовал — «Гипотеза решающего голоса», — и наткнулся на весьма необычную страницу.

Стр. 255 (всего 274 страницы)

По распоряжению Министра обороны данная страница из настоящего дела изъята

Номер страницы: двести пятьдесят пять (255)

Кодовое наименование программы: «Лесной пожар»

Содержание изъятого материала: Гипотеза решающего голоса

Для сведения читающего: данная страница изъята в соответствии с установленными правилами.

Докладывать об ее отсутствии нет необходимости.

Холл хмурился, разглядывая страницу и пытаясь уразуметь, что это значит, когда его окликнул пилот:

— Доктор Холл!

— Да?

— Только что прошли последний контрольный пункт. Через четыре минуты посадка...

— Хорошо. — Холл помолчал, потом спросил: — Вам известно, где мы садимся?

— Полагаю, во Флэтроке, штат Невада...

— Ясно, — сказал Холл.

Через несколько минут самолет выпустил закрылки и начал гасить скорость.

Невада — идеальное место для базы «Лесной пожар». Из пятидесяти штатов это седьмой по размерам территории и сорок девятый по численности населе-

ния, иначе говоря, самый малонаселенный штат после Аляски. А если учесть, что из 440 тысяч жителей «Серебряного штата» 85 процентов сосредоточены в трех городах — Лас-Вегасе, Рено и Керзон-Сити — и что средняя плотность населения здесь всего 1 человек на квадратный километр, то для выполнения программ, подобных «Лесному пожару», лучших условий просто не придумаешь. Не случайно на территории Невады размещено так много секретных баз.

Наряду с известным атомным полигоном Винтон-Флэтс Невада может похвастаться станцией сверхвысоких энергий в Мартиндейле и координационным центром ВВС вблизи поселка Лос-Гадос. Большинство таких учреждений расположено в южной части штата — они родились еще до того, как Лас-Вегас разросся и стал привлекать по 20 миллионов гостей в год. В более поздние времена для правительственных исследовательских станций была облюбована северо-западная, почти безлюдная окраина штата. В секретных списках Пентагона значится пять новых объектов в этом районе; чем там занимаются — никому не известно.

10. Первый уровень

Холл приземлился сразу после полудня, в самое жаркое время суток. Небо было бледное, безоблачное, солнце нещадно палило, и когда Холл шел по взлетной полосе к единственному строению — приземистому железному бараку, то, невзирая на февраль, размягченный асфальт проминался под ногами. Холл подумал даже, что аэродром этот, вероятно, предназначен в основном для ночных полетов: ночами здесь холодно, и асфальт, естественно, твердеет...

Внутри барака была прохлада — ее поддерживали два массивных рокочущих кондиционера. В углу при-
ткнулся карточный столик, и за ним два летчика иг-
рали в покер, попивая кофе; в другом углу часовой
с автоматом на ремне разговаривал по телефону. На
Холла часовой даже и не глянул.

Рядом с телефоном стояла кофеварка. Холл по-
дошел к ней вместе со своим пилотом, и они налили
себе по чашке.

— А где же городок? — спросил Холл, глотая
кофе. — Когда мы подлетели, я что-то ничего не
видел.

— Не знаю, сэр.

— Вы что, никогда здесь не бывали?

— Никак нет, сэр. Этот аэродром — в стороне от
основных маршрутов...

— Кого же он тогда обслуживает?..

Летчик не ответил — в комнате появился Ливитт
и жестом подозвал Холла. Тот последовал за мик-
робиологом в конец барака, и они вышли снова
в полдневную теплынь, к светло-голубой легковой
машине. На ней не было ни номера, ни других
опознавательных знаков; не было и шофера. Ливитт
втиснулся за руль и кивнул Холлу, чтобы тот
сел рядом.

— Невысоко нас тут ценят, я вижу, — сказал Холл,
когда машина тронулась.

— Еще как ценят! Просто шоферов здесь не дер-
жат. Численность персонала сокращена до минимума.
Чтобы поменьше было праздных болтунов.

Они ехали по унылой всхолмленной местности.
Вдали маячили голубые горы, дрожащие в полуденном
мареве. Дорога была ухабистая и пыльная, казалось,
она заброшена много лет назад. Холл спросил, как
это понять.

— Надувательство, — усмехнулся Ливитт. — Пришлось немало повозиться с этой дорожкой. Она обошлась в пять тысяч долларов...

— Почему?

Ливитт пожал плечами.

— Надо было убрать следы тракторов. Здесь и по соседним дорогам перевезено в разное время до черта всякого тяжелого оборудования. И нам совершенно не нужны расспросы...

— Кстати, о предосторожностях, — заметил Холл, помолчав. — Я в самолете читал материалы. Там упоминается ядерный самоликвидатор...

— Ну и что?

— Он существует?

— Существует.

Для организаторов лаборатории «Лесной пожар» это устройство было в свое время форменным камнем преткновения. Стоун и другие настаивали на том, чтобы право окончательного решения — взрывать или не взрывать — оставалось за ними. Комиссия по атомной энергии и исполнительные власти упирались. Ведь правительство никогда еще не выпускало контроль над ядерным устройством из своих рук. Стоун утверждал, что если в лаборатории произойдет утечка, у них попросту не будет времени, чтобы запросить Вашингтон и получить санкцию президента. Прошло немало месяцев, прежде чем президент внял этим доводам.

— Я там прочитал, — сказал Холл, — что устройство связано с какой-то «гипотезой решающего го-лоса».

— Так оно и есть.

— Но в чем там дело? Эта страница из моей папки изъята.

— Знаю, — сказал Ливитт. — Мы поговорим об этом потом.

Машина свернула с выщербленного асфальта на грунтовую дорогу и подняла такое облако пыли, что пришлось закрыть все окна. Холл достал сигарету.

— Это ваша последняя, — предупредил Ливитт.

— Ладно. Дайте хоть эту выкурить со вкусом...

По правую руку мелькнул щит с надписью «Государственная собственность. Вход воспрещен», но ни забора, ни охраны, ни собак не было — один только это обшарпанный, облезлый щит.

— Грандиозные меры безопасности, — заметил Холл.

— Не беспокойтесь, нас охраняют гораздо лучше, чем кажется. Просто мы стараемся не привлекать внимания...

Они проехали еще километра полтора, подсакивая на ухабах, и наконец перевалили через бугор. Перед Холлом открылся круг метров ста в диаметре, обнесенный высоким крепким забором, с колючей проволокой поверху. Внутри круга на неубранном кукурузном поле стояло небольшое деревянное здание.

— Кукуруза? — удивился Холл.

— А что? Разве не остроумно?

Подъехали к воротам. Навстречу вышел человек в грубых фермерских штанах и тенниске, с бутербродом в руке. Энергично работая челюстями, он отпер ворота. Потом подмигнул, улыбнулся и, не переставая жевать, махнул, чтобы проезжали. Вывеска у ворот гласила:

Государственная собственность

Министерство сельского хозяйства США

Опытная станция по освоению пустынных земель

Ливитт провел машину в ворота, затормозил у деревянного здания и вылез, оставив ключ в замке. Холл последовал за ним.

— А теперь куда?

— В дом, — ответил Ливитт.

Они вошли в здание и попали прямо в небольшую комнату. У шаткого столика сидел мужчина в ковбойской шляпе и клетчатой рубаше с плетеным галстуком. Он читал газету и, как тот сторож у ворот, закусывал. Подняв на них глаза, он добродушно осклабился.

— Привет, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил Ливитт.

— Могу помочь?

— Да мы проездом, — ответил Ливитт. — Едем в Рим.

Мужчина кивнул.

— А сколько времени?

— Часы вчера остановились, — ответил Ливитт.

— Обида какая, — сказал мужчина.

— А все из-за жары...

Удовлетворенный ответами, мужчина снова кивнул. Они прошли мимо него, через дверь и по коридору. С дверей по обе стороны на них смотрели написанные от руки печатными буквами таблички: «Выращивание саженцев», «Контроль влажности», «Анализ почв». В комнатах работало с полдюжины людей, разношерстно одетых и, по всей видимости, занятых делом.

— Это настоящая сельскохозяйственная станция, — пояснил Ливитт. — Если надо, тот мужчина может провести вас по комнатам и растолковать, чем занимается станция и какие опыты на ней поставлены. В основном они тут пытаются вывести сорт кукурузы для возделывания на сухих высокощелочных почвах...

— А «Лесной пожар»?..

— Здесь.

Ливитт открыл дверь, украшенную табличкой «Склад», и Холл увидел узкую каморку, заваленную граблями, мотыгами и шлангами для поливки.

— Входите же...

Холл вошел. Ливитт закрыл дверь — и Холл почувствовал, как пол начал проваливаться под ногами и они поехали куда-то вниз вместе с граблями и прочим барахлом.

Через несколько мгновений они очутились во вполне современной комнате, освещенной лампами дневного света. Стены были выкрашены в красный цвет. Комната была пустой, если не считать прямоугольного ящика по пояс человеку, похожего на лекционную кафедру. Сверху ящик прикрывало святящееся зеленоватое стекло.

— Пройдите к анализатору, — предложил Ливитт. — Руки положите на стекло ладонями вниз.

Холл так и сделал. Пальцы слегка кольнуло, и ящик издал гудящий звук.

— Все в порядке. Отойдите.

Ливитт в свою очередь положил руки на ящик, подождал, когда тот загудит, и сказал:

— Теперь, пожалуйста, сюда. Вас интересовали меры безопасности. Сейчас, прежде чем мы войдем в основные помещения, я вам кое-что покажу...

— А что это за ящик?

— Анализатор отпечатков пальцев и ладоней. Работает автоматически. Считывает до десяти тысяч дерматогrafических линий, так что ошибки быть не может. В блоке памяти у него заложены данные обо всех, кому разрешен доступ к «Лесному пожару».

Ливитт толкнул дверь в углу. За нею оказалась другая дверь с надписью «Охрана», бесшумно скользящая в сторону. Они вошли в затемненную комнату, где в окружении панелей с множеством святящихся шкал сидел один-единственный человек.

— Здравствуйте, Джон, — сказал Ливитт. — Как дела?

— Спасибо, доктор Ливитт, неплохо. Я видел, как вы подъехали.

Ливитт познакомил Холла с дежурным, и тот показал новичку свое хозяйство. На холмах вокруг базы были надежно укрыты два обзорных радиолокатора, которые контролировали подступы к ней. Немного ближе к ограде располагалось кольцо закопанных в грунт датчиков, сигнализирующих о приближении любого живого существа весом более сорока килограммов.

— Мы еще ни разу никого не упустили, — сказал дежурный. — А если и недоглядим... — он пожал плечами и, повернувшись к Ливитту, спросил: — Покажем ему собачек?

— Покажем, — ответил Ливитт.

Они прошли в соседнюю комнату. В ней сильно пахло зверинцем. Там стояли девять просторных клеток с девятью немецкими овчарками, самыми рослыми, каких Холлу когда-либо доводилось видеть.

Едва увидев людей, собаки принялись лаять, но Холл не услышал ни звука. Он изумленно смотрел, как они разевают пасти и трясут головами, будто лают, — и все равно ни звука.

— Это сторожевые псы армейской дрессировки, — сказал дежурный. — Злобные, как черти. Прогуливая их — и то приходится надевать защитный костюм и толстые перчатки. Голосовые связки у них вырезаны, потому их и не слышно. Безмолвные злобные черти...

— А приходилось вам... гм... использовать этих милых собачек?

— Нет, — сказал дежурный. — К счастью, не приходилось.

Маленькая комната со шкафчиками. На одном из них Холл увидел свою фамилию.

— Здесь переодеваемся, — пояснил Ливитт. Кивнул на вешалку с розовыми комбинезонами в углу. — Снимайте с себя все и надевайте один из этих...

Холл быстро переоделся. Просторный комбинезон застегивался сбоку на молнию. Потом они зашагали дальше по коридору.

Внезапно раздался резкий звонок, и коридор перед ними перегородила решетка. Над головами замигала белая лампочка. Холл растерялся. Ливитт поспешно отвернулся от слепящих вспышек. Холлу это показалось странным, но по-настоящему он вспомнил об этом лишь несколько дней спустя.

— Что-то не так, — сказал Ливитт. — Вы все с себя сняли? Кольцо, часы, совершенно все?

Холл глянул на правую руку — часы остались при нем.

— Идите назад, — сказал Ливитт, — положите часы в свой шкафчик.

Холл повиновался. Когда он вернулся и они продолжили свой путь, решетка не закрылась и звонок не зазвонил.

— Тоже автоматика? — поинтересовался Холл.

— Конечно, — сказал Ливитт. — Реагирует на любой посторонний предмет. Признаться, мы немного беспокоились, как быть с искусственными глазами, вставными зубами, сердечными стимуляторами, с любыми протезами вообще. Но, по счастью, ни у кого на базе таких протезов нет...

— А пломбы?

— Устройство запрограммировано так, что на пломбы оно не реагирует.

— Как оно работает?

— Что-то там с емкостными сопротивлениями. Я в этом не особенно разбираюсь...

Перед ними вспыхнуло табло:

Вы вступаете на первый уровень
Следуйте в кабинет контроля иммунизации

Холл заметил, что все стены выкрашены в красный цвет.

— Да, — подтвердил Ливитт. — У каждого уровня свой цвет: у первого — красный, у второго — желтый, у третьего — белый, у четвертого — зеленый, у пятого — голубой...

— При выборе цветов придерживались какой-нибудь определенной системы?

— Кажется, несколько лет назад на флоте собрали данные по психологическому воздействию цветового окружения, — ответил Ливитт. — Ну, а мы этими данными воспользовались.

Они подошли к кабинету иммунизации. Дверь скользнула в сторону, открыв три застекленные будки.

— Садитесь в любую.

— И тут автоматика?

— Разумеется...

Холл вошел в будку и закрыл за собой дверь. В будке было много всякой сложной аппаратуры и стояла кушетка. Перед нею — телевизионный экран, на котором светилось несколько точек.

— Прошу сесть, — раздался тусклый металлический голос. — Прошу сесть. Прошу сесть.

Холл сел.

— Следите за экраном. Лягте на кушетку так, чтобы точки погасли все до одной.

Он взглянул на экран и заметил теперь, что расположение точек примерно соответствует контурам человеческого тела.

Он поерзал на кушетке, и точки одна за другой исчезли.

— Очень хорошо, — продолжал голос. — Приступим. Прошу назвать свою фамилию, затем имя.

— Марк Холл.

— Прошу назвать свою фамилию и имя. Сначала фамилию, затем имя.

Одновременно на экране засветились слова:

Ответ не кодируется

— Холл Марк.

— Благодарю вас, — сказал голос. — Прочитайте стишок «У попа была собака».

— Бросьте шутить, — сказал Холл.

Последовала пауза. Из динамика доносился лишь слабый гул и щелканье реле. Наконец экран засветился снова:

Ответ не кодируется

— Прошу прочитать стишок «У попа была собака». Чувствуя себя совершенным идиотом, Холл начал:

— У попа была собака, он ее любил, она съела кусок мяса, он ее убил...

Снова пауза. Затем голос:

— Благодарю вас.

И на экране зажглось:

Анализаторы удостоверяют личность Холл Марк

— Прошу слушать внимательно, — сказал металлический голос. — На все последующие вопросы вы будете отвечать «да» или «нет». Воздерживайтесь от других ответов. Делали ли вы прививку от оспы на протяжении последних двенадцати месяцев?

— Да.

— От дифтерии?

— Да.

— От тифа и паратифа А и Б?

— Да.

— От столбняка?

— Да.

— От желтой лихорадки?

— Да, да, да! Все прививки делали...

— Прошу отвечать односложно. Несоблюдение правил влечет за собой пустую трату ценного машинного времени.

— Да, — повторил Холл, присмирив. Когда его вовлекли в группу «Лесной пожар», он подвергся предохранительным прививкам от всего на свете, включая чуму и холеру, и эти прививки возобновлялись каждые шесть месяцев; кроме того, ему впрыснули гамма-глобулин против вирусных инфекций.

— Болели ли вы когда-либо туберкулезом или другим микробактериальным заболеванием, не было ли у вас положительный кожной реакции на туберкулез?

— Нет.

— Болели ли вы когда-либо сифилисом или другим спирохетным заболеванием, не было ли у вас положительной серологической реакции на сифилис?

— Нет.

— Не было ли у вас за последний год болезней, вызванных грамположительной бактериальной флорой, например стрептококковой, стафилококковой или пневмококковой?

— Нет.

— Болезней, вызванных грамотрицательным возбудителем, например гонококком, менингококком, протеем, псевдомонасом, сальмонеллой или шигеллой?

— Нет.

— Нет ли и не было у вас грибковых заболеваний, в том числе бластомикоза, гистоплазмоза или кок-

цидиомикоза, не было ли у вас положительной кожной реакции на грибковые заболевания?

— Нет.

— Не было ли у вас в недавнем прошлом какой-либо вирусной инфекции, включая полиомиелит, гепатит, моновуклеоз, свинку, корь, ветряную оспу, лишай?

— Нет.

— Бородавки есть?

— Нет.

— Страдаете ли от какой-либо известной вам аллергии?

— Да. На пыльцу крестовика лугового.

На экране появились слова:

Крестовик роговой

И через секунду:

Ответ не кодируется

— Прошу ответ повторить для наших блоков памяти медленнее и отчетливее.

Холл старательно выговорил.

— **Крестовик луговой.**

На экране зажглось:

Крестовик луговой закодировано

— Страдаете ли аллергией к белковым веществам? — продолжал голос.

— Нет.

— Опрос закончен. Прошу раздеться и лечь на кушетку, как прежде, чтобы все точки исчезли.

Он повиновался. Мгновение спустя над ним повисла и опустилась совсем близко к телу ультрафиолетовая лампа на длинном кронштейне: рядом с ней было укреплено нечто вроде объектива. Холл увидел, как параллельно движению лампы на экране проступает развертка контуров его тела, начиная с ног.

— Производится обследование на грибок, — сообщил голос.

Через несколько минут Холлу было предложено перевернуться на живот, и процедура повторилась сначала. Потом ему велели снова лечь на спину, погасив точки на экране.

— Сейчас будут произведены замеры физических параметров, — продолжал голос. — Просьба не шевелиться на протяжении всего осмотра.

К нему змеями протянулись всевозможные провода с датчиками, и манипуляторы прижали их к телу. Назначение некоторых датчиков было ему понятно, например, с полдюжины присосков на грудь — для электрокардиограммы, двадцать один на голову — для электроэнцефалограммы. Но датчики крепились и на живот, и на руки, и на ноги.

— Поднимите левую руку, — приказал голос.

Холл подчинился, и спустившаяся сверху механическая рука, на которой по обе стороны были укреплены электрические глаза, обследовала его руку.

— Положите ладонь на панель слева. Не двигайтесь. При введении иглы в вену вы почувствуете легкий укол.

На экране вспыхнуло цветное изображение руки Холла — на голубом фоне зеленым узором проступали вены. Машина, видимо, была чувствительна к температуре тканей и органов человека. Он собрался было выразить протест, но тут ощутил резкий укол.

Взглянул опять на экран. Игла вошла в вену.

— Теперь только лежите спокойно. Расслабьтесь.

Секунд пятнадцать механизмы жужжали и щелкали. Затем все провода были убраны. Механические руки аккуратненько наложили на место укола заплатку из лейкопластыря.

— Замеры физических параметров окончены.

— Можно одеться?

— Пожалуйста, сядьте и повернитесь правым плечом в сторону телеэкрана. Вам будут сделаны пневмоинъекции.

Из стены выползла пушка на длинном кабеле, прижалась дулом к предплечью и выстрелила. Он услышал шипение и ощутил боль.

— Теперь можете одеться, — сказал голос. — Имейте в виду, что в течение нескольких часов у вас может быть легкое головокружение. Вы подверглись принудительной иммунизации, вам введен гамма-глобулин. Если zakружится голова, посидите. Если появится сильная реакция — тошнота, рвота, повышенная температура, — немедленно сообщите об этом врачу, обслуживающему соответствующий уровень. Все ясно?

— Да.

— Выход направо. Спасибо за точное выполнение всех указаний. Обследование закончено.

Холл шел за Ливиттом по длинному красному коридору. Рука все еще побаливала.

— Ну и машина, — сказал он. — Постарайтесь, чтобы Медицинская ассоциация о ней не пронюхала.

— Уже постарались...

Электронный анализатор организма был сконструирован фирмой «Сандеман индастриз» еще в 1965 году по общему правительственному заказу на разработку системы датчиков для контроля за жизнедеятельностью в условиях космического полета. Тогда правительство имело в виду, что такая установка, хотя и стоит ни много ни мало 87 тысяч долларов, со временем заменит врача как диагноста. Всем было ясно, конечно, что привыкнуть к новой машине и больным и врачам будет не так-то просто. Впрочем, анализатор не

предполагалось рассекретивать до 1971 года, да и после этого срока правительство собиралось дать разрешение на его приобретение только крупнейшим лечебным учреждениям.

Холл заметил, что стены коридора слегка искривлены.

— Где мы, собственно, сейчас находимся?

— На периметре первого уровня. Слева от нас лаборатории. Справа — ничего, кроме массива скальных пород.

По коридору прошли несколько человек, одетых в розовые комбинезоны; вид у всех был деловитый и озабоченный.

— А где остальные из нашей группы? — спросил Холл.

— Вот они.

Ливитт распахнул дверь с табличкой «Конференц-зал № 7», и они попали в комнату с большим дубовым столом посередине. У стола стоял Стоун, подтянутый и бодрый, будто только что принял холодный душ, а рядом с ним Бертон, какой-то жалкий и растерянный, с усталым-испуганным выражением глаз.

Они поздоровались и сели за стол. Стоун достал из кармана два ключа, один серебристый, другой красный. Красный ключ Стоун протянул Холлу:

— Повесьте на шею.

Холл уставился на ключ.

— Что это такое?

— Боюсь, что Марк еще ничего не знает о решающем голосе, — вставил Ливитт.

— Я думал, он в самолете прочтет.

— Ему достался экземпляр с купюрами.

— А, вот оно что... — Стоун повернулся к Холлу. — Так вы ничего не знаете о решающем голосе?

— Ничего. — Холл хмуро глядел на ключ.

— И никто вам не говорил, что важнейшим доводом в пользу вашего зачисления в группу было то, что вы холостяк?..

— А при чем тут...

— А при том, — сказал Стоун, — что вы и есть этот «решающий голос». Вы ключ ко всему этому делу. В буквальном смысле слова.

Он взял серебристый ключ и направился в дальний угол комнаты. Нажал на потайную кнопку, и кусок деревянной панели ушел в стену, обнажив блестящий металлический пульт. Стоун вставил свой ключ в прорезь и повернул его. На пульте зажглась зеленая лампочка. Он чуть отступил, и панель вернулась на место.

— Ниже самого нижнего, пятого уровня «Лесного пожара» находится ядерное самоликвидационное устройство, — сказал Стоун. — Управляется оно отсюда, из лаборатории. Только что, всунув ключ в замок, я поставил механизм на боевой взвод. Теперь устройство готово к взрыву. Ключ вставлен намертво, и вынуть его нельзя. Ваш ключ, наоборот, можно и вставить и вытащить. Детонатор бомбы срабатывает с трехминутным замедлением. Эти три минуты даются вам на то, чтобы еще подумать и, если найдете нужным, отменить взрыв.

Холл по-прежнему тупо смотрел на ключ.

— Но почему именно я?

— Потому что вы холостяк. Один из участников группы обязательно должен быть неженатым.

Стоун открыл портфель, вынул оттуда папку и подал Холлу.

— Прочтите...

Это был еще один экземпляр материалов по «Лесному пожару».

— Страница 255, — уточнил Стоун.

Холл отыскал ее.

Программа: «Лесной пожар»

Изменения:

- 1. Микропористые фильтры для установки в вентиляционной системе, по первоначальному проекту — однослойные полистироловые фильтры с максимальным захватом 97,4%. Заменены в 1966 г. фильтрами Апджона, способными задерживать организмы размером 1 микрон. При захвате каждым слоем до 90% трехслойный фильтр обеспечивает захват 99,9%. Остаточная возможность заражения, равная 0,1%, практического значения не имеет. Стоимость четырех- или пятислойных фильтров, уменьшающих возможность заражения до 0,001%, признана несоразмерной с увеличением надежности. Допуск в 1/1000 признан достаточным. Монтаж закончен 8.12.1966.**
- 2. Ядерное самоликвидационное устройство, реконструкция замедляющего устройства взрывателя. См. дело КАЭ/МО 77-12-0918.**
- 3. Ядерное самоликвидационное устройство, изменение графика технического обслуживания активной зоны. См. дело КАЭ/Варбург 77-14-0014.**
- 4. Ядерное самоликвидационное устройство, изменение процедуры принятия окончательного решения. См. дело КАЭ/МО 77-14-0023.**

Краткая справка прилагается

Справка о гипотезе решающего голоса. Впервые рассмотрена в качестве нулевой гипотезы консультативным комитетом по программе «Лесной пожар». Сформулирована на основе проведенных ВВС (Объединенное командование ПВО Северо-Американского континента) тестов на определение способности командиров принимать решения, влекущие за собой гибель людей. Тесты предусматривали принятие решений по десяти различным вводным с заранее заданными аль-

тернативами, разработанными психиатрическим отделением клиники Уолтера Рида на основе многократного анализа тестов, проведенного отделом биостатистики Национального института здравоохранения в Бетесде.

Тесту подверглись летчики стратегической авиации, наземный персонал, офицеры штаба ПВО и другие лица, по роду службы обязанные принимать решения или предпринимать самостоятельные действия. Десять вводных были разработаны Гудзоновским институтом; по каждой из вводных испытуемые должны были принять решение в форме «да» или «нет». Все решения были сопряжены с уничтожением объектов противника термоядерными или химико-бактериологическими средствами.

Данные по 7420 испытуемым обработаны по программе N_1N_2 многофакториального дисперсионного анализа; последующая обработка — по программе «Ановар»; окончательное просеивание данных по программе «Классификация», сущность которой охарактеризована отделом биостатистики Национального института здравоохранения следующим образом:

Цель настоящей программы — установить эффективность распределения отдельных лиц по различным группам на основании объективных количественных оценок. Программа позволяет установить границы групп и вероятностную достоверность классификации отдельных лиц как функции определенных данных.

Программа предусматривает выдачу ЭВМ средних оценок по группам, пределов достоверности разграничения, оценки отдельных испытуемых.

*К.Г.Боргранд, доктор наук
Национальный институт здравоохранения*

Результаты изучения гипотезы решающего голоса

По некоторым параметрам теста лица, не имеющие семьи, действовали иначе, чем семейные. Гудзоновский институт подготовил усредненные, «теоретически правильные» решения, полученные по аналогичным вводным на ЭВМ. На основе сравнения ответов различных групп испытуемых с этими решениями выведен индекс дееспособности, показатель числа правильных решений.

ГРУППА	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Женатые мужчины	0,343
Замужние женщины	0,399
Незамужние женщины	0,402
Холостые мужчины	0,824

Из этих данных явствует, что женатые мужчины принимают правильное решение лишь один раз из трех, в то время как холостые — четыре раза из пяти. Группа холостых мужчин была затем разделена на подгруппы в поисках возможно более точной классификации.

ПОДГРУППА	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Холостые мужчины в среднем	0,824
Военнослужащие:	
офицеры	0,655
младший командный состав	0,624
Инженерно-технические работники:	
инженеры	0,877
наземный персонал	0,901
Обслуживающий персонал (ремонт и служба быта)	0,753
Научные работники	0,946

Из приведенной таблицы не следует делать поспешных выводов относительно способности или неспособности лиц различных категорий принимать решения. По этим данным представляется, что дворники способны принимать более правильные решения, чем генералы, однако в действительности все много сложнее. Выданные машиной оценки являются суммарными по результатам испытаний и индивидуальным вариациям. Это следует учитывать при их истолковании, иначе возможны ошибочные выводы, чреватые опасными последствиями.

По требованию Комиссии по атомной энергии в период монтажа ядерного самоликвидатора тесту согласно вышеописанной методике подвергся командный состав базы, а также и весь остальной персонал, связанный с программой «Лесной пожар». Материалы по тесту находятся в деле «Лесной пожар»: тест «Классификация», «Персонал» (см. 77-14-0023). Данные теста по руководящей группе:

ФАМИЛИЯ	ИНДЕКС ДЕЕСПОСОБНОСТИ
Бертон	0,543
Рейнолдс	0,601
Керк	0,614
Стоун	0,678
Холл	0,899

Результаты специального теста подтверждают гипотезу решающего голоса, согласно которой окончательное решение по применению термоядерного или химико-бактериологического оружия должны принимать холостые мужчины.

— Чуть какая-то, — сказал Холл, когда кончил читать.

— Тем не менее, — отозвался Стоун, — только таким путем мы смогли убедить правительство передать контроль над оружием в наши руки...

— И вы всерьез рассчитываете, что я поверну свой ключ и взорву все это?

— Боюсь, что вы меня не поняли. Взрыватель действует автоматически. Если в лаборатории произойдет утечка инфекции и заражение распространится по всему пятому уровню, через три минуты произойдет взрыв. Это случится, если вы не вставите свой ключ и тем самым не отмените приказ.

— Ах, та-ак... — спокойно отозвался Холл.

11. Все ниже и ниже

Где то неподалеку зазвенел звонок. Стоун бросил взгляд на стенные часы: было уже поздно. Он начал излагать участникам группы их задачу; говорил он быстро, шагая взад-вперед по комнате и непрерывно жестикулируя.

— Как вам известно, мы сейчас находимся на самом верхнем уровне пятиэтажного подземного сооружения. Согласно инструкции, понадобятся почти сутки, чтобы пройти все стерилизационные и дезинфекционные процедуры и спуститься на нижний уровень. Чем раньше мы начнем, тем раньше кончим. Капсулу «Скуп» уже спускают вниз...

Он нажал кнопку на пульте с краю стола. Ожил телевизионный экран, и они увидели конусообразную капсулу в пластиковом мешке — она опускалась вниз, поддерживаемая автоматическими манипуляторами.

— В центральной шахте лаборатории, — продолжал Стоун, — располагаются лифты и коммуникации — трубы, кабели и тому подобное. Капсула сейчас там, но скоро она будет стоять в сверхстерильном боксе на нижнем уровне...

Он рассказал и о двух других неожиданных «находках», вывезенных из Пидмонта. На экране появилось изображение Питера Джексона на носилках. К венам обеих его рук сверху спускались какие-то трубки.

— Это человек уцелел. Это он бродил по поселку ночью, когда самолеты проводили съемку. Он был жив еще сегодня утром.

— Каково его состояние сейчас?

— Неопределенное. Устойчивая потеря сознания. Утром рвало кровью. Его держат на глюкозе, пока мы сами не доберемся до нижнего уровня.

Стоун щелкнул переключателем, и на экране показался грудной ребенок. Он был привязан к кровати и орал благим матом. В височную вену ему вливали питательный раствор.

— Этот малыш тоже выжил, так что пришлось прихватить и его, тем более что в действие введена директива 7-12. Сейчас поселка Пидмонт больше нет, он уничтожен ядерным взрывом. И, кроме того, малыш и Джексон — живые ключи к разгадке...

Затем Стоун и Бертон рассказали обо всем, что увидели и узнали в Пидмонте. Они сообщили об очевидных признаках мгновенной смерти, о странных самоубийствах, об отсутствии кровотечения, о свертывании крови во всей сосудистой системе...

Холл изумленно слушал. Ливитт только качал головой.

Когда все было рассказано, Стоун спросил:

— Вопросы будут?

— С вопросами можно подождать, — откликнулся Ливитт.

— Тогда начнем...

Начали они с двери, на которой простыми белыми буквами было написано: «На второй уровень». Надпись показалась Холлу очень уж незначительной, элементарной, будничной, что ли. Он ожидал чего-нибудь повнушительнее, например неприступного часового с автоматом или хотя бы вахтера, проверяющего пропусков. Но ничего такого не было. Не было ни пропусков, ни значков, ни удостоверений личности. Холл высказал Стоуну свое недоумение.

— Ну, — ответил тот, — от значков мы отказались с самого начала. Они могут переносить инфекцию, а стерилизовать их трудно: как правило, они пластмассовые и при высокой температуре плавятся...

Все четверо друг за другом переступили порог; дверь тяжело захлопнулась за ними и герметизировалась с шипящим звуком. Холл оказался в комнате, облицованной кафелем, где не было ничего, кроме ящика с надписью «Одежда». Он расстегнул молнию своего комбинезона, снял его и бросил в ящик. Вспыхнуло пламя, и комбинезон сгорел. Обернувшись на дверь, в которую он только что вошел, Холл увидел на ней табличку: «Выхода на первый уровень здесь НЕТ».

Он пожал плечами. Остальные уже проходили через другую дверь, на которой значилось всего одно слово: «Выход». Холл последовал за ними и погрузился в сплошное облако пара со странным запахом, слегка отдающим хвоей, — нетрудно было догадаться, что пахнет какое-то ароматизированное дезинфицирующее средство. Он сел на лавку, расслабил мышцы, и его начало обволакивать паром. Назначение парной было очевидно: от тепла раскрываются поры, и к тому же пар проникает в легкие.

Они сидели, почти не разговаривая, до тех пор, пока все тело с головы до ног не заблестело от пота, и только потом перешли в следующее помещение.

— Ну, и как вам? — спросил у Холла Ливитт.

— Похоже на римские бани...

В следующей комнате были неглубокая ванночка («Опустить ноги») и душ («Раствор не глотать. Беречь глаза и слизистые оболочки от прямого воздействия»). Словно их старались запугать. Холл попытался определить состав растворов по запаху, но не сумел; впрочем, душевая вода явно содержит щелочи — на ощупь она казалась мыльной. Он спросил у Ливитта, и тот ответил, что это раствор альфа-хлорофина при $\text{pH}^*7,7$. Еще Ливитт сказал, что, где только возможно, кислые и щелочные растворы чередуются.

— Если разобраться, — сказал Ливитт, — так это проблема из проблем. Как дезинфицировать человеческое тело, грязней которого, наверно, нет ничего во всей Вселенной, не уморив при этом человека? Любопытная задача...

Сказал — и побрел прочь. Холл вышел из-под душа, поискал глазами полотенце, но не обнаружил ничего похожего. Тогда он прошел еще через одну дверь — и с потолка на него обрушились потоки горячего воздуха. У стен зажглись кварцевые лампы, залив комнату неправдоподобно густым фиолетовым светом. Так он стоял, пока не прозвучал зуммер и сушильные вентиляторы не выключились. Ощущая на коже легкое жжение, он шагнул в очередную комнату, где их ждала одежда. Костюмы были другого фасона: уже не комбинезоны, а нечто вроде хирургической одежды желтого цвета — просторная рубаша с открытым воротом и короткими рукавами, брюки на резинке, а на ноги — открытые туфли на резиновой подошве, удобные и легкие.

* pH — показатель концентрации водородных ионов.

Ткань была мягкая, видимо синтетическая. Холл оделся, вместе со всеми прошел в дверь с табличкой «Выход на второй уровень» и сразу попал в лифт. Подождав, когда лифт остановится, он вышел в коридор, выкрашенный уже не красной краской, как на первом уровне, а желтой. Весь персонал тут был в желтой одежде. Медсестра, поджидавшая их у лифта, сообщила:

— Сейчас 14 часов 47 минут. Через час вы сможете продолжить спуск...

В небольшой комнате, где на дверях было обозначено «Промежуточный отдых», стояло с полдюжины диванчиков, покрытых пластиковыми простынями одноразового использования.

— Отдохните, — посоветовал Стоун. — Если можете, усните. На пятом уровне вам будет не до сна, так что набирайтесь сил заранее. — Подошел к Холлу: — Как вам понравилась методика обеззараживания?

— Любопытно, — ответил хирург. — Вы могли бы запродать ее шведам и заработать кучу денег. Но я, признаться, ожидал чего-нибудь построжее.

— Погодите, будет и построжее. На третьем и четвертом уровнях — медицинский осмотр. А потом — краткое совещание...

С этими словами Стоун прилег на диванчик и мгновенно уснул. Он научился этому много лет назад, когда проводил серию круглосуточных опытов. Приходилось приноравливаться, спать урывками. Теперь давнишние навыки понадобились снова.

Второй цикл дезинфекционных процедур в общем был похож на первый. Желтую одежду Холла тоже сожгли, хотя проносил он ее всего час.

— Вы не находите, что это расточительство? — спросил он у Бертон. Тот равнодушно передернул плечами:

— Это же бумага...

— Бумага? Эта материя — бумага?..

— Да, не материя, а бумага, — покачал головой Бертон. — Новая технология...

Потом они оказались в бассейне, и их заставили окунуться в воду с головой. Добивались этого очень просто: попасть из бассейна в следующее помещение можно было лишь через подводный проем. Инструкция требовала открыть под водой глаза. Когда Холл нырнул, он ощутил под веками несильное жжение, но все обошлось благополучно.

В очередной комнате их ждали шесть застекленных будок, похожих на телефонные. На табличке Холл прочитал: «Войти и закрыть глаза. Стать прямо, руки отвести от тела, ноги на ширине плеч. До сигнала зуммера глаза не открывать. Воздействие длинноволнового излучения может привести к слепоте».

Холл сделал все, что предписывалось, и ощутил, как на тело повеяло каким-то прохладным теплом. Минут через пять он услышал зуммер и открыл глаза. Тело было сухое. Следом за остальными он прошел поочередно под четырьмя душами и в конце концов добрался до вентиляторов, а затем и до одежды, теперь уже белой.

Лифт спустил их на следующий уровень — третий.

Здесь их встретили четыре медсестры, и одна из сестер проводила Холла в кабинет для осмотра. Осмотр длился два часа, но вела его не машина, а весьма дотошный и внешне совершенно равнодушный мо-

лодой врач. Холла эта невозмутимость раздражала, и ему подумалось, что лучше уж просто машина.

Врач интересовался всем: годом рождения, образованием, сведениями о членах семьи, перенесенными заболеваниями и случаями госпитализации. Так же исчерпывающе он провел и медицинский осмотр. Холл рассвирепел: кому все это, в самом деле, нужно! Но врач лишь пожал плечами:

— Таков порядок.

Через два часа он присоединился к своим товарищам, и они проследовали на четвертый уровень.

Еще четырежды он погружался в воду с головой, трижды подвергался попеременно ультрафиолетовому и инфракрасному облучению и дважды воздействию ультразвука, а под конец испытал нечто совсем потрясающее. Стальная кабинка, внутри — шлем на крючке. И надпись: «Аппарат «Ультравспышка». Для защиты волос на голове и на лице надежно прикройте шлемом голову, затем нажмите кнопку».

Холл не имел ни малейшего представления об ультравспышке и следовал инструкции, не ведая, что его ждет. Надел шлем и нажал кнопку.

Последовала мгновенная ослепительная вспышка света, и кабинку заполнила волна тепла. Еще была боль, настолько скоротечная, что едва он успел опустить ее, как она уже прошла. Он осторожно снял шлем и оглядел себя. Все тело было покрыто тончайшим слоем белесого пепла, и он сообразил: этот пепел — собственная его кожа, вернее то, что от нее осталось, — машина начисто сожгла верхний эпителиальный слой. Он пошел в душ и смыл с себя пепел, а когда добрался до раздевалки, там его ожидала зеленая одежда.

Еще один осмотр. Анализы — все, какие известны медицине: мокроты, эпителии полости рта, крови, мочи, кала. Он покорно дал осмотреть себя, прошел все обследования, отвечал на все вопросы. Он устал и начал немного ошалевать. Бесчисленные процедуры, новые ощущения, смена окраски на стенах — и повсюду этот безразличный искусственный свет...

Наконец, его привели обратно к Стоуну и остальным.

— На этом уровне мы пробудем шесть часов, до получения результатов всех анализов, — сказал Стоун. — Так что можете прикорнуть. Дальше по коридору комнаты с вашими именами на дверях. Еще дальше — буфет. Встретимся там через пять часов, а потом проведем небольшое совещание. Все ясно?

Холл нашел свою комнату по пластмассовой табличке на двери. Вошел и приятно удивился тому, что комната достаточно большая. Он ожидал увидеть что-нибудь вроде купе мягкого вагона, а эта была гораздо больше и лучше обставлена. Кровать, стул, письменный стол и панель ЭВМ со встроенным телеэкраном. ЭВМ его заинтересовала, но он ужасно устал. Лег и тотчас же уснул.

А Бертону не спалось. Он лежал на спине, смотрел в потолок и думал. Ему все мерещился поселок, распростертые на улице тела — и ни капли крови...

Он не был гематологом, но по роду работы ему иногда приходилось заниматься исследованием крови. Он знал, что на ее состав воздействуют многие бактерии. Например, его собственная работа по стафилококкам показала, что они выделяют два фермента, воздействующих на кровь. Один из этих ферментов, так называемый экзотоксин, помимо разрушения

кожи, растворял красные кровяные тельца. Другой был коагулянт, обволакивавший бактерию белком, чтобы противодействовать разрушительному действию лейкоцитов.

Следовательно, бактерии могут изменять состав крови. И делают это разными способами. Стрептококки выделяют фермент стрептокиназу, который растворяет сгустки крови; клостридии и пневмококки выделяют целый ряд гемолизин, разрушающих эритроциты; малярийные плазмодии и амебы также уничтожают эритроцитов — это их пища. Да и другие паразиты питаются аналогичным образом.

Значит, все это вполне возможно.

Однако до выяснения того, как именно действует микроорганизм, занесенный «Скупом-7», отсюда еще очень далеко.

Бертон попытался припомнить, в какой последовательности протекает свертывание крови. Вроде бы процесс напоминает ступенчатый водопад: один фермент активизируется и воздействует на другой, тот — на третий, третий — на четвертый, и так двенадцать или тринадцать ступеней, пока кровь, наконец, не свернется. И уж совсем смутно вспоминалось, какие именно это ступени, какие ферменты, какова роль металлов, ионов, местных факторов. Сложная, очень сложная механика...

Он мотнул головой и принудил себя заснуть.

Врач-микробиолог Питер Ливитт размышлял о том, как же выделить и определить возбудителя болезни. Ему уже приходилось думать над этим раньше: ведь он был одним из основателей группы, одним из тех, кто составил «Методику анализа жизни». Однако теперь, когда предстояло впервые осуществить раз-

работанную методику на практике, им овладели сомнения.

Тогда, два года назад, во время бесед после завтраков их чисто умозрительные построения казались необыкновенно точными и бесспорными. Это была занятная интеллектуальная игра, своего рода испытание ума. А теперь, когда им предстоит встретиться с реальным агентом, вызывающим вполне реальную, притом загадочную смерть, окажутся ли их планы на деле столь эффективными и полными, какими рисовались тогда?

Первые-то шаги легки. Скрупулезно обследовать капсулу, и все, что будет найдено, высеять на питательных средах. А дальше? Удастся ли сразу же выявить организм, с которым можно будет работать, экспериментировать, который можно будет опознать?

Главный вопрос — как он действует, почему убивает — можно поставить только потом. Правда, есть предположение, что смерть наступает из-за свертывания крови; если это подтвердится, то они уже на верном пути, но если нет? Тогда они попросту потеряют драгоценное время.

На ум пришел пример с холерой. Веками было известно, что холера смертельна, что она вызывает жесточайший понос, при котором организм теряет подчас более 30 литров жидкости в сутки. Это было известно доподлинно — и все же люди почему-то думали, что смертельный исход болезни никак не связан с поносом; они искали противоядие, лекарство, какой-нибудь способ убить бактерию. И только в самое последнее время удалось доказать, что холера смертельна главным образом вследствие обезвоживания организма. Достаточно только быстро возмещать потерю жидкости — и больной выздоровеет без всяких других лекарств.

Старинное врачебное правило: устрани симптомы — болезнь исчезнет сама. Но применимо ли это правило к организму, занесенному извне? Можно ли побороть болезнь, препятствуя свертыванию крови? Или же свертывание — явление производное, а первичное поражение гораздо глубже, гораздо серьезнее?

Был и другой вопрос, который мучил его еще на ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар». Уже тогда, на предварительных совещаниях, Ливитт предупреждал, что участники группы могут невзначай стать убийцами внеземных разумных существ.

«Все люди, — говорил он, — даже наиболее объективные, не могут избавиться от некоторых врожденных предрассудков, когда дело касается проблем жизни. Один из таких предрассудков — уверенность, что высокоразвитый организм по своим размерам всегда крупнее организма простого. На Земле это, несомненно, так. Чем выше развитие организма, тем он крупнее — от одной клетки к многоклеточным существам и далее к животным с функционально дифференцированными клетками, объединенными в группы, которые называются органами. На Земле развитие животного мира всегда шло от малого к большому, от простого к сложному.

А вне Земли? В какой-то иной точке Вселенной развитие могло идти в обратном направлении, ко все более мелким формам. Подобно тому как прогресс человеческой техники ведет к миниатюризации многих вещей, так и эволюция на какой-то более совершенной стадии, вполне возможно, приводит ко все более и более мелким формам жизни. Кстати, у этих форм жизни есть определенные преимущества перед крупными: им нужно меньше сырья, меньше пищи, космические полеты будут им стоить много дешевле...

Может статься, на некой отдаленной планете самые разумные существа размерами не более блохи. А может, не больше бактерии. В этом случае программа «Лесной пожар» привела бы к уничтожению высокоразвитой формы жизни, причем ученые даже не осознали бы, что они натворили...».

Впрочем, такие мысли приходили в голову не одному только Ливитту. До него подобные идеи высказывали Мертон в Гарварде и Чалмерс в Оксфорде. Чалмерс со свойственным ему чувством юмора рисовал такую картину: представьте себе, что вы смотрите в микроскоп, а бактерии на предметном стекле выстраиваются в слова: «Отнесите нас к своему вождю...».

Это казалось очень забавной шуткой. Ливитт частенько вспоминал слова Чалмерса, потому что такая шутка может, вполне может обернуться правдой.

Перед тем как уснуть, Стоун успел подумать о предстоящем совещании. И еще о метеорите. «Интересно, — подумал он, — что сказали бы Надь или Карп, узнай они о метеорите? Очень может быть, просто свихнулись бы. Может, мы еще и сами свихнемся...».

С тем он и заснул.

Три комнаты на первом уровне, где размещались все средства связи, обслуживающие лабораторию «Лесной пожар», были известны как сектор «Дельта». Через этот сектор проходили все линии связи между уровнями, все телефонные и телетайпные кабели, соединяющие лабораторию с внешним миром. И линии в библиотеку и на центральный склад также управлялись отсюда, из сектора «Дельта».

По сути дела, сектор представлял собой гигантский автоматический коммутатор, управляемый ЭВМ. В трех залах сектора царила тишина, нарушаемая лишь мягким шелестом магнитофонных лент да слабым пощелкиванием реле. Работал здесь всего один человек — он сидел у пульта, окруженный перемигивающимися огоньками. Собственно, в его присутствии здесь не было необходимости. ЭВМ представляли собой саморегулирующиеся устройства, через каждые двенадцать минут по всем схемам запускались проверочные задачи, и при малейшем отклонении в контрольных результатах машины автоматически отключались.

По инструкции на дежурном лежала одна обязанность — следить по секретной военной линии связи за сообщениями, о поступлении которых оповещал звонок на телетайпе. Когда он звякал, дежурный извещал об этом центры управления всех пяти уровней. Он был обязан также доложить командованию первого уровня о любой неполадке в работе ЭВМ — если такое невероятное происшествие когда-либо случится.

«ЛЕСНОЙ ПОЖАР»

12. Совещание

— Пора вставать, сэр...

Марк Холл открыл глаза. Комнату заливал ровный неяркий свет. Холл поморгал и перевернулся на живот.

— Пора вставать, сэр...

Очаровательный женский голос, тихий и обольстительный. Холл сел рывком на кровати и огляделся. Никого.

— Кто здесь?

— Пора вставать, сэр...

— Кто вы?

— Пора вставать, сэр...

Он дотянулся и нащупал кнопку на столике рядом с кроватью. Ночник погас. Он ждал, что голос зазвучит опять, но не дождался.

«Недурно придумано, — решил он, — мертвый и тот проснется...». Одеваясь, он прикидывал, как это может быть устроено. Явно не простая магнитофонная запись — действует наподобие рефлекса на внешний раздражитель. Предложение вставать повторялось, только если Холл говорил что-нибудь. Чтобы проверить свой вывод, он вновь нажал на кнопку ночника.

— Что вам угодно, сэр? — спросил тот же вкрадчивый голос.

— Я хотел бы знать, как вас зовут.

— Это все, сэр?

— Да, как будто все.

— Это все, сэр?..

Он подождал. Свет выключился сам собой. Он надел туфли и собирался уже выйти в коридор, когда услышал голос, на сей раз мужской:

— Доктор Холл! Говорит начальник службы оповещения. Попрошу вас впредь относиться к установленным у нас порядкам более серьезно.

Холл расхохотался. Выходит, не только отвечают на его замечания, но еще и записывают их на пленку. Остроумная система.

— Извините меня, — сказал он. — Я почему-то не сразу сообразил, что это магнитофон. Голос был такой обольстительный...

— Голос, — внушительно произнес начальник, — принадлежит мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха, шестидесяти трех лет от роду. Это ее профессия — диктовать команды для экипажей стратегических бомбардировщиков и всевозможные тексты программ голосового напоминания...

— Вот оно что, — сказал Холл.

Он вышел в коридор и направился в кафетерий. По дороге до него, наконец, дошло, почему проектировать «Лесной пожар» было поручено конструкторам подводных лодок. Оставшись без часов, он не имел ни малейшего представления о том, который теперь час и даже ночь снаружи или день. Интересно, много ли в кафетерии народу? И вообще — обед сейчас или завтрак?

В кафетерии, как оказалось, не было никого, кроме Ливитта. Тот сообщил, что остальные уже перешли

в комнату для совещаний, пододвинул Холлу стакан с какой-то темно-коричневой жидкостью и предложил позавтракать.

— А что это такое? — спросил Холл.

— Питательная жидкость сорок два — пять. Содержит все необходимые компоненты для поддержания жизнедеятельности организма мужчины весом в семьдесят килограммов на протяжении восемнадцати часов...

Холл выпил — жидкость напоминала густой сироп, ароматизированный под апельсиновый сок. Пить коричневый апельсиновый сок было, разумеется, не очень привычно, но вкус был относительно сносный. Ливитт пояснил, что напиток разрабатывали для космонавтов — в нем содержалось все, кроме растворимых в воздухе витаминов.

— Они вот в этой таблетке.

Холл проглотил таблетку и нацедил себе чашечку кофе из стоявшего в углу автомата.

— А где сахар?

Ливитт покачал головой.

— Сахара вы здесь не найдете. Никаких веществ, которые могли бы стать питательной средой для бактерий. Отныне все мы на высокобелковой диете. Необходимый нам сахар мы будем вырабатывать сами в результате разложения белков. Через пищевод вы никакого сахара не получите. А вот с другой стороны...

Он сунул руку в карман.

— Ну уж нет...

— Да, — сказал Ливитт и подал Холлу маленький цилиндр, завернутый в серебряную фольгу.

— Нет, — повторил Холл.

— Другие уже получили. Комплексное действие. Зайдите к себе в комнату и введите перед началом заключительных дезинфекционных процедур...

— Я терпел, когда меня вымачивали во всяких вонючих ваннах. Не говорил ни слова, когда меня облучали. Но будь я проклят, если...

— Идея заключается в том, чтобы на пятом уровне вы были стерильны, насколько это вообще возможно. Кожа и слизистая дыхательных путей уже продезинфицированы самым тщательным образом. Остался кишечник...

— Допустим. Но зачем свечи?..

— Ничего, привыкнете. Их выдают здесь всем первые четыре дня. Толку, конечно, от них мало... — добавил он с обычной пессимистической гримасой. — Пошли на совещание. Стоун хочет побеседовать с нами о Карпе.

— О ком, о ком?

— О Рудольфе Карпе.

Биохимик венгерского происхождения Рудольф Карп переехал в США из Англии в 1951 году. Он получил должность в Мичиганском университете и проработал там тихо и незаметно пять лет. Затем по предложению коллег из обсерватории Анн-Арбор он занялся изучением метеоритов. Перед ним была поставлена задача установить, не содержат ли метеориты живых организмов или хотя бы следов их существования. Карп отнесся к предложению очень серьезно и работал упорно, не сделав ни одной публикации на эту тему вплоть до начала шестидесятых годов, в то время как Келвин, Воон, Надь и многие другие выступали со статьями на аналогичные темы, одна сенсационнее другой.

Все доводы и контрдоводы, которыми они обменивались, выглядели крайне сложными, но результат, в сущности, был весьма прост: едва какой-нибудь уче-

ный объявлял, что обнаружил окаменелость, или углерод белкового происхождения, или какой-нибудь иной признак наличия живой материи в составе метеорита, критики тотчас же обвиняли смельчака в неряшливом проведении эксперимента и загрязнении объекта исследования веществами или организмами земного происхождения.

Карп, применявший скрупулезную, неторопливую методику, решил покончить со всеми этими препирательствами раз и навсегда. Он объявил, что принял особые меры против загрязнения: каждый исследуемый им метеорит предварительно промывался в двенадцати растворах, в том числе перекиси водорода, йоде, гипертоническом растворе и растворах кислот. После этого метеорит подвергался воздействию мощного ультрафиолетового излучения в течение двух дней. Наконец, Карп погружал его в бактерицидную жидкость и помещал в изолированную, абсолютно стерильную камеру, где и проводил остальные работы.

Расколов свои метеориты, Карп сумел выделить неземные бактерии. Он установил, что они представляют собой кольцообразные организмы, нечто вроде крохотной автомобильной камеры с волнистой поверхностью, и способны расти и размножаться. Карп заявил, что по своей структуре они в основном сходны с земными бактериями, построены из белков, углеводов и липоидов, но клеточное ядро у них отсутствует и потому способ их размножения остается тайной.

Сообщение обо всем этом Карп сделал в своей обычной сдержанной, мягкой манере и надеялся, что оно будет встречено благожелательно. Этого, увы, не случилось: на седьмой конференции по астрофизике и геофизике, состоявшейся в Лондоне в 1961 году, Карпа попросту высмеяли. Отчаявшись, он забросил работу с метеоритами, и выделенные им организмы

погибли при случайном взрыве в лаборатории в ночь на 27 июня 1963 года.

Таким образом, Карпу довелось пережить почти то же, что Надю и всем остальным. В начале шестидесятых годов ученые противились самой мысли о возможности существования жизни в метеоритах — любые доказательства в пользу такой возможности отвергались, высмеивались, игнорировались.

Тем не менее горсточка людей в ряде стран все же продолжала интересоваться этой проблемой. Одним из них был Джереми Стоун, другим — Питер Ливитт. Именно Ливитт еще за несколько лет до того сформулировал «Правило сорока восьми». «Правило» служило шутивным напоминанием о безбрежном море литературы, написанной в конце сороковых — пятидесятых годов по вопросу о числе хромосом у человека.

Много лет считалось, что в клетках человеческих тканей насчитывается по 48 хромосом; это подтверждалось фотографиями и множеством точнейших исследований. А в 1953 году группа американских цитологов объявила всему миру, что число хромосом у человека вовсе не 48, а 46. И опять в подтверждение приводились фотографии и составлялись монографии. Но эти цитологи пошли еще дальше, они подняли старые снимки и старые исследования и установили, что на тех снимках тоже было только 46, а не 48 хромосом.

Ливиттово «Правило сорока восьми» формулировалось просто: «Все ученые слепы». И Ливитт вспомнил о нем, когда увидел, какой прием был оказан Карпу и его единомышленникам. Ливитт просмотрел все публикации и статьи и не нашел никаких причин для того, чтобы с налету отвергать все исследования по метеоритам, — многие эксперименты были тщательно выполнены, очень обоснованны и убедительны.

Все это пришло ему на память, когда авторы программы «Лесной пожар» работали над исследованием, получившим название «Вектор-3». «Вектор-3» и еще одна работа — «Токсин-5» — составили теоретическое обоснование всего проекта.

«Вектор-3» рассматривал основной вопрос: если на Землю попадут чужеродные бактерии, которые вызовут неизвестную болезнь, то откуда могут быть занесены эти бактерии?

Ученые из группы «Лесной пожар» запросили мнение астрономов и специалистов по эволюционной теории и пришли к заключению, что источников тут может быть три.

Первый из них самоочевиден: бактерии занесены с другой планеты или из другой звездной системы, у них есть защитные средства, позволяющие им выжить в условиях сверхнизких температур и глубокого вакуума космического пространства. Возможность такая, несомненно, существует. Известно, например, что так называемые термофильные бактерии растут и бурно размножаются при температурах порядка $+70^{\circ}\text{C}$. Известно также, что микроорганизмы, обнаруженные в египетских гробницах и проведенные там тысячи лет, оказались все-таки жизнеспособными.

Секрет заключается в том, что бактерии способны принимать форму спор, образуя вокруг себя твердую оболочку из солей кальция. Эта оболочка помогает им противостоять как замораживанию, так и температуре кипения, а при необходимости тысячелетиями обходиться без пищи. Оболочка как бы сочетает в себе достоинства анабиотической камеры и космического скафандра.

Нет сомнений и в том, что споры могут перемещаться в космическом пространстве. Можно ли, однако, утверждать, что другая планета или другая галак-

тика — наиболее вероятные источники заражения извне?

На такой вопрос ответ ясен: нет, нельзя! Наиболее вероятный источник гораздо ближе — это сама Земля.

В работе «Вектор-3» высказывалось предположение, что миллиарды лет назад, когда жизнь в земных океанах и на жарких континентах только зарождалась, какие-то бактерии могли покинуть свою земную колыбель. Еще до появления рыб, до примитивных млекопитающих, задолго до первого обезьяночеловека бактерии могли быть подхвачены восходящими воздушными потоками и постепенно поднимались все выше, пока не оказались, наконец, в космическом пространстве. Так бактерии могли эволюционировать, принимая самые неожиданные формы, например научиться получать необходимую для жизни энергию прямо от Солнца и обходиться без пищи. А возможно, даже непосредственно преобразовывать энергию в материю.

Ливитт проводил аналогию между верхними слоями атмосферы и глубинами морей. И та и другая среды в равной степени враждебны жизни и тем не менее и та и другая способны поддерживать жизнь. В глубочайших, мрачнейших океанских впадинах, где кислорода крайне мало, а света вовсе нет, найдены разнообразные живые существа. Так почему бы им не сыскаться в самых верхних слоях атмосферы? Да, с кислородом там плохо. Да, пищи там почти нет. Но если жизнь могла спуститься на несколько километров ниже уровня моря, то почему она не могла подняться на много километров выше него?

И если там, на высоте, и вправду есть какие-то микроорганизмы, возникшие на Земле, но расставшиеся с нею задолго до появления первого человеческого существа, то для современных людей они окажутся опасными незнакомцами: против этих организмов

у людей не может быть иммунитета, они не могли ни приспособиться к этим бактериям, ни выработать антитела. Эти примитивные чужаки опасны для современного человека, подобно тому как акулы, примитивные рыбы, не изменившиеся на протяжении ста миллионов лет, представляли собой опасность для человека, когда он посмел впервые вторгнуться в океан...

Третий источник заражения извне, третий из рассмотренных в работе векторов, самый вероятный и в то же время сопряженный с наибольшими трудностями, — это современные земные микроорганизмы, вынесенные во внесземное пространство на недостаточно стерильных космических кораблях. В космосе эти бактерии встретятся с невесомостью, жесткой радиацией и другими факторами, обладающими мутагенным, вызывающим изменения организмов, действием. И когда они вернутся назад на Землю, то окажутся неузнаваемыми.

Поднимите в космос бактерию, практически безвредную, к примеру вызывающую гнойничковую сыпь или катар горла, — вернуться назад она может в самой неожиданной и смертоносной форме. От нее можно ожидать чего угодно. Она может предпочтительно поражать глазное яблоко, может питаться кислотными выделениями желудка, а может размножаться в слабых токах, генерируемых мозгом, и сводить людей с ума...

Однако самим членам группы «Лесной пожар» идея насчет мутантных бактерий казалась надуманной и маловероятной. Это смешно, особенно в свете последующей истории со штаммом «Андромеда», но факт остается фактом: группа упорно игнорировала как данные собственного опыта о способности бактерий к стремительным и резким мутациям, так и эксперименты, проведенные на биологических спутниках,

когда некоторые земные формы жизни были отправлены в космос, а затем возвращены на родную планету.

Спутник «Биосателлит-2» среди прочих организмов вынес во внеземное пространство и несколько видов бактерий. Впоследствии было сообщено, что они размножались в космосе в двадцать или тридцать раз быстрее обычного. Почему — оставалось неясным, но вывод сам по себе был неоспорим: космос способен воздействовать на размножение и рост микроорганизмов.

И все же никто из группы «Лесной пожар» не внял голосу фактов, пока не оказалось слишком поздно.

Сделав краткий обзор современных представлений о возможности существования определенных форм жизни в космосе, Стоун вручил всем членам группы по картонной папке.

— Здесь полный отчет о полете «Скупа-7», — сказал он. — Записи произведены с автоматической фиксацией времени. Все это надо просмотреть и постараться понять, что же случилось со спутником на орбите...

— А с ним что-нибудь случилось? — спросил Холл.

— В соответствии с программой, — пояснил Литтл, — спутник должен был оставаться на орбите шесть дней. Ясно ведь, что вероятность уловить неизвестные организмы прямо пропорциональна продолжительности полета. Орбита после запуска соответствовала расчетной, но на пятый день «Скуп» сошел с орбиты...

Холл задумчиво кивнул.

— Начнем с первой страницы, — предложил Стоун. Холл открыл свою папку.

— Как видите, протокол идеального запуска. Пожалуй, на этом нет смысла задерживаться. Здесь, да и в течение последующих 96 часов полета нет и намека на какую-либо неисправность на борту спутника. Откройте теперь страницу 10.

Они повиновались.

СТЕНОГРАММА СЛЕ-
ЖЕНИЯ

«СКУП-7»

ДАТА ЗАПУСКА
СОКРАЩЕННЫЙ ВА-
РИАНТ

ЧАСЫ МИН. СЕК.

ОПЕРАЦИЯ

0096	10	12	Станция Грэнд-Багама — по данным проверки орбита стабильная
0096	34	19	Сидней — по данным проверки орбита стабильная
0096	47	34	Ванденберг — по данным проверки орбита стабильная
0097	04	12	Мыс Кеннеди — орбита стабильная, но отмечена неисправность бортовых систем
0097	05	18	Неисправность подтверждена
0097	07	22	Грэнд-Багама: неисправность подтверждена. По данным ЭВМ наблюдаются орбитальные отклонения
0097	34	54	Сидней сообщает: орбитальные отклонения
0097	39	02	Ванденберг: расчеты указывают на схождение с орбиты
0098	27	14	Ванденберг: центр управления принял решение передать сигнал на вхождение в плотные слои атмосферы
0099	12	56	Сигнал передан
0099	13	13	Хьюстон сообщает: началось вхождение в плотные слои атмосферы. Снижение устойчивое

— Хорошо бы посмотреть переговоры между станциями в этот период.

— Центр говорил с Сиднеем, мысом Кеннеди и Грэнд-Багамой, все через Хьюстон. Кстати в Хьюстоне работает большая ЭВМ. Однако в данном случае Хьюстон только помогал — все решения принимались в Центре управления программой «Скуп» в Ванденберге. Стенограмма с пленок — в самом конце. Она кое-что раскрывает...

ЗАПИСЬ МИКРОФОННОЙ СВЯЗИ

ПРОГРАММА «СКУП»

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ

БАЗА ВВС ВАНДЕНБЕРГ

ВРЕМЯ ОТ 0096.59 ДО 0097.89

СЕКРЕТНО

ПОЛНАЯ СТЕНОГРАММА

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММЫ
0096	59	00	АЛЛО, КЕННЕДИ, Я ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ «СКУП». К КОНЦУ 96 ЧАСА ПОЛЕТА ВСЕ СТАНЦИИ СООБЩАЮТ: ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ, ДАЙТЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
0097	00	00	Наверное, дадим. Проверяем. Подождите, ребята, несколько минут. Оставайтесь на приеме
0097	03	31	Алло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. Стабильность орбиты на последнем витке подтверждаю. Прошу извинить за задержку, барахлит какая-то система
0097	03	34	КЕННЕДИ, ПРОШУ УТОЧНИТЬ: БАРАХЛИТ НА ЗЕМЛЕ ИЛИ НА СПУТНИКЕ?
0097	03	39	Пока еще не установлено. Кажется, на Земле

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	04	12	Аяло, ЦУ «Скуп». Я Кеннеди. По предварительным данным, отмечается неисправность бортовых систем спутника. Повторяю, по предварительным данным, неисправность на спутнике. Жду подтверждения
0097	04	15	КЕННЕДИ, УТОЧНИТЕ, В КАКОЙ СИСТЕМЕ?
0097	04	18	К сожалению, данных пока не имею. Ждем окончательных результатов
0097	04	21	ПОДТВЕРЖДАЕТЕ ЛИ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТАБИЛЬНОСТЬ ОРБИТЫ?
0097	04	22	Ванденберг, подтверждаю ваши данные: орбита стабильная. Повторяю, орбита стабильная
0097	05	18	Эй, Ванденберг, подтверждаю еще и другое. По нашим данным — на спутнике неисправность бортовых систем. В частности, системы стабилизации. Стрелка указателя стабилизации — у отметки двенадцать. Повторяю, у отметки двенадцать
0097	05	90	А ВЫ ПРОВЕРИЛИ ДОСТОВЕРНОСТЬ ДАННЫХ НА ЭВМ?
0097	05	35	Очень жаль, ребята, но наши ЭВМ все подтвердили. Сомнений нет, это неисправность на борту
0097	05	45	АЛЛО, ХЬЮСТОН, ДАЙТЕ СВЯЗЬ НА СИДНЕЙ, ХОТИМ ПРОВЕРИТЬ ПОСТУПИВШИЕ СВЕДЕНИЯ
0097	05	51	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Подтверждаю наше предыдущее сообщение. На последнем витке

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
			над нами на спутнике никаких неисправностей не отмечалось
0097	06	12	ПО ДАННЫМ ПРОВЕРКИ, НА ЭВМ НЕИСПРАВНОСТИ В СИСТЕМАХ ОТСТУТСТВУЮТ, ОРБИТА СТАБИЛЬНАЯ. СОМНЕВАЕМСЯ В ТОЧНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПРИБОРОВ КЕННЕДИ
0097	06	18	ЦУ «Скуп», я Кеннеди. Провели повторную проверку. Неисправность систем спутника по-прежнему подтверждаю. Есть ли у вас что-нибудь с Багамы?
0097	06	23	ПОКА ЧТО НЕТ, КЕННЕДИ, ЖДЕМ
0097	06	86	ХЬЮСТОН, Я ЦУ «СКУП». ЧТО ДАЕТ ДЛЯ НАС ВАША ГРУППА РАСЧЕТА ОРБИТЫ?
0097	06	46	Пока ничего нет. Для наших ЭВМ слишком мало данных. Они все еще подтверждают: орбита стабильная, все системы исправны
0097	07	22	ЦУ «Скуп», я станция Грэнд-Багама. Докладываю прохождение спутника «Скуп-7» согласно программе. Предварительно радиолокационные засечки в норме, но время прохождения почему-то увеличилось. Оставайтесь на приеме до получения данных телеметрии
0097	07	25	ЖДУ, ГРЭНД-БАГАМА
0097	07	29	ЦУ «Скуп», к сожалению, наблюдения Кеннеди подтверждаю. Повторяю, подтверждаю наблюдения Кеннеди о неисправности систем. Наши данные

ЧАСЫ МИН. СЕК.

РАДИОГРАММА

немедленно передаются в Хьюстон. Надо ли адресовать их параллельно и вам?

0097 07 34 НЕ НАДО, ПОДОЖДЕМ, ЧТО ВЫДАСТ ЭВМ ИЗ ХЬЮСТОНА. У НИХ ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ БЛОКИ МОЩНЕЕ

0097 07 36 ЦУ «Скуп», Хьюстон получил данные Багамы. Они обрабатываются по программе «Диспар». Дайте нам десять секунд

0097 07 47 ЦУ «Скуп», я Хьюстон. Программа «Диспар» подтверждает неисправность систем. Орбита спутника нестабильна, время прохождения увеличилось на ноль запятая три секунды на дуговую единицу. Анализируем параметры орбиты. Что проанализировать для вас еще?

0097 07 59 ДА ВРОДЕ НИЧЕГО, ПОХОЖЕ, ВЫ РАБОТАЕТЕ ОТЛИЧНО

0097 08 10 Обидно, «Скуп». Дело дрянь

0097 08 18 ДАЙТЕ КАК МОЖНО СКОРЕЕ ПОКАЗАТЕЛИ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ. КОМАНДОВАНИЕ ХОЧЕТ ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ НА УПРАВЛЯЕМЫЙ СПУСК В ПРЕДЕЛАХ ДВУХ ОЧЕРЕДНЫХ ВИТКОВ

0097 08 32 Вас понял, «Скуп». Наши соболезнования

0097 11 35 «Скуп». Хьюстонская группа расчета орбиты подтверждает нарушение стабильности. Параметры схода уже передаются вам по другому каналу

0097 11 41 КАК ОНИ ВЫГЛЯДЯТ, ХЬЮСТОН?

0097 11 51 Плохо

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	11	59	ВАС НЕ ПОНЯЛ. ПРОШУ ПОВТОРИТЬ
0097	12	07	Плохо. По буквам: полет, липа, орбита, хлам, осечка
0097	12	15	ХЬЮСТОН, ВЫЯСНИЛИ, В ЧЕМ ДЕЛО? СПУТНИК ПРОБЫЛ НА РАСЧЕТНОЙ ОРБИТЕ ПОЧТИ СТО ЧАСОВ, ЧТО С НИМ СЛУЧИЛОСЬ?
0097	12	29	Сами не понимаем. Может, столкновение? На новой орбите значительная прецессия
0097	12	44	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ ОБРАБАТЫВАЮТ ПЕРЕДАННЫЕ ВАМИ ДАННЫЕ. МЫ ТОЖЕ ДУМАЕМ, ЧТО БЫЛО СТОЛКНОВЕНИЕ. У ВАС ТАМ, РЕБЯТА, ПО СОСЕДСТВУ В КОСМОСЕ НИКТО НЕ БОЛТАЕТСЯ?
0097	13	01	Служба наблюдения ВВС подтверждает, что вокруг вашего малыша все чисто, «Скуп»
0097	13	50	ХЬЮСТОН, НАШИ ЭВМ РАСЦЕНИВАЮТ ЭТО КАК СЛУЧАЙНОЕ СОБЫТИЕ. ВЕРОЯТНОСТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ НОЛЬ ЗАПЯТАЯ СЕМЬ ДЕВЯТЬ
0097	15	00	Что тут еще скажешь? Наверно, так и есть. Будете сажать?
0097	15	15	РЕШЕНИЕ ПОКА ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ, ХЬЮСТОН. КАК ТОЛЬКО ПРИЕМ — СООБЩИМ
0097	17	54	ХЬЮСТОН, У НАШЕГО КОМАНДОВАНИЯ ЕСТЬ ВОПРОС, НЕ МОГЛО ЛИ СЛУЧИТЬСЯ, ЧТО...

ЧАСЫ	МИН.	СЕК.	РАДИОГРАММА
0097	17	59	(ответ из Хьюстона изъят)
0097	18	43	(вопрос ЦУ «Скуп» Хьюстону изъят)
0097	19	03	(ответ из Хьюстона изъят)
0097	19	11	СОГЛАСНЫ, ХЬЮСТОН, ПРИМЕМ РЕШЕНИЕ, КАК ТОЛЬКО ПОЛУЧИМ ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СХОЖДЕНИЯ С ОРБИТЫ ИЗ СИДНЕЙ. ВАС ЭТО УСТРОИТ?
0097	19	50	Вполне, «Скуп». Жду.
0097	24	32	ХЬЮСТОН, МЫ ТУТ ПЕРЕСМОТРЕЛИ ВСЕ ДАННЫЕ И ТЕПЕРЬ СЧИТАЕМ, ЧТО... НЕ МОГЛО БЫТЬ...
0097	24	39	Вас понял, «Скуп»
0097	29	13	ХЬЮСТОН, ВОТ-ВОТ ЖДУ СВЯЗИ С СИДНЕЕМ
0097	34	54	Центр управления «Скуп», я станция Сидней. Только что проследили пролет спутника. Наши первоначальные данные подтверждаются. Время прохождения возросло. Для данной стадии оно поразительно велико
0097	35	12	БЛАГОДАРЮ, СИДНЕЙ
0097	35	22	Не повезло вам, «Скуп». Сожалею
0097	39	02	ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ «СКУП» КО ВСЕМ СТАНЦИЯМ СЛЕЖЕНИЯ. НАШИ ЭВМ РАССЧИТАЛИ ПАРАМЕТРЫ СХОДА СПУТНИКА С ОРБИТЫ. ЖДИТЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ — КОГДА НАЧНЕМ ЕГО СНИЖАТЬ

— А что здесь за купюры? — спросил Холл.

— Майор Мэнчик с базы Ванденберг сообщил мне, ответил Стоун, — что речь шла о русских спутниках в этой зоне. Но в конце концов и в Хьюстоне и в Ванденберге пришли к выводу, что русские ни случайно, ни умышленно не сбивали «Скуп» с орбиты. Других мнений никто не высказывал...

Все согласно кивнули.

— Соблазн, конечно, велик, — продолжал Стоун. — Но в системе ВВС есть специальная станция в Кентукки, которая следит за всеми спутниками на околоземных орбитах. Задача у этой станции двойная: наблюдать за спутниками, уже известными ранее, и обнаруживать новые. В настоящее время вокруг Земли обращается двенадцать неопознанных спутников; точнее, это не наши, но и не те из советских, о запуске которых было объявлено. Но главное в другом: русские они или там какие, а наверху сейчас болтается до черта всяких спутников. На прошлую пятницу, согласно данным ВВС, на орбитах вокруг Земли обращалось 587 искусственных тел. Сюда входят старые, давно уже не функционирующие американские спутники «Эксплорер» и русские первых серий. В это число включены также носители и последние ступени ракет, короче, все объекты на стабильных орбитах, фиксируемые лучом локатора...

— Вот не знал, что спутников так много, — заметил Холл.

— Вероятно, их гораздо больше. Специалисты из ВВС считают, что вокруг Земли летает множество всякого лама — гайки, болты, куски металла — и по довольно стабильным орбитам. Конечно, совершенно стабильных орбит, как вам известно, не бывает. Без регулярных коррекций спутник в конечном счете сойдет с орбиты и начнет по спирали снижаться к Зем-

ле, пока не сгорит в плотных слоях атмосферы. Но с момента запуска до гибели спутника могут пройти годы и даже десятилетия. В общем ВВС ориентировочно оценивают общее число объектов, летающих по орбитам спутников Земли, тысяч в семьдесят пять...

— Так что «Скуп» мог и столкнуться с каким-нибудь мелким обломком?

— Вот именно. Вполне мог.

— А с метеоритом?

— Такая возможность тоже есть, и Ванденберг отдает предпочтение именно ей. Случайное событие, вероятнее всего, метеорит...

— Были в эти дни метеоритные ливни?

— Судя по всему, нет. Но это отнюдь не исключает столкновения с метеоритом-одиночкой...

— Хм, — прокашлялся Ливитт, — не забудьте, что есть еще одна возможность...

Стоун поморщился. Он знал, что микробиолог наделен богатым воображением и что это качество составляет и силу и слабость Ливитта как ученого. По временам предположения Ливитта ошеломляли и от них захватывало дух, иногда же они вызывали просто раздражение.

— Не слишком ли фантастично предполагать, — сказал Стоун, — что спутник обязательно наскочил на обломок внегалактического происхождения? Скорее все же...

— Согласен, — перебил Ливитт, — это фантастично. Гипотеза, что называется, притянута за уши. Но думаю, что забывать о ней мы не имеем права...

Раздался глухой удар гонга. Вкрадчивый голос ему знакомой Холлу мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха тихо сказал:

— Господа, вы можете проследовать на пятый уровень.

13. Пятый уровень

Стены тут были окрашены в спокойный голубой цвет, и комбинезоны тоже были голубые. Бертон показал Холлу все помещения.

— Этот уровень в плане выглядит так же, как и другие: кольцо, вернее несколько концентрических колец. Сейчас мы с вами во внешнем кольце — здесь мы живем, здесь же кафетерий, спальни и все такое. В следующем кольце — лаборатории. А за ними — герметически изолированная от нас центральная часть. Там-то и находятся спутник и оба выживших...

— Так они от нас изолированы?

— Совершенно верно.

— Как же мы до них доберемся?

— Вы когда-нибудь пользовались защитной камерой с перчатками? — спросил Бертон.

Холл покачал головой. Бертон объяснил, что так называются прозрачные камеры для работы со стерильными материалами. В стенках камер прорезаны дырки с герметически закрепленными перчатками. Всунешь руки в перчатки — и работаешь с материалами в камере, прикасаясь к ним не пальцами, а стерильной поверхностью перчаток.

— Мы пошли еще дальше, — продолжал Бертон. — У нас целые комнаты представляют собой гипертрофированные защитные камеры. Там уже не рукавицы, а комбинезоны из пластика, куда можно влезть целиком. В общем увидите...

По дугообразному коридору они подошли к двери с табличкой «Главный контроль». Ливитт и Стоун уже были там и молча работали. «Контроль» представлял собой довольно тесную комнату, забитую всевозможной электронной аппаратурой. Одна стена была стек-

лянной, и сквозь нее можно было видеть все, что делается в соседнем помещении.

Холл, никогда раньше не видевший капсулу «Скуп», с интересом следил сквозь стекло, как механические руки подняли ее и бережно опустили на стол. Она оказалась меньше, чем он ожидал, — всего около метра длиной; один ее конец был опален и оплавлен при вхождении в плотные слои атмосферы. Механические руки откинули маленький ковшеобразный лоток на боковой поверхности капсулы и открыли доступ внутрь.

— Ну вот, — сказал Стоун, снимая пальцы с рукоятки управления. Рукоятки были похожи на медные кастеты. Оператор вставлял в них свои руки, и манипуляторы за стеной в точности повторяли любое его движение. — Следующая наша задача — определить, сохранились ли в капсуле биологически активные агенты. Какие будут предложения?

— Крыса, — ответил Ливитт. — Черная норвежская крыса.

Черная норвежская крыса на самом деле совсем не черная: название просто обозначает породу лабораторных животных, вероятно, самую знаменитую в истории науки. Когда-то, разумеется, крыса эта была и черной, и норвежской; но за многие годы, что ее разводили искусственно, она постепенно сделалась белой, маленькой и совершенно ручной. «Биологический взрыв» создал огромный спрос на генетически однообразных животных, и за последние тридцать лет было выведено более тысячи «чистых», специально лабораторных пород. Теперь любой ученый в любой стране может ставить на черной норвежской крысе любые опыты с полной уверенностью, что другие ученые в других странах могут проверить или продолжить его работу на практически идентичном материале.

— И повторить на резусе, — добавил Бертон. — Рано или поздно придется перейти к приматам...

Возражений не последовало. Программа «Лесной пожар» предусматривала, что наряду с опытами на мелких животных может возникнуть необходимость использовать низших и даже высших обезьян. Вообще говоря, с обезьянами работать очень нелегко: приматы слишком враждебны, слишком быстры и сообразительны. Особенно не любят ученые южноамериканских обезьян с хватательными хвостами: во время укола обезьяну держат три-четыре лаборанта и все же та ухитряется цапнуть шприц хвостом и зашвырнуть в другой угол лаборатории...

Теоретическое обоснование опытов с приматами очевидно: биологически они ближе всего к человеку. В пятидесятых годах отдельные экспериментаторы, не останавливаясь перед хлопотами и расходами, пытались ставить опыты на гориллах — внешне самых похожих на человека животных. Но к 1960 году было доказано, что биохимически ближайший родственник человека — не горилла, а шимпанзе. (Вообще подбор лабораторных животных по принципу сходства с человеком приводит подчас к удивительным результатам. Например, для иммунологических и онкологических исследований лучше всего, как оказалось, подходит хомяк, поскольку реакции его весьма близки человеческим, а при изучении деятельности сердца и системы кровообращения человека самый подходящий объект, как ни странно, свинья).

Стоун снова взялся за рукоятки манипулятора и начал осторожно двигать ими. Сквозь стекло было отчетливо видно, как металлические пальцы протянулись к дальней стене смежного помещения — там стояло несколько клеток с лабораторными животными, отделенных от комнаты герметической переборкой с не-

сколькими дверцами. Эти дверцы почему-то напомнили Холлу автоматы для продажи закусок.

Механические руки открыли одну дверцу, вынули клетку с крысой, вынесли на середину и поставили рядом с капсулой. Крыса огляделась, принялась, вытянув шею, и тут же свалилась на бок, дернулась разок и застыла. Все произошло с такой ошеломляющей скоростью, что Холл едва поверил своим глазам.

— Боже! — вымолвил Стоун. — Вот это быстро!..

— Трудновато нам будет, — пробурчал Ливитт.

— Можно попробовать меченые атомы, — предложил Бертон.

— Да, потом придется, — согласился Стоун. — А пока скажите, с какой скоростью работает наше сканирующее устройство?

— Миллисекунды, если понадобится.

— Безусловно понадобится.

— Давайте попробуем на резусе, — повторил свое Бертон. — И для вскрытия удобнее.

Стоун повел механические руки обратно к стене, открыл другую дверцу и вытянул клетку, в которой сидела большая взрослая обезьяна-резус. Когда клетка оторвалась от пола, обезьяна взвизгнула и забилась о прутья решетки. И, вскинув лапу к груди, умерла с гримасой удивления на морде.

Стоун покачал головой.

— По крайней мере, теперь мы знаем одно: убийца из Пидмонта по-прежнему биологически активен. Он не исчез, он все так же могуществен. — Стоун вздохнул. — Если только «могуществен» — достаточно точное слово...

— Начнем сканирование капсулы, — сказал Ливитт.

— А я заберу трупы, — добавил Бертон, — и постараюсь выяснить, с чего начинается болезнь. Вскрою потом.

Стоун вновь повернулся к манипулятору. Поднял клетки с крысой и обезьяной и установил их на гибкую ленту транспортера у противоположной стены. Нажал на пульте кнопку, помеченную «Секционная». Транспортер пришел в движение. Бертон вышел из лаборатории и по коридору направился туда же, куда унес клетки транспортер, — в секционную при патологической лаборатории.

— Вы среди нас единственный врач, — обратился Стоун к Холлу. — Боюсь, что теперь вам предстоит крепко поработать.

— В качестве геронтолога и педиатра?

— Вот именно. Увидите сами, что там удастся выяснить. Оба ваши пациента в так называемой общей лаборатории, предназначенной как раз для всяких неожиданных случаев вроде этого. Там есть пульт для связи с вычислительным центром. Лаборантка покажет вам, как этой связью пользоваться...

14. Общая лаборатория

Холл распахнул дверь с табличкой «Общая лаборатория» и подумал, что название звучит иронически: что общего может быть между стариком и грудным младенцем, кроме общей задачи — сохранить жизнь обоим? Оба они крайне нужны для успеха программы в целом, но справиться с подобной задачей будет, разумеется, нелегко...

Очутился он в небольшой комнате вроде той, какую только что покинул. Здесь тоже было широкое окно, и сквозь него просматривалось внутреннее поме-

щение. Там стояли две кровати — на одной лежал Питер Джексон, на другой — младенец. Но поразительнее всего были четыре раздутых прозрачных костюма, формой напоминавших человеческие фигуры. Они стояли рядом с кроватями; от каждого костюма к стене лаборатории тянулся толстый туннель — шланг.

Очевидно, по туннелю можно было проползти к костюму, залезть в него и тогда уже работать с пациентами, не прикасаясь к ним.

Лаборантка, назначенная ему в помощь, сидела, склонившись над панелью ЭВМ. Увидев Холла, она сказала, что зовут ее Карен Ансон, и объяснила, как действует вычислительная система.

— Это только одна из подстанций, а по всему «Лесному пожару» их тридцать, и все подключены к электронно-вычислительному центру на первом уровне. Ему могут давать задания одновременно тридцать человек...

Холл кивнул. Принцип экономии машинного времени был ему понятен. Благодаря этому принципу услугами одной вычислительной машины могут пользоваться одновременно до двухсот человек. Машина срабатывает за доли секунды, а человек на любое действие тратит секунды и минуты. Чтобы пуншировать ленту с командой, требуется несколько минут, а когда команда введена, машина выдает ответ почти мгновенно. Иначе говоря, если на машине работает лишь один человек, она большую часть времени простаивает. Но если одновременно ставить машине много задач, то можно достичь почти полной ее загрузки.

— При большой загрузке машины, — продолжала лаборантка, — ответ может задержаться на одну-две секунды. Но, как правило, он выдается сразу же. Мы здесь работаем по программе «Медком». Слышали вы о ней?

Холл покачал головой.

— Программа анализа медицинских данных. Вы вводите информацию, а машина ставит диагноз, рекомендует метод лечения или указывает, какие еще данные нужны, чтобы подтвердить диагноз...

— Что ж, это, должно быть, удобно.

— Главное — быстро, — сказала Карен. — Все лабораторные исследования производятся у нас автоматически, так что на постановку самого сложного диагноза уходит всего несколько минут...

Холл взглянул сквозь стекло на пациентов.

— Им что-нибудь уже делали?

— Нет, ничего. Еще на первом уровне начали внутривенные вливания. В настоящее время водный баланс у обоих, по-видимому, восстановлен, опасности для жизни нет. Джексон все еще без сознания. Реакция зрачков отсутствует, на внешние раздражители тоже не реагирует. Анемичен.

Холл коротко кивнул.

— Анализы здесь возможны любые?

— Любые. Хотите — на гормоны надпочечников, хотите на протромбиновое время. В общем все, какие известны в лабораторной практике.

— Хорошо. Тогда начнем...

Карен нажала клавишу, подключающую ЭВМ.

— Анализы закажите сами. Возьмите этот световой карандаш и отметьте нужные. Просто прикоснитесь карандашом к экрану...

Она подала ему миниатюрный карандаш и нажала еще одну кнопку.

Экран засветился. На нем появился перечень всех анализов, какие могут быть заказаны машине.

Холл уставился на перечень, затем прикоснулся карандашом к названиям анализов, которые хотел получить; они тут же исчезли с экрана. Затребовав пят-

надцать-двадцать различных анализов, он отошел от пульта.

Изображение исчезло с экрана, его сменило новое:

Для заказанных анализов от каждого пациента потребуется 20
куб. см цельной крови
10 куб. см щавелевокислой крови
12 куб. см лимоннокислой крови
15 куб. см мочи

— Я возьму кровь для анализов, — сказала лаборантка. — Вы, наверно, не бывали раньше в такой лаборатории?

Холл нехотя покачал головой.

— Все очень просто. Мы проползаем по туннелям к костюмам, и туннели герметически перекрываются...

— Вот как?

— Это на случай, если с нами что-нибудь произойдет. Например, надрыв или прокол; как говорится в инструкции, — «если нарушится целостность поверхности костюма». Чтобы бактерии не смогли проникнуть наружу...

— Значит, мы там будем взаперти?

— Да, конечно. Воздух в костюмы поступает из автономной системы — вон, видите, такие тоненькие трубочки... По существу, внутри костюма вы изолированы от всего мира. Но волноваться из-за этого не стоит. Повредить костюм можно, только случайно прорезав его скальпелем, а вы попробуйте прорежьте: рукавицы трехслойные...

Карен показала Холлу, как пролезть в туннель, он повторил ее движения — и встал на ноги внутри прозрачной оболочки. Он почувствовал себя каким-то неуклюжим и допотопным пресмыкающимся, ходить было тяжело и неудобно, а сзади, как огромный хвост, волочился туннель-шланг.

Через мгновение раздался шипящий звук: костюм загерметизировался. Еще шипение — включилась ав-

тономная воздушная система. Карен подала необходимые инструменты. И, пока она брала у ребенка кровь из височной вены, Холл сосредоточил свое внимание на Питере Джексоне.

Старый человек и бледный — анемия. Кроме того, очень худой. Первая мысль — рак. Или, может быть, туберкулез, алкоголизм, какой-нибудь хронический процесс... И без сознания. Холл быстро перебрал в уме все возможности — от эпилепсии до гипогликемического шока и кровоизлияния в мозг.

Позже Холл признавался, что почувствовал себя совершеннейшим идиотом, когда ЭВМ почти мгновенно выдала ему полный анализ состояния пациента с указанием возможных диагнозов. Тогда, в первые часы своего пребывания на пятом уровне, Холл еще ничего не знал ни о возможностях ЭВМ «Лесного пожара», ни о качестве ее программ.

Проверил у Джексона кровяное давление — пониженное, 85/50. Пульс учащенный, 110. Температура 36,5. Дыхание 30 и достаточно глубокое. Холл последовательно осмотрел все тело, с головы до ног. Когда он причинил пациенту боль, нажимая на ответвление тройничного нерва под надбровной дугой, старик поморщился и приподнял руки, будто хотел оттолкнуть Холла.

А может, он вовсе не без сознания, а просто оцепенел? Холл потряс старика за плечи:

— Мистер Джексон! Мистер Джексон!..

Тот не ответил, но потом как будто стал медленно приходить в себя. Холл еще раз крикнул в самое ухо: «Мистер Джексон!» и сильно встряхнул его. Старик на мгновение открыл глаза и проговорил раздельно:

— Оставьте... меня...

Холл продолжал его тряссти, но Джексон уже ослабился, тело его обмякло, и он вновь перестал реагировать на окружающее. Оставив попытки привести его в чувство, Холл возобновил осмотр. В легких чисто, и сердце как будто в норме. А вот живот слишком напряжен, и к тому же один раз был рвотный позыв — изо рта у Джексона вытекла кровянистая струйка. Холл поспешно провел анализ крови на базофилы — реакция оказалась положительной. Он обследовал ректум и тоже обнаружил следы крови. Повернулся к лаборантке — та уже справилась со своим делом и теперь вводила пробирки в анализатор ЭВМ, стоящий в углу.

— У старика, оказывается, кровь в кишечнике, — сказал Холл. — Скоро мы получим результаты анализов?..

Карен показала на экран под потолком.

— Результаты передаются немедленно, как только поступают из лаборатории. Одновременно сюда и на панель в соседней комнате. Сначала, конечно, самые легкие анализы. Гематокрит, наверно, будет готов через минуту-другую...

Холл подождал. На экране действительно пропечатались слова:

Джексон Питер

Анализ крови

Вид анализа

Гематокрин

Норма

38—54

Фактически

21

— Половина нормы, — констатировал Холл, надел Джексону кислородную маску и приладил ремешки. — Нам потребуется по крайней мере четыре дозы. Плюс две дозы плазмы...

— Я закажу...

— И, пожалуйста, поскорее...

Она подошла к телефону и, позвонив на склад консервированной крови на втором уровне, попросила

их поторопиться. А Холл тем временем повернулся к ребенку. Прошло немало лет с тех пор, как он последний раз осматривал младенца, и он напрочь забыл, как это трудно. Он пытался заглянуть ребенку в глаза — тот жмурился. Думал посмотреть горло — пациент плотно закрывал рот. Хотел послушать сердце — младенец поднял такой рев, что заглушил все сердечные тоны.

Но Холл настойчиво продолжал осмотр, памятуя слова Стоуна: как бы различны ни были эти двое, они — единственные, кто остался в живых. Каким-то образом они сумели справиться с болезнью. Значит, между ними, между сморщенным стариком, которого рвет кровью, и розовым, заходящимся в плаче младенцем, есть какая-то общность, какая-то связь. С первого взгляда они являют собой две крайности, находятся по разные стороны жизненного спектра, у них просто не может быть ничего общего. И все-таки что-то есть...

На осмотр младенца ему потребовалось полчаса. И в результате Холл был вынужден сделать вывод, что ребенок, судя во всему, совершенно здоров. Абсолютно нормальный и обыкновенный ребенок. Ничего примечательного.

Если не считать того, что он каким-то загадочным образом выжил.

15. «Главный контроль»

Стоун с Ливиттом сидели в помещении «Главного контроля», глядя сквозь стекло на капсулу в изолированной внутренней комнате. «Главный контроль» был центром пятого уровня и представлял собой сложнейшее и крайне дорогостоящее хозяйство: оно обошлось в два миллиона долларов — дороже любого другого

объекта во всем комплексе базы «Лесной пожар». Но роль его в работе комплекса была решающей.

«Главный контроль» обеспечивал первый этап научного обследования капсулы. Все здесь было нацелено на одну задачу — обнаружить и выделить чуждые микроорганизмы. «Методика анализа жизни» предусматривала три этапа работы по программе «Лесной пожар»: обнаружение, выявление и анализ свойств и, наконец, контроль над микроорганизмами. Сначала бактерию необходимо найти, затем изучить и понять ее свойства. И только тогда можно начинать поиски путей обуздания внеземной жизни.

«Главный контроль» служил первой и главной цели — обнаружить.

Ливитт и Стоун сидели перед пультом со множеством кнопок, рычажков и шкал. Стоун управлял манипулятором, Ливитт работал с микроскопом. Естественно, войти в комнату, где находился спутник, и непосредственно осмотреть его было нельзя. На то существовали микроскопы с полуавтоматическим дистанционным управлением и экранами, вынесенными в лабораторию.

Еще на ранней стадии проектирования возник вопрос, что лучше — телевидение или определенная система прямого визуального наблюдения? Телевизионная установка стоила бы дешевле, и смонтировать ее было бы проще, тем более что телевизионные усилители изображения уже применялись на электронных микроскопах, рентгеновских аппаратах и в некоторых других устройствах. Однако группа «Лесной пожар» в конце концов решила, что для их целей телеэкран недостаточно точен. Даже камера с двойной разверткой, с лучшей разрешающей способностью, дающая вдвое большую частоту строк, чем обычно, еще не то, что нужно. После долгих споров, остановились на волоконной

оптической системе, в которой изображение передается непосредственно через змеевидный жгут из стекловолокна и воспроизводится на специальном экране с надлежащей резкостью и чистотой.

Стоун развернул капсулу и нажал соответствующие кнопки. С потолка спустилась черная камера и начала методический осмотр капсулы. Исследователи прильнули к экранам.

— Начнем с пятикратного, — сказал Стоун.

Ливитт установил требуемое увеличение. Они наблюдали, а камера автоматически двигалась вокруг капсулы, фокусируясь на поверхности металла. Завершив общий осмотр, они переключили увеличение на двадцатикратное. Теперь для осмотра нужно было значительно больше времени: поле зрения прибора стало гораздо уже. Но и на этот раз они не заметили на поверхности ничего необычного: ни пробоин, ни вмятин, и наростов.

— Перейдем на стократное, — предложил Стоун.

Ливитт отрегулировал оптику и откинулся на спинку кресла. Теперь начинался еще более длительный и нудный осмотр, который, вероятно, тоже ничего не даст. Потом они обследуют капсулу изнутри и, возможно, обнаружат что-нибудь там. А возможно, и нет. В любом случае придется брать образцы для дальнейших анализов и помещать соскобы и мазки в питательные среды...

Он отвел глаза от экранов и бросил взгляд на стекло. Камера, висевшая на сложном переплетении тяг и проводов, медленно перемещалась вокруг капсулы. Ливитт опять повернулся к экранам: их в лаборатории было три, и изображение на всех трех было одинаковое. Теоретически можно было бы включить не один, а три сканирующих прибора — по одному на каждый экран — и осмотреть капсулу в три раза

быстрее. Однако этого-то они и не хотели, по крайней мере пока. Ведь как бы они ни старались, нельзя бесконечно оставаться настороже. Интерес постепенно снизится, внимание ослабнет. А если за одним и тем же изображением следят двое, то и шансы упустить что-либо важное снижаются вдвое...

Поверхность конической капсулы высотой 92,5 см и диаметром у основания 30 см составляет около 2800 квадратных сантиметров. Три последовательных осмотра — при пяти-, двадцати- и стократном увеличении — отняли два часа с небольшим. Когда эти два часа истекли, Стоун сказал:

— Надо было бы перейти к 440-кратному увеличению...

— Но?

— Я склонен сразу начать осмотр внутренней поверхности. Если ничего не найдем, всегда сумеем вернуться к наружной и закончить...

— Согласен.

— Начнем опять с пятикратного...

Ливитт припал к панели управления. Осмотр на автоматическом режиме стал теперь невозможен. Сканирующий аппарат был рассчитан на автоматическое слежение по контурам любого предмета правильной формы — куба, шара, конуса, но при осмотре капсулы изнутри камеру предстояло вести вручную. Ливитт установил линзы на пятикратное увеличение, включил ручное дистанционное управление и затем ввел камеру в отверстие контейнера.

— Больше света, — сказал Стоун, наблюдая за экраном.

Ливитт повозился у пульта — и пять дополнительных светильников спустились с потолка и вспыхнули, осветив внутренность контейнера.

— Лучше?

— Отлично.

Вглядываясь в экран, Ливитт начал осторожно передвигать камеру. Понадобилось несколько минут, чтобы приспособиться и вести камеру плавно, без рывков: координировать свои движения, глядя на экран, оказалось не легче, чем писать, наблюдая за строкой в зеркало. Однако вскоре все пошло гладко.

Осмотр контейнера при пятикратном увеличении занял двадцать минут. Они не обнаружили ничего, если не считать вмятины размером с острие карандаша. По предложению Стоуна осмотр при двадцатикратном увеличении начался именно с этой точки. Вмятинка выросла в размерах, и тут они увидели его — черное пятнышко размером с песчинку, обыкновенную иззубренную черную песчинку. На черном фоне мерещились какие-то зеленые капли.

Ни тот, ни другой не шевельнулись, хотя впоследствии Ливитт признавался, что буквально дрожал от возбуждения и ему все думалось: неужели это действительно совершенно новая, неизвестная форма жизни? Но вслух он промолвил всего лишь:

— Интересно...

— Давайте сначала закончим осмотр при двадцатикратном, — сказал Стоун. При всем его внешнем спокойствии видно было, что и он взволнован.

Ливитту хотелось немедленно осмотреть пятнышко при большом увеличении, но он понимал, что Стоун прав. Они не имели права на скороспелые выводы. Только тщательность, бесконечная, утомительно монотонная тщательность могла обещать им успех. Нужно было методично переходить от этапа к этапу, на каждом шагу удостоверяться, что ничто не упущено. Иначе, ухватившись за первую попавшуюся нить, можно было затратить на исследования долгие часы и дни лишь для того, чтобы вдруг обнаружить, что нить эта

никуда не ведет, что они ошиблись, неверно оценили факты и без толку потеряли время.

Поэтому Ливитт завершил скрупулезный осмотр внутренней поверхности контейнера при двадцатикратном увеличении. Раз или два он останавливал камеру, когда им казалось, что на экране мелькнули новые зеленоватые пятнышки; он записывал координаты, чтобы отыскать эти пятнышки при большом увеличении. Через полчаса Стоун объявил, что вполне удовлетворен осмотром при двадцатикратном.

Они оторвались на секунду, проглотили по две таблетки кофеина и запили их водой. Члены группы заранее договорились не принимать амфетамины, за исключением особо серьезных случаев; в аптечке пятого уровня эти препараты были, но для повседневного употребления все предпочитали кофеин.

Еще не исчезла горечь от кофеина во рту, а Ливитт уже включил стократные линзы и приступил к третьему осмотру. Как и прошлый раз, он начал с вмятины и с черного пятнышка в ней.

Их постигло разочарование: при стократном увеличении никаких дополнительных деталей не прибавилось, только все выросло в размерах. Теперь, однако, было видно, что пятнышко представляет собой неправильной формы крупишку какого-то тускло-черного вещества, похожего на камень. Явственно заметны были частички зелени, вкрапленные в иззубренную поверхность.

— Ну, что скажете? — спросил Стоун.

— Если это и есть объект, с которым столкнулась капсула, то либо он двигался с сумасшедшей скоростью, либо чудовищно тяжел. Он слишком мал, чтобы...

— Чтобы сбить спутник с орбиты? Разумеется. Но ведь и вмятинка очень неглубокая.

— Стало быть?..

Стоун пожал плечами.

— Стало быть, либо изменение орбиты произошло по каким-нибудь другим причинам, либо эта песчинка обладает такой упругостью, какая еще не известна науке...

— А что вы думаете об этой зелени?

— Не понимаете, — улыбнулся Стоун. — Пока что я только смотрю — и ничего больше...

Ливитт весело хмыкнул и продолжал осмотр. Настроение у обоих было приподнятое, внутренне они были уверены, что открытие сделано. Обследовали другие места, где замечали зелень, и убедились, что это не ошибка. Правда, зелень отличалась от той, что на крупинке. Во-первых, пятнышки были побольше и как будто светились, а во-вторых, границы пятнышек казались правильными, округленными.

— Словно брызги зеленой краски, — сказал Стоун.

— Надеюсь, это все-таки не краска.

— Легко проверить.

— Сначала посмотрим при 440-кратном.

Стоун согласился. Уже почти четыре часа они обследовали капсулу, но усталости не чувствовали. Экран на секунду затуманился — один объектив заменялся другим. Когда резкость изображения восстановилась, перед ними вновь возникла вмятина и засевшее в ней черное зерно с зелеными разводами. При таком увеличении неровности песчинки были просто поразительны — целая планета в миниатюре с остроконечными пиками и глубокими долинами. Ливитту почудилось на миг, что это и есть она — настоящая крохотная планетка, и на ней жизнь во всем своем многообразии. Он тряхнул головой, гоня от себя подобную мысль. Слишком уж это невероятно.

— Если это метеорит, то чертовски странный, — заметил Стоун.

— Что вас удивляет?

— Вон тот левый край, — указал Стоун на экране. — Поверхность камня, — если только это камень, конечно, — всюду шероховатая, а здесь она гладкая, почти зеркальная...

— Будто бы искусственная?

Стоун перевел дыхание.

— Того и гляди мне померещится что-то в этом роде. Лучше пока займемся теми зелеными пятнами...

Ливитт установил камеру по записанным координатам и навел на резкость. На экранах появилось новое изображение — одно из зеленых пятен крупным планом. При таком увеличении границы участка обозначились совершенно четко. Они оказались не ровными, а слегка зазубренными, почти как шестеренка часового механизма.

— Черт меня побери, — сказал Ливитт.

— Что угодно, только не краска. Зазубрины слишком правильные.

И тут, у них на глазах, это и случилось: зеленое пятно на короткое, едва уловимое мгновение стало фиолетовым, затем опять зеленым.

— Видели?

— Видел. Вы не меняли освещение?

— Нет, ничего не трогал...

Через минуту повторилось: зеленое, вспышка фиолетового и вновь зеленое.

— Поразительно!..

— А если это...

И вдруг пятно вспыхнуло, да так и осталось фиолетовым. Зубцы исчезли, промежутки между ними заполнились, и пятно, слегка увеличившись в размерах, стало совершенно круглым и опять позеленело.

— Оно растет, — прошептал Стоун.

Работа шла полным ходом. Сверху спустились кинокамеры и засняли объект с пяти точек при скорости 96 кадров в секунду. Еще одна камера замедленной съемки отщелкивала кадры с интервалами в полсекунды. Затем Ливитт опустил две дополнительные телекамеры с дистанционным управлением и установил их под разными углами к основной. Три экрана в центральной лаборатории показывали теперь зеленое пятно в трех различных ракурсах.

— Можем мы дать еще большее увеличение? — спросил Стоун.

— Нет. Помните, мы решили остановиться на 440-кратном?..

Стоун чертыхнулся. Чтобы получить большее увеличение, пришлось бы перейти в другую лабораторию или прибегнуть к электронному микроскопу. И то и другое отняло бы слишком много времени.

— Тогда давайте высеем культуру и попробуем выделить организм, — предложил Ливитт.

— Ну что ж, пожалуй...

Ливитт переключил сканирующее устройство опять на двадцатикратное увеличение. Не оставалось сомнений, что на внутренней поверхности контейнера представляют интерес четыре точки: три отдельных зеленых пятнышка и вмятинка с песчинкой. На контрольном пульте он нажал кнопку, обозначенную «Культуры», и из стены комнаты вылез шарнирный рычаг с подносом, на котором стояли круглые, прикрытые пластмассовыми крышечками чашки Петри. В каждой чашке был тонкий слой питательной среды.

Программа «Лесной пожар» предусматривала применение почти всех питательных сред, известных науке. В их студенистых массах содержались питательные вещества, необходимые для жизни и размножения любых бактерий. Наряду с обычными лабораторными

средами, такими, как конский и овечий кровяной агар, шоколадный агар, чистый агар и среда Сабурада, применялось десятка три диагностических сред, содержащих различные сахара и минеральные вещества. Были еще сорок три специализированные питательные среды, в том числе среды для высевания туберкулезных палочек и редкостных грибов, а также сугубо экспериментальные среды, обозначенные индексами ME-997, ME-423, ME-A12 и т.д.

На том же подносе лежала кучка стерильных тампонов. С помощью механических рук Стоун по одному поднимал тампоны, брал мазки с поверхности капсулы и переносил их на чашечки со средой. Ливитт выстукивал на клавиатуре входного устройства ЭВМ необходимые данные, чтобы впоследствии не перепутать, откуда какой мазок взят. Покончив с наружной поверхностью, они перешли к контейнеру. С предельной осторожностью, включив максимальное увеличение, Стоун взял соскобы с зеленых пятнышек и перенес их в различные питательные среды. В заключение он подцепил крохотным пинцетом саму песчинку и перенес ее в чистую стеклянную чашечку.

Вся эта работа отняла больше двух часов; затем Ливитт ввел в ЭВМ программу под названием «Мак-скульт». Эта программа перекладывала на ЭВМ все заботы о сотнях культур, посеянных в чашках Петри. Одни чашки будут выдерживаться при нормальном давлении и комнатной температуре в обычной земной атмосфере, другие подвергнутся воздействию тепла и холода, высоких давлений и вакуума, бескислородной и избыточно кислородной атмосферы, света и темноты. Человеку потребовалось бы несколько дней только на то, чтобы рассовать все чашки по нужным камерам. ЭВМ могла это сделать за несколько секунд.

Когда программа была запущена, Стоун установил чашки Петри стопками на конвейерную ленту, и та

понесла их к камерам выращивания культур. Теперь им оставалось только ждать, ждать сутки, а то и двое, чтобы узнать, что именно выросло на этих посевах.

— А тем временем, — сказал Стоун, — можно приступить к анализу песчинки — если это действительно песчинка. Вы в ладах с электронным микроскопом?

— Подзабыл, наверно, — признался Ливитт. С электронным микроскопом ему не приходилось работать уже без малого год.

— Тогда я подготовлю образец. Еще надо будет произвести масс-спектрометрию. Впрочем, это делается автоматически. Но сначала нужно большее увеличение. Какое у нас максимальное оптическое увеличение в морфологической?

— Тысячекратное.

— Начнем с этого. Направьте песчинку в морфологическую лабораторию...

Ливитт бросил взгляд на пульт и нажал кнопку «Морфология». Стоун манипуляторами бережно установил чашечку с песчинкой на конвейерную ленту. Не сговариваясь, они обернулись и посмотрели на стенные часы. 11.00 — они работали без отдыха уже 11 часов.

— Ну что ж, — заметил Стоун, — пока все вроде бы хорошо...

Ливитт улыбнулся и, как суеверный школьник, скрестил средний и указательный пальцы.

16. Секционная

Бертон работал в секционной. Он нервничал, все еще не в силах отделаться от воспоминаний о Пидмонте. Позже, анализируя свою работу и ход мыслей, он

горько сожалел, что тогда, на пятом уровне, не сумел взять себя в руки.

Ибо уже в самой первой серии опытов Бертон допустил несколько ошибок.

По инструкции в его обязанности входило патолого-анатомическое исследование мертвых животных, но на него возложили также и предварительное определение путей распространения болезни. По правде говоря, такая работа была не под силу Бертону; Ливитт подошел бы для нее куда больше. Однако считалось, что Ливитт будет полезнее на предварительном этапе выделения и распознавания чуждого микроорганизма. Поэтому исследовать пути распространения болезни поручили Бертону.

Эксперименты эти были достаточно просты и элементарны. Для начала Бертон поставил в ряд несколько клеток. Каждая из них снабжалась воздухом автономно; системы подачи воздуха можно было соединять между собой различными способами. Герметизированную клетку с трупом норвежской крысы он поставил рядом с другой клеткой, где сидела живая крыса. Нажал несколько кнопок и открыл свободный доступ воздуха из первой клетки во вторую. Крыса кувыркнулась и сдохла.

«Любопытно, — подумал Бертон, — перенос по воздуху...»

Подцепил еще одну клетку с крысой и поставил возле двух предыдущих, но в соединительном воздухопроводе установил микропористый фильтр с диаметром пор 100 ангстрем — размер мелкого вируса. Открыл доступ воздуха через фильтр. Крыса осталась жива. Подождал еще минуту-другую. Вывод был ясен: каков бы ни был возбудитель болезни, по размеру он больше вируса.

Бертон несколько раз менял фильтры, ставил все более и более крупнопористые, пока возбудитель, на-

конец, не прорвался через поры и крыса не сдохла. Проверил диаметр пор: два микрона — величина небольшого одноклеточного организма.

«Это уже нечто ценное, — подумал он, — теперь я знаю размеры возбудителя...»

Открытие было и вправду важное: одним простым экспериментом он исключил возможность того, что болезнь вызывается белковой или иной молекулой. В Пидмонте они со Стоуном подумали было, что разносчик болезни — газ, например выделяемый патогенным организмом. Теперь стало ясно, что газ ни при чем: возбудитель болезни имеет размеры клетки, иначе говоря, много крупнее молекулы или частицы газа.

Следующий шаг представлялся не более сложным — определить, заразны ли трупы.

Из клетки, где лежала одна из мертвых крыс, он выкачал воздух. От спада давления крысу разорвало, но Бертон, не обращая на это внимание, продолжал откачивать воздух, пока не достиг предельного вакуума. Затем заполнил клетку чистым, профильтрованным воздухом и открыл к этому воздуху доступ к клетке с живой крысой.

Ничего не произошло.

«Любопытно», — подумал он снова. При помощи дистанционно управляемого скальпеля он вскрыл мертвое животное, чтобы микроорганизмы могли из внутренних органов перейти в воздух.

И опять ничего не произошло. Живая крыса весело бегала по своей клетке.

Результат был ясен: мертвые животные не заразны. «Вот почему остались живы стервятники в Пидмонте, — подумал он. — Болезнь не может передаваться через трупы — ее передают бактерии, или как их там еще, и только по воздуху...»

Бактерии в воздухе — смертельны.

Бациллы в трупах — безвредны.

В определенном смысле это можно было предвидеть. Такой результат хорошо увязывался с теориями аккомодации, взаимной приспособляемости бактерий и человека. Бертон давно интересовался проблемой приспособляемости и даже прочитал несколько лекций на эту тему в Бейлорском медицинском институте.

Большинство людей, едва заслышав о бактериях, тут же вспоминают о болезнях. На деле же болезнетворны лишь три процента бактерий; остальные либо безвредны для человека, либо даже полезны. В нашем пищеварительном тракте живут, например, многие виды бактерий, способствующие лучшему усвоению пищи. Человек нуждается в них, он от них зависит.

По существу мы обитаем в океане бактерий. Они повсюду — на коже, в ушах и во рту, в легких и в желудке. Все, что у нас есть, все, к чему мы прикасаемся, каждый наш вдох — все насыщено бактериями. Они вездесущи, но мы, как правило, даже не подозреваем об этом.

И тому есть причина: как человек, так и бактерии привыкли, приспособились друг к другу, выработали своего рода взаимный иммунитет.

И этому тоже есть веская причина. Один из основополагающих принципов биологии гласит, что эволюция направлена к тому, чтобы возможность продолжения рода непрерывно возрастала. Если человек быстро погибает от бактериальной инфекции, значит, он плохо приспособлен к существованию; он не проживет достаточно долго для того, чтобы воспроизвести себя в потомстве. Но бактерии, убивающие своего хозяина, приспособлены не лучше. Ведь паразит, убивающий организм, на котором паразитирует, тоже обречен и должен погибнуть вместе с ним. По-настоящему преуспевают те паразиты, которые питаются за счет

своего хозяина, не убивая его. А наиболее приспособленный хозяин — тот, кто не только сосуществует с паразитом, но и извлекает из него пользу, заставляя работать на себя.

— Самые приспособившиеся из бактерий, — любил повторять Бертон, — это те, которые вызывают легкие болезни или же не вызывают вообще никаких. Одну и ту же клетку стрептококка вы можете носить в своем организме шестьдесят-семьдесят лет, благополучно жить, вырасти и произвести потомство, и стрептококк будет жить в вас не менее благополучно. Равным образом в вас годами может жить стафилококк, и единственной вашей расплатой за это будут несколько угрей или прыщиков. С туберкулезом можно жить многие десятилетия, а с сифилисом — и всю жизнь. Эти две болезни отнюдь не из легких, но они стали гораздо менее опасны, чем были некогда, — человек и бактерия взаимно приспособились друг к другу...

Известно, например, что лет четыреста назад сифилис был чрезвычайно опасной болезнью, вызывавшей огромные гнойные язвы по всему телу и убивавшей зачастую в течение нескольких недель. Но прошли столетия, и человек и спирохета стали взаимно более терпимыми.

Эти рассуждения отнюдь не столь абстрактны и теоретичны, как может показаться на первый взгляд. На начальной стадии разработки программы «Лесной пожар» Стоун заметил как-то, что сорок процентов всех болезней человека вызываются микроорганизмами. Бертон резонно возразил, что болезнетворны лишь три процента всех существующих микроорганизмов. И хотя от бактерий происходят многие человеческие страдания, вероятность того, что какая-то отдельно взятая бактерия опасна для людей, очень незначительна. Такое кажущееся противоречие объясняется тем,

что процесс взаимного приспособления, «притирки» человека и бактерии сам по себе достаточно сложен.

— Большинство бактерий, — указывал тогда Бертон, — просто не в состоянии прожить в нашем теле так долго, чтобы принести ему вред. В том или ином отношении эта среда для них неблагоприятна. Им либо слишком жарко, либо слишком холодно, среда либо слишком кислая, либо слишком щелочная, кислорода либо слишком много, либо слишком мало. В общем для большинства бактерий человеческий организм так же негостеприимен, как Антарктида...

Отсюда вытекало, что вероятность опасных последствий от контакта человека с внеземными микроорганизмами весьма невелика. Собственно, так думали все, признавая вместе с тем, что базу «Лесной пожар» в любом случае нужно строить. Бертон разделял это мнение, но теперь чувствовал себя довольно странно: ведь его предсказание сбылось.

Да, конечно, организм, который они обнаружили, убивал людей. Но он не был приспособлен к человеку — убивая, он погибал и сам. Он не передавался от одного тела к другому. Секунду-две он жил в теле хозяина и тут же погибал вместе с ним.

Бертон ощутил удовлетворение.

Но пока что перед ним стояла вполне практическая задача: выделить микроорганизм, понять его свойства и найти средства для борьбы с ним.

О способе распространения болезни Бертон кое-что уже узнал. Кое-что он знал и о механизме смерти — свертывание крови. Оставался вопрос: как микроорганизм проникает в тело?

Поскольку инфекция переносится явно по воздуху, вероятен контакт через кожу или через легкие. Микро-

организм может внедряться непосредственно сквозь кожный покров. Или попадать в легкие при дыхании. Или и то и другое.

Как же это выяснить?

Возникла идея: надеть на экспериментальных животных какую-нибудь защитную оболочку, которая оставляла бы открытым только рот. Это осуществимо, но слишком хлопотно. Битый час он сидел и ломал голову, пока не натолкнулся на приемлемое решение.

Если смерть наступает вследствие свертывания крови, то свертывание, вероятно, начинается там, где микроорганизм проник в тело. Если через кожу, кровь сначала свернется в подкожных сосудах. Если через легкие — процесс начнется в груди и будет распространяться от легких к конечностям. И это поддается экспериментальной проверке. Применив метод меченых атомов, придав радиоактивные свойства белковым компонентам крови, можно с помощью сканирующего сцинтилляционного устройства определить, где именно начинается свертывание крови.

Для опыта Бертон выбрал обезьяну-резуса, анатомически куда более близкую человеку, чем крыса. Ввел ей в кровь радиоактивное вещество — изотоп магния — и настроил сканирующий сцинтиллограф. Выждав некоторое время, чтобы изотоп равномерно распределился по кровеносной системе, он привязал обезьяну к столу и установил над ней аппарат.

Теперь можно было начинать.

Сканирующий сцинтиллограф, управляемый ЭВМ, зафиксировал, где начинается и как распространяется свертывание. Введя в ЭВМ программу на выдачу результатов в печатной форме, Бертон открыл доступ воздуху, содержащему смертоносный организм, в клетку с обезьяной. Печатающее устройство немед-

ленно застучало, выдавая на бумажной ленте серию схематических контуров тела.

Уже через три секунды все было кончено. Схемы сообщили то, что он хотел знать: свертывание начинается в легких и оттуда распространяется по всему телу.

Но, кроме того, он выяснил еще одну небезынттересную подробность. Сам он об этом рассказывал так: «Я все думал, что, быть может, свертывание крови и смерть не совпадают по времени или по крайней мере не вполне совпадают. Казалось просто невероятным, что смерть может наступить за три секунды, но еще менее вероятным представлялось, чтобы вся кровь — пять с лишним литров — свернулась за столь короткое время. Мне хотелось выяснить: может быть, смерть вызывается каким-либо одним тромбом, например в мозгу, а процесс свертывания всей крови протекает более медленно?»

Таким образом, уже на ранней стадии исследований Бертон задумался о роли мозга. Теперь, когда все позади, просто обидно, что он тогда не довел этих исследований до логического конца. И помешали ему именно показания сцинтиллографа: свертывание начинается в легких и распространяется по сонным артериям к мозгу спустя одну-две секунды.

Так или иначе, первоначальный интерес Бертона к мозгу отпал, а следующий опыт лишь усугубил эту его ошибку.

Опыт был простой и не предусмотренный инструкциями по программе «Лесной пожар». Бертон знал, что смерть совпадает по времени со свертыванием крови. А нельзя ли предотвратить смерть, если предотвратить свертывание?

Он взял несколько крыс и ввел им гепарин — антикоагулянт, препятствующий образованию тромбов.

Гепарин — быстродействующее лекарство, широко применяемое в медицине: действие его изучено досконально. Бертон ввел препарат внутривенно, различными дозами — от минимальной до массирующей, избыточной. Затем все подопытные крысы подверглись действию воздуха, содержащего смертоносный организм.

Крыса с минимальной дозой гепарина сдохла через пять секунд. Остальные сдохли тоже, одна за другой, в течение первой минуты. Крыса, которой он ввел максимальную дозу, прожила почти три минуты, но затем свалилась и она.

Бертон был обескуражен: смерть хотя и оттягивалась, но не предотвращалась. Метод симптоматического лечения не действовал. Он отложил мертвых крыс в сторону — и тут совершил решающую ошибку.

Он не стал вскрывать крыс, которым ввел антикоагулянт.

Вместо этого он занялся животными — черной норвежской крысой и обезьяной-резусом, которые погибли первыми от контакта с капсулой. Он провел полное вскрытие их трупов. А к крысам, которым был введен антикоагулянт, даже не притронулся.

Прошло больше суток, прежде чем он осознал свою ошибку.

Вскрытие Бертон провел особенно тщательно, не спеша, постоянно напоминая себе, что не вправе ничего упустить. Отделив внутренние органы крысы и обезьяны, он обследовал каждый отдельно и взял пробы для оптической и электронной микроскопии.

Первичный общий осмотр выявил, что животные погибли от распространенного внутрисосудистого свертывания крови. Артерии, сердце, легкие, почки, печень, селезенка — все органы, обильно снабжаемые кровью, затвердели, окаменели. Впрочем, он и не ждал ничего другого.

Он перенес ломтики тканей в другой угол секционной, чтобы подготовить замороженные срезы для микроскопического исследования. Лаборант готовил один срез за другим, а Бертон исследовал под микроскопом и фотографировал.

Все ткани выглядели совершенно нормально. Если не считать свернувшейся крови, ничего необычного в них не было. Бертон знал, конечно, что те же кусочки тканей будут впоследствии переданы в гистологическую лабораторию, где другой лаборант приготовит окрашенные срезы, пустив в дело гематоксилин-эозин, йодную кислоту (по Шиффу) и формалин (по Ценкеру). Срезы нервных тканей будут окрашены препаратами золота по Нисслу и Кахалу. На это уйдет еще двенадцать-пятнадцать часов. Хорошо, если бы окрашенные срезы выявили что-нибудь новое, но оснований ожидать этого у него в сущности не было.

Не менее пессимистически был настроен Бертон и относительно результатов электронной микроскопии. Электронный микроскоп, конечно, ценный инструмент, но иногда он не облегчает задачу, а, напротив, затрудняет ее. Он дает огромное увеличение и выявляет множество деталей — если только вы знаете, куда смотреть! Электронный микроскоп очень хорош для исследования отдельной клетки или части клетки — но сначала надо решить, какую именно клетку исследовать. А в человеческом организме клеток миллиарды.

К концу десятого часа непрерывной работы Бертон откинулся на спинку кресла и подвел итоги своим наблюдениям. Он составил краткое резюме:

1. Смертоносный агент имеет размер приблизительно один микрон. Таким образом, это не газ, не молекула, даже не белковая молекула и не вирус. Размер его соответствует размеру клетки, и он, вполне возможно, и есть какой-то одноклеточный организм.

2. Агент переносится по воздуху. Мертвые организмы не заразны.

3. Агент проникает в организм жертвы через легкие при вдохе. Оттуда он предположительно проходит в кровь и вызывает свертывание.

4. Агент вызывает смерть вследствие свертывания крови. Смерть наступает через несколько секунд и совпадает по времени со свертыванием крови во всей кровеносной системе.

5. Антикоагуляционные препараты не предотвращают смертельного исхода.

6. Никаких других патологических изменений, помимо свертывания крови, в организме умершего животного не обнаружено.

Бертон перечитал написанное и покачал головой. Антикоагулянты, быть может, и не действуют, но факт остается фактом: есть что-то, способное приостановить процесс. Есть какой-то способ предотвратить смерть. Он знал это наверняка.

Потому что два человека выжили.

17. Пришел в себя

В 11.47 Марк Холл склонился над панелью ЭВМ, на которой светились результаты лабораторных анализов, взятых у Питера Джексона и ребенка. ЭВМ выдавала результаты, как только они поступали из автоматической лабораторной аппаратуры: к этому времени почти все анализы были уже готовы.

Ребенок, как убедился Холл, был совершенно здоров. ЭВМ сообщила об этом недвусмысленно:

Пациент: ребенок

Все показатели в пределах нормы

С Питером Джексоном дело обстояло иначе. Тут имелись отклонения от нормы, и весьма существенные.

Пациент: Джексон Питер

Показатели, отклоняющиеся от нормы:

ВИД АНАЛИЗА	НОРМА	ФАКТИЧЕСКИ
ГЕМАТОКРИТ	38 — 54	21 первичн. 25 повторн 29 повторн 33 повторн 37 повторн
Остаточный азот	10 — 20	50
Ретикулоциты	1	6
В крови значительное количество незрелых эритроцитов		
pH крови	7,40	7,31
РОЭ	9	29
Амилаза	70—200	450

Некоторые результаты было нетрудно понять, другие пока представляли собой загадку. Гематокрит, например, повысился, поскольку Джексону переливали кровь, насыщенную эритроцитами. Остаточный азот, характеризующий работу почек, оказался выше нормы, вероятно, вследствие недостаточности кровообращения.

Другие показатели были характерны для потери крови. Ретикулоциты поднялись с 1 до 6 процентов в связи с общим анемичным состоянием пациента. Обилие незрелых эритроцитов показало, что организм стремится возместить потерю крови, вводя в общий ток молодые, незрелые клетки. Протромбиновое время свидетельствовало, что, несмотря на кровотечение где-то в желудочно-кишечном тракте, свертываемость крови у Джексона вполне нормальная. Скорость оседа-

ния эритроцитов указывала на наличие процесса разрушения тканей. Какие-то ткани в организме Джексона отмирали.

А вот значение рН объяснить было гораздо сложнее. Цифра 7,31 указывала на повышенную кислотность крови, хотя и не чрезмерную. В чем тут дело, Холл понять не мог. ЭВМ, впрочем, тоже..

Пациент: Джексон Питер

Вероятный диагноз

1. Острая и хроническая кровопотеря, вероятность желудочно-кишечного происхождения — 0,884

Других статистически существенных источников нет.

2. Повышенная кислотность крови

Происхождение неизвестно

Требуются дополнительные данные. Запросить историю болезни.

Холл перечитал рекомендации ЭВМ и пожал плечами. Не хватало еще, чтобы она предложила поговорить с пациентом! Легко сказать — ведь Джексон был без сознания, и даже если он принял что-нибудь, от чего кровь стала кислой, узнать об этом, пока он не придет в себя, нельзя.

А может, попробовать анализ на газы крови? Холл отстучал на клавишах ввода дополнительное задание.

Но ЭВМ стояла на своем:

История болезни предпочтительнее новых анализов

Холл отстучал: «Пациент без сознания».

ЭВМ как будто призадумалась — и вдруг зажегся ответ:

Объективно потери сознания нет. Электроэнцефалограмма регистрирует альфа-ритм, соответствующий обычному сну.

— Да будь ты проклята, — выругался Холл. Он глянул сквозь окно на Джексона и увидел, что тот

и в самом деле шевелится во сне. Холл торопливо прополз по туннелю-шлангу к комбинезону и склонился над своим пациентом:

— Мистер Джексон, проснитесь...

Старик медленно открыл глаза и уставился на Холла. Моргнул удивленно раз, другой.

— Не пугайтесь, — спокойно сказал Холл. — Вы больны, и мы вас лечим. Вам уже лучше, не правда ли?...

Джексон проглотил слюну и кивнул. Казалось, он боится проронить слово. Но мертвенная бледность уже сменилась румянцем на щеках и из-под ногтей ушла синева.

— Как вы себя чувствуете?

— Ничего... Кто вы?

— Меня зовут доктор Холл. Я ваш лечащий врач. У вас было сильное кровотечение. Пришлось сделать вам переливание крови.

Джексон кивнул, вроде бы даже не удивившись. Холл отметил про себя неожиданно спокойную реакцию старика, и его осенило:

— У вас это и раньше бывало?

— Бывало. Дважды.

— А как начиналось раньше?

— Что-то не пойму, где я, — сказал старик, озираясь. — Это что, больница? И почему на вас эта штука?..

— Нет, это не больница, а специальная лаборатория в штате Невада.

— Невада? — Он закрыл глаза и помотал головой. — Но я живу в Аризоне...

— Теперь вы в Неваде. Мы привезли вас сюда, чтобы вам помочь...

— А почему на вас эта штука?

— Мы привезли вас из Пидмонта. Там была эпидемия. Вы сейчас в изоляторе.

— Значит, я заразный?

— Пока еще не ясно. Но мы обязаны...

— Слушайте, — сказал вдруг Джексон и попытался встать. — Не нравится мне тут. Страшно. Я домой пойду. Я не хочу...

Он сделал еще одну попытку встать, тщетно борясь с ремнями. Холл мягко толкнул его обратно на подушку.

— Успокойтесь, мистер Джексон. Все будет хорошо, успокойтесь. Поймите, вы очень больны...

Джексон нехотя откинулся на спину.

— Дайте сигарету...

— Извините, но придется вам обойтись без сигарет.

— Какого черта! Я курить хочу,

— К сожалению, курить здесь нельзя.

— Слушай-ка, милый, поживи с мое, так сам будешь знать, что тебе можно, а чего нельзя. Мне и раньше твердили: острого нельзя, курева нельзя, выпить тоже нельзя. Я попробовал. Думаешь, лучше стало? Хуже некуда...

— Кто вам говорил обо всем этом?

— Как кто! Врачи.

— Какие врачи?

— Да в Финиксе. Шикарная больница — машинки всякие блестят, халаты накрахмалены. Да, шикарная больница. Я бы нипочем туда не пошел, если б не сестра. Она там, понимаешь, в этом Финиксе живет. С мужем со своим, с Джорджем, дурак он набитый... Я и не хотел совсем туда в эту больницу, я отдохнуть хотел, и все. А она уперлась, ну я и пошел...

— Когда это было?

— Да в прошлом году. В июне, не то в июле...

— А почему вы обратились в больницу?

— Почему все люди обращаются в больницу? Болен был, черт побери...

— Что у вас болело?
— Да, как всегда, желудок проклятый.
— Кровотечение?
— Еще какое! Как икну, так кровь. Даже и не знал, что у человека столько крови...

— Значит, желудочное кровотечение?

— Ну, я же сказал. И тоже иголки втыкали, — он кивнул на трубки внутривенного вливания, — и кровь переливали... В прошлом году в Финиксе, а за год до того в Туксоне. Вот в Туксоне действительно было здорово. Сестричка там за мной ходила — ягодка... — Он неожиданно замолчал. — Слушай, сынок, а сколько тебе лет? Что-то слишком молод ты для врача...

— Я хирург.

— Хирург? Ну, уж нет, не выйдет. Они тогда все меня уламывали, но я им наотрез — не дам, не позволю. Ни за что. Ничего вы у меня не вырежете...

— Значит, у вас язва уже два года?

— Да побольше даже. Никогда ничего со мною не было, и вдруг скрутило. Думал, съел чего-нибудь не то, а тут кровь пошла...

«Два года, — про себя отметил Холл. — Определенно язва, а не рак».

— И вы, стало быть, легли в больницу?

— Ну лег. Подлечили меня там, точно. Предупредили чтоб ни острого, ни спиртного, ни табака — ни-ни. Я старался, сынок, правда, старался. Все одно без толку. Ведь привычка у меня...

— И через год вы попали в больницу снова...

— Ну да. Здоровенная такая больница в Финиксе. Да еще этот идиот Джордж с сестрицей каждый день навещали. Ученый он, знаешь, книги читает, а все дурак дураком. Адвокат! Говорит как пинет, а у самого ума-то как у сверчка в ляжке...

— И в Финиксе вас хотели оперировать?

— То-то и оно. Не обижайся, сынок, но врачам только волю дай, они тебя тут же взрежут. Не могут они без этого. А я им тогда: я, мол, со своим желудком столько лет прожил, ну уж и до конца с ним как-нибудь дотяну...

— Когда вы выписались из больницы?

— Да в начале августа, наверно. Что-нибудь числа пятого или десятого.

— И как выписались, опять начали курить, пить и есть что не положено?

— Знаешь, сынок, давай без проповедей, — сказал Джексон. — Я уже шестьдесят лет ем, что не положено, и делаю, что не положено. Мне так нравится. А если нельзя, тогда к чертям собачьим...

— Но у вас, наверно, были сильные боли...

— А то нет! Особенно на голодный желудок. Но я придумал, как с ними управляться...

— Да ну?

— Еще как! В больнице мне снадобье сунули, вроде молока. Глотать велели понемногу раз сто на день. Противное, вроде мела на вкус... Но я нашел кое-что получше.

— Что же это вы нашли?

— Аспирин, — торжествующе сказал Джексон.

— Аспирин?

— Ну да. Помогает — будь здоров.

— Сколько же аспирина вы принимали?

— Да прилично, особенно в последнее время. Бывало, что и пузырек в день. Знаешь, его в таких пузырьках продают...

Холл кивнул. Вот вам и разгадка повышенной кислотности. Аспирин — это же ацетилсалициловая кислота, и если принимать его в таких количествах, кислотность просто не может не повыситься. Но, с другой стороны, аспирин раздражает слизистую желудка и способен лишь усилить кровотечение...

— А вам никто не говорил, что от аспирина кровь пойдет сильнее?

— А как же, говорили. Только я на это без внимания. Потому что боли-то снимает. Особенно если еще глотнешь «Стерно»...— Чего-чего?

— «Стерно». Ну, цеженка...

Холл ничего не понимал.

— Денатурат. Проще всего его сквозь тряпочку и пьешь...

— Так вы еще и денатурат пили, — со вздохом сказал Холл.

— Ну, это когда ничего другого не было. А глотнешь аспирину, цеженкой запьешь — и боли как рукой снимет...

— А вам известно, что денатурат — это смесь обычного спирта с метиловым?

— А что, от этого разве что-нибудь может быть? — спросил Джексон с неожиданной тревогой в голосе.

— В том-то и дело, что может. От денатурата можно ослепнуть, а можно и умереть...

— Но мне-то от него было лучше!

— А на дыхание аспирин с денатуратом не влиял?

— Да уж раз ты спросил, так вроде воздуха не хватало чуток. Но в моем-то возрасте, черт возьми, не много и надо...

Старик зевнул и закрыл глаза.

— Уж больно ты дотошный сынок. Спать хочу...

Холл взглянул на него и решил, что Джексон прав. Лучше не допытывать старика вопросами, особенно в первое время. По туннелю Холл прополз обратно в лабораторию и сообщил лаборантке:

— У нашего друга Джексона язва желудка двухлетней давности. Продолжайте переливание, дайте ему еще одну-две единицы, потом прекратите — посмотрим, что получится. Кроме того, введите желудочный зонд и сделайте промывание ледяной водой...

Раздался удар гонга, и стены отозвались тихим эхом.

— Это еще что?

— Двенадцать часов прошло. Пора менять одежду. А вам идти на совещание...

— Мне? Куда?

— Конференц-зал рядом с кафетерием...

Холл кивнул и вышел.

Электронные устройства сектора «Дельта» слабо гудели и пощелкивали. Капитан Артут Моррис у пульта вводил в систему новую программу. Капитан Моррис был программист; в сектор «Дельта» его направили, поскольку вот уже девять часов командование первого уровня не получало ни одного сообщения по линии военной спецсвязи. Могло случиться, конечно, что таких срочных сообщений и вправду не поступало, но это было маловероятно.

А если сообщения были, но остались неполученными, значит, в системах сектора есть какая-то неисправность. Капитан Моррис проследил за тем, как ЭВМ выполнила программу самопроверки и выдала результат: все цепи работают нормально.

Но это не успокоило его; он задал машине расширенную программу проверки всех цепей и блоков. Потребовалось всего 0,03 секунды чтобы ЭВМ выдала ответ — на панели замигал ряд из пяти зеленых лампочек. Капитан подошел к телетайпу и прочитал:

Все цепи функционируют в пределах допустимых характеристик

Теперь он был удовлетворен. Не мог же он знать, хоть и стоял у телетайпа, что неисправность есть, только не электронная, а чисто механическая, какую не

выявившись никакими проверочными программами. Неисправность таилась в самом телетайпе, от края рулона оторвалась полоска бумаги и, загнувшись вверх, засела между звонком и молоточком. Звонок, естественно, не звонил и поступление сообщения по секретной линии Министерства обороны не регистрировал.

Подобной мелочи не могли обнаружить ни человек, ни машина.

18. Совещание в полдень

По инструкции через каждые двенадцать часов группе полагалось проводить краткие совещания, подытоживать полученные результаты, намечать очередные задачи. Ради экономии времени совещания проводились в комнате, примыкающей в кафетерию: обмениваясь мнениями, можно заодно и поесть.

Холл явился последним. Он опустился в кресло и обнаружил перед собой завтрак — два стакана жидкости и три разноцветные таблетки — и успел услышать, как Стоун предоставил слово Бертону.

Тяжело распрямившись, Бертон начал медленно, каким-то неуверенным голосом докладывать о проведенных экспериментах. Он объявил прежде всего, что установлен размер болезнетворного агента — примерно один микрон. Стоун и Ливитт переглянулись: виденные ими зеленые пятнышки были гораздо крупнее; значит, для передачи инфекции достаточно микроскопической доли зеленой крапинки.

Затем Бертон рассказал коллегам о том, как он выяснил, что инфекция передается по воздуху и что свертывание начинается в легких, и в заключение описал свои попытки применить антикоагуляционную терапию.

— А вскрытие? — спросил Стоун. — Что показало вскрытие?

— Ничего нового. Кровь свернулась во всей кровеносной системе. Других заметных отклонений от нормы не обнаружено, по крайней мере, на уровне оптических наблюдений...

— И свертывание начинается в легких?

— Да. По-видимому, микроорганизмы переходят в кровь или выделяют токсин, переходящий в кровь. Более определенно можно будет ответить, исследовав окрашенные срезы. В частности, мы будем искать поражение стенок сосудов, поскольку при этом выделяются тканевые тромбопласты и стимулируется свертывание у места поражения.

Стоун кивнул и повернулся к Холлу. Тот сообщил об анализах, взятых у обоих пациентов, сказал, что у младенца все показатели в норме, а у Джексона — кровоточащая язва желудка и ему производится переливание крови.

— Он пришел в себя, и мы немножко поговорили...

Все оживились.

— Мистер Джексон — взбалмошный старый осел шестидесяти девяти лет от роду. Язва у него уже два года. Дважды, в позапрошлом году, было кровотечение. Оба раза его предупреждали, чтоб он изменил свои привычки, но он продолжал жить по-старому, и кровотечение возобновлялось. Ко времени пидмонтской трагедии он лечился по собственному рецепту — принимал ежедневно пузырек аспирина и запивал его денатуратом. Говорит, что от этого возникала небольшая одышка...

— И чудовищный ацидоз, — вставил Бертон.

— Совершенно верно.

Метиловый спирт в организме превращается в формальдегид и муравьиную кислоту. Это означает,

что в сочетании с аспирином Джексон потреблял огромное количество кислот. А организм должен поддерживать довольно точное кислотно-щелочное равновесие, иначе наступит смерть. Один из способов поддерживать такое равновесие — учащенно дышать, выводя из легких как можно больше углекислого газа и тем самым снижая содержание углекислоты в крови.

— Быть может, это кислота и защитила его от инфекции? — спросил Стоун.

Холл пожал плечами:

— Пока сказать трудно...

— А как младенец? — спросил Ливитт. — Малокровия нет?

— Нет, — ответил Холл. — Но, с другой стороны, мы не можем быть уверены, что младенец выжил благодаря тому же защитному механизму. А может, его спасло что-нибудь другое?

— Как у него кислотно-щелочное равновесие?

— Нормальное. Совершенно нормальное. По крайней мере сейчас.

Наступила пауза. Наконец Стоун сказал:

— Ну что же, у вас есть, пожалуй, кое-что обещающее. Задача остается прежняя — определить, что общего между ребенком и стариком. Может статься, действительно, что и вовсе ничего. Но для начала мы вынуждены исходить из предположения, что их спас одним и тем же способом один и тот же механизм.

Холл кивнул.

— А теперь расскажите нам, что вы нашли в капсуле, — обратился к Стоуну Бертон.

— Лучше мы вам покажем.

— Что покажете?

— А этот самый микроорганизм, — сказал Стоун.

На двери было написано: «Морфология». Комната за дверью была разделена на кабинет для экспериментаторов и изолированную камеру за стеклянной стеной. При помощи специальных перчаток экспериментаторы могли работать с приборами в камере.

Стоун показал на стеклянную чашечку с крошечной черной песчинкой посредине.

— Вот это, как мы полагаем, наш «метеорит». На его поверхности мы обнаружили нечто, по-видимому, живое. Кроме того, на внутренней поверхности контейнера имеются зоны с определенными признаками жизни. Мы перенесли «метеорит» сюда, чтобы рассмотреть его под оптическим микроскопом...

Засунув руки в перчатки, Стоун установил чашку в нишу большого хромированного ящика, потом высвободил руки.

— Этот ящик, — пояснил он, — в сущности, обыкновенный микроскоп, оборудованный обычными увеличительными и разрешающими устройствами. Здесь достигается тысячекратное увеличение и изображение проектируется на этот экран...

Ливитт взялся за ручки управления. Холл и все остальные не сводили глаз с экрана.

— Десятикратное...

Холл увидел, что поверхность образца тускло-черноватая, иззубренная. Стоун обратил внимание всех на зеленые крапинки.

— Стократное...

Теперь зеленые крапинки стали крупнее и гораздо четче.

— Видимо, это и есть наш организм. Мы наблюдали, как он растет: из зеленого становится фиолетовым, вероятно, в момент клеточного деления...

— Спектральный сдвиг?

— Что-то в этом роде.

— Тысячекратное, — сказал Ливитт.

Экран целиком заполнило одно зеленое пятно, лежащее во впадине между острыми зубцами. Холл обратил внимание на то, что поверхность пятна гладкая и блестящая, почти маслянистая.

— Думается, это бактериальная колония?

— Вряд ли колония в обычном нашем понимании, — ответил Стоун. — Пока мы не узнали об опытах Бертона, мы вообще не думали, что это колонии, Полагали, что наблюдаем, возможно единый организм. Но размер отдельной частицы должен быть порядка одного микрона; пятно слишком велико. Значит, здесь мы видим более сложную структуру — колонию или что-нибудь в этом роде.

На глазах у них пятно стало фиолетовым, затем опять позеленело...

— Деление продолжается, — сказал Стоун. — Превосходно...

Ливитт включил кинокамеры.

— Теперь смотрите внимательно.

Пятно вновь сделалось фиолетовым и некоторое время сохраняло свой цвет. Казалось, оно слегка раздалось и в какую-то долю секунды распалось на шестиугольные дольки, наподобие кафельных плиток.

— Видели?

— Оно вроде бы распадается...

— На шестиугольники.

— Я вот что думаю, — сказал Стоун, — а может, эти шестиугольники и есть единичные организмы...

— И еще интересно, сохраняют ли они свою правильную геометрическую форму постоянно или она возникает только во время деления?..

— Под электронным микроскопом узнаем больше. — Стоун повернулся к Бертону. — Вы закончили вскрытия?

- Да.
- Умеете работать со спектрометром?
- Думаю, что сумею.
- Тогда приступайте. Задача нетрудная — спектрометр работает в блоке с ЭВМ. Нужен анализ как самой породы, так и зеленого пятна...
- Образец вы дадите?
- Дам. — И к Ливитту: — Вы знакомы с аминокислотным анализом?
- Конечно.
- Такие же образцы исследуйте на аминокислоты.
- И провести фракционирование?
- Пожалуй, — согласился Стоун. — Только это придется делать вручную...

Ливитт не возражал. Стоун снова всунул руки в перчатки и, вынув чашечку из-под микроскопа, перенес ее к небольшому прибору, похожему на миниатюрный эшафот. Это был аппарат для микрохирургии.

Микрохирургия — относительно новый метод в биологии; в сущности, это искусство проведения тончайших операций на единичной клетке. Применяя микрохирургическую технику, биолог может удалить из клетки ядро или часть протоплазмы так же чисто и аккуратно, как хирург производит ампутацию. Прибор сконструирован таким образом, что движение руки с помощью ряда передач и сервомеханизмов превращается в тончайшее микродвижение скальпеля; вы шевелите пальцем, а нож перемещается на миллионную долю сантиметра.

Глядя в увеличивающий видоискатель, Стоун начал осторожно долбить песчинку. Отколов от нее две частички, разложил их по отдельным чашечкам и отставил в сторону. Затем принялся отбивать два крохотных кусочка от зеленого пятна. Зеленое тотчас же стало фиолетовым и выросло в размерах.

— А ему не нравится, — хохотнул Ливитт.

Стоун нахмурился.

— Занятно. Как вы думаете, это неспецифическая реакция роста или же реакция трофическая — на повреждение и облучение?

— Я думаю, — ответил Ливитт, — пятно попросту не любит, чтобы его ковыряли...

— Продолжим, — только и сказал Стоун.

19. Катастрофа

Этот телефонный звонок обрушился на Артура Мэнчика, как кошмар. Мэнчик был уже дома, только что пообедал и присел почитать газеты — последние два дня, с тех пор как заварилась эта история с Пидмонтом, ему стало просто не до газет. Когда зазвонил телефон, он решил: звонят жене. Но она пришла за ним в гостиную со словами:

— Это тебя. С базы.

Он взял трубку со смутным чувством тревоги.

— Майор Мэнчик слушает.

— Говорит полковник Бернс из подразделения восемь...

Подразделение восемь ведало в Ванденберге засекречиванием и допусками, выдавало разрешения на вход и выход с базы, а кроме того, прослушивало все телефонные разговоры.

— Что скажете, полковник?

— Вы состоите в списке лиц, которых приказано оповещать в случае некоторых ЧП... — Бернс говорил осторожно и выбирал слова, памятуя, что звонит по открытой линии. — Сорок две минуты назад в районе Биг-Хед, штат Юта, разбился учебно-тренировочный самолет...

Мэнчик нахмурился. С чего это вдруг понадобилось оповещать его об аварии обычного учебного самолета? Это вовсе не его печаль.

— Какой самолет?

— «Фантом». Следовал из Сан-Франциско на Топику...

— Ясно, — ответил Мэнчик, хотя ему не было ясно ровным счетом ничего.

— Годдард потребовал сообщить вам об этом, чтобы вы могли присоединиться к комиссии по расследованию...

— Годдард? А при чем тут Годдард?

Какое-то время Мэнчик сидел, тупо глядя на заголовок в газете «Угроза нового кризиса в Берлине» и полагая, что полковник имеет в виду Льюиса Годдарда, начальника шифровального отдела базы. Потом он сообразил, что речь идет о Годдардовском космическом центре близ Вашингтона. Среди многих задач, которыми занимался этот центр, была и координация некоторых специальных программ, находящихся в одновременном ведении Хьюстона и центральных правительственных учреждений.

— Дело в том, — продолжал Бернс, — что через сорок минут после вылета из Сан-Франциско самолет отклонился от курса и прошел над районом ЛП...

Мэнчик почувствовал, как что-то в нем словно затормаживается. Им овладела сонливость.

— Над районом ЛП?

— Так точно.

— Когда?

— За двадцать минут до катастрофы.

— На какой высоте?

— Шесть тысяч девятьсот метров.

— Когда выезжает комиссия?

— Через полчаса. С базы.

— Хорошо, — сказал Мэнчик. — Буду.

Он повесил трубку и еще раз поглядел на телефон. Как он устал! Больше всего ему сейчас хотелось бы лечь спать. Район ЛП — так условились называть оцепленный район Пидмонта. «Надо было сбросить бомбу, — подумал он. — Надо было сбросить ее сразу же, еще вчера утром...»

Ему стало не по себе уже в тот момент, когда его уведомили о решении отсрочить применение директивы 7-12. Но он не имел права лезть со своим мнением и ждал, когда же группа «Лесной пожар», теперь уже собравшаяся в подземной лаборатории, опротестует решение Вашингтона. Ждал напрасно. А ведь сообщение им передали. Он сам, своими глазами видел телеграмму, адресованную всем закрытым подразделениям, там было сказано об этом недвусмысленно.

Но «Лесной пожар» почему-то не протестовал. Он вообще никак не прореагировал на телеграмму.

Странно. Очень странно.

А теперь эта катастрофа. Он разжег трубку и, посаывая ее, размышлял о том, что бы это могло означать. Конечно, скорее всего какой-нибудь стажер замечтался, сбился с курса, а потом испугался и полностью потерял контроль над машиной. Такое случилось и раньше, сотни раз случалось. Комиссия по расследованию причин аварии, выезжая на место, давала обычно заключение, что авария произошла «вследствие отказа одной из систем» — принятый у военных уклончивый оборот речи, означающий, в сущности, аварию по неизвестным причинам. Формулировка не признавала никакой разницы между неисправностью самой машины и ошибкой в действиях летчика, но ни для кого не было секретом, что виноват был, как правило, летчик. Человек не имеет права грезить, управляя сложнейшей машиной на скорости три тыся-

чи километров в час. Статистика неопровержимо свидетельствовала: хотя полеты после краткосрочного отпуска или воскресного увольнения из части составляли лишь 9 процентов всех полетов, на них падало 27 процентов летных происшествий.

Трубка у Мэнчика погасла. Он встал, уронил газету и направился на кухню сообщить жене, что уезжает.

— Тут только фильмы снимать, — заметил кто-то, глядя на крутые песчаные утесы, ярко-красные на фоне сгущающейся синевы неба. Собственно, так оно и было — многие фильмы снимались здесь, в этом районе Юты. Однако Мэнчику было не до кино. Расположившись на заднем сиденье лимузина, отъезжающего от аэропорта Юта, он пытался осмыслить то, что ему сообщили.

Во время перелета с базы Ванденберг комиссия прослушала запись радиопереговоров «Фантома» с землей. Большая часть пленки не представляла интереса, за исключением нескольких последних секунд перед катастрофой.

— Что-то не в порядке, — сказал пилот. И через секунду: — Воздушный шланг расплзается. Наверно, от вибрации. Рассыпается в пыль... — И еще секунд через десять слабый, затухающий голос: — Все, что есть в кабине резинового, все — в пыль...

И передача оборвалась.

В мозгу Мэнчика все звучали эти короткие фразы, и они казались ему все более странными и страшными.

Он выглянул в окно, посмотрел на пробегающие мимо скалы. Солнце садилось, и только вершины были освещены угасающим красноватым светом; долины уже окутывал мрак. Мэнчик поглядел на идущую впереди другую машину с членами комиссии, на маленькое облачко пыли позади нее.

— Я раньше очень любил вестерны, — сказал кто-то рядом. — Их снимали именно здесь. Красивейшая местность...

Мэнчик хмуро молчал. Его всегда удивляло, как могут люди тратить время на пустую болтовню. Наверное, они просто хотят убежать от реальности.

А реальность была жестокой. «Фантом» сбился с курса и залетел довольно далеко в запретную зону — прошло шесть минут, прежде чем пилот опомнился и повернул обратно на север. Однако именно над зоной самолет начал терять устойчивость. И вскоре разбился.

— На базу «Лесной пожар» сообщили? — осведомился Мэнчик.

Один из членов комиссии, психиатр (в комиссию по расследованию аварий обязательно включали как минимум одного психиатра), спросил:

— Вы про бактериологов?

— Именно.

— Сообщили, — ответил кто-то. — Час назад передали по шифрованной связи.

«Теперь-то, — подумал Мэнчик, — они откликнутся. Такое происшествие — тут уж нельзя отмолчаться».

Если только... если они вообще читают телеграммы. Раньше это не приходило ему в голову, а ведь вполне возможно, что они не читают никаких сообщений. Так заняты своим делом, что им не до телеграмм.

— Вон обломки, — сказал кто-то. — Вон, впереди...

Всякий раз, когда Мэнчику доводилось попадать на место аварии самолета, он изумлялся. Трудно было отождествлять разбросанные там и сям обломки с мо-

гучей машиной, несшейся со скоростью тысяч километров в час. Мэнчик всегда ожидал увидеть аккуратную плотную грудку металла, но ни разу не видел ничего похожего.

Обломки «Фантома» разлетелись по пустыне на площади пять квадратных километров. Стоя у обуглившегося остова левого крыла, Мэнчик еще видел где-то вдалеке остальных членов комиссии, собравшихся около правого крыла. Повсюду валялись куски почерневшего, искореженного металла с облезшей краской. На одном из обломков ясно читалась частица какой-то предупредительной надписи: «НЕ...» Остальное не сохранилось.

Установить причину аварии по обломкам было попросту невозможно. Фюзеляж, кабина, фонарь рассыпались на миллион мелких кусков, огонь довершил разрушение.

Солнце уже садилось, когда Мэнчик остановился у обломков хвостового оперения. Металл все еще излучал тепло, какие-то детали дымились. И тут у самых своих ног, в песке майор заметил полузасыпанную кость. Он поднял ее и, к ужасу своему, понял, что кость человеческая. Довольно длинная, надломленная, обугленная с одного конца, очевидно, кость руки или ноги. И при этом до странности чистая — ни следа мягких тканей, совершенно гладкая кость...

Стемнело. Члены комиссии вытащили фонарики и ходили среди еще дымящегося металла, разбрасывая вокруг желтые пятна света.

Было уже совсем темно, когда к Мэнчику подошел биохимик — майор не знал даже его фамилии.

— Понимаете, — сказал биохимик, — эти слова пилота, что резина рассыпается в пыль...

— А что такого?

— Да ведь на «Фантоме» нет резины. Только синтетика. Полимеры. Последняя новинка фирмы «Анк-

ро», предмет их особой гордости. У этого полимера есть характеристики, общие с человеческими тканями. Очень эластичный, множество областей применения...

— А полимер не мог рассыпаться от вибрации?

— Ну уж нет, — сказал биохимик. — Тысячи «Фантомов» летают по всему миру. На всех один и тот же пластик. А такого еще не случалось ни разу...

— И что из того?

— А то, что я ни черта ни понимаю...

20. Будни

Мало-помалу в лаборатории «Лесной пожар» установилась будничная обстановка, в подземных казематах сложился свой особый ритм работы, не различающий ни дня, ни ночи, ни утра, ни вечера. Люди ложились спать, когда уставали, вставали, когда чувствовали себя отдохнувшими, и продолжали выполнять каждый свое дело.

Большая часть их работы не давала никаких ощутимых результатов. Они были готовы к этому и воспринимали все как должное. Стоун любил повторять, что научные исследования похожи на геологическую разведку: выходишь в поиск и рыщешь, вооруженный картами и приборами, но в конечном счете ни приготовления, ни даже интуиция ничего не значат — нужна удача. И если усердие вознаграждается, то лишь ценой кропотливого, упорного, тяжелого труда.

В лаборатории, где теперь распоряжался Бертон, наряду со спектрометром стояла аппаратура для анализа на радиоактивность, для термоэлектрического и рентгенокристаллографического анализов.

Спектрометр, установленный на пятом уровне, представлял собой стандартную модель «К-5» фирмы «Уиттингтон» и состоял, как и все спектрометры, в основном из испарителя, призмы и экрана для наблюдения. Материал, предназначенный для анализа, помещается в испаритель и сжигается. Свет от пламени пропускается сквозь призму, и образующийся спектр проецируется на экран. Так как при горении различные элементы излучают световые волны различной длины, то по световому спектру данного вещества можно судить о его химическом составе.

Теоретически все просто, однако на практике чтение спектрограмм — работа сложная и трудная. Настоящих специалистов по этой части в лаборатории «Лесной пожар» не было, поэтому результаты спектрометрии вводились непосредственно в ЭВМ, а она выдавала анализ, и притом даже с примерным содержанием элементов в процентах.

Бертон установил в испарителе первый образец, взятый с черной песчинки, и нажал кнопку. На мгновение вспыхнул нестерпимо яркий свет, Бертон отвернулся, щадя глаза, затем проделал все сызнова с другим контрольным образцом. Он знал — ЭВМ уже начала анализ излучения первой вспышки.

Повторив все процедуры с пробой зеленого пятна еще раз, Бертон засекал время. Теперь ЭВМ, по-видимому, приступает к «просмотру» самопроявляющихся фотопластинок — они подготавливаются за несколько секунд. Само исследование, однако, займет часа два, не меньше — электрический глаз считывает спектральные линии очень неторопливо. Зато по окончании считывания ЭВМ проделает анализ и выдаст печатные данные за пять секунд.

Стенные часы показывали 15.00. Три часа пополудни. Он вдруг почувствовал сильную усталость. От-

стучав приказ разбудить его, как только будет готов анализ, он отправился спать.

В одной из соседних лабораторий Ливитт осторожно вкладывал такие же образцы в другой аппарат — автоматический анализатор аминокислот — и улыбался, припоминая, как хлопотно это было раньше, без автоматики. В начале 50-х годов анализ аминокислотного состава белков требовал недель и даже месяцев, а иногда и лет. Сегодня анализ будет готов через несколько часов, самое большее через сутки...

Аминокислоты — строительный материал белков. Известно двадцать четыре аминокислоты, и все состоят из различных сочетаний одних и тех же элементов — углерода, водорода, кислорода и азота. В белках они соединены между собой в цепочку, словно товарный поезд. Все белки сформированы из одних и тех же «вагонов», из одних и тех же аминокислот; вид белка — будет ли это инсулин, гемоглобин или гормон роста — определяется лишь порядком их взаимного расположения. В одних белках больше «вагонов» определенного типа, в других меньше или же «вагоны» расположены в ином порядке. Но сами «вагоны» — аминокислоты — одни и те же в белках всех живых существ, от человека до блохи.

Без малого двадцать лет потребовалось на то, чтобы установить этот факт.

Но что же управляет порядком расположения аминокислот в составе белка? Оказалось, ДНК, носитель генетического кода, своего рода диспетчер на сортировочной станции.

На то, чтобы установить этот факт, понадобилось еще двадцать лет.

Нужно добавить, что цепочка аминокислот, едва возникнув, начинает скручиваться, свертываться в спираль; цепочка становится похожей скорее на змею, чем на поезд. Характер спирали определяется порядком аминокислот и весьма специфичен: молекула данного конкретного белка может быть свернута только одним определенным образом, иначе белок будет нежизнеспособен.

Еще десять лет.

«Ну, не странно ли? — подумал Ливитт. — Сотни институтов, тысячи ученых во всем мире потратили годы и десятилетия упорного труда, чтобы установить такие, в сущности, простые факты...»

А теперь изобретена эта машина. Конечно, автомат не устанавливает точного взаиморасположения аминокислот. Зато он дает приближенное содержание их в процентах: столько-то валина, аргинина, цистина, пролина, лейцина. И такие данные несут в себе огромную информацию.

Правда, на сей раз анализатор — выстрел наугад, вслепую. Ведь нет ровным счетом никаких оснований полагать, что черное вещество или зеленый организм состоят хотя бы частично из белков. Да, на Земле все живое построено из белков, но разве отсюда следует, что эта закономерность распространяется и на внеземные формы жизни?

Ливитт попытался представить себе безбелковую жизнь. Это было трудно, почти невозможно: на Земле белки входят в состав клеточных оболочек, в состав всех известных ферментов. А жизнь без ферментов — возможна ли она? Он припомнил реплику английского биохимика Джорджа Томпсона, который назвал ферменты «сватами жизни». И не преувеличил: ферменты служат катализаторами при всех химических реакциях — именно на поверхности фермента две молекулы

встречаются и вступают в реакцию. Существуют сотни тысяч, а быть может, и миллионы ферментов — и каждый способствует одной-единственной, строго определенной реакции. Без ферментов не может быть реакций. Без реакций не может быть жизни.

А что, если может?

Проблема эта не нова. Еще на самой ранней стадии подготовки программы «Лесной пожар» был поставлен вопрос: как подходить к изучению форм жизни, совершенно не похожих на земные? Как вообще узнать, жизнь это или не жизнь?

Ответ был необходим не ради академического интереса. Джордж Уолд указывал, что биология — наука уникальная в том смысле, что она никак не может определить свой предмет. Ведь до сих пор никто не сумел предложить исчерпывающего определения жизни. По существу, никто и не знает, что такое жизнь. Все прежние формулы — материя, обладающая свойствами потребления пищи, обмена веществ, извержения отбросов, воспроизводства и т.д., — явно недостаточны, поскольку всегда можно найти исключения из правил.

В конце концов группа «Лесной пожар» пришла к выводу, что отличительным признаком жизни является превращение энергии. Все живые организмы так или иначе поглощают энергию — в виде пищи или солнечного света, — превращают в другую форму и затем используют ее. (Вирусы составляют исключение из этого правила, но участники группы были склонны не относить вирусы к числу живых организмов).

Ливитта попросили опровергнуть это «энергетическое» определение. Неделью он размышлял, а затем явился на совещание с тремя предметами — отрезком

черной ткани, наручными часами и куском гранита. Выставил их на обозрение коллег и сказал:

— Господа, перед вами три живых существа...

И предложил группе опровергнуть это утверждение.

Он положил черную ткань на солнце — она нагрелась. «Вот, — объявил он, — пример превращения энергии: световой в тепловую». Ему возразили, что здесь имеет место пассивное поглощение энергии, а во все не превращение. Если даже и считать поглощение превращением, оно не целенаправленно, не обеспечивает выполнения какой-либо жизненной функции.

— А откуда вы это знаете? — спросил Ливитт.

Следующим «живым» объектом были часы. Ливитт указал на светящийся циферблат: происходит радиоактивный распад, излучается свет. Остальные заговорили наперебой, что это всего лишь выделение потенциальной энергии неустойчивых электронных оболочек. Однако замешательство нарастало — аргументы Ливитта достигали своей цели.

Наконец, они перешли к граниту.

— Он живой, — заявил Ливитт. — Он дышит, ходит и говорит. Только мы не замечаем этого, потому что все это происходит слишком медленно. Камень живет три миллиарда лет, мы — шестьдесят-семьдесят. Мы не в состоянии заметить, что происходит с этим камнем, по той же причине, по какой были бы не в силах распознать мелодию на пластинке, вращающейся со скоростью один оборот в столетие. А камень, со своей стороны, и не подозревает о нашем существовании, ибо для него наша жизнь длится долю мгновения. Для него мы не более чем искры в ночи...

И он поднял вверх свою руку с часами.

Точка зрения Ливитта была ясна. Пришлось участникам группы пересмотреть один из основополагаю-

щих пунктов своей теоретической позиции. Пришлось согласиться, что возможен и такой случай, когда они не сумеют проанализировать какие-то формы жизни. Не сумеют продвинуться ни на шаг, не сумеют даже изыскать метод подхода к их анализу.

Ливитта, однако, волновал еще более общий вопрос — о принципах действий в условиях неопределенности. Он внимательно перечитал книгу Толберта Грегсона «Планирование непланируемого», изучил сложные математические модели, разработанные автором для анализа этой проблемы.

У Грегсона сказано:

«Все решения, включающие в себя элемент неопределенности, делятся на две резко очерченные группы в зависимости от того, можно ли предвидеть последствия этих решений. Очевидно, решения, влекущие за собой непредвидимые последствия, принимать неизмеримо сложнее.

Большинство решений, в том числе почти все решения, касающиеся человеческих взаимоотношений, могут быть воспроизведены моделью с предвидимыми последствиями. Например, президент может объявить войну, бизнесмен — продать свое дело, муж — развестись с женой. Любое такое действие вызовет некоторые последствия; количество возможных последствий бесконечно, однако количество вероятных последствий достаточно невелико. Перед тем как принять решение, человек может взвесить его последствия и таким образом более успешно оценить свои первоначальные намерения.

Однако существует и категория решений, которые нельзя оценить на основании анализа их последствий. К этой категории относятся решения, связанные с абсолютно непредвиденными событиями

и ситуациями, причем не только с катастрофами разного рода, но и с редкостными мгновениями озарений и внезапных открытий, таких, как лазер и пенициллин. Поскольку подобные события не могут быть предвидимы, они не поддаются никакому логическому планированию. Математический аппарат тут совершенно непригоден.

Мы можем лишь утешать себя мыслью, что в обыденной жизни такие события, к лучшему или к худшему, необыкновенно редки».

Чрезвычайно бережно Джереми Стоун опустил крохотную зеленую частичку на расплавленную пластмассу. Потом подождал, пока частичка полностью не погрузилась в пластмассовую ванночку, размером и формой напоминавшую медицинскую облатку, залил поверх нее еще один слой пластмассы и перенес «облатку» в термостат.

Стоун завидовал другим членам группы, в чьем распоряжении было множество автоматических помощников. Подготовка образцов для электронной микроскопии все еще оставалась делом настолько тонким, что непременно требовала умелых человеческих рук. Подготовка хорошего образца требовала тончайшего мастерства, не меньшего, чем, скажем, ремесло ювелира, и для овладения этим мастерством нужно учиться почти так же долго. Стоуну, чтобы достичь известной степени совершенства, понадобилось пять лет.

Пластмассовая «облатка» выдерживалась в специальном скоростном термостате, и все же нужно было ждать пять часов, чтобы она затвердела до надлежащей консистенции. В термостате поддерживалась постоянная температура $+61^{\circ}$ при относительной влаж-

ности 10%. Когда пластик затвердеет, Стоун сможет убрать верхний слой и срезать микрономом пластинку зелени круглой формы и строго определенной толщины — не более 1500 ангстрем. После этого можно будет рассмотреть зеленое вещество под электронным микроскопом при увеличении в 60 тысяч раз.

«Вот это будет интересно», — подумал Стоун.

В целом, по мнению Стоуна, дела у них шли неплохо. Группа быстро продвигается одновременно по нескольким направлениям, сулящим успех. И самое главное — у них теперь сколько угодно времени. Нет ни спешки, ни паники, ни оснований для страхов. На Пидмонт сброшена бомба. Микроорганизмы, какие имелись в воздухе, уничтожены, источник инфекции нейтрализован. Единственная точка, откуда могла бы распространиться инфекция, — «Лесной пожар», но «Лесной пожар» построен с тем расчетом, чтобы именно этого и не допустить. При малейшем повреждении изоляции хотя бы в одной из лабораторий зараженная зона будет автоматически отсечена. За полсекунды закроются герметические двери, и соответственно изменится внутренняя планировка всего сооружения.

Опыт других лабораторий, работающих в условиях так называемых аксеничных атмосфер, полностью свободных от любых микробов, учил, что вероятность заражения составляет 15%. Причины тут различны, по большей части конструктивного характера — прорыв герметизирующей прокладки, порез перчатки, нарушение шва, но, так или иначе, случаи прорыва инфекции имели место.

База «Лесной пожар» была готова к таким случайностям. По всей вероятности, никаких случайностей и не будет. А если так, то знай себе работай — работай столько, сколько понадобится: месяц и даже год. Предусмотрено все, беспокоиться просто не о чем...

Холл бродил по коридору, присматриваясь к командным подстанциям ядерного устройства и стараясь запомнить их расположение. На уровне таких подстанций было пять — одинаковые серебристые коробочки размером с пачку сигарет, размещенные с интервалами вдоль главного коридора. На каждой коробочке имела прорезь для ключа и две лампочки — зеленая и красная. Зеленая горела.

Принцип работы подстанций Холл узнал из объяснений Бертон.

— Во всех лабораториях и во всех вентиляционных каналах закреплены датчики. Они проверяют стерильность воздуха посредством различных химических и электронных определителей и прямых биоанализаторов. Биоанализаторы — это живые мыши, у которых постоянно регистрируется пульс. Если хоть один датчик подает сигнал о заражении воздуха, данная лаборатория автоматически изолируется. Если заражение охватит весь уровень, сработает механизм ядерного устройства. Зеленая лампочка погаснет, начнет мигать красная. Это означает, что до взрыва осталось три минуты. Если вы не вставите и не повернете свой ключ, по истечении трех минут ядерный заряд взорвется.

— И вставить ключ должен именно я?

— Именно вы. В замок вмонтирован приборчик, измеряющий емкостные характеристики человека, вставившего ключ. Замок реагирует на общие размеры тела, в особенности на вес и солевой состав пота. В общем, распоряжаться ключом можете только вы и никто другой.

— Значит, как ни крути, а я единственный?..

— Единственный. И у вас единственный ключ. Но есть еще один осложняющий момент. Строители допустили отклонение от проекта. Когда весь комплекс был уже готов и ядерное устройство смонтировано,

мы обнаружили, что на уровне недостает трех подстанций. Их установили только пять вместо восьми.

— И что из этого следует?

— А то, что если на уровне начнется утечка, вы должны бегом бежать к ближайшей подстанции. Иначе может получиться так, что вы будете изолированы в секторе, где нет подстанции. И, если какой-нибудь из бактериологических датчиков выйдет из строя и подаст ложный сигнал тревоги, комплекс взлетит на воздух без всяких на то причин...

— Довольно серьезное упущение...

— Видите ли, — сказал Бертон, — три недостающие подстанции должны установить в марте. Но пока еще февраль, так что нам от этого не легче. Вы только не забывайте: чуть что — к ближайшей подстанции, и все будет в порядке.

Ливитт мгновенно проснулся, выкатился из кровати и принялся одеваться. Он был возбужден — ему пришла в голову мысль; занятная мысль, дикая, сумасшедшая, по чертовски занятная...

Пришла эта мысль во сне.

А снился ему дом и вокруг дома город, огромный, многоэтажный, опутанный магистралями город. В доме жил человек, жил со своей семьей; работал он в городе и ездил по городу, двигался туда и сюда, делал что-то — и что-то получал взамен.

А потом, во сне, город вдруг исчез. Остался только дом. И как все изменилось! Один-единственный дом, сам по себе, лишенный всяких связей с внешним миром, лишенный воды, канализации, электричества. Даже улица, на которой стоял дом, и та исчезла. Семья осталась без магазинов, без школ и аптек. И глава семьи, работавший в городе, связанный как-то со все-

ми другими в городе, тоже остался сам по себе, один...

Дом переродился, стал качественно иным организмом. Отсюда до организма, изолированного в лаборатории, — всего один шаг. Скачок воображения, и...

Надо будет обсудить это со Стоуном. Стоун, конечно, рассмеется — он всегда смеется, — но и задумается. Ливитт знал, что некоторым образом играет роль возмутителя спокойствия, поставщика идей для всей группы в целом. Самых невероятных и неприемлемых, зато новых идей.

Ну что ж, по меньшей мере Стоун заинтересуется.

Ливитт посмотрел на часы. 22.00. Скоро полночь. Быстрее одеваться! Он достал новенький бумажный комбинезон и сунул в него ноги. Комбинезон на ощупь был прохладным.

И вдруг стал теплым. Странная смена ощущений. Он натянул его, встал, застегнул молнию. Уходя, снова бросил взгляд на часы.

22.10.

О боже! Опять... Опять это случилось. На этот раз целых десять минут. Что же с ним было? Он ничего не мог припомнить. Десять минут, целых десять минут ушли, улетучились, пока он одевался, а одевание не могло, не должно было занять более тридцати секунд...

Он снова сел на кровать и попытался вспомнить, что же произошло, но не мог.

Целых десять минут...

Это страшно. Он-то надеялся, что это никогда не повторится, и вот повторилось. Уже несколько месяцев с ним ничего подобного не было, и опять. Из-за волнения, из-за ломки режима, из-за нарушенного распорядка дня началось опять...

На миг подумалось: надо бы рассказать коллегам. Да нет, обойдется. Больше не повторится. Все будет хорошо...

Он встал. Он ведь собирался пойти к Стоуну, чтобы обсудить что-то. Что-то важное, очень важное.

Он постоял.

Нет, забыл.

Мысль, образ, волнение, вызванное образом, — все исчезло. Стерлось из памяти. Улетучилось без следа...

Разумеется, надо бы сказать Стоуну, признаться во всем. Но ведь ясно, что ответит и что сделает Стоун. А что это будет означать для него, для Ливитта! Достаточно кому-нибудь узнать — и все переменится. С «Лесным пожаром» придется расстаться. Он никогда уже не вернется к нормальной жизни — придется бросить работу, поломать все свои привычки, бесконечно к чему-то приспосабливаться. Даже машину водить, и то нельзя будет...

Нет, решил он. Ничего он никому не скажет. И все обойдется. Только не надо смотреть на мигающие огни.

Джереми Стоун очень устал, но чувствовал, что заснуть все равно не сможет. Он шагал взад и вперед по коридорам и думал. Ему никак не давали покоя эти птицы в Пидмонте. Он мысленно проследил секунда за секундой все, что было связано с птицами: как они с Бертоном заметили птиц с вертолета, и как отравили их хлоразином, и как те погибли. Мысленно Стоун снова и снова возвращался к впечатлениям вчерашнего утра.

Что-то он упустил, что-то очень существенное. Это беспокоило его уже там, в Пидмонте. Потом пидмонтские сомнения оттеснились, отошли на задний план, но на дневном совещании, когда Холл докладывал о своих пациентах, вспыхнули вновь. Что-то сказанное Холлом, какой-то упомянутый им факт был,

неведомо почему, связан с птицами. Но что? Какой факт? Какая именно мысль, какие точно слова навели на ассоциацию?

Стоун тряхнул головой. Никак, ну никак не удавалось вспомнить... Нити, связи, ключи — все было где-то тут, у него в голове, но никак, ни за что не желало всплыть на поверхность. Он взялся за голову руками и сдавил череп изо всех сил, проклиная мозг за упрямство...

Как и многие интеллигенты, Стоун относился к собственному мозгу с известной подозрительностью. Мозг представлялся ему точной и тонкой, но слишком уж капризной машиной. И он не удивился, что время от времени эта машина начинает буксовать, хотя страшился таких минут и ненавидел их. В часы мрачных раздумий Стоун вообще уже сомневался в плодотворности всякой мысли и разума как такового. Порой он даже завидовал своим подопытным крысам: их мозг так прост. Во всяком случае, у них никогда не хватит разума, чтобы уничтожить самих себя; до этого мог додуматься только человек...

Стоун часто повторял, что от разума беды куда больше, чем пользы. Разум больше разрушает, чем созидает, способен скорее запутать, чем прояснить любую проблему, порождает больше безнадежности, чем удовлетворения, творит больше зла, чем добра.

Временами он сравнивал человека и его гигантский мозг с динозаврами. Любому школьнику известно, что динозавры переросли самих себя, стали такими огромными и тяжелыми, что не смогли выжить. Но никому никогда не приходила в голову мысль: а нет ли некоторой аналогии между динозаврами и человеческим мозгом — самой сложной органической структурой из всех известных во Вселенной? А может быть, мозг уже сделал человека своего рода динозавром и в конце концов приведет его к гибели?

Уже сейчас мозг потребляет четверть всей крови организма. Четверть всей крови, перекачиваемой сердцем, идет в мозг — орган, составляющий лишь незначительную часть массы тела. А если мозг станет еще больше — настолько больше, что, подобно инфекции, обернется против взрастившего его организма и убьет его.

Или — еще того вероятнее — в своей безграничной умудренности мозг изыщет способ уничтожить и себя, и себе подобных. Порой, сидя на совещаниях в госдепартаменте и в Министерстве обороны и оглядывая сидящих вокруг, Стоун видел за столом не людей, а просто дюжину серых, изборожденных извилинами мозгов. Ни плоти, ни крови, ни рук, ни глаз, ни пальцев, ни ртов, ни половых органов — все это лишнее.

Одни мозги. Сидят вокруг стола и размышляют, как перехитрить другие мозги, заседающие за другими столами.

Идиотизм.

Стоун тряхнул головой и подумал, что уподобляется Ливитту с его способностью измышлять сумасшедшие, неправдоподобные схемы. И все же в его построениях была своя логика. Если ты боишься своего мозга и ненавидишь его, то рано или поздно попытаешься уничтожить. И его и ему подобных.

— Я выдохся, — сказал Стоун вслух и взглянул на стенные часы. 23.40. Скоро начало полночного совещания.

21. Совещание в полночь

И вновь они собрались в той комнате, за тем же столом. Стоун с первого взгляда понял, что все устали. Все, включая его самого, явно недосыпали.

— Мы слишком ретиво взялись, — сказал он. — Нет никакой нужды работать круглые сутки. Переутомление неизбежно порождает ошибки — ошибки в суждениях, ошибки в действиях. Скоро мы начнем ронять приборы, путаться и небрежничать. Будем делать неверные предположения и на их основании строить неверные гипотезы. А на это мы не имеем права...

Группа решила: всем спать не меньше шести часов в сутки. Такое решение представлялось вполне разумным: людям на поверхности ничто не угрожало, опасность распространения инфекции из Пидмонта предотвращена атомной бомбой.

Они, наверно, продолжали бы оставаться в подобном заблуждении, если бы Ливитт не предложил подать заявку на кодовое наименование. Он заявил, что пора дать новооткрытому организму имя, и все остальные согласились с этим.

В углу комнаты стоял телетайп шифрованной связи. Он стучал чуть ли не круглые сутки, печатая сообщения, поступающие извне. Это был аппарат двусторонней связи.

Правда, на эти данные с самого прибытия группы на пятый уровень никто не удосуживался взглянуть. Слишком много было серьезных дел, чтобы еще читать всякую военно-штабную писанину, в большинстве своем никак не касающуюся «Лесного пожара». Депеши шли, поскольку база считалась одной из подстанций сети «Кулер» — чаще эту сеть шутливо именовали «Первой двадцаткой»; эти двадцать подстанций, связанных непосредственно с подвалом Белого дома, были расположены на наиболее важных стратегических объектах, в число которых входили база Ванденберг, мыс Кеннеди, объединенное командование ПВО, «Райт Паттерсон», Форт-Детрик, Вирджиния Ки. И каждый получал все текущие распоряжения и сообщения в виде циркуляров.

Стоун подошел к телетайпу и отстучал короткую телеграмму. ЭВМ направила ее центральному бюро кодирования, которое устанавливало и регистрировало кодовые наименования для всех мероприятий по объектам, охватываемым системой «Кулер».

Телетайпная лента зафиксировала следующий диалог:

прошу линию для передачи
понятно даю линию сообщите откуда
стоун программа лесной пожар
сообщите куда
центральное бюро кодирования
понятно бюро кодирования
передаю сообщение
передайте
выделен внеземной организм занесенный на землю
спутником скуп семь прошу кодовое наименование
организма
конец сообщения
сообщение передано

Последовала долгая пауза. Телетайп гудел и щелкал, но ничего не печатал. Потом из него пополз бумажный рулон:

передаем сообщение центрального бюро кодирования
понятно выделен новый организм просим характеристику
конец сообщения

Стоун нахмурился:

— Но мы же сами еще почти ничего не знаем...

Телетайп, однако, был нетерпелив:

дайте ответ бюро кодирования

Помедлив, Стоун отстучал:

передаю сообщение центральному бюро кодирования

ния настоящее время дать характеристику не могу
предлагаю предварительно классификацию как бак-
териальный штамм

конец сообщения

передаем сообщение центрального бю-
ро кодирования

понятно заявка на классификацию бак-
терии открывающей новый раздел клас-
сификации соответствии принятой си-
стемой

кодовое название организма андромеда
полное кодовое наименование штамм
андромеда

зарегистрировано каталоге номером
053.9 (неопознанный организм)

дополнительный номер E866 (авиацион-
ное происшествие)

такая регистрация наиболее близка
установленным категориям

Стоун улыбнулся:

— Похоже, мы не очень-то подпадаем под установ-
ленные категории...

Он отстучал в ответ:

понятно кодовое наименование штамм андромеда
согласны

конец сообщения

сообщение передано

— Ну вот, — сказал Стоун, — так-то...

Бертон тем временем просматривал грудку бумаги
за телетайпом. Аппарат печатал свои сообщения на
бумажном рулоне, который строка за строкой сползал
в ящик. Там лежали десятки метров рулона, которые
никто до сих пор еще не видел.

Он пробежал глазами одно из сообщений, оторвал
от рулона и передал Стоуну.

1134/443/КК/У — U/9

информационное сообщение

всем подразделениям

совершенно секретно

сегодня президент и совет нацбезопасности — кобра

получили запрос на применение директивы 7-12

отправитель ванденберг /лесной пожар

подтверждение наса /медслужба армии

передал запрос майор мэнчик артур

на закрытом заседании директива

в действие не приведена

окончательное решение отложено срок

двадцать четыре до сорока восьми часов

затем повторное рассмотрение

введен в действие альтернативный вариант

развертывание войск согласно

директиве 7-11

квитанции не требуется

конец сообщения

всем подразделениям

совершенно секретно

конец передачи

Все смотрели на этот листок, не веря своим глазам. Долго никто не мог вымолвить ни слова. Наконец, Стоун притронулся к верхней кромке листа и сказал тихо:

— Здесь стоит индекс 443. Значит, передача шла по специальной сети. У нас должен был зазвенеть звонок.

— На этом телетайпе нет звонка, — заметил Ливитт. — Звонит только на первом уровне, в пятом секторе. Но они обязаны были сообщить нам...

— Вызовите пятый сектор по внутреннему, — сказал Стоун.

Через десять минут перепуганный сержант-связист соединил Стоуна с Хьюстоном — там находился Робертсон, глава Научного консультативного совета при президенте США.

Разговор продолжался довольно долго. Робертсон прежде всего выразил удивление, что никто из «Лесного пожара» не связался с ним раньше. Потом Стоун, не стесняясь в выражениях, перешел к решению президента не применять директиву 7-12.

— Президент не доверяет ученым, — начал объяснять Робертсон. — Ему с ними как-то не по себе.

— Это ваш долг позаботиться, чтоб ему стало по себе. А вы своего долга не выполняете.

— Но, Джереми...

— Существует всего два источника заражения — Пидмонт и наш комплекс. У нас тут защита надежная, а вот поселок...

— Джереми, я согласен: бомбу следовало сбросить.

— Так убедите его! Сядьте ему на голову! Пусть даст санкцию на применение 7-12, и как можно скорее. Если только уже не слишком поздно...

Робертсон согласился и обещал позвонить еще раз. Уже заканчивая разговор, он спросил:

— Да, а что вы думаете по поводу «Фантома»?

— По поводу чего?..

— «Фантома», который разбился в Юте...

Последовало секундное замешательство — участники группы «Лесной пожар» поняли, что пропустили еще одно важное сообщение.

— Обычный тренировочный полет. Но самолет сбился с курса и прошел над закрытой зоной. В том-то и загвоздка...

— Что еще известно?

— Летчик успел сообщить, что воздушный шланг рассыпался в пыль. Вроде будто от вибрации или

чего-то такого еще. Вообще последние его слова были довольно странные...

— Будто он сошел с ума?

— Похоже.

— Комиссия по расследованию аварии уже на месте?

— Да, и мы ждем от нее сообщений. Вот-вот должны быть.

— Не забудьте передать нам, — сказал Стоун и вдруг запнулся. — Постойте, но если вместо 7-12 дан приказ 7-11, значит, Пидмонт оцеплен войсками?

— Да, национальной гвардией.

— Чертовски глупо.

— Послушайте, Джереми, я с вами согласен...

— Когда они начнут умирать, я хочу знать, кто умер и как. А главное, где. Господствующие ветры там с востока. Если начнутся смертельные случаи к западу от Пидмонта...

— Я позвоню, я немедленно позвоню, Джереми.

Разговор закончился, и ученые один за другим побрели из комнаты прочь. Холл ненадолго задержался, вытащил смятый рулон из ящика и просмотрел несколько сообщений. Большинство из них было для него совершенно непонятно — какая-то бессмысленная кодированная тарабарщина. И он бросил это безнадежное занятие — бросил, не дойдя немного до перепечатки газетного сообщения о странной смерти полицейского Мартина Уиллиса из дорожной полиции штата Аризона.

ПОЖАР РАЗГОРАЕТСЯ

22. Анализы

Теперь, когда выяснилось, что время не ждет, результаты спектрального и биохимического анализов, представлявшие ранее весьма отдаленный интерес, приобрели первостепенное значение. Группа надеялась, что эти анализы покажут, пусть приблизительно, есть ли между штаммом «Андромеда» и земными формами жизни хоть какое-нибудь сходство. И как только ЭВМ выдала результаты анализов — колонку цифр на полоске зеленой бумаги, — Ливитт и Бертон немедленно занялись ими.

ДАННЫЕ МАСС-СПЕКТРОМЕТРИИ

ОБРАЗЕЦ 1 — ЧЕРНЫЙ ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПРОЦЕНТНЫЙ СОСТАВ

Н	He					
21,07	0					
Li	Be	B	C	N	O	F
0	0	0	54,90	0	18,00	0

Na	Mg	Al	Si	P	S	Cl			
0	0	0	00,20	—	01,01	0			
K	Ca	Sc	Ti	V	Cr	Mn	Fe	Co	Ni
0	0	0	—	—	—	—	—	—	—
Cu	Zn	Ga	Ge	As	Se	Br			
—	—	0	0	0	00,34	0			

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ

ОБРАЗЕЦ 2 — ЗЕЛЕНый ПРЕДМЕТ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ПРОЦЕНТНЫЙ СОСТАВ

H	He					
27,00	0					
Li	Be	B	C	N	O	F
0	0	0	45,00	05,00	23,00	0

СОДЕРЖАНИЕ ВСЕХ БОЛЕЕ ТЯЖЕЛЫХ ЭЛЕМЕНТОВ НУЛЕВОЕ КОНЕЦ ПРОГРАММЫ ВЫКЛЮЧЕНО

Результаты были достаточно ясны. Черное вещество содержит водород, углерод и кислород со значительными примесями серы, кремния и селена и следами некоторых других элементов.

Зеленое пятно — водород, углерод, азот и кислород. И ничего больше.

Примечательно было, что черная песчинка и зеленое пятно в общем сходны по химическому составу. Правда, зеленое пятно содержит азот, а песчинка — нет. Вывод очевиден: черная «песчинка» — вовсе не песчинка, а какой-то материал, аналогичный земному

органическому веществу, некое подобие пластмассы. А зеленое пятно, по-видимому, живое. Оно содержит элементы приблизительно в том же соотношении, что и земные организмы. Ведь на Земле живые организмы на 99 процентов состоят из этих же четырех элементов — водорода, углерода, азота и кислорода...

Результаты анализа обрадовали ученых. Они свидетельствовали о некоторой общности между зеленым пятном и земной жизнью. Однако, как только группа заглянула в данные аминокислотного анализа, все надежды рухнули.

На полоске бумаги, выданной ЭВМ, аккуратным столбиком стояли названия всех аминокислот и против каждого названия по два нуля — для черного и зеленого «предметов».

— Черт возьми, — сказал Ливитт, уставившись на листок. — Нет, вы только взгляните на это...

— Никаких аминокислот, — сказал Бертон. — Никаких белков...

— Безбелковая жизнь, — добавил Ливитт и покачал головой. Похоже было на то, что подтвердились самые худшие его опасения.

На Земле организмы эволюционировали благодаря тому, что развили способность осуществлять биохимические реакции на малом пространстве с помощью белковых ферментов. Биохимики учатся воспроизводить эти реакции, но только каждую по отдельности, изолируя ее от всех остальных.

В живой клетке все иначе. Внутри нее, на крохотном по объему пространстве одновременно и нераздельно идут реакции, обеспечивающие рост, энергию, движение. Человек не в силах воспроизвести эту нераздельность, как не в силах приготовить полный обед от закуски до десерта, смешав и сварив все ингредиенты

в одной кастрюле в надежде, что потом сумеет отделить яблочный пирог от жаркого.

В клетках с помощью ферментов одновременно проходят сотни различных реакций. Каждый фермент — как отдельный работник на кухне, который знает себе делает свое дело: пекарь не возьмется за бифштексы, а шашлычник на своих шампурах не сможет приготовить суп. Но ферменты исполняют еще и одну общую функцию: они делают возможными химические реакции, которые иначе не возникали бы. Биохимик воспроизводит эти реакции, используя высокую температуру, высокое давление или сильные кислоты. Но человеческий организм или отдельная клетка не могут выдержать таких экстремальных условий. Ферменты, эти «сваты жизни», способствуют возникновению и протеканию реакции при обычной температуре тела и нормальном атмосферном давлении.

Ферменты необходимы для земной жизни. И если какая-то форма жизни научилась обходиться без ферментов, то, значит, и развивалась она совершенно иными путями.

Отсюда следовало, что они имеют теперь дело с совершенно чуждым Земле организмом. А это в свою очередь означало, что и изучение чуждого организма, и поиски способов обезвреживания его продлятся долго, очень долго.

Джереми Стоун работал в морфологической лаборатории. Он вынул маленькую пластмассовую облатку, внутри которой находилась крупница зеленого «пятна», прочно зажал эту облатку в тисочках и с помощью зубоветричного бора принялся соетругивать слой за слоем, пока не добрался до зелени.

Работа была крайне тонкая и требовала длительного сосредоточенного внимания. В конце концов Сто-

ун обтесал облатку таким образом, что получился пластмассовый конус с зеленой крапинкой на самой вершине. Тогда он разжал тиски и вытащил конус, перенес на микротом и ножом с вращающимся лезвием срезал тоненькие ломтики пластмассы с вкрапленным зеленым веществом. Срезы получались круглые; отделяясь от конуса, они падали в чашечку с водой. Толщину среза можно было измерить, наблюдая за отраженным от него светом: если свет серебристый, значит срез слишком толст. А вот если он отливает всеми цветами радуги, тогда достигнута нужная толщина в пределах нескольких молекул.

Именно такой должна быть толщина среза для исследования под электронным микроскопом.

Выбрав лучший срез, Стоун осторожно поднял его пинцетом и положил на небольшую круглую медную сетку. Затем вставил сетку в плоскую металлическую капсулу-пуговку, вложил пуговку в электронный микроскоп и, наконец, герметически закрыл его.

В расположении группы «Лесной пожар» был электронный микроскоп типа BVJ модель JJ-42, с большой интенсивностью электронного излучения и с разрешающей приставкой. Принцип действия электронного микроскопа достаточно прост — он действует точно так же, как и простой оптический, однако вместо световых лучей фокусирует пучки электронов. Свет фокусируется при помощи линз — выпуклых и вогнутых стекол, электроны — при помощи магнитных полей.

Во многих отношениях электронный микроскоп не слишком отличается от телевизора, и изображение проецируется на обычный телевизионный экран — поверхность, покрытую слоем, который под ударами электронов светится. Преимущество электронного микроскопирования перед оптическим в том, что здесь достигается гораздо большее увеличение. Объяснение

этому дает квантовая механика и волновая теория радиации, а наилучшую из популярных аналогий нашел специалист по электронной микроскопии Сидней Полтон, по совместительству еще и любитель автомобильных гонок.

— Представьте себе, — говорил Полтон, — что перед вами дорога и на ней крутой поворот. Предположим, что по дороге едут два автомобиля — спортивная машина и большой грузовик. Грузовик при попытке преодолеть этот крутой поворот сползает с дороги, спортивная же машина поворачивается без труда. Почему, спрашивается? А потому, что спортивная машина много легче, меньше, быстроходнее, она лучше приспособлена для крутых, резких поворотов. Плавные повороты обе машины преодолевают одинаково легко, но на крутых спортивная держится гораздо лучше.

— Точно так же, — продолжал Полтон, — и электронный микроскоп «держит дорогу» легче, чем оптический. Любой объект состоит из углов и краев, а длина волны электрона меньше, чем светового кванта. Электроны точнее «срезают углы», следуют по «дороге», повторяя все ее изгибы. Оптический микроскоп — как грузовик: пригоден лишь для езды по большой дороге с плавными поворотами. В данном случае под такой дорогой мы подразумеваем крупные объекты с крупными гранями и плавными кривыми линиями — клетки и ядра. Электронный же микроскоп может следовать по самым узким дорожкам и тропинкам, выявляя контуры самых мелких внутриклеточных структур — митохондрий, рибосом, мембран, сетчатых структур...

Однако у электронной микроскопии есть и существенные недостатки, до известной степени уравнивающие преимущества большого увеличения. Во-пер-

вых, так как вместо светового луча применяется пучок электронов, внутри микроскопа нужно поддерживать вакуум, а это значит, что рассматривать под микроскопом живые объекты нельзя. Но наиболее серьезный его недостаток связан с требованиями к срезам — они должны быть чрезвычайно тонкими, а это крайне затрудняет ясное трехмерное представление об изучаемом объекте. Тут Полтон тоже предложил простую аналогию:

— Допустим, вы разрежете автомобиль пополам по его продольной оси. В этом случае вы еще можете составить себе представление о нем в целом. Но если вы сделаете тонкий срез автомобиля, да еще под каким-нибудь неудачным углом, ваша задача сильно осложнится. На вашем срезе может оказаться лишь кусочек бампера, резиновой шины, стекла. По такому срезу определить, что представляет собой машина в целом и как она действует, прямо скажем, мудрено...

Стоун, разумеется, прекрасно помнил обо всех недостатках электронной микроскопии, когда заправил металлическую пуговку в микроскоп, загерметизировал его и включил вакуумный насос. Он все знал, но выбора у него просто не было. При всех своих недостатках электронный микроскоп оставался самым мощным инструментом, каким они располагали.

Притушив в лаборатории свет, он включил электронный пучок. Повернув несколько рукояток, сфокусировал пучок, и изображение на экране стало совершенно четким, черное и зеленое...

Он не сразу поверил в то, что увидел.

Перед глазами Джереми Стоуна возник элемент организма — идеально правильный шестиугольник, каждой своей стороной примыкающий к другим шестиугольникам. Внутри шестиугольник был рассечен клиньями, которые сходились в самом центре струк-

туры. Все это производило впечатление какой-то математической точности, никак не вязавшейся с земными представлениями о жизни.

Это было похоже на кристалл.

Стоун улыбнулся, представив себе, как порадуются Ливитт — уж очень тот был падок на всякие эффектные, головокружные вещи. К тому же Ливитт и раньше высказывал мысль, что жизнь может основываться на тех или иных кристаллических формах, что она может подчиняться какой-либо строго упорядоченной схеме.

«Позову-ка я Ливитта», — решил Стоун.

Едва войдя в комнату, Ливитт сказал:

— Ну, вот вам и ответ...

— Ответ на что?..

— На вопрос, как функционирует этот организм. Получены результаты спектрометрии и аминокислотного анализа...

— Ну?..

— Организм состоит из водорода, углерода, кислорода и азота. Никаких аминокислот. Ни одной. А значит, никаких известных нам белков или ферментов. Я ломал голову, как же он может существовать на безбелковой основе. Теперь я знаю.

— Кристаллическая структура...

— Похоже на то, — Ливитт уставился на экран. — В трех измерениях каждая единица, вероятно, представляет собой шестигранную пластину, нечто вроде кафельной плитки в миниатюре. Восьмигранник, и каждая из двух больших граней — шестиугольник. А внутри сходящиеся к середине клиновидные отсеки...

— Отсеки могут отлично служить для разделения биохимических функций...

— Вот именно... — и Ливитт нахмурился.

— Что с вами?..

Ливитт мучительно думал, припомнил что-то такое забытое... Сон! Про дом и про город. Он сделал еще одно усилие — и все начало всплывать в памяти. Как дом живет, когда он сам по себе, и как — в составе целого города.

Он вспомнил все до конца.

— Знаете, — сказал он, — самое интересное, как эта отдельная единица связана с другими...

— Вы думаете, это, быть может, лишь часть более сложного организма?

— Вот именно. Жизнеспособна ли эта единица, как, например, бактерия, или же это лишь кирпичик более крупного органа, более крупного существа? В конце концов, когда вы смотрите на одну, отдельно взятую клетку печени, вы же не в состоянии догадаться, откуда она. И что толку в изолированной клетке мозга без остального мозга?

Стоун долго смотрел на экран.

— Довольно необычная аналогия. Ибо печень может воспользоваться, регенерировать, а мозг-то не может...

— «Теория посланца», — с улыбкой напомнил Ливитт.

— Да, тут задумаешься, — пробормотал Стоун.

Автором «теории посланца» был инженер-связист Джон Р. Сэмюэлс. Выступая на Пятой ежегодной конференции по космонавтике и проблемам связи, он рассмотрел некоторые гипотезы относительно того, какие способы может применить внеземная цивилизация для установления контактов с другими цивилизациями. Он заявил, что самые передовые достижения техники связи на Земле для этой цели непригодны и что более развитые внеземные культуры найдут лучшие способы.

— Предположим, какая-то цивилизация хочет зондировать Вселенную,— говорил Сэмюэлс.— Предположим, она пожелала, скажем, формально заявить о своем существовании в галактическом масштабе. Она хочет послать информацию, свидетельство своего существования, во всех направлениях одновременно. Каким образом лучше всего это сделать? По радио? Вряд ли — слишком медленно, слишком дорого, да и сигналы слишком быстро угасают. Самый мощный сигнал угаснет через несколько миллиардов километров. Телевидение еще хуже. Генерировать световые лучи фантастически дорого. Даже если научиться разрушать целые звезды, взрывать солнца, чтобы подать о себе сигнал, очень уж дорого это обойдется...

Кроме чрезмерной стоимости, все эти методы страдают и другим, естественным для всякого излучения недостатком: с расстоянием сила сигнала резко уменьшается. Лампочка, невыносимо яркая на расстоянии трех метров, достаточно мощная в трехстах метрах, видимая за пятнадцать километров, через миллион километров совершенно неразличима. Лучистая энергия затухает пропорционально четвертой степени расстояния. Простой, но непреодолимый закон физики.

Так что для надежной передачи сигнала придется прибегнуть вовсе не к физике, а к биологии. Только биология может создать такую систему связи, которая не слабеет на расстоянии, а в миллионах километров остается столь же мощной, как и рядом с источником. Короче говоря, создать организм, который служил бы передатчиком вашего сообщения, самовоспроизводящийся, дешевый, легко размножаемый в фантастических количествах. Затратив минимальную сумму, можно изготовить триллионы таких посланцев и направить их во все концы космического пространства. Это

будут стойкие, неприхотливые козявки, способные противостоять суровым условиям космоса; они будут расти, плодиться и размножаться. Через несколько лет бесчисленные множества их будут нестись во все стороны галактики в ожидании контакта с жизнью.

А что произойдет, когда они встретят чуждую жизнь? Каждый такой посланец потенциально способен развиваться в полноценный орган или полноценный организм. Вступив в контакт с иной жизнью, они начнут разрастаться в законченный механизм связи. Это все равно что разбросать миллиард клеток мозга, каждая из которых способна при соответствующих условиях вырасти в целый мозг. И выросший из одной-единственной клетки мозг сумеет уже разговаривать с иной цивилизацией, сообщить ей о существовании своей родной цивилизации и подсказать пути установления контактов...

Ученые-практики, присутствовавшие на конференции, нашли теорию козявки-посланца весьма забавной. Теперь ею больше нельзя было пренебрегать как курьезом.

— Вы полагаете, что эта козявка у нас на глазах превращается в какое-то средство связи? — спросил Стоун.

— Быть может, посевы культур помогут нам найти ответ на ваш вопрос, — откликнулся Ливитт.

— Или рентгенокристаллография. Я сейчас же распоряжусь...

На пятом уровне была установка для рентгенокристаллографии, хотя при подготовке программы «Лесной пожар» вопрос о том, нужна ли она, вызвал жаркие споры. Рентгенокристаллография — наиболее новый, сложный и дорогой метод структурного анали-

за в современной биологии. В нем есть нечто общее с электронной микроскопией, но по сравнению с ней это еще один шаг вперед. Метод рентгенокристаллографии еще более чувствителен, он проникает в тайны живой материи еще глубже, но ценой огромных затрат времени, оборудования и человеческих сил.

Биолог Р. А. Янек заметил однажды: «Чем ближе к истине, тем дороже обходится каждый шаг». Он подразумевал при этом, что цена установок, позволяющих человеку видеть глубже и точнее, растет быстрее, чем их разрешающая способность. Эту жестокую закономерность первыми из ученых открыли астрономы, на собственном горьком опыте убедившиеся в том, что сделать шестиметровое зеркало для телескопа неизмеримо труднее и дороже, чем трехметровое.

Но прежде всего сказанное Янеком справедливо для биологии. Оптический микроскоп, к примеру, — небольшой прибор, который легко переставить с места на место одной рукой. В такой микроскоп можно рассмотреть клетку, и обходится он ученому примерно в тысячу долларов.

При помощи электронного микроскопа можно рассмотреть мелкие структуры внутри клетки. Но это уже большой аппарат стоимостью до ста тысяч долларов.

Рентгенокристаллография способна на большее: она позволяет исследовать отдельные молекулы; это максимальное приближение к наблюдению отдельных атомов, какое вообще доступно современной науке. Но зато такая установка величиной с добрый грузовик; она занимает целую комнату, требует специально подготовленных операторов, и для расшифровки выдаваемых ею результатов нужна ЭВМ. Дело в том, что рентгенокристаллографическая установка не дает прямой визуальной картины исследуемого объекта.

В этом смысле она совсем не похожа на микроскоп, и принцип ее действия отличается от принципа действия как оптической, так и электронной микроскопии. Вместо изображения здесь на фотопластинке получается дифракционный рисунок, геометрический узор из точек, для непосвященного совершенно загадочный. С помощью ЭВМ можно проанализировать расположение точек и получить картину молекулярной структуры объекта.

Наука эта относительно новая, хотя название у нее старомодное. Термин «рентгенокристаллография» родился в те времена, когда объектом исследования служили в основном кристаллы; теперь они мало кого интересуют. У кристалла структура упорядоченная, и узор, полученный при прохождении рентгеновского луча сквозь кристалл, относительно легко поддается анализу. Однако в последнее время рентгеновскими лучами стали просвечивать и объекты, отнюдь не упорядоченные. При этом лучи отражаются под самыми разными углами, и только ЭВМ способна «считать» фотопластинку, измерить все углы и на этой основе определить форму объекта, давшего подобное отражение.

Вообще на долю ЭВМ в комплексе «Лесной пожар» выпало бесконечное множество нудных вычислений. Если бы за такую работу взялись люди, она заняла бы годы, а может, и века. Машина делала ее за секунды.

— Как вы себя чувствуете, мистер Джексон?

Старик часто-часто моргал, глядя на Холла и его прозрачный скафандр.

— Ничего. Не очень, но ничего...

И криво усмехнулся.

— Можно с вами поговорить?

— О чем?
— О Пидмонте.
— А что там о Пидмонте?
— О том вечере. О вечере, когда все случилось...
— Ну что ж, можно. Я-то ведь всю жизнь в Пидмонте прожил. Поездил немножко: в Лос-Андже был и даже во Фриско. На восток до Сен-Луи. И с меня довольно. Но в Пидмонте-то я жил. И скажу тебе...

— Пожалуйста, про тот вечер, — прервал старика Холл.

Джексон замолчал и отвернулся:

— Не хочу про это думать.

— Нужно. Очень нужно.

— Не хочу...

Он еще помолчал, глядя в сторону, и наконец спросил:

— Все там померли, да?

— Не все. Вот еще один выжил. — Холл кивнул на кровать рядом. Старик устался на сверток из одеял:

— Кто это?

— Ребенок.

— Ребенок? Должно, Риттеров. Джейми Риттер. Маленький совсем, да?

— Месяца два.

— Ну да. Он самый и есть. Характер дрянной, просто как у старика. Старик-то Риттер — хлебом не корми, а дай побушевать. И этот точно такой же. Орал с утра до ночи. Окошки в доме и то не могли из-за крика открыть...

— А не знаете, не было у Джейми еще чего-нибудь особенного?

— Да ничего. Здоров как буйвол, только блажит. Помнится, он и в тот вечер орал, чертенок проклятый...

— В какой вечер?

— Да когда Чарли Томас приволок эту чертову штуку. Мы ее все видели. Будто звезда упала, так и светится, и шлепнулась где-то к северу от поселка. Ну, все всполошились, а Чарли Томас поехал ее искать. Вернулся минут через двадцать и достает эту штуку из багажника своего форда. Совсем новенький форд. Очень он им гордился...

— И что было дальше?

— Ну, собрались мы все вокруг, глазеем. Сообразили, что, наверно, спутник. Только Анни тут выскочила — это, мол, с Марса, но, понимаешь, Анни у нас такая — ее то и дело заносит не разберешь куда. Мы все, конечно, сообразили, что ни с какого не с Марса, а с мыса Канаверал. Слышал, мыс такой во Флориде, где запускают ракеты?

— Слышал. Дальше.

— Ну вот, сообразить-то сообразили, а что делать, не знаем. Понимаешь, никогда ничего подобного в Пидмонте не бывало. То есть был однажды этот турист с ружьем, поднял пальбу в мотеле «Вождь команчей», так это еще в сорок восьмом. И эти были, как их, смущающие обстоятельства. Перебрал он маленько, и девчонка от него сбежала, пока он в солдатах в Германии служил или где-то там еще. В общем никто у нас на него не взъелся: понятно, со всяким может случиться. А с тех пор ничего не бывало. Тихое местечко. Потому-то нам в Пидмонте и нравилось...

— Так что вы все-таки сделали с капсулой?

— Да не знали мы, что с ней и делать. Эл говорит, давай ее откроем, но мы посчитали, что неправильно это будет, особенно если там внутри какие ученые приборы. Ну, пораскинули мозгами. Потом Чарли, тот, что приволок ее, и говорит: давай, мол, снесем доктору. Доктору Бенедикту, значит. Наш поселковый

врач. Он не только в поселке, всех в округе лечит, даже индейцев. Но ничего мужик, сильно ученый — где только не учился. Ну, решили мы, доктор-то уж сообразит, что с этой штукой делать. И снесли ее к нему домой.

— А потом?

— Старик ее взял — да не такой уж он и старый — взял, значит, и осмотрел ее кругом внимательно, будто больного смотрит. И говорит, что ясно, штука эта из космоса, и, может, говорит, наша, а может — ихняя. И говорит, что присмотрит за ней, а может, кому позвонит, а потом скажет нам через часок-другой. Понимаешь, по понедельникам он всегда в покер играл с Чарли, Элом и Хербом Джонстоном у Херба дома, вот мы и решили, что после покера он закинет словечко кому надо. Тем более, время ужинать подошло, есть хотелось, так мы все там у него и оставили...

— В котором это было часу?

— Да так в полвосьмого.

— И что Бенедикт сделал со спутником?

— Забрал его к себе в дом, и никто его больше в глаза не видел. А началось уже потом, в восемь или, может, в полдевятого. Я как раз на бензоколонку зашел с Элом потолковать, он в ночную работал. Прохладно было, а мне хотелось потолковать, потому как за разговором боль забывается. И содовой думал из автомата взять, чтоб аспирин запить. Да и жажда мучила: от цеженки, знаешь, какая жажда бывает!..

— Вы в тот день пили денатурат?

— Да принял малость часов в шесть.

— И как вы себя чувствовали?

— Когда там с Элом сидел, так вроде ничего. Голова кружилась маленько, да желудок тянуло, но ничего. Ну, значит, сидим мы с Элом в конторке,

о том, о сем, и вдруг он как закричит: «Ой, голова!...». Вскочил — и со всех ног на улицу. И кувырнулся. Прямо на улице, и больше ни слова не сказал... Ну, а я сижу и не знаю, что и подумать. Может, сердце или кондрашка егохватила, так ведь молод еще. Вышел к нему на улицу — мертвый. А тут... тут все как стали выскакивать! Сначала, кажется, миссис Лэнгдон — вдова Лэнгдон. А потом, потом я уже не помню, кто, сколько их было. Так и прут на улицу. И сразу — рукой за грудь и валятся, как подкошенные. И никто не встает. И ни от кого ни слова...

— Что же вы подумали?

— Да прямо не знал, что и подумать. Больно уж чудно было. Испугался, по правде-то говоря. Стараюсь взять себя в руки — и не могу. Сердце — бултыхается, дышу через силу. Еще бы не испугаться: думал, все померли. Но тут как раз услышал — ребенок кричит, значит, все да не все. А потом генерала увидел...

— Генерала?

— Да нет, это мы его просто так называем. Никакой он не генерал, только был на войне и любил, чтобы все про это помнили. Постарше моего. Хороший мужик, Питер Арнольд звать. Крепкий такой, самостоятельный, а тут стоит у себя на крыльце и вырядился в военную форму. Стемнело уже, зато луна вышла, так он меня заметил на улице и спрашивает: «Питер, это ты?» Мы, понимаешь, тезки. А я отвечаю: да, мол, я. А он говорит: «Что тут творится! Япошки пришли, что ли?» А я себе думаю: что за чушь он несет. А он говорит: «Сдается мне, что это япошки. Всех теперь перестреляют». А я спрашиваю: «Питер, ты что, чокнулся?» А он говорит, что неважно себя чувствует, и пошел в дом. Должно, все-таки чокнулся, ведь после сам застрелился. Да и другие тоже чокнулись. А все эта зараза...

— Откуда вы знаете, что зараза?

— Да разве тот, кто в своем уме, себя сожжет или утопит? До того вечера у нас в поселке все были в своем уме и на здоровье не жаловались. А тут все сразу будто рехнулись...

— Ну и что же вы сделали?

— Я про себя подумал: Питер, это тебе все снится. Ты перебрал. Так я тоже пошел домой и лег спать. Утро, думаю, вечера мудренее. Только часов в десять слышу: машина идет. Вышел посмотреть, кто же это. Гляжу — грузовик крытый, военный фургон, а в фургоне двое. Подхожу к ним, а они, чтобы мне лопнуть, тут же замертво. Жуть, да и только. Но ведь чудно...

— Что чудно?

— А то, что за весь вечер это была всего вторая машина. Обычно их, знаешь, сколько проходит!..

— Значит, была еще одна машина, до фургона?

— А как же! Уиллис, патрульный дорожной полиции. Проехал, ну, может, за полминуты перед тем, как это все началось. Правда, не останавливался. Он ведь по графику ездит, так если опаздывает, то и не останавливается.

Джексон помолчал, вздохнул и откинул голову на подушку.

— А теперь, если не возражаешь, я сосну чуток. Выдохся я что-то...

Он закрыл глаза. Холл прополз по туннелю-шлангу обратно в лабораторию и долго сидел там, глядя через окно на Джексона и на ребенка рядом с ним.

23. Топика

Зал был громадный, размером с футбольное поле, и на всем этом пространстве лишь кое-где стояло несколько столов. Гулко перекликались техники, раскладывавшие по полу обломки «Фантома». Комиссия

воссоздавала катастрофу — куски искореженного металла размещались в тех же положениях, в каких они были найдены в песке. Только после завершения этой процедуры можно было начинать настоящее расследование.

Майор Мэнчик, усталый, с воспаленными глазами, пристроился в углу, держа чашку кофе в руке, и наблюдал. Десяток людей в длинном, выбеленном зале, занятых реконструкцией аварии, — сцена казалась Мэнчику совершенно сюрреалистической...

К нему подбежал один из биохимиков и помахал у него перед носом прозрачным целлофановым мешочком.

— Только что получил из лаборатории...

— Что это?

— Ни за что не догадаетесь!

Глаза у биохимика горели от возбуждения. «Ну и ладно, — подумал Мэнчик раздраженно. — Пусть не догадаюсь...»

— Так что это все-таки?

— Деполимеризованный полимер, — сообщил биохимик, причмокивая от удовольствия. — Только-только из лаборатории...

— Какой еще полимер?

Полимер — это многократно повторяющая себя молекула, построенная из тысяч одинаковых частиц — вроде цепочки костяшек домино. Большинство пластмасс, нейлон, вискоза, клетчатка и даже гликоген, синтезируемый печенью, — все это полимеры.

— Тот самый полимер — пластик, из которого на «Фантоме» изготовлен воздушный шланг, ведущий к маске пилота. Да и самая маска тоже...

Мэнчик хмуро поглядел на черные крошки в мешочке.

— Полимер, говорите?

— Ну да. Полимер деполимеризовался. Разрушился. Вибрация тут ни при чем. Воздействие было биохимическое, чисто органическое.

Мало-помалу Мэнчик начинал понимать.

— Вы хотите сказать, что какая-то внешняя сила разрушила пластик?

— Можно считать и так. Это, конечно, упрощение, однако...

— Что же такое могло его разрушить?

Биохимик пожал плечами.

— Какая-то химическая реакция. Кислота, или сильный нагрев, или...

— Или что?

— Или какой-нибудь микроорганизм. Если существует микроорганизм, поедающий пластик. Вам, наверно, непонятно...

— Нет, почему же, — ответил Мэнчик. — Кажется, мне понятно.

Он вышел из зала и направился на телеграф, расположенный в другой части здания. Написал телеграмму на базу «Лесной пожар», передал телеграфисту и заодно спросил:

— Ответа еще не было?

— Ответа, сэр?..

— От «Лесного пожара», — сказал Мэнчик. Кажется просто невероятным, что никто не реагировал на аварию «Фантома». Ведь она так явно связана...

— От «Лесного пожара», сэр?..

Мэнчик протер глаза. Он переутомился; следовало бы лучше помнить насчет языка за зубами.

— Да нет, это я так, — сказал он.

После беседы со своим пациентом Холл направился к Бертону. Тот был в секционной и просматривал срезы, сделанные накануне.

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Холл.

Бертон оторвался от микроскопа и вздохнул:

— Пока ничего...

— Я все думаю об этих сумасшедших. Разговор с Джексоном напомнил мне о многом. В поселке в тот вечер несколько человек сошли с ума. И большинство из них люди пожилые...

Бертон сдвинул брови.

— Ну и что?

— Пожилые люди вроде Джексона. У них множество всяких недугов. Организм разрушается по-разному. У кого легкие не в порядке, у кого — сердце. Поражение печени. Склероз сосудов...

— И все это меняет ход болезни?

— Очень может быть. Я все думаю: отчего человек может мгновенно сойти с ума?

Бертон неопределенно покачал головой.

— И еще одно, — продолжал Холл. — Джексон вспомнил, что один из погибших перед смертью воскликнул: «Ой, голова!..»

— Перед самой смертью? — переспросил Бертон, глядя в пространство.

— Да.

— Вы думаете, кровоизлияние?

Холл кивнул:

— Похоже. Во всяком случае, стоит проверить.

Действительно, если штамм «Андромеда» каким-то образом вызывает кровоизлияние в мозг, то он может и мгновенно вызывать самые необычные психические расстройства.

— Но мы же знаем, что смерть наступает от свертывания...

— Да, — ответил Холл, — у большинства людей. Но не у всех. Некоторые выживают, а другие сходят с ума...

Бертон кивнул задумчиво — и вдруг пришел в возбуждение. Предположим, «Андромеда» поражает кровеносные сосуды. Поражение стенки сосуда дает толчок свертыванию крови. Стоит поранить, порезать, прижечь стенку сосуда, как начинается свертывание. Сначала вокруг пораженного места собираются тромбоциты, защищая его, не допуская потери крови. Затем скапливаются красные кровяные тельца. Затем фибриновая масса связывает все вместе. И, наконец, сгусток затвердевает.

Таков нормальный процесс. Но если поражение обширнее, если начинается оно в легких и распространяется по сосудам до...

— Я начинаю думать, — сказал Холл, — не поражает ли наш микроб стенки сосудов. Если да, то вот вам и начало процесса свертывания. Но если свертывания почему-либо не происходит, тогда штамм, продолжая разъедать сосуды, вызывает кровоизлияние...

— И сумасшествие, — отозвался Бертон, спешно перебирая свои срезы. Нашел три среза мозга и тут же просмотрел их. Сомнений не оставалось. Патология была очевидна. Во внутреннем слое стенок мозговых сосудов виднелись мелкие зеленые вкрапления. Бертон не испытывал и тени сомнения, что при большем увеличении зелень распадется на шестиугольники...

Он быстренько проверил и другие срезы — сосудов в легких, печени и селезенке. На некоторых срезах в стенках сосудов тоже обнаруживались зеленые пятнышки, но нигде они не встречались в таком изобилии, как в сосудах мозга.

Штамм «Андромеда» отдавал явное предпочтение именно церебральным сосудам. Трудно сказать, поче-

му, но ведь известно, что сосуды мозга имеют некоторые отличительные свойства. Например, в условиях, когда остальные кровеносные сосуды расширяются или сокращаются — при охлаждении организма или при физической нагрузке, — церебральные сосуды не изменяются, обеспечивая мозгу постоянный приток крови.

При резких физических усилиях приток крови к мускулам может увеличиться в пять, а может, и в двадцать раз. Приток крови к мозгу неизменен, независимо от того, сдает ли человек экзамен или спит, рубит ли дрова или смотрит телевизор. Мозг получает одно и то же количество крови минута за минутой, час за часом, день за днем. Никто не знает, зачем это нужно, не знает, как именно осуществляется саморегулирование мозговых сосудов. Однако само явление установлено твердо, и церебральные сосуды рассматриваются наукой как особый случай среди всех других артерий и вен. Отличия неясны, но они, несомненно, есть.

А теперь появился и микроорганизм, который поражает выборочно именно сосуды мозга. Поразмыслив, Бертон нашел даже, что ничего особенного в подобной выборочности нет. Сифилис, например, вызывает воспаление аорты — крайне специфичную и частную реакцию. Шистозомоз — паразитарная инфекция — отдает предпочтение мочевому пузырю, кишечному тракту или сосудам кишечника, в зависимости от вида. Так что «узкая специализация» среди микроорганизмов вовсе не исключается.

— Но тут есть еще одна проблема, — сказал Бертон. — У большинства людей, как мы знаем, свертывание крови под действием штамма начинается в легких. По-видимому, и разрушение сосудов начинается там же. Чем же отличаются...

Он запнулся.

Вспомнил крыс, которым ввел гепарин. Тех, которые все равно погибли, но которых он не вскрывал.

— Господи боже, — прошептал он.

Извлек одну крысу из холодильника и вскрыл. Кровь. Быстро вскрыл черепную коробку и осмотрел мозг. На серой поверхности мозгового вещества была обширная область кровоизлияния.

— Вот оно, — сказал Холл.

— Если животное здоровое, оно погибает от свертывания крови. Но если свертывание предотвращено, штамм разъедает сосуды мозга, вызывая кровоизлияние.

— И сумасшествие.

— Да, да, — Бертон был теперь возбужден до крайности. — А свертыванию может помешать какая-нибудь болезнь крови. Или недостаток витамина К. Плохая усвояемость питательных веществ. Функциональная недостаточность печени. Нарушения белкового синтеза. Да десятки различных расстройств!

— Которые скорее всего будут у пожилого человека, — сказал Холл.

— А Джексон страдает чем-нибудь подобным?

Холл помедлил.

— Нет. У него не в порядке печень, но не до такой степени.

— Ну, вот мы и вернулись к исходному пункту, — вздохнул Бертон.

— Не совсем. Потому что Джексон и ребенок выжили. И ни у того, ни у другого кровоизлияний, насколько мы знаем, не было вообще. Оба просто не затронуты болезнью. Не затронуты совсем...

— И что же?

— А то, что у них каким-то образом был предотвращен первичный процесс, внедрение «Андромеды» в стенки сосудов. У моих пациентов штамм не проник ни в легкие, ни в мозг. Никуда не проник.

— Но почему? Почему?

— Это мы узнаем, когда поймем, в чем сходство между шестидесятидевятилетиим стариком, страдающим язвой желудка и лакающим «Стерно», и двухмесячным младенцем, — сказал Холл.

— Судя по всему, они абсолютные антиподы.

— Вот именно, — откликнулся Холл.

Прошло много часов, прежде чем он понял, что в ответе Бертона и таилось решение загадки.

24. Переоценка ценностей

Сэр Уинстон Черчилль сказал однажды: «Истинная гениальность состоит в способности к оценке сведений неточных, противоречивых и чреватых опасностями». Но, как ни странно, группа «Лесной пожар», несмотря на блестящие индивидуальные способности каждого из ее членов, несколько раз допускала грубейшие ошибки в оценке информации, которой располагала.

Стоит вспомнить ядовитое замечание Монтеня: «Под воздействием сильного напряжения люди глупеют и дурачат самих себя». Нет сомнения, что все члены группы «Лесной пожар» работали в обстановке огромного нервного напряжения, но они были готовы к возможности ошибок. Они даже предвидели, что какие-то ошибки неизбежны. Чего они не предугадали — так это масштаба, поистине потрясающего масштаба своей ошибки. Они не ожидали, что конечная ошибка сложится из десятка мелких недосмотров, из горсточки упущенных ключевых фактов.

У группы было одно общее «слепое пятно», которое Стоун впоследствии охарактеризовал так: «Мы были нацелены на одну проблему. Все, что мы делали, все наши мысли были направлены на одно — на поиск

лечения от «Андромеды». И еще, разумеется, мы не могли ни на минуту забыть о Пидмонте. Нам казалось, что, не найдя мы решения, его никто не найдет и участь Пидмонта в конце концов постигнет весь мир. Мы никак не могли перестроиться...»

Ошибка эта начала приобретать внушительные размеры, когда дело дошло до исследования высеянных культур.

Ведь Стоун и Ливитт высеяли тысячи культур, взятых из контейнеров спутника. Эти культуры были помещены в термостаты с самыми различными составами атмосфер при различных температурах и давлениях. Данные такого массового эксперимента можно было проанализировать только с помощью вычислительной машины.

По программе «Рост/Трансматрица» ЭВМ выдавала в печатном виде данные не обо всех примененных сочетаниях факторов роста, а лишь наиболее важные положительные и отрицательные результаты. Оценка результатов в ЭВМ слагалась на основе автоматического взвешивания каждой чашки Петри и фиксации роста культур с помощью фотоэлектрического глаза.

Когда Стоун и Ливитт приступили к анализу результатов, то обнаружили некоторые интересные закономерности. Прежде всего — питательная среда не имела ровным счетом никакого значения: организм рос с одинаковым успехом на сахаре, крови, шоколаде, агар-агаре и на чистом стекле. А вот газовая среда и условия освещенности играли серьезную роль. Ультрафиолетовое освещение стимулировало рост при всех условиях; абсолютная темнота и в меньшей степени инфракрасное освещение тормозили его. Кислород задерживал рост безотносительно к другим условиям; углекислый газ способствовал ему; азот не оказывал никакого влияния. Наибольший рост достигался в ат-

мосфере чистого углекислого газа при ультрафиолетовом освещении, наименьший — в чистом кислороде при полной темноте.

— Ну, и что вы об этом думаете? — спросил Стоун.

— Похоже на прямое превращение энергии, — задумчиво сказал Ливитт.

— Да, пожалуй... — согласился Стоун.

Он отстучал на входном устройстве координаты изолированной системы. Такие системы применяются для исследования обмена веществ у бактерий; в них измеряется потребление газов и питательных веществ и выход отходов; они герметизированы и полностью автономны. Если в такую систему помещено, например, растение, то в ней будет измеряться потребление углекислого газа и выделение воды и кислорода.

А штамм «Андромеда» в изолированной системе проявил свойства совершенно удивительные. «Андромеда» не знала экскрементов. В атмосфере углекислого газа, при ультрафиолетовом освещении рост продолжался непрерывно до полного поглощения углекислоты. Тогда прекращался и рост. И никаких извержений, никаких газов или отходов. Никаких отходов.

— Эффективность отличная, — заметил Стоун.

Этого можно было ожидать.

Организм отлично приспособился к условиям своего существования — бесплодному вакууму космического пространства. Он потреблял все и ничего не расходовал впусую.

Одна и та же мысль осенила Стоуна и Ливитта одновременно.

— Черт возьми!..

Ливитт уже протянул руку к телефонной трубке.

— Робертсона. Срочно. Нет, немедленно...

— Невероятно, — проговорил Стоун. — Никаких отходов. Штамм не требует питательной среды. Он

может расти в присутствии углерода, кислорода и солнечного света. Точка.

— Надеюсь, мы не опоздали...

Ливитт впился взглядом в телевизионный экран, вмонтированный в пульт управления ЭВМ.

Стоун утвердительно мотнул головой и сказал:

— Если организм действительно превращает материю в энергию и энергию в материю — и притом непосредственно, — значит, он действует наподобие маленького реактора.

— И ядерный взрыв...

— Невероятно, — сказал Стоун, — просто невероятно...

На экране появился Робертсон. Выглядел он усталым и нервно курил.

— Джереми, ну дайте же мне хоть какое-то время. Я просто еще не сумел прорваться...

— Слушайте меня внимательно, — сказал Стоун. — Проследите, чтобы директива 7-12 не была применена ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах. Это совершенно необходимо. Взрывать ядерное устройство в соседстве с «Андромедой» нельзя. Это было бы в буквальном смысле слова самое худшее, что только можно придумать...

Он вкратце объяснил, в чем дело. Робертсон присвистнул:

— Выходит, мы создали бы невероятно обильную питательную среду...

— Вот именно.

Проблема чрезвычайно благоприятной питательной среды была предметом особого беспокойства группы «Лесной пожар». В обычных условиях, как известно, существует множество всякого рода сдерживающих и уравнивающих факторов, которые так или иначе препятствуют безудержному росту бак-

терий. Математическая картина неконтролируемого роста бактерий поистине устрашающа. В идеальных условиях клетка бактерии *E. coli* делится каждые двадцать минут. Как будто ничего особенного, но если задуматься... Бактерии размножаются в геометрической прогрессии: из одной образуются две, из двух четыре, из четырех восемь и т.д. Таким образом, выходит, что в течение суток одна-единственная клетка *E. coli* способна вырасти в сверхколонию и весом с планету Земля.

Этого не случается по той простой причине, что вечных «идеальных условий» для роста нет и не может быть. Исыкает пища. Исыкает кислород. Меняются условия внутри самой колонии, и рост приостанавливается...

Однако, если штамм «Андромеда» способен непосредственно превращать энергию в материю, то достаточно дать ему мощный источник энергии, такой, как ядерный взрыв...

— Я передам вашу рекомендацию президенту, — сказал Робертсон. — Он будет рад узнать, что принял правильное решение.

— Можете поздравить его от моего имени с блестящей научной интуицией, — заметил Стоун.

Робертсон почесал голову.

— У меня тут новые данные о «Фантоме». Произошло это в районе к западу от Пидмонта, на высоте шесть тысяч девятьсот метров. Комиссия обнаружила следы разрушений, о которых успел упомянуть летчик. Только это не резина, а пластик. Он оказался деполимеризованным...

— Что думает об этом комиссия?

— Они в полном недоумении, — признался Робертсон. — И вот еще что. Они нашли куски человеческой

кости — плечевой и большой берцовой. Примечательно, что кость совершенно чиста, почти отполирована...

— Мягкие ткани сгорели?

— На это не похоже.

Стоун, нахмурившись, бросил взгляд на Ливитта.

— А на что похоже?

— Просто чистая, полированная кость. Они там ни черта понять не могут. И еще такая новость. Мы проверили личный состав национальной гвардии, оцепившей Пидмонт. Это 112-й полк, расположен он в радиусе ста пятидесяти километров вокруг поселка; на восемьдесят километров в глубь зоны высылались патрули. К западу от Пидмонта находилось до ста человек. Потерь среди них нет.

— Никаких потерь? Вы уверены?

— Совершенно.

— А в районе, над которым пролетел «Фантом», солдаты были?

— Да, были. Двенадцать человек. Это они доложили на базу о пролете самолета.

— Похоже на то, что катастрофа — это чистое совпадение, — сказал Ливитт.

— Я склонен согласиться с Питером, — заметил Стоун, подтверждая свое согласие кивком. — При отсутствии жертв на земле...

— А может, организм только в верхней атмосфере...

— Все может быть. Но пока мы твердо знаем по меньшей мере одно: как «Андромеда» убивает свои жертвы. Свертыванием крови. Не разрушением тканей, не полировкой костей. Свертыванием и никак иначе.

— Ладно, — сказал Робертсон. — Давайте пока не будем вспоминать про этот самолет...

На этом их совещание окончилось.

— Я считаю, что пора проверить посевы на биологическую активность, — заявил Стоун.

— Проведем испытание на крысах?

— Нужно удостовериться, что штамм по-прежнему вирулентен. Что он не изменился, — кивнул Стоун.

Ливитт согласился. Действительно, необходимо было проследить, не смутировал ли организм, не изменились ли кардинальным образом его свойства.

Они уже собрались приступить к работе, когда динамик внутренней связи пятого уровня щелкнул и оповестил:

— Доктор Ливитт! Доктор Ливитт!..

— Да?.. — отозвался тот.

На экране показался молодой человек приятной наружности в белом халате.

— Доктор Ливитт, мы только что получили обратно электроэнцефалограммы после детальной проверки на ЭВМ. Здесь, по-видимому, какая-то ошибка, но...

Он запнулся.

— Ну? — поторопил Ливитт. — Что-нибудь не в порядке?

— Дело в том, сэр, что ваша ЭЭГ отнесена к четвертой группе, она атипична, хотя, по-видимому, вполне благоприятна. Однако все же надо бы сделать повторную запись...

— Должно быть, это ошибка, — вмешался Стоун.

— Конечно, ошибка, — поддакнул Ливитт.

— Несомненно, сэр, — сказал молодой человек. — Но мы хотели бы все же повторить запись, чтобы полностью удостовериться.

— Я сейчас занят.

Стоун обратился непосредственно к лаборанту:

— Доктор Ливитт сделает повторную энцефалограмму, как только немного освободится...

— Хорошо, сэр.

Когда экран погас, Стоун заметил:

— Иногда все эти обязательные процедуры чертовски раздражают..

— Вот именно, — согласился Ливитт.

Они принялись было за биологическую проверку различных культур бактерии, но тут на экране ЭВМ появилось сообщение, что готовы предварительные данные рентгенокристаллографии. Стоун и Ливитт отправились посмотреть эти данные, отложив биологическую проверку, что было весьма прискорбно. Такая проверка показала бы, что в своих рассуждениях ученые уже сбились со следа и пошли по ложному пути.

25. Уиллис

По данным рентгенокристаллографического анализа, у «Андромеды» не оказалось никаких компонентов, присущих обычной клетке, — ни ядра, ни митохондрий, ни рибосом. В шестиугольниках не было никаких внутренних членений, никаких более мелких частичек. Напротив, как их стенки, так и внутренняя часть состояли, по-видимому, из одного и того же вещества. Вещество это давало на фотографиях характерную картину какого-то колебательного процесса, прецессии, или, иначе, рассеяния рентгеновских лучей.

Просматривая результаты, Стоун заметил:

— Просто ряд одинаковых шестиугольных колец...

— И ничего больше, — добавил Ливитт. — Как же, к дьяволу, этот штамм ухитряется жить?..

Они не могли представить себе, как организм, столь просто устроенный, способен непосредственно использовать энергию для роста.

— Совершенно заурядная кольцевая структура, — сказал Ливитт. — Вроде фенольной группы, только

и всего. Такая структура должна быть довольно инертной...

— А она превращает энергию в материю...

Ливитт почесал затылок. Он опять припомнил свою аналогию с городом, аналогию с клеткой мозга. Любая молекула построена из простейших кирпичиков. Взятая отдельно, она не обладает никакими примечательными свойствами. Однако в составе какой-то общности обретает огромную силу.

— Быть может, существует какой-то критический уровень, — предположил Ливитт. — Сложная структура подчас проявляет свойства, какие просто невозможны у подобной же, но более простой...

— Давняя острота насчет мозга шимпанзе, — напомнил Стоун.

Ливитт молча кивнул. По всем основным характеристикам мозг шимпанзе устроен не менее сложно, чем мозг человека. Существуют мелкие различия, но главное — в размере: человеческий мозг крупнее, в нем значительно больше клеток, больше и различных связей между ними. И именно это — не совсем понятно как — делает мозг человека качественно иным. Как однажды заметил в шутку нейрофизиолог Томас Уолдрен, решающее различие между мозгом шимпанзе и мозгом человека состоит в том, что «мы используем шимпанзе в качестве подопытного животного, а не наоборот».

Стоун и Ливитт несколько минут ломали себе головы над структурой штамма и, не придя ни к какому выводу, перешли к анализу плотности распределения электронов методом разложения в ряд. Вероятностное местоположение электронов для этой структуры было изображено на схеме, напоминающей топографическую карту. И сразу же обнаружилась новая странность. Структура на схеме оставалась неизменной, но

величины коэффициентов Фурье для разных точек оказались неодинаковыми.

— Похоже, что часть структуры каким-то образом отключается, — сказал Стоун.

— Главное, она все-таки не однородна, — поддерживал Ливитт.

Стоун уставился на полученную схему и вздохнул:

— Черт возьми, надо было взять в группу физико-химика...

«Вместо Холла», — добавил он про себя.

Холл устало тер глаза, прихлебывая кофе и очень жалел, что к нему не полагается сахару. В буфете больше никого не было, и тишину нарушало лишь приглушенное шелканье телетайпа в соседней совещательной комнате.

Спустя минуту он встал, подошел к телетайпу и стал просматривать рулоны поступивших сообщений. Большинство из них было лишено для него всякого смысла, но в конце концов он натолкнулся на страничку текста, поступившего по программе «Обзор смертей». Эта программа предусматривала регистрацию всех сколько-нибудь значительных смертных случаев, соответствующих определенным критериям. Для «Лесного пожара» ЭВМ сейчас подбирала сообщения обо всех неожиданных смертях в Аризоне, Неваде и Калифорнии.

Холл не обратил бы внимания на эту страничку, если бы не недавний разговор с Джексоном. Тогда ему этот разговор показался, по правде говоря, бесполезным, и он пожалел затраченного времени. Теперь он призадумался.

телетайп программа

обзор смертей

сообщение 998

координаты 7, Y, 0, X, 4, 0

дословный текст сообщения ассошиэй-тедпресс 778-778

браш ридж, аризона

Как сообщают, сегодня полицейский дорожной полиции штата Аризона убил пять человек в закусочной у шоссе. Мисс Сэлли Коноувер, официантка из закусочной на маршруте 15 в десяти милях к югу от Флагстаффа, — единственная свидетельница происшествия, оставшаяся в живых.

Мисс Коноувер сообщила следователю, что в 2.40 пополудни полицейский Мартин Уиллис вошел в закусочную и попросил кофе с пончиком. Уиллис и раньше довольно часто заходил сюда. На этот раз он, выпив свой кофе, сказал, что у него сильно болит голова и «язва разбушевалась». Мисс Коноувер подала ему две таблетки аспирина и столовую ложку питьевой соды. По ее словам, в этот самый момент Уиллис подозрительно взглянул на других посетителей и прошептал: «Они охотятся за мной».

Прежде чем официантка успела ответить, Уиллис выхватил пистолет и начал стрелять в посетителей, методически переходя от одного к другому. Затем он якобы повернулся к мисс Коноувер, улыбнулся и, сказав: «Я люблю тебя, Ширли Темпл», сунул дуло пистолета в рот и нажал спуск.

После допроса в полиции мисс Коноувер была отпущена. Опознать убитых пока не удалось.

конец сообщения

конец программы

Холл не мог не припомнить, что этот самый Уиллис проехал через Пидмонт незадолго, буквально за несколько минут до вспышки болезни, проехал, не остановившись.

И вскоре сошел с ума.

Есть тут какая-нибудь связь?

Он задумался. Вполне возможно... Во всяком случае, налицо много общего: Уиллис страдал язвой желудка, принимал аспирин, а потом взял да и покончил с собой.

Конечно, все это еще ничего не доказывало. Все эти события могли быть совершенно не связаны друг с другом. Но проверить догадку стоило.

Он нажал кнопку на панели. Телеэкран вспыхнул, и на нем появилось лицо девушки у коммутатора с наушниками поверх прически. Девушка улыбнулась.

— Мне нужен главный врач дорожной полиции штата Аризона, — сказал Холл. — Или западного сектора штата, если там есть такой.

— Хорошо, сэр, — ответила девушка без тени удивления.

Через несколько минут девушка появилась на экране вновь.

— Мы разыскали доктора Смитсона, врача аризонской дорожной полиции к западу от Флагстаффа. У него нет телепередатчика, но вы можете переговорить с ним по звуковому каналу.

— Превосходно, — сказал Холл.

Что-то щелкнуло и загудело. Холл не отрываясь смотрел на экран, но девушка выключила звук и занялась каким-то другим абонентом. И вдруг Холл услышал низкий медлительный голос, позвавший нерешительно:

— Алло! Кто меня вызывает?..

— Здравствуйте, доктор, — откликнулся Холл. — С вами говорит ваш коллега Марк Холл из... Финикса. Я хотел бы уточнить кое-что относительно одного из ваших инспекторов, полицейского Уиллиса...

— Телефонистка сказала, что вызов правительственный, — произнес Смитсон нараспев. — Это верно?

— Да, верно. Мы хотели бы...

— Доктор Холл, — сказал Смитсон все тем же тягучим голосом, — быть может, вы сначала удостоверите свою личность и назовете свое учреждение?

Холл сообразил, что смерть Уиллиса, вероятно, уже привлекла внимание блюстителей закона. Доктор Смитсон, ясное дело, обеспокоен этим.

— К сожалению, я не вправе ответить на ваш вопрос.

— Ну, так вот, доктор, по телефону я никаких сведений давать не буду, тем более что человек на другом конце провода не желает сказать, зачем они ему нужны.

Холл тяжело вздохнул.

— Доктор Смитсон, я вынужден тем не менее просить вас...

— Просите, сколько хотите. Только я все равно не...

И тут в трубке внезапно прозвенел звонок, и бесстрастный механический голос оповестил:

— Прошу внимания. Это запись. Кибернетическое контрольное устройство произвело проверку линии, по которой ведется настоящий разговор, и установило, что разговор записывается на магнитофон внешним абонентом. Доводится до сведения, что запись секретных правительственных переговоров лицами, на то специально не уполномоченными, карается тюремным заключением на срок от пяти лет и выше. Если запись не будет прекращена, связь автоматически выключается. Благодарю за внимание.

Последовала долгая пауза. Холл легко мог себе представить изумление Смитсона; он и сам был немало удивлен.

— Из какого же чертова логова вы звоните, а? — выговорил, наконец, Смитсон.

— Выключите магнитофон, — предложил Холл.

Еще пауза, легкий щелчок, затем:

— Ладно. Выключил...

— Я говорю с секретного правительственного объекта.

— Но послушайте, мистер...

— Постарайтесь понять, что я говорю, — сказал Холл. — Дело это чрезвычайной важности, и касается оно полицейского Уиллиса. Несомненно, по этому поводу будет проведено судебное расследование и, разумеется, тогда потянут и вас. А мы, возможно, сумеем доказать, что Уиллис не отвечал за свои поступки, что это был чисто клинический случай. Но мы ничего не сможем сделать, если вы не сообщите нам все, что знаете о состоянии его здоровья. И если вы, доктор Смитсон, не скажете все, что знаете, и притом немедленно, мы вправе засадить вас за решетку лет на двенадцать за отказ содействовать официальному правительственному расследованию. Дело ваше — верить мне или нет. Для вас будет лучше, если поверите...

Последовала еще одна долгая пауза, и в конце концов Смитсон ответил все так же неторопливо:

— Ну, зачем же волноваться, доктор. Разумеется, теперь, когда я уяснил себе ситуацию...

— Уиллис страдал язвой желудка?

— Язвой? Нет. Просто он так сказал, или, во всяком случае, так сообщили. Насколько мне известно, язвы у него никогда не было...

— А чем-нибудь вообще он болел?

— Диабетом.

— Диабетом?

— Да. И относился он к своей болезни довольно небрежно. Диагноз мы поставили лет пять-шесть назад, когда Уиллису было тридцать. Довольно серьезный случай. Назначили ему инсулин, пятьдесят единиц в день, но я сказал уже — он был довольно небрежен.

Раза два привозили в больницу в коматозном состоянии — и все из-за того, что забывал про инсулин. Уверял, что терпеть не может шприца. Хотели даже уволить его из полиции: как его, в самом деле, пускать за руль? А если вдруг приступ ацидоза и обморок на полном ходу? Здорово тогда его напугали, и он поклялся, что будет выполнять все предписания. Это случилось три года назад, и с тех пор, насколько мне известно, он вводил инсулин регулярно...

— Вы в этом уверены?

— Ну, более или менее. Правда, официантка эта из закуской, Сэлли Коноувер, сообщила следователю, что Уиллис, по-видимому, был пьян: от него будто бы несло спиртным. Но я-то знаю точно, что Уиллис в жизни к рюмке не притрагивался. Он был из истинно верующих, никогда не курил и не пил. Вел размеренную, правильную жизнь. Потому и из-за своего диабета так переживал: ему казалось, что он такой напасти не заслужил...

Холл откинулся в кресле. Вот теперь он подошел близко, совсем близко. Ответ — где-то рядом, протяни руку. Ответ окончательный, разрешающий все сомнения...

— Последний вопрос, — сказал он. — Уиллис проезжал через Пидмонт незадолго до своей смерти?

— Да, проезжал. Он радировал нам оттуда. Правда, он немного опаздывал против графика, но через поселок он проехал. А что? Это связано с правительственными испытаниями, которые там ведутся?

— Нет, — ответил Холл, хотя и был убежден, что Смитсон ему не поверит.

— Но, послушайте, мы тут с этим Уиллисом влипли в скверную историю, и если у вас есть какие-нибудь факты, которые...

— Мы еще с вами свяжемся, — пообещал Холл и отключился.

На экране вновь появилась девушка.

— Вы закончили разговор, доктор Холл?

— Да, закончил. Но мне нужна одна справка.

— Какого рода справка?

— Я хочу знать, имею ли я право кого-либо арестовать.

— Сейчас проверю, сэр. По какому обвинению?

— Без всякого обвинения. Просто задержать человека.

С минуту девушка разглядывала что-то на панели перед собой.

— Доктор Холл, вы имеете право потребовать официального военного допроса любого человека по делам, связанным с программой нашего комплекса. Допрос может длиться более сорока восьми часов.

— Хорошо, — сказал Холл. — Организуйте мне это.

— Да, сэр. Кого вы имеете в виду?

— Доктора Смитсона.

Девушка кивнула в знак того, что поняла, и экран погас. Холлу стало жаль Смитсона, правда не очень — придется несколько часов попотеть со страху, только и всего. Что делать — необходимо приостановить распространение слухов о Пидмонте.

Он по привычке откинулся на спинку стула и начал размышлять о том, что узнал. Он был немного взволнован, чувствовал, что стоит на пороге важного открытия.

Три человека:

Диабетик, страдающий ацидозом вследствие нерегулярного приема инсулина.

Старик, любитель денатурата и аспирина, тоже с резко повышенной кислотностью.

И младенец.

Один прожил несколько часов, другие два, очевидно, выжили окончательно. Один сошел с ума, другие — нет. И все это как-то взаимосвязано. Какой-то совсем не сложной связью.

Ацидоз. Ускоренное дыхание. Повышенное выделение углекислого газа. Кислородное насыщение. Головокружения, утомляемость. И все это как-то логически связано. Где-то в этой цепочке — ключ к борьбе с «Андромедой»...

В этот миг на пятом уровне пронзительно зазвенел сигнал общей тревоги и зажглись пульсирующие ярко желтые лампы.

Холл вскочил и выбежал в коридор.

26. ПРОРВАЛИСЬ!..

Мигающее табло в коридорах указывало место происшествия: «Сенсация». Холл сразу сообразил — произошла разгерметизация, прорвалась инфекция.

Он побежал по коридору, а над ним громкоговорители повторяли мягким, ласковым голосом: «В секционной разгерметизация. Объявлена тревога».

Из приоткрывающейся двери выглянула лаборантка:

— Что случилось?

— У Бертонна как будто. Прорыв инфекции.

— А он-то цел?

— Сомневаюсь, — кивнул он на бегу. Она пустилась за ним вдогонку.

Из морфологической лаборатории вышел Ливитт и присоединился к ним. Теперь они бежали втроем, бежали что есть мочи по плавно изгибающемуся коридору, и Холлу еще подумалось, что для своего возраста Ливитт бежит очень легко. И вдруг тот остано-

вился. Замер как вкопанный. И не мигая уставился на мерцающее табло и на лампочку над ним, которая вспыхивала и гасла, вспыхивала и гасла.

Холл оглянулся:

— Пошли скорее...

— Ему плохо, — сказала лаборантка.

Ливитт не двигался. Он стоял с раскрытыми глазами и в то же время как будто спал. Руки плетьюми бессильно свисали по бокам.

— Доктор Холл!

Холл остановился, потом повернул назад.

— Питер, старик, пошли, нам нужна ваша...

Он не договорил, потому что Ливитт уже не слышал его. Ливитт глядел прямо перед собой на мигающий свет. Когда Холл провел рукой у него перед глазами, Ливитт не среагировал — не заметил. И тут Холл вспомнил, что микробиолог и раньше боялся мигающего света, отворачивался от пульсирующих ламп и отшучивался, когда его расспрашивали об этом.

— Вот чертов сын, — сказал Холл. — И надо же, чтобы это началось именно сейчас...

— Да что с ним? — спросила лаборантка.

Из уголка рта у Ливитта вытекла струйка слюны.

Холл быстро подошел к нему сзади и обратился к лаборантке:

— Встаньте прямо перед ним и приоткройте ему глаза рукой. Не позволяйте ему смотреть на лампу...

— Почему?

— Потому что она мигает три раза в секунду.

— Вы хотите сказать...

— Что вот-вот начнется припадок.

И тут как раз припадок и начался.

Колени Ливитта мгновенно подогнулись, и он рухнул на пол. Упал он на спину, и по телу его прокати-

лась волна крупной дрожи. Сначала кисти рук и ступни, потом тряскахватила руки до плеч и ноги и, наконец, все тело. Судорожно стиснув зубы, он издал прерывистый стон. Голова заколотилась по полу.

Холл подсунул ему под затылок ногу: уж лучше пусть колотится о ногу, чем о твердый пол.

— И не пытайтесь открыть ему рот, — сказал Холл. — Все равно не сможете — судорога...

На брюках у Ливитта появилось и стало разливаться желтое пятно.

— Сейчас может начаться общий спазм, — продолжал Холл. — Бегите в аптеку — сто миллиграммов люминала. Быстро, как только можете. И шприц. Потом, если надо, переведем его на дилантин...

Ливитт всхлипывал сквозь судорожно сжатые зубы, по-звериному завывая. Скованное судорогой тело его стучало о пол, словно бревно.

Но тут подроспела лаборантка со шприцем. Холл подождал, когда судороги стихнут, и сделал укол.

— Останьтесь с ним, — обратился он к девушке. — Если приступ повторится, сделайте то же, что я, — подложите ногу ему под голову. Думаю, что все обойдется.

Только не трогайте его с места...

И Холл бегом бросился в секционную.

Он подергал ручку — и только через несколько секунд сообразил, что лаборатория отсечена и герметически изолирована: значит, туда прорвалась инфекция. Холл прошел в комнату Главного контроля. Там сидел Стоун, а с экрана внутреннего телевидения на него смотрел насмерть перепуганный Бертон.

Вид у Бертонa был страшный, лицо бледное, дыхание отрывистое, речь несвязная. В общем, выглядел он как приговоренный к смерти, да, собственно, так оно и было.

— Ну не волнуйтесь, старина, не волнуйтесь, — пытался успокоить его Стоун. — Все будет хорошо. Главное — не волнуйтесь...

— Мне страшно, — шептал Бертон. — Господи, как мне страшно...

— Успокойтесь, старина, — увещевал Стоун. — Мы же знаем, что «Андромеде» не нравится кислород. Вот мы и накачиваем сейчас в вашу лабораторию чистый кислород. Это поможет вам продержаться... — Он повернулся к Холлу. — Почему так долго? Где Ливитт?

— У него припадок.

— Что?

— Ваши лампочки мигают три раза в секунду, и у него случился припадок.

— Что-о?

— Эпилепсия. Сначала легкий припадок, а потом очень тяжелый — с тоническими судорогами, недержанием мочи и всем прочим. Я ввел ему люминал — и сразу же сюда...

— У Ливитта — эпилепсия?!

— Выходит, что да.

— Должно быть, он и сам не знал, — сказал Стоун. — Не понимал, наверно...

И тут Стоун вспомнил про запрос на повторную энцефалограмму.

— О нет, — сказал Холл, — отлично знал. Со знанием избегал глядеть на мигающий свет, знал, что это может вызвать припадок. Я уверен, что знал. Уверен, что случались приступы, когда он вдруг терял представление, что с ним происходило, когда какие-то минуты начисто выпадали из жизни и он не мог ничего вспомнить...

— Сейчас ему

— Ничего. Держим на успокаивающих...

— Бертону мы качаем чистый кислород, — пояснил Стоун. — С этими словами он отключил микрофон внутренней связи с Бертоном. — Фактически кислород начнет поступать к нему лишь через несколько минут, но я ему сказал, что уже начал. Он там герметически изолирован, так что распространение инфекции приостановлено. В остальных помещениях базы все в порядке — пока...

— Как это могло случиться? — спросил Холл. — Как могла произойти утечка?

— Должно быть, где-нибудь полетела прокладка, — ответил Стоун. И понизил голос: — Мы знали, что рано или поздно это должно произойти. Любая изоляция со временем сдает...

— Вы думаете, случайность?

— Конечно. Просто авария. Здесь много всяких прокладок, так много резины разной толщины. Дайте срок, они все посыплются. Бертону просто повезло очутиться там, где случился первый прорыв.

Холл отнюдь не испытывал уверенности, что все действительно так просто. Он глянул на экран — Бертон дышал учащенно, грудь его от ужаса ходила ходуном.

— И давно это произошло?

Стоун бросил взгляд на часы, отрегулированные на остановку в случае ЧП. Теперь они показывали время, прошедшее с момента разгерметизации.

— Четыре минуты назад.

— И Бертон еще жив?

— Да, слава богу...

И тут Стоун нахмурился. До него дошло, что это действительно странно.

— Почему? Почему он все еще жив? — отдельно и медленно повторил Холл.

— Кислород...

— Вы сами сказали, что кислород еще не подали. Что же защищает Бертона сейчас?..

В этот миг переговорное устройство донесло до них голос Бертона:

— Послушайте... Я хотел бы, чтобы вы попробовали на мне одну вещь...

Стоун включил микрофон.

— Какую?

— Калоцин.

— Нет, — отрезал Стоун.

— Черт возьми, ведь речь идет о моей жизни...

— Нет.

— А может, попробовать? — начал Холл.

— Ни в коем случае. Мы не имеем права. Даже пробовать не имеем права...

Калоцин представлял собой, вероятно, самый строго охраняемый американский секрет за последние десять лет. Это был медикамент, выделяемый фармацевтической фирмой Йенсена весной 1965 года индексом UJ-44759W, или сокращенно К-9. Открытие произошло случайно, в ходе цикла обычных проверочных испытаний, которые Йенсен проводил со всеми вновь полученными соединениями.

Все фармацевтические компании проводят подобные испытания с целью выявления потенциальных биологических возможностей новых препаратов. В цикл испытаний входят в общей сложности 24 различные пробы, и выполняются они на лабораторных животных — крысах, собаках и обезьянах.

Препарат К-9 проявил на испытаниях довольно странные свойства. Он подавлял рост. Детеныш, которому вводили препарат, никогда не достигал размеров взрослой особи.

Этот факт послужил толчком к новой серии испытаний, и та дала еще более интригующие результаты. Препарат, как выяснил Йенсен, подавлял метоплазию, то есть превращение нормальных клеток организма в аномальные предшественники раковых клеток. Йенсен пришел в восторг и незамедлительно начал более интенсивные исследования.

К сентябрю 1965 года уже не оставалось сомнений, что калоцин способен приостанавливать рак. Механизм действия препарата был по-прежнему неясен, но он, несомненно, препятствовал размножению вируса, вызывающего миелоидную лейкемию. Животные, которым был введен препарат, не заболели, а больные показывали заметное улучшение.

Персонал фирмы был взволнован. Вскоре обнаружилось, что калоцин — противовирусный препарат широчайшего спектра действия. Он убивал возбудителей полиомиелита, бешенства, лейкемии и бородавок. Мало того, как ни странно, калоцин убивал также и бактерии.

И грибки.

И паразитов.

Каким-то неведомым образом уничтожал любые организмы одноклеточной или более простой структуры — и совершенно не влиял на сложные системы органов, на группы клеток, образующие крупные общности. В этом смысле действие калоцина было на редкость избирательным.

По существу антибиотик. Он убивал любые микробы, даже те, которые вызывают обычную простуду. Естественно, возникали и побочные явления: заодно уничтожались и полезные бактерии кишечного тракта — все животные, на которых пробовали препарат, поголовно страдали расстройствами желудка. Но разве это можно было назвать высокой ценой за излечение от рака?

В декабре 1965 года сведения о препарате были неофициально сообщены некоторым правительственным учреждениям и ответственным работникам здравоохранения. И тогда-то у калоцина впервые нашлись противники. Многие, включая Джереми Стоуна, потребовали даже запрещения препарата.

Однако аргументы, которые выдвигали, казались чисто теоретическими, и фирма, чуя миллиардные прибыли, упорно настаивала на проведении клинических испытаний. В конце концов правительство, Министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения и Управление продовольственных и медицинских товаров пошли навстречу Йенсену и дали санкцию на клинические испытания препарата. Они были начаты в феврале 1966 года, и первыми людьми, получившими калоцин, были 20 неизлечимых больных раком и 20 добровольцев из тюрьмы штата Алабама. Все 40 пациентов принимали препарат ежедневно в течение месяца. Результаты соответствовали ожидаемому: добровольцы испытывали побочные неприятные явления, однако ничего серьезного, а у больных раком наблюдалась поразительная ремиссия симптомов — свидетельство излечения. Первого марта 1966 года всем сорока перестали давать калоцин. Через шесть часов все сорок умерли.

Произошло то, что Стоун предсказал с самого начала. Он говорил, что за многие века сосуществования человек постепенно вырабатывал очень точно сбалансированный иммунитет по отношению к большинству микроорганизмов. Сотни различных видов вирусов и бактерий обитают на коже, в легких, кишечнике и даже в крови. Потенциально все они смертельно опасны, однако человек постепенно приспособился к ним, и лишь некоторые из них способны теперь вызывать у него болезни.

Этим обеспечивалось весьма точно отрегулированное равновесие. С привнесением препарата, убивающего все бактерии, мы нарушаем равновесие, уничтожаем плод многих веков эволюции. Мы открываем путь сверхинфекциям, и перед нами возникает проблема новых микроорганизмов, вызывающих новые болезни.

Стоун оказался прав: все сорок человек умерли от ужасных и непонятных, ранее никогда не виданных болезней. У одного все тело с головы до ног раздувалось до тех пор, пока он не погиб от отека легких. Другой пал жертвой бактерии, в течение нескольких часов начисто разъевшей его желудок, третий был поражен вирусом, который превратил его мозг в желеобразную массу.

И так все сорок.

Йенсен был вынужден прекратить испытания препарата. Правительство, убедившись, что Стоун сумел понять суть дела, приняло его первоначальное предложение и наложило категорический запрет на любую информацию и любые опыты, связанные с калоцином.

С тех пор прошли уже два года. И вот теперь Бертон попросил дать ему калоцин...

— Нет, — повторил Стоун еще раз, — у вас не будет и одного шанса из тысячи. На время он, возможно, вас поддержит, но, как только мы лишим вас калоцина, вы не выживете...

— Вам-то легко говорить, сидя там, где вы сидите.

— Мне совсем нелегко. Поверьте...

Стоун вновь прикрыл микрофон рукой и повернулся к Холлу:

— Мы же знаем, что кислород подавляет рост штамма. Будем давать Бертому кислород — на время это поможет. Чуть-чуть покружится голова, зато он немного отдохнет и дыхание у него успокоится. Бедняга напуган до смерти...

Холл кивнул. Почему-то слова Стоуна поразили его. Напуган до смерти... Ему вдруг стало ясно, что Стоун натолкнулся на что-то чрезвычайно важное. В этих словах — ключ. В этих словах — ответ...

Он встал и пошел прочь.

— Куда вы?

— Мне надо подумать...

— О чем?

— О том, что значит — напуган до смерти...

27. Напуган до смерти

Холл вернулся к себе в лабораторию и устался сквозь стекло на старика и младенца. Хотелось привести в порядок мысли, но они гнались друг за другом, кружась в бешеном темпе. Добиться логической стройности никак не удавалось, и испытанное только что чувство, что он на пороге открытия, исчезло.

Минуту-другую он не отрываясь смотрел на старшего своего пациента, а перед мысленным его взором мелькали стремительные картины: умирающий Бертон — рука прижата к груди, Лос-Анджелес в панике, повсюду тела, тела и взбесившиеся, вышедшие из-под контроля автомобили...

Тут он понял, что и сам напуган. Напуган до смерти. Он вспомнил эти слова.

Напуган до смерти.

В них был какой-то смысл, какой-то ответ. Но какой?

Неторопливо, принуждая свой мозг к методичности, он еще раз взвесил все, что знал.

Полисмен с диабетом. Полисмен, который подчас пренебрегал инсулином и впадал в ацидоз.

Старикан, взявший себе в привычку пить «Стерно», что вело к насыщению организма метилом и ацидозу.

Младенец, который... Который что? Откуда у него ацидоз?

Холл замотал головой. Во всех своих построениях он неизменно возвращался к этому младенцу — у того все было в норме, и никакой повышенной кислотности.

Он вздохнул. «Начни с начала, с самого начала, — сказал он себе. — Будь логичен. Если у человека обменный ацидоз — да любой ацидоз, — что с ним происходит?»

В его организме создается избыток кислоты. От такого избытка можно умереть, как, например, при впрыскивании в вену соляной кислоты.

Слишком много кислоты — смерть.

Но организм может уравновесить этот избыток. Учащением дыхания. Ибо тогда легкие станут выводить больше углекислого газа и количество угольной кислоты, образуемой углекислым газом в крови, несколько снизится.

Учащенное дыхание.

А «Андромеда»? Что происходит с этим штаммом, если у вас ацидоз и вы учащенно дышите?

Может быть, при учащенном дыхании штамм не успевает попасть из легких в кровеносные сосуды? Может быть, и так. Но, не успев даже довести мысль до конца, он покачал головой. Нет, не то. Здесь что-то другое. Какой-то совсем простой, элементарный факт. Нечто давно им известное. Только никак не удавалось ухватиться — что...

Итак, «Андромеда» проникает в организм через легкие.

Проходит в кровь.

Сосредоточивается в стенках кровеносных сосудов, особенно сосудов мозга.

Разрушает стенки.

Это ведет к свертыванию крови — или к внутреннему кровоизлиянию, сумасшествию и смерти.

Но, чтобы вызвать такое быстрое и сильное разрушение сосудов, нужно множество микроорганизмов. Миллионы миллионов их должны накопиться в артериях и венах. Вряд ли можно столько вдохнуть.

Значит, «Андромеда» размножается в крови.

Стремительно. С фантастической скоростью.

А если у вас ацидоз? Это приостанавливает размножение?

Может быть.

И снова Холл мотнул головой. У Уиллиса и у Джексона ацидоз — это одно дело. А у младенца?..

Ребенок совершенно здоров. Если он учащенно дышит, у него наступает алкалоз — ощелочение, уменьшение кислотности крови, а вовсе не ацидоз. Тут противоположная крайность.

Холл глянул сквозь стекло, и в этот миг ребенок проснулся. И почти немедленно залился плачем: личико посинело, глазенки сморщились, обнажились беззубые десны...

Напуган до смерти.

И потом птицы с их ускоренным обменом веществ, ускоренным пульсом, ускоренным дыханием. Птицы, у которых ускорены все процессы. Они ведь тоже выжили.

Ускоренное дыхание?

Так просто?

Он опять покачал головой. Нет. Не может быть.

Ожесточенно протер глаза. Сильно болела голова, он ощущал такую усталость... Мысль вернулась к Бертону, который в любую минуту мог умереть, наглухо запертый в своей секционной. Напряжение становилось невыносимым. Холл вдруг почувствовал, что им овладевает желание убежать, исчезнуть, спрятаться от всего этого...

Вспыхнул телевизионный экран, и на нем появилась лаборантка.

— Доктор Холл, — позвала она, — мы перенесли доктора Ливитта в лазарет...

— Сейчас приду, — машинально ответил Холл.

Он знал, что ведет себя странно. Никакой нужды осматривать Ливитта не было. С ним ничего уже не случится, и никакой опасности для его жизни нет. Просто Холл старался отогнать от себя другие, более срочные заботы. Когда он вошел в лазарет, ему стало стыдно.

— Он спит, — сказала лаборантка.

— После приступа это нормально.

— Начнем дилантин?

— Нет пока. Подождем, посмотрим. Может, обойдемся люминалом...

Он начал тщательный и подробный осмотр больного.

— Вы устали, — наблюдая за ним, сказала лаборантка.

— Да, — ответил Холл. — В это время я, как правило, уже сплю...

В обычный день он давно уже кончил бы свои дела в больнице и ехал бы домой. И Ливитт тоже ехал бы к себе домой, в Пэсифик-Пэлисейдз. По автостраде Санта-Моника...

На секунду Холл явственно представил себе поток медленно движущихся автомашин. И дорожные знаки на обочине. Ограничение скорости: максимум — 100 километров в час, минимум — 60. В часы пик эти знаки выглядели как злая насмешка.

Максимум и минимум.

Вести машину слишком медленно плохо, даже опасно. Нужно, чтобы машины шли с какой-то более или менее постоянной скоростью. Нужно, чтобы разрыв между максимальной и минимальной скоростью был небольшим. Нужно...

Он замер и воскликнул:

— Какой же я идиот!..

И бросился к ближайшей панели ЭВМ.

Позже, много недель спустя, Холл окрестил эту свою догадку «шоссейным диагнозом». Принцип был так прост, так ясен и очевиден, что оставалось только диву даваться, как он никому раньше не пришел в голову.

Отстукивая на клавишах уточнение к программе «Рост», он был настолько взволнован, что пришлось повторить операцию трижды — пальцы не слушались.

Наконец это все-таки удалось. И он увидел то, что хотел: рост штамма «Андромеда» как функцию рН, кислотно-щелочного равновесия.

Результат был абсолютно ясен.

Штамм «Андромеда» сохранял способность к росту лишь в узком диапазоне значений рН! Если среда оказывалась слишком кислой, он не размножался. Если слишком щелочной — тоже.

Штамм быстро рос только в диапазоне от 7,39 до 7,43.

Холл всмотрелся в график, выданный ЭВМ, и кинулся к двери. По дороге вспомнил про лабораторку и улыбнулся:

— Все в порядке. Все наши беды позади...

Он жестоко заблуждался.

28. Испытание

Стоун по-прежнему следил за Бертоном на телеэкране и встретил Холла сообщением:

— Кислород уже поступает...

— Прекращайте.

— Что?!

— Прекращайте. Подавайте обычный воздух.

Холл внимательно посмотрел на Бертон. Даже по телевидению было заметно, что кислород уже начал оказывать свое действие. Бертон дышал уже не так часто, грудь его подымалась медленнее. Холл поднял микрофон.

— Бертон, говорит Холл. Я нашел ответ: «Андромеда» растет лишь в узком диапазоне значений pH. Вы понимаете? В очень узком диапазоне. Если у вас избыток кислотности либо избыток щелочности, тогда вам ничто не грозит. Я хочу привести вас в состояние респираторного алкалоза. Дышите быстро, как только можете...

— Но здесь же чистый кислород, — отвечал Бертон. — Наступит перенасыщение, и я потеряю сознание. У меня и без того уже голова кружится...

— Мы переходим снова на обычный воздух. Начиная дышать быстрее, как можно быстрее.

Холл повернулся к Стоуну:

— Дайте повышенную концентрацию углекислого газа.

— Но «Андромеда» лучше всего развивается именно в атмосфере углекислого газа...

— Знаю, но не при неблагоприятном pH крови. Поймите, суть вопроса не в составе воздуха, а в составе крови. Мы должны сейчас поддерживать в крови у Бертон неблагоприятный кислотный баланс...

Стоун внезапно понял.

— Младенец. Он же все время кричал...

— Верно.

— А у старика с его аспирином было учащенное дыхание...

— Да. И, кроме того, он пил денатурат.

— И в результате и у того, и у другого совершенно нарушилось кислотно-щелочное равновесие...

— Вот именно. Вся беда в том, что я прицепился к этой кислотности и никак не мог понять, откуда у ребенка ацидоз. А его, ацидоза, там и в помине не было. Это же все равно: слишком много кислоты или слишком мало — лишь бы вне пределов диапазона роста «Андромеды»...

Он вновь обратился к Бертону.

— Теперь все в порядке. Продолжайте дышать часто. Не останавливайтесь. Работайте легкими, откачивайте углекислый газ. Как вы себя чувствуете?

— Ничего, — пропыхтел Бертон. — Страшно-ва-то... но ничего.

— Ну, вот и хорошо.

— Послушайте, — сказал Стоун, — мы же не можем вечно держать его на таком режиме. Рано или поздно...

— Конечно, — понял Холл, — мы перенасытим его кровь щелочью. — И к Бертону: — Посмотрите там у себя в лаборатории. Нет ли у вас чего-нибудь такого, чем можно изменить рН крови?

Бертон огляделся вокруг.

— Да вроде нет...

— Сода? Аскорбиновая кислота? Уксус?

Бертон начал судорожно перебирать пузырьки и реактивы на полках. Наконец пришел к выводу.

— Ничего такого тут нет...

Холл, впрочем, уже почти не слушал Бертона. Он подсчитывал частоту его дыхания: 35 вдохов в минуту. Дыхание было глубокое, полное — какое-то время он продержится. Но затем неизбежно устанет: дыхание — достаточно тяжелая работа. Устанет или потеряет сознание...

Со своей безопасной позиции у телевизора он внимательно осмотрел лабораторию Бертона. И увидел

крысу. Черную норвежскую крысу, которая преспокойно сидела в клетке в углу и разглядывала ученого.

Холл даже вздрогнул.

— Крыса-то...

А она дышала легко и размеренно. Стоун тоже заметил ее.

— Что за черт...

И вдруг лампы замигали вновь.

На пульте вспыхнула надпись:

Аварийное изменение состояния уплотнения В-112-6886

— Господи! — сказал Стоун.

— Что это за уплотнение?

— Какая-то прокладка центрального ствола, связывающего все лаборатории. Главное — гермети...

Экран загорелся опять:

Аварийное изменение состояния уплотнений А-009-5478

В-430-0030

Н-966-6656

В немом изумлении следили они за экраном.

— Скверное дело, — сказал Стоун. — Очень скверное.

На пульте промелькнули номера еще девяти вышедших из строя прокладок.

— Просто не понимаю...

Но тут Холл воскликнул:

— Ребенок. Ну, конечно же!..

— Что ребенок?

— И тот проклятый самолет. Все сходится...

— О чем вы?

— Ребенок совершенно здоров. Когда он плачет, он нарушает кислотно-щелочное равновесие организма. Допустим. Алкалоз не дает возможности штамму

проникнуть в кровь, размножиться там и убить свою жертву...

— Ну да, — отозвался Стоун. — Вы это уже говорили...

— Но что происходит, когда ребенок умолкает?..

Стоун уставился на Холла, не находя слов.

— Ведь рано или поздно, — продолжал Холл, — ребенок должен был замолчать! Не мог же он кричать вечно... Рано или поздно он перестал орать, кислотно-щелочное равновесие пришло в норму, и он стал вновь уязвим для «Андромеды»...

— Верно.

— Но он не умер.

— Быть может, какая-нибудь быстрая форма иммунитета...

— Нет, это невероятно. Есть только два объяснения. Когда ребенок перестал кричать, то либо штамма уже не было поблизости — подул ветер, воздух очистился, — либо же этот штамм...

— Изменился, — подхватил Стоун. — Произошла мутация.

— Вот именно. Мутация с превращением в неинфекционную форму. Возможно, она продолжается и сейчас. Штамм уже не опасен для человека, зато пожирает резину и пластик...

— Самолет!..

Холл кивнул.

Национальным гвардейцам на земле «Андромеда» не причинила никакого вреда. А самолет погиб — потому что пластик стал расползаться у пилота на глазах...

— Стало быть, штамм теперь практически безвреден. Вот почему жива крыса...

— Вот почему жив Бертон, — добавил Холл. — Учащенное дыхание не нужно. Бертон жив только потому, что изменилась сама «Андромеда».

— Она может измениться еще раз, — возразил Стоун. — И если большинство мутаций происходит во время деления...

Взревели сирены, и пульт оповестил красными буквами:

Герметизация нарушена полностью. Пятый уровень заражен и отсечен.

— Бегом отсюда, — бросил Стоун Холлу. — Быстро! В этой лаборатории нет подстанции. Вам надо перейти в следующий сектор...

Холл не сразу понял, чего от него хотят. Он продолжал сидеть, будто прирос к креслу, но вдруг понял, сорвался с места, бросился к двери. И не успел — послышалось шипение, из стены выскользнула массивная стальная плита и, лязгнув, перекрыла выход. Стоун выругался:

— Ну вот, попались. Если бомба взорвется, «Андромеду» разнесет на десятки миль вокруг. Будут тысячи мутаций, и каждая станет убивать на свой манер. Нам теперь никогда от нее не избавиться...

Бесстрастный механический голос повторил несколько раз по радио:

— Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен. Тревога. Уровень отсечен...

На мгновение наступила тишина, потом донесся легкий скрип — включилась новая запись, и тихий голос мисс Глэдис Стивенс из штата Омаха произнес:

— До ядерного взрыва осталось три минуты...

29. Три минуты

Опять тревожно взывала сирена, и стрелки всех часов одновременно прыгнули на 12.00, а секундные стрелки начали отсчитывать время. Циферблаты авто-

матических таймеров загорелись красным светом, зеленая полоска на них точно указывала момент ядерного финала.

А голос невозмутимо повторял:

— До ядерного взрыва осталось три минуты.

— Автоматика, — сказал Стоун с тихим бешенством. — Уровень поражен, и система сработала. Надо что-то делать...

Холл держал в руке ключ и тупо смотрел на него.

— И никак нельзя добраться до подстанции?

— На этом уровне — нет. Каждый сектор изолирован от других.

— А на других уровнях, там же есть подстанции?

— Есть.

— Как добраться до них?

— Никак. Все пути отрезаны.

— А центральный ствол?

Центральный ствол пронизывал насквозь все уровни. Стоун передернул плечами.

— Предохранительные системы...

Холл припомнил, что Бертон как-то рассказывал ему о предохранительных системах центрального ствола. Теоретически, попав в центральный ствол, можно было подняться до самой поверхности. Но практически по окружности ствола были размещены лигаминовые датчики, в основном на случай, если какое-нибудь лабораторное животное вырвется на волю. По сигналу датчика в ствол подавался в виде газа лигамин — растворимое производное яда кураре. Кроме того, автоматические пистолеты стреляли дротиками, отравленными лигамином.

Механический голос сказал:

— До взрыва осталось две минуты сорок пять секунд...

Холл уже отошел в глубину лаборатории и глядел сквозь стекло на внутреннее рабочее пространство;

где-то там, еще глубже, находился центральный ствол.

— Какие у меня шансы?

— Их попросту нет, — ответил Стоун.

Холл пригнулся и вполз в туннель-шланг, ведущий к пластиковому комбинезону. Подождал, когда шланг за ним загерметизируется, потом взял нож и обрезал этот шланг, как бесполезный хвост. Вдохнул всей грудью лабораторный воздух, прохладный и свежий — и насыщенный «Андромедой».

И ничего не случилось.

Стоун наблюдал за ним через стекло. Холл видел, что губы Стоуна шевелятся, но слов не слышал. Потом включились динамики:

— ...лучшая, какую мы только могли придумать.

— Что?

— Предохранительная система.

— Премного благодарен, — ответил Холл и направился к круглому резиновому затвору, ведущему в центральный ствол. Отверстие затвора было круглое и относительно небольшое.

— Есть единственный шанс, — сказал Стоун. — Дозы низкие, рассчитаны на десятикилограммовое животное, вроде большой обезьяны, а в вас килограммов семьдесят или вроде того. Вы выдержите довольно значительную дозу, прежде чем...

— Прежде чем перестану дышать, — закончил за Стоуна Холл.

Жертвы кураре погибают от удушья, вызванного параличом мышц груди и диафрагмы. Холл был убежден, что это не самый приятный способ умереть.

— Пожелайте мне удачи, — сказал он.

— До взрыва осталось две минуты тридцать секунд, — молвила Глэдис Стивенс.

Холл с размаху ударил кулаком по затвору — тот рассыпался на куски — и пролез в центральный ствол.

Здесь было тихо. Ни воющих сирен, ни мигающих ламп, одна холодная, металлическая, гулкая пустота. Центральный ствол, метров десяти в диаметре, был покрашен в практичный серый цвет; это была просто цилиндрическая шахта с кабелями и механизмами, и по стене вверх, на четвертый уровень, шли ступеньки-скобки.

— Я наблюдаю за вами по телемонитору, — до неся до Холла голос Стоуна. — Поднимайтесь быстрее. Вот-вот будет выпущен газ.

Еще один магнитофонный голос:

— Поражен центральный ствол. Всему обслуживающему персоналу немедленно покинуть опасную зону...

— Скорее! — крикнул Стоун.

Холл полез по скобкам вверх. Глянул под ноги — пола уже не было видно, его застлали клубы белого дыма.

— Пошел газ, — предупредил Стоун. — Торопитесь!..

Холл и без того торопился, перебирая руками по скобкам и тяжело дыша — от усталости и от волнения.

— Датчики засеки вас, — глухо сказал Стоун.

Сидя в лаборатории у экрана, он видел, как электрические глаза обнаружили Холла в шахте и очертили контуры его тела. Холл казался таким беззащитным, таким уязвимым... А на соседнем экране было видно, как лигаминовые пистолеты поворачиваются на своих кронштейнах, наводя на цель тонкие дула.

— Скорее!..

Тело Холла на экране было обведено красной линией на ярко-зеленом фоне. Потом на этот контур, на область шеи, наложилось прицельное перекрестье. Управляемые ЭВМ автоматы, следуя программе, выбирали область наиболее сильного тока крови — у бо-

льшинства животных шея в этом смысле предпочтительнее спины.

А Холл все лез и лез. Для него сейчас существовали лишь расстояние и еще усталость, усталость. Он ощущал такое изнеможение, будто карабкался уже много часов, и вдруг понял, что это началось воздействие газа...

— Датчики засекли вас, — повторил Стоун, — зато вам осталось всего метров десять...

И тут Холл увидел совсем близко от себя один из датчиков. Дуло пистолета смотрело прямо на него — и вот пистолет выстрелил, выплюнув облачко голубого дыма. Что-то свистнуло мимо уха, шлепнулось в стенку и отскочило вниз.

— Промах. Лезьте дальше...

Еще один дротик разбился о стенку рядом с шей. Холл старался карабкаться быстрее, как можно быстрее... Над собой он уже видел дверь с белыми буквами: «Четвертый уровень». Стоун был прав, действительно оставалось меньше десяти метров. Третий дротик, четвертый. Мимо. Ирония судьбы — на какую-то малую долю секунды он почувствовал раздражение: чего стоят эти дурацкие электронные системы, если не способны попасть в такую мишень...

Следующий дротик ударил Холла в плечо и с жальной болью вонзился под кожу, потом по телу прокатилась вторая волна боли — впрыснулся яд. Холл чертыхнулся.

Стоун видел все это на своем мониторе. Затем на экране появилась бесстрастная надпись «Попадание», и изображение было повторено в записи; дротик снова летел и снова вонзался Холлу в плечо. Запись была повторена трижды...

— До взрыва осталось две минуты, — возвестил голос.

— Доза низкая, — сказал Стоун. — Лезьте дальше...

И Холл полез дальше. Он чувствовал огромную тяжесть, будто весил двести килограммов, и все-таки лез. Добрался до двери — дротик ударил в стену у самой щеки.

— Вот подлый...

— Давайте, давайте!

Дверь была герметическая, плотно притертая, на ней была ручка. Холл дернул ее — еще один дротик стукнулся в стенку.

— Вы совсем у цели, — сказал Стоун, — вы почти добрались...

— До взрыва осталось девяносто секунд...

Ручка подалась, дверь с шипением открылась. Он перевалился через порог — и в этот миг дротик вонзился в ногу, и его опять захлестнула горячая волна боли. Теперь он весил не двести, а пятьсот килограммов. Медленно, очень медленно он протянул руку и закрыл за собой дверь.

— Вы в воздушном шлюзе, — сказал Стоун. — Откройте следующую дверь.

Он протатился к внутренней двери. До нее был долгий-долгий, бесконечный путь, безнадежное расстояние. На ногах висели свинцовые колодки, ноги были каменные. Хотелось лечь и заснуть — он так устал, все тело болит. Шаг. Еще шаг. Еще.

— До взрыва осталось шестьдесят секунд...

Время мчалось. Холл никак не мог понять, в чем дело: оно несло с такой быстротой, а он двигался так медленно...

Ручка. Как во сне, пальцы сомкнулись вокруг нее и повернули...

— Боритесь с ядом, — сказал Стоун. — Вы можете, можете!..

Что было дальше, он почти не мог вспомнить. Ручка повернулась, и дверь открылась; он смутно увидел девушку-лаборантку — она стояла в коридоре, куда он ввалился, и смотрела на него испуганными глазами...

— Помогите, — попросил он.

Она заколебалась, глаза ее совсем округлились, и вдруг она побежала по коридору прочь. Он тупо поглядел ей вслед и свалился на пол. Подстанция была в нескольких шагах — блестящая металлическая нашивка на зеленой стене.

— До взрыва осталось сорок пять секунд.

И Холл разозлился. Оттого, что этот соблазнительный женский голос был заранее записан на пленку. Оттого, что кто-то задумал всю эту серию неотвратимых грозных предупреждений. Оттого, что этот сценарий разыгрывается сейчас, как по нотам, электронной машиной вкупе со всей блестящей, безупречной лабораторной аппаратурой. Будто такова была его неминуемая участь, заранее запланированная и предначертанная.

И он разозлился.

Как он преодолел оставшиеся метры, как сумел подняться на колени и вставить ключ, он, несмотря на все старания, вспомнить не мог. Но ясно помнил, как повернул ключ в замке и как погасла красная лампочка и вновь загорелась зеленая.

— Взрыв отменяется. Взрыв отменяется, — оповестил голос бесстрастно, будто ничего не случилось.

Холл тяжело сполз по стенке вниз, и черная мгла сомкнулась над ним.

ПОЖАР УГАС

30. ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Издалека-издалека донеслись слова:

— Он приходит в себя...

— Неужели?

— Смотрите сами...

Спустя мгновение Холл закашлялся — что-то вытаскивали у него из горла; он еще раз кашлянул, задышал, ловя воздух ртом, и открыл глаза.

На него тревожно смотрела женщина.

— Как вам теперь? Это проходит быстро...

Холл попытался ответить, но не смог. Он лежал неподвижно на спине и радовался тому, что дышит. Сначала дышать было трудно, но постепенно стало легче, легче, ребра вздымались и опускались уже без усилий. Он повернул голову и спросил:

— И долго я?..

— Секунд сорок, — ответила женщина. — Или около того. Сорок секунд без дыхания. Вы уже немного посинели, когда мы вас подняли, но мы вам тут же ввели трубку — и к респиратору...

— Когда это было?

— Минут двенадцать-пятнадцать назад. Лигамин — препарат кратковременного действия, но мы за вас очень беспокоились. Как вы теперь?

— Вполне.

Он оглядел комнату — это был лазарет четвертого уровня. На дальней стене засветился экран, и на нем показалось лицо Стоуна.

— Привет, — сказал Холл.

Стоун улыбнулся:

— Поздравляю!

— Значит, бомба не того?..

— Бомба не того, — ответил Стоун.

— Это хорошо, — сказал Холл и снова закрыл глаза.

Проспал он больше часа, а когда проснулся, телеэкран был пуст. Сестра сказала, что Стоун разговаривает с базой Ванденберг.

— Случилось еще что-нибудь?

— По прогнозам, «Андромеда» сейчас должна быть над Лос-Анджелесом.

— И?..

Сестра передернула плечиками.

— И ничего. Похоже, что она теперь вообще никак и ни на что не действует...

— Именно ни на что, — подтвердил Стоун позже. — По-видимому, очередная мутация породила стойкую доброкачественную форму. Мы, правда, все же ждем сообщения о чьей-нибудь странной смерти или болезни, но прошло уже шесть часов, и с каждой минутой вероятность такого сообщения уменьшается. Мы надеемся, что в конце концов «Андромеда» вообще покинет пределы атмосферы — здесь для нее слишком много кислорода. Но, конечно, если бы в «Лесном пожаре» взорвалась бомба...

— А много тогда оставалось времени? — поинтересовался Холл.

— Когда вы повернули ключ? Около тридцати четырех секунд.

— Целая вечность, — пошутил Холл. — И волноваться не стоило.

— Ну, вам-то, может, и не стоило. А мы на пятом уровне, признаться, поволновались изрядно. Я ведь забыл вам сказать, что для улучшения взрывной характеристики за тридцать секунд до взрыва с пятого уровня откачивается весь воздух...

— Вот как, — откликнулся Холл.

— А теперь мы с вами хозяева положения. «Андромеда» у нас осталась, и мы продолжаем ее изучать. Уже начали описывать ряд мутантных форм. Довольно занятный организм, поразительно многосторонний... — Стоун улыбнулся. — Полагаю, можно с уверенностью сказать, что «Андромеда» уйдет в верхнюю атмосферу, не причинив нам больше никаких неприятностей. Там, на поверхности, опасность миновала. Что же касается нас тут, под землей, то мы уже поняли, что происходит с этой козявкой в смысле мутаций. Это важнее всего. Что мы хоть что-то поняли...

— Поняли? — переспросил Холл.

— О да, — сказал Стоун. — Пришлось понять.

Человек-компьютер

Перевод И. Гуровой и Ю. Симонова

Я пришел к выводу, что мои субъективные объяснения побуждений, которые руководят моими поступками, почти всегда произвольны. Я не знаю, почему я делаю то или это.

Д. Б. С. Холдейн

Первозданная глушь подчиняет себе колониста.

Ф. Дж. Тернер

Предисловие автора

Читателям, которых пугает или возмущает то, о чем повествует эта книга, не следует обманываться мыслью, будто речь идет о чем-то совершенно новом. Физиологическое изучение мозга продолжается более ста лет, и более пятидесяти лет развиваются методы управления поведением. Проблема стояла уже десятилетия — ее надо было только увидеть, и никому не возбранялось обсуждать ее, высказываться «за» или «против».

Достаточно широко она освещалась и в печати. Исследования в области нейробиологии — весьма эффективный материал, и они постоянно фигурировали на страницах воскресных газет. Однако широкая публика никогда не принимала их всерьез. В течение многих лет изрекалось столько мрачных пророчеств, строилось столько нелепых предположений, что «контроль над мозгом» теперь считается делом далекого будущего — когда-нибудь он и осуществится, но так нескоро, что никого из ныне живущих это никак коснуться не может.

Ученые, посвятившие себя таким исследованиям, старались привлечь к ним внимание общественности. Несколько лет назад Джеймс Макконнелл из Мичиганского университета сказал своим студентам: «Послушайте, мы можем это сделать. Мы можем установить контроль над поведением. Но кто будет решать, что следует делать? Если вы не поторопитесь и не скажете мне, как я должен поступить, я отвечу за вас. И тогда будет поздно».

В настоящее время многим людям кажется, что они живут в мире, который предопределен и идет по заранее установленному пути. Прошлым решениям мы обязаны загрязнением среды обитания, проблемам утраты личности, язвам урбанизации; кто-то другой принял за нас решение, а нам приходится расхлебывать его последствия. Подобная позиция представляет собой по-детски решенный и опасный уход от ответственности. И каждому следует это понять.

Вот почему здесь дается следующая таблица:

ИСТОРИЯ ЛЕЧЕНИЯ ПСИХОМОТОРНОЙ ЭПИЛЕПСИИ

- 1864 Морель, Фере и ряд других французских невропатологов описывают некоторые симптомы психомоторной эпилепсии.
- 1888 Хьюлингз Джексон (Англия) создает классическое описание психомоторной эпилепсии и предшествующей ауры.
- 1898 Джексон и Колмен (Англия) устанавливают, что нарушения происходят в височной доле мозга.
- 1908 Хорсли и Кларк (Англия) описывают методику стереотаксической хирургии в применении к животным.
- 1941 Джеспер и Кершмен (США и Канада) демонстрируют, что электроэнцефалограмма больных психомоторной эпилепсией характеризуется электрическими разрядами в области височной доли.
- 1947 Спигель и сотрудники (США) сообщают о первой стереотаксической операции на человеке.
- 1950 Пенфилд и Фленеген (Канада) делают больному психомоторной эпилепсией операцию, которая дает хорошие результаты.
- 1958 Талерак и сотрудники (Франция) начинают практиковать стереотаксическое вживление глубинных электродов.
- 1963 Хит и сотрудники (США) разрешают пациентам самим стимулировать свой мозг через вживленные электроды.
- 1965 Нарабаяши (Япония) сообщает о применении стереотаксической хирургии для лечения 98 больных с агрессивным поведением.

- 1965 Во всем мире сделано свыше 24000 стереотаксических операций на человеке.
- 1968 Дельгадо и сотрудники (США) вживляют «стимосивер» (радиостимулятор и радиоприемник) амбулаторным больным, страдающим психомоторной эпилепсией.
- 1969 В Аламогордо (штат Нью-Мексико) шимпанзе посредством радио соединяется с компьютером, который программирует раздражения мозга обезьяны.
- 1971 В Лос-Анджелесе оперируют больного Гарольда Бенсона.

Лос-Анджелес, 23 октября 1971 года

М.К.

Вторник
9 марта 1971 года

ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

1 В полдень они спустились в приемный покой и сели на скамью у дверей, выходящих на пандус для машин скорой помощи. Эллис явно нервничал и думал о чем-то своем. Моррис спокойно ел шоколадку и комкал обертку в кармане своей белой куртки.

За стеклами двери солнечные лучи падали на большую вывеску с надписью: **ОТДЕЛЕНИЕ СКОРОЙ ПОМОЩИ** и вывеску поменьше: **ТОЛЬКО ДЛЯ МАШИН СКОРОЙ ПОМОЩИ**. Издалека донесся звук сирены.

— Это он? — спросил Моррис.

Эллис посмотрел на свои часы:

— Не думаю. Еще рано.

Они сидели на скамье и вслушивались в приближающийся звук сирены. Эллис снял очки и протер их концом галстука. К ним подошла одна из сестер отделения скорой помощи — Моррис не знал, как ее зовут, — и сказала весело:

— Приветственный комитет весь в сборе?

Эллис скосил на нее глаза, а Моррис сказал:

— Мы сразу возьмем его наверх. У вас здесь есть история его болезни?

— Да, конечно, доктор, — сказала сестра сердито и ушла.

Эллис вздохнул. Он надел очки и хмуро посмотрел вслед сестре.

— Она просто шутила, — сказал Моррис.

— Наверное, вся больница уже знает, — проворчал Эллис.

— Такой секрет сохранить трудно.

Сирена раздалась совсем близко. В окно они увидели, как машина скорой помощи задним ходом въехала на пандус. Два санитары открыли дверцы и вытащили носилки. На них лежала худенькая старушка. Она задыхалась, и в груди у нее булькало. «Тяжелый отек легких», — подумал Моррис, провожая взглядом носилки, исчезающие в дверях приемного покоя.

— Надеюсь, он в хорошей форме, — сказал Эллис.

— Кто?

— Бенсон.

— А что с ним могло случиться?

— Они могли его обработать, — Эллис угрюмо уставился в окно.

«Он явно в плохом настроении», — подумал Моррис. А это означало, что Эллис волнуется, — Моррис достаточно часто оперировал вместе с Эллисом, и все это было ему хорошо знакомо. Раздражительность, еле подавляемое возбуждение до первого надреза и полное, даже ленивое спокойствие, когда начиналась операция.

— Ну где же он, черт побери! — воскликнул Эллис, снова посмотрев на часы.

Чтобы переменить тему, Моррис спросил:

— На три тридцать все готово?

В три тридцать Бенсона должны были представить врачебному персоналу больницы в особом нейрохирургическом амфитеатре.

— Насколько мне известно, — сказал Эллис, — демонстрацию больного будет вести Росс. Только бы Бенсон был в приличной форме.

Мягкий женский голос произнес по внутреннему радио:

— Доктор Эллис. Двадцать два — тридцать четыре. Доктор Эллис, двадцать два — тридцать четыре.

Эллис поднялся.

— А, черт! — буркнул он.

Моррис понимал, что это означает. Эллису звонили из экспериментальной лаборатории. Вероятно, что-то стряслось с подопытными обезьянами. Весь прошлый месяц Эллис каждую неделю делал по три операции на обезьянах, просто чтобы держать себя и персонал в форме.

Эллис направился к вмонтированному в стену телефону. Он прихрамывал — в детстве сильно поранил правую ногу и перерезал боковой малоберцовый нерв. Моррису всегда казалось, что это увечье сыграло определенную роль в решении Эллиса стать нейрохирургом. Во всяком случае, Эллис словно бы поставил себе задачу устранять всяческие изъяны, чинить неисправное. Он так и говорил своим пациентам: «Ничего, мы вас починим». У него самого же изъянов хватало: хромота, ранняя лысина, подслеповатые глаза за толстыми стеклами очков. Поэтому он казался незащищенным, и было легче прощать ему постоянную раздражительность.

А может быть, эта раздражительность была порождена долгими годами хирургической практики? Моррис не знал — слишком недолго сам он был хирургом. Он смотрел в окно на стоянку. Начались часы, когда разрешалось навещать больных, и многочисленные

родственники въезжали на автостоянку и вылезали из машин, обводя взглядом высокие корпуса. В их глазах читалась робость: люди боятся больницы.

Моррис заметил, что многие лица уже загорели. В Лос-Анджелесе стояла теплая, солнечная весна, но сам он оставался таким же белым, как его куртка и брюки, в которые он каждый день облачался в больнице. «Надо чаще бывать на воздухе, — сказал он себе. — Например, выходить с завтраком в сад». Конечно, он играет в теннис, но, к сожалению, только по вечерам.

Вернулся Эллис.

— Черт, — выругался он. — Этель разорвала швы.

— Как это случилось?

Этель, молодую самку макака-резуса, оперировали накануне. Операция прошла безупречно, и Этель вела себя удивительно тихо — для макака.

— Не знаю, — сказал Эллис. — По-видимому, как-то высвободила лапу. Так или иначе, она визжит, и кость с одной стороны оголена.

— Она вырвала электроды?

— Не знаю. Но мне надо идти туда снова все зашивать. Вы один справитесь?

— Наверное.

— Вы умеете обращаться с полицейскими? — спросил Эллис. — Думаю, они не доставят вам особых хлопот.

— Да, конечно.

— Побystрее поднимите Бенсона на седьмой этаж и вызовите Росс. Я приду, как только смогу. — Он посмотрел на часы. — Уложусь минут за сорок, если Этель будет вести себя прилично.

— Желаю удачи, — сказал Моррис и улыбнулся.

Эллис нахмурился и ушел.

Не успел он скрыться из виду, как снова появилась сестра отделения скорой помощи.

— Что это с ним? — спросила она.

— Просто нервничает, — сказал Моррис.

— Оно и видно, — протянула сестра и посмотрела в окно, явно не торопясь уходить.

Моррис задумчиво глядел на нее. Он достаточно долго работал в клинике и умел распознавать мельчайшие оттенки, связанные со статусом ее персонала. Начиная он стажером без всякого статуса. Сестры в подавляющем большинстве разбирались в медицине лучше, чем он тогда, и, уставая, даже не пытались скрывать свое превосходство. («По-моему, доктор, лучше бы этого не делать»).

Со временем он стал штатным хирургом, и с той поры сестры начали относиться к нему с несколько большим почтением. Когда он занял должность старшего ассистента, то работал уже с такой уверенностью, что некоторые сестры называли его по имени. И вот теперь, когда его перевели в отделение нейропсихиатрических исследований, его снова называли строго официально, но сейчас это означало новый, более высокий статус.

Только на этот раз дело было в другом: сестра не уходила, потому что его окружал ореол особенной важности — ведь все в клинике знали, что должно произойти.

Глядя в окно, сестра сказала:

— Вот он!

Моррис встал и тоже посмотрел в окно. Голубой полицейский фургон развернулся на стоянке и задним ходом подъехал к приемному покою.

— Ну, ладно, — проговорил Моррис, — сообщите на седьмой этаж, что мы сейчас поднимемся.

— Хорошо, доктор, — и она исчезла.

Два санитары открыли двери. Они ничего не знали о Бенсоне. Один из них спросил Морриса:

— Вы этого ждете?

— Да.

— В палату скорой помощи?

— Нет, мы его госпитализируем.

Санитары кивнули, следя взглядом за полицейским, который сидел за рулем. Он вылез, обошел фургон, открыл заднюю дверцу. Два полицейских, сидевших сзади, прыгнули на землю, шурясь от яркого света. За ними вылез Бенсон.

И, как всегда, Морриса поразила его внешность. Бенсон, несколько полный для своих тридцати четырех лет, выглядел удивительно кротким. Его лицо выражало растерянность и навеки застывшее недоумение. Он стоял у фургона и озирался по сторонам, держа перед собой руки, скованные наручниками. Увидев Морриса, он сказал «Здравствуйте» и смущенно устался в землю.

— Вы тут главный? — спросил один из полицейских.

— Да. Я доктор Моррис.

Полицейский указал на внутренние двери:

— Показывайте дорогу, доктор.

— Вы не могли бы снять с него наручники?

Бенсон поднял глаза на Морриса и тут же снова отвел их.

— Нам об этом ничего сказано не было. — Полицейские удивленно переглянулись. — Ну да, наверное, можно.

Пока они снимали наручники, шофер протянул Моррису заполненный бланк: «Передача подозревае-

мого под надзор специального учреждения (медицинского)». Моррис расписался.

— И еще вот тут, — указал шофер.

Расписываясь, Моррис посмотрел на Бенсона. Тот спокойно растирал запястья, глядя прямо перед собой. Обезличенность и казенность этой процедуры вызвали у Морриса такое ощущение, словно он расписался в получении посылки. «Интересно, не чувствует ли и Бенсон себя посылкой?» — подумал он.

— Ну все, — сказал шофер. — Спасибо, доктор.

Моррис провел Бенсона и двух полицейских в приемный покой. Санитары закрыли двери. Сестра подкастила кресло на колесиках, и Бенсон сел в него. Полицейские переглянулись.

— У нас такой порядок, — пояснил Моррис.

Они направились к лифту.

Лифт остановился на втором этаже. Там, в вестибюле, его ждали посетители, чьи родственники находились в палатах на верхних этажах. Увидев сидящего в кресле Бенсона, Морриса и двух полицейских, они в нерешительности остановились.

— Пожалуйста, подождите следующего лифта, — вежливо сказал Моррис.

Двери закрылись. Лифт пошел вверх.

— А где доктор Эллис? — спросил Бенсон. — Я думал, он будет здесь.

— Он в операционной. Скоро придет.

— А доктор Росс?

— Вы увидите ее на демонстрации.

— Ах, да! — Бенсон улыбнулся. — Демонстрация!

Полицейские обменялись подозрительными взглядами, но промолчали. Лифт остановился на седьмом этаже, и они все вышли.

На седьмом этаже находились специальные хирургические палаты, где лежали больные с самыми тяже-

лыми и сложными формами заболеваний. В сущности это было экспериментальное отделение. Сюда помещали пациентов, страдающих острой формой сердечных, почечных и эндокринных заболеваний. Моррис подкатил Бенсона к столику дежурной сестры в стеклянной кабинке на пересечении двух коридоров.

Сестра посмотрела на них. Увидев полицейских, она как будто удивилась, но ничего не сказала.

— Это мистер Бенсон, — объяснил Моррис. — Семьсот десятая готова?

— Ну конечно, — ответила сестра и ободряюще улыбнулась Бенсону. Он улыбнулся в ответ и покосился на пульт управления компьютером в углу кабинки дежурной сестры.

— Автоматический дежурный? — спросил он.

— Да, — ответил Моррис.

— А где находится главный компьютер?

— В подвале.

— В этом здании?

— Да. Он требует много энергии, а кабели подведены к этому зданию.

Бенсон кивнул. Морриса его вопросы не удивили. Просто Бенсон старается не думать об операции, а к тому же он специалист по электронным вычислительным машинам.

Сестра протянула Моррису историю болезни Бенсона. Стандартная голубая пластиковая обложка со штампом университетской клиники. На ней были наклеены ярлычки: красный — «нейрохирургическое отделение», желтый — «тщательный уход» и белый, который Моррис еще никогда не встречал на картах своих пациентов. Он означал «меры предосторожности».

— Мое досье? — спросил Бенсон, когда Моррис покатил его по коридору к палате номер 710. Полицейские шли сзади.

— Угу.

— Интересно, что там внутри. Я об этом давно думаю.

— В основном неудобочитаемые пометки.

В действительности же история болезни Бенсона была толстой, вполне удобочитаемой и содержала все заключения, выданные компьютером.

Они остановились у двери с номером 710. Один из полицейских вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Второй остался стоять в коридоре.

— Так положено, — объяснил он.

Бенсон посмотрел на Морриса.

— Они очень меня оберегают, — сказал он. — Это даже лестно.

Первый полицейский вышел в коридор.

— Все в порядке.

Моррис вкатил Бенсона в палату. Она была большая и выходила окнами на юг. Бенсон окинул ее взглядом и одобрительно кивнул.

— Это одна из лучших палат во всей клинике, — сказал Моррис.

— Можно мне теперь встать? — спросил Бенсон.

— Да, конечно.

Бенсон встал, подошел к кровати и сел. Он несколько раз подпрыгнул, проверяя, мягок ли матрац, а потом начал нажимать кнопки, поднимая и опуская кровать. Он нагнулся и принялся рассматривать механизм снизу. Моррис подошел к окну и задернул занавески, умеряя яркость света.

— Ничего сложного, — сказал Бенсон.

— О чем вы?

— Да этот механизм. Очень простой. Вам следовало бы установить устройство обратной связи, чтобы движения лежащего компенсировались... — Бенсон умолк.

Он открыл дверцу стеного шкафа, посмотрел внутрь, потом заглянул в ванную и вернулся назад. Моррис подумал, что Бенсон держится не как обычный больной. Чаще всего люди в его положении робеют, но он вел себя так, словно снимал номер в отеле.

— Ну что ж, подходит, — сказал Бенсон и засмеялся. Он сел на кровать и посмотрел на Морриса, потом перевел взгляд на полицейских.

— А им обязательно оставаться здесь?

— Наверное, они могут подождать и в коридоре, — сказал Моррис.

Полицейские молча кивнули и вышли, закрыв за собой дверь.

— Я, собственно, спросил, должны ли они вообще оставаться в клинике?

— Да, — сказал Моррис.

— Все время?

— Да. Если только мы не сможем добиться, чтобы ваше дело было прекращено.

Бенсон нахмурился:

— Это было... то есть я... Так плохо?

— Вы подбили ему глаз и сломали одно ребро.

— Но опасности нет никакой?

— Ни малейшей.

— Я ничего не помню, — сказал Бенсон. — Все блоки памяти у меня стерты.

— Я знаю.

— Но я рад, что он серьезно не пострадал.

Моррис кивнул.

— Вы привезли свои вещи? Пижаму и прочее?

— Нет, но это можно устроить.

— Хорошо. Я скажу, чтобы до тех пор вам выдали казенное белье. Больше ничего не нужно?

— Ничего. — Бенсон улыбнулся. — Разве что укол-другой?

— Вот без этого, — Моррис улыбнулся в ответ, — вам придется обойтись.

Бенсон вздохнул.

Моррис вышел из палаты.

Полицейский поставил у двери стул. Один сел, а другой прислонился к стене. Моррис открыл записную книжку.

— Вам, конечно, нужно знать расписание, — сказал он. — Через полчаса сюда зайдет администратор с документами, которые Бенсон должен подписать. Отказ от денежного возмещения и прочее. Затем, в три тридцать, Бенсона отвезут вниз, в главный амфитеатр на демонстрацию. Минут через двадцать он вернется. Вечером ему обреют голову. Операция назначена на завтра, на шесть часов утра. У вас есть ко мне вопросы?

— Можно, чтобы доставляли еду сюда? — спросил один из полицейских.

— Я скажу, чтобы сестра заказала лишние порции. Вы будете дежурить вместе?

— Нет, по одному. По восемь часов каждый.

— Я скажу сестрам, — сказал Моррис. — Когда будете уходить и приходить, отмечайтесь у них. Они любят знать, кто находится на этаже.

Полицейские кивнули. Наступило молчание. Потом один из полицейских спросил:

— А все-таки что с ним?

— У него одна из форм эпилепсии.

— Я видел парня, которого он избил, — сказал полицейский. — Большой, сильный парень. Похож на шофера грузовика. И в голову бы не пришло, что такой хляк, — он ткнул пальцем в сторону двери, — способен так его отделать.

— Во время эпилептического припадка он буйствует.

— А что это за операция?

— Это операция мозга, которую мы называем процедурой третьей степени, — сказал Моррис и не стал больше ничего объяснять. Полицейские все равно не поймут. А поймут, так не поверят.

2 Большая нейрохирургическая конференция, на которой присутствовали все хирурги клиники и докладывались наиболее сложные случаи, обычно проходила в девять часов утра по четвергам. Экстренно она назначалась очень редко — слишком трудно было собрать весь персонал. Но на этот раз амфитеатр был заполнен до отказа. Эллис видел перед собой уходящие вверх ярусы белых халатов и бледных, повернутых к нему лиц. Он поправил очки и сказал:

— Как многим из вас уже, наверное, известно, завтра утром нейропсихиатрическое исследовательское отделение проведет операцию, которую мы называем процедурой третьей степени, на лимбической системе мозга человека.

Аудитория безмолвствовала. Дженет Росс, стоявшую в углу рядом с входной дверью, удивило отсутствие какой бы то ни было реакции на эти слова. «Хотя, — подумала она затем, — удивляться, собственно, было нечему: вся клиника знала, что НПИО давно уже ждало подходящего больного для осуществления процедуры третьей степени».

— Должен просить вас, — продолжал Эллис, — осторожней формулировать вопросы, когда введут пациента. Он очень впечатлителен, и его душевное равновесие в сильнейшей степени нарушено. Мы решили сначала познакомить вас с историей его болезни,

а уж потом представить его вам. Доктор Росс, работающий с ним психиатр, сообщит вам вкратце все необходимое.

Эллис кивнул, и Дженет Росс вышла на середину зала.

Она посмотрела на уходящие к потолку ряды лиц и вдруг на мгновение оробела. Дженет, высокая худощавая блондинка с пепельными волосами, стройная и загорелая, была очень красивая, но себе она казалась слишком костлявой и угловатой, лишенной мягкой женственности, что ее нередко огорчало. Однако она знала, что производит впечатление, и к тридцати годам, после десяти с лишним лет, отданных преимущественно мужской профессии, научилась пользоваться этим впечатлением.

Теперь она заложила руки за спину, глубоко вздохнула и начала говорить быстро и сжато, как было принято на больших конференциях.

— Гарольд Франклин Бенсон — специалист по электронным вычислительным машинам. Тридцать четыре года. Был женат, но развелся. Два года назад попал в автомобильную катастрофу на автостраде Лос-Анджелес — Санта-Моника. До этого был совершенно здоров. После катастрофы какое-то время находился в бессознательном состоянии. Был доставлен в местную больницу, где провел под наблюдением ночь, а утром признан здоровым и выписан. В течение следующих шести месяцев он чувствовал себя нормально, а затем у него начались явления, которые сам он называет «затемнением».

Аудитория молчала. Со всех сторон на Дженет Росс смотрели внимательные глаза.

— Эти «затемнения» длились несколько минут и случались примерно раз в месяц. Нередко им предшествовало ощущение странных, неприятных запахов.

«Затемнения» часто наступали после употребления алкогольных напитков. Больной обратился к своему врачу, который констатировал переутомление и рекомендовал воздержаться от спиртного. Бенсон выполнил совет врача, но «затемнения» не прекратились. Через год после катастрофы больной заметил, что «затемнения» становятся более частыми и длительными. Порой, приходя в сознание, он обнаруживал, что находится в незнакомом месте. Несколько раз он замечал на своем теле синяки и царапины, его одежда была разорвана, словно после драки. Но он никогда не помнил, что с ним происходило в период «затемнения». Его слушатели закивали. Пока все было ясно — обычный случай височной эпилепсии. Но это было только начало.

— Друзья больного, — продолжала Дженет, — говорили ему, что он изменился, но он не придавал значения их словам. Постепенно Бенсон полностью разошелся с большинством из своих прежних друзей. Примерно тогда же — год назад — он, по его словам, сделал важнейшие открытия в своей области. Бенсон специализируется на изучении «механической жизни», машинного интеллекта. По его утверждению, в ходе своей работы он установил, что машины конкурируют с человеком и в конце концов подчинят себе мир.

По аудитории прокатились шепотки. Это было интересно, особенно для психиатров. Дженет увидела в одном из верхних рядов Мэннона, своего учителя. Он сидел, зажав виски ладонями.

— Бенсон рассказывал об этом открытии тем многим друзьям, которые у него еще оставались. Они посоветовали ему обратиться к психиатру, но это только рассердило его. За последние месяцы он окончательно уверился, что машины готовятся захватить мир.

Затем, шесть месяцев назад, он был арестован по подозрению в избиении авиационного механика, но

вскоре отпущен за недоказанностью обвинения. Однако это подействовало на Бенсона крайне угнетающим способом, и он обратился к психиатру. Его мучило подозрение, что зверски избил механика именно он. Это казалось ему невозможным, но тягостные сомнения не рассеивались. В нейропсихиатрическое исследовательское отделение университетской клиники больной был направлен четыре месяца назад, в ноябре 1970 года. На основании истории его болезни — повреждение головы, эпизодическая агрессивность, которой предшествует ощущение странных запахов, — был поставлен предварительный диагноз: психомоторная эпилепсия. Как вам известно, НПИО в настоящий момент принимает больных с нарушениями в поведении, поддающимися соматическим мерам воздействия.

Неврологический статус оказался полностью нормальным. Отсутствовали изменения и в электроэнцефалограмме: электрическая активность мозга не свидетельствовала о патологии. На ЭЭГ, записанной после того, как в организм больного был введен алкоголь, удалось обнаружить судорожную активность в правой височной доле мозга. Таким образом, Бенсон был признан пациентом первой степени — твердый диагноз психомоторной эпилепсии.

Дженет умолкла, чтобы передохнуть и дать аудитории время обдумать услышанное.

— Больной вполне интеллигентный, — продолжала она, — и ему объяснили суть его заболевания. Ему сказали, что во время автомобильной катастрофы он перенес мозговую травму, которая вылилась в форму эпилепсии, характеризующуюся «судорогами мысли» — пароксизмами сознания, а не тела, которые проявляются в агрессивных поступках. Ему также было сказано, что это вполне обычное заболевание, которое поддается лечению. Больному был назначен медикаментозный курс.

Три месяца назад Бенсон был арестован за нанесение телесных повреждений. Жертвой была двадцатичетырехлетняя танцовщица, выступавшая в ночных клубах, которая затем отказалась от обвинения. Известную роль тут сыграло вмешательство клиники.

Месяц назад был завершен курс лечения противосудорожными препаратами. Улучшения в состоянии больного не произошло, что делает его пациентом второй степени: психомоторный эпилептик, не поддающийся медикаментозной терапии. И тогда решили прибегнуть к операции, которую мы будем обсуждать сегодня.

Дженет помолчала.

— Прежде чем пригласить больного, — сказала она затем, — я должна добавить следующее: вчера он избил заправщика на бензоколонке. Операция назначена на завтра, и нам удалось уговорить полицию разрешить госпитализацию больного. Но формально Бенсон находится под арестом по обвинению в нанесении телесных повреждений.

Воцарилось молчание. Дженет подождала несколько секунд и вышла, чтобы привезти Бенсона.

Бенсон сидел в кресле-каталке напротив дверей аудитории. На нем был белый в синюю полоску казенный халат. Увидев Дженет, Бенсон улыбнулся.

— Здравствуйте, доктор Росс.

— Здравствуйте, Гарри! — она улыбнулась в ответ. — Как вы себя чувствуете?

Это была простая вежливость — ее опытный взгляд сразу определил, как он себя чувствует. Бенсон, несомненно, испытывал нервный страх: на его верхней губе блестели капельки пота, он горбился, лежащие на коленях руки были сжаты в кулаки.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответил он. — Прекрасно.

Позади Бенсона стояли Моррис, кативший кресло, и полицейский. Дженет спросила у Морриса:

— И он пойдет с нами?

Бенсон, опередив Морриса, ответил веселым тоном:

— Куда я, туда и он.

Полицейский смущенно кивнул.

— Ну что ж, — сказала Дженет.

Она открыла двери, и Моррис вкатил Бенсона в амфитеатр. Эллис подошел к Бенсону и пожал ему руку.

— Рад вас видеть, мистер Бенсон.

— А, доктор Эллис.

Моррис повернул кресло, и Бенсон оказался лицом к сидевшим в амфитеатре врачам. Дженет примостилась сбоку и посмотрела на полицейского, который стоял у дверей, стараясь выглядеть как можно незаметнее. Эллис стоял рядом с Бенсоном, устремившим взгляд на стену из матового стекла, к которой было прикреплено несколько рентгеновских снимков. Он, несомненно, догадался, что это снимки его собственного черепа. Эллис увидел, на что он смотрит, и выключил подсветку. Рентгеновские снимки стали черными.

— Мы попросили вас прийти сюда, — начал Эллис, — для того, чтобы вы ответили на вопросы, которые хотели бы задать вам некоторые из присутствующих. — Он указал на сидящих в амфитеатре врачей: — Вы ведь их не боитесь?

Последний вопрос Эллис задал почти шутливо, Дженет нахмурилась. Ей приходилось присутствовать на десятках больших конференций, и каждый раз больных обязательно спрашивали, не боятся ли они врачей, глядящих на них со всех сторон. В ответ на этот прямой вопрос больные обычно отрицали свой страх.

— Ну, конечно, боюсь, — сказал Бенсон. — Да и кто бы не испугался.

Дженет подавила улыбку. «Молодец», — подумала она.

— Вот будь вы электронной вычислительной машиной, — продолжал Бенсон, — а я поставил бы вас перед комиссией специалистов, которые решали бы, где у вас поломка и как ее исправить, вы бы не струсили?

Эллис явно растерялся. Он повел рукой по редким волосам и вопросительно посмотрел на Дженет, и она чуть заметно качнула головой: «Нет». Тут было не место исследовать психопатологию Бенсона.

— Мне бы тоже было страшно, — сказал Эллис.

— Ну вот, видите.

Эллис сглотнул.

«Это он нарочно, — подумала Дженет. — Не поддавайтесь, Эллис».

— Но ведь я не машина, не так ли? — ответил Эллис.

Дженет поежилась.

— Ну, это еще вопрос, — сказал Бенсон. — Некоторые из ваших функций носят автоматический характер. С этой точки зрения они довольно просты и поддаются программированию, если вы...

— Мне кажется, — перебила Дженет, вставая, — что присутствующие могут приступить к вопросам.

Эллис как будто не согласился с ней, но ничего не сказал, и Бенсон, к счастью, тоже промолчал. Она обвела взглядом амфитеатр. В верхнем ряду поднялась рука и последовал вопрос:

— Мистер Бенсон, не могли бы вы подробнее описать запахи, которые ощущаете перед «затемнениями»?

— Пожалуй, нет, — ответил Бенсон. — Могу только сказать, что это незнакомые запахи. Они отвратительны, ни на что не похожи, понимаете? То есть опре-

делить, что это за запах, невозможно. Блоки памяти ничего не выдают.

— Ну хотя бы приблизительно?

Бенсон пожал плечами.

— Ну... свиной навоз в скипидаре.

Поднялась другая рука.

— Мистер Бенсон, ваши «затемнения» стали более частыми. Стали ли они более продолжительными?

— Да. Теперь они длятся по нескольку часов.

— Что вы чувствуете, когда приходите в себя?

— Мне тошно.

— А поточнее?

— Иногда меня рвет. Это достаточно точно?

Дженет нахмурилась. Бенсон явно начал сердиться.

— Есть еще вопросы? — спросила Дженет, надеясь, что их не будет. Она обвела взглядом амфитеатр. Воцарилась долгая тишина.

— Ну, раз так, — сказал Эллис, — то перейдем к обсуждению деталей процедуры третьей степени. Мистер Бенсон со всем этим уже знаком, а потому может уйти или остаться, как ему больше захочется.

Дженет это не понравилось. Эллис явно поддался подсознательному стремлению каждого хирурга показать, что его пациент охотно позволяет резать себя и калечить. Было нечестно просить... нет, подзадоривать Бенсона, чтобы он остался.

— Я останусь, — сказал Бенсон.

— Отлично, — сказал Эллис.

Он подошел к доске и нарисовал схему человеческого мозга.

— Ну, — сказал он, — мы считаем, что при эпилепсии повреждается какой-то участок мозга и там образуется рубец, обладающий всеми свойствами обычного рубца в любой другой части тела — разрастание соединительной ткани, всяческие сдавления и смеще-

ния. Этот рубец становится очагом патологических электрических разрядов. Мы можем наблюдать, как от этого фокуса расходятся волны возбуждения, подобно кругам, бегущим по воде от того места, куда брошен камень.

Эллис обозначил точку в мозгу и начертил пунктиром концентрические круги.

— Эта электрическая «рябь» вызывает судороги. Разряд в одних участках мозга вызывает конвульсии, пену изо рта и прочее. Если фокус возбуждения находится в височной доле, как у мистера Бенсона, то возникают судороги сознания, а не тела, выражающиеся в странных мыслях и нередко в агрессивном поведении, чему предшествует характерная аура, часто в форме ощущения запахов.

Бенсон смотрел на доску, слушал, кивал.

— Как нам теперь известно, благодаря работам многих исследователей, — продолжал Эллис, — припадок можно предотвратить искусственным путем, стимулируя электрическим током соответствующий участок мозга. Припадок возникает не сразу, а начинается постепенно. Этот период длится несколько секунд, а то и полминуты. Электрический стимул в этот момент предотвращает припадок.

Эллис перечеркнул концентрические круги крест-накрест, а затем быстро начертил новую схему мозга, вокруг нее нарисовал голову и снизу пририсовал шею.

— Перед нами стоят две проблемы, — продолжал он. — Во-первых: какой именно участок мозга надо стимулировать? Мы примерно знаем, что нужный нам центр расположен в миндалине, в задней части так называемой лимбической системы. Точное местоположение центра нам не известно, но мы можем решить эту задачу, вживив некоторое количество электродов

в мозг больного. Завтра утром в мозг мистера Бенсона будет вживлено сорок электродов.

Эллис провел две прямые линии в мозг.

— Но тут мы сталкиваемся со второй проблемой: как определить начало припадка? Нам необходимо знать, когда именно давать прерывающий шок. К счастью, те же электроды, которые используются для шока, могут быть использованы и для оценки электрической активности мозга, а припадку неизменно предшествует характерная электрическая активность.

Эллис сделал паузу, посмотрел на Бенсона, потом перевел взгляд на аудиторию.

— Итак, мы располагаем системой обратной связи: одни и те же электроды используются для определения момента припадка и для подачи обрывающего стимула. Механизм обратной связи контролируется компьютером.

Эллис начертил квадрат на схематической шее.

— НПИО разработал компьютер, который будет следить за электрической активностью мозга больного и при фиксации начинающегося припадка посылать электрический стимул в нужный участок мозга. Этот компьютер не больше почтовой марки и весит одну десятую унции. Он будет вживлен под кожу шеи.

Ниже шеи Эллис нарисовал овал и соединил его несколькими линиями с квадратиком компьютера.

— Питание компьютер получит от плутониевой батарейки Хэндлера, которая будет вживлена под кожу плеча. Таким образом, больной не будет зависеть ни от кого и ни от чего. Батарейка гарантирует непрерывную подачу энергии в течение двадцати лет.

— Получается полная петля обратной связи, — продолжал Эллис, постукивая мелом по отдельным частям рисунка. — Мозг, от мозга к электродам, потом к компьютеру, к батарее и обратно к мозгу.

Замкнутая петля, действующая без каких-либо внешних компонентов.

Эллис повернулся к Бенсону, который слушал его с полным безразличием.

— Не хотите ли что-нибудь сказать, мистер Бенсон?

Дженет внутренне застонала. Эллис явно перегибал палку. Это было уже слишком — даже для хирурга.

— Нет, — сказал Бенсон. — Мне нечего сказать.

И зевнул.

Когда Бенсона увезли из аудитории, Дженет вышла вслед за ним. Это было не обязательно, но демонстрация могла на него плохо подействовать, а кроме того, она чувствовала себя немного виноватой из-за Эллиса.

— Ну, как вы? — спросила она.

— Я думал, это будет интересно, — заметил Бенсон.

— В каком смысле?

— Ну, вопрос рассматривался с чисто медицинской точки зрения, а я ожидал более философского подхода.

— Мы ведь практики, — сказала Дженет с улыбкой, — и подходим к этой проблеме чисто практически.

Бенсон тоже улыбнулся:

— Как Ньютон. Что может быть практичнее решения вопроса, почему яблоко падает на землю?

— Вы действительно считаете это философской проблемой?

Бенсон кивнул.

— Да. Как и вы, — сказал он серьезно. — Ведь в глубине души вы именно так и думаете.

Дженет остановилась, но не уходила, продолжая смотреть на Бенсона в кресле, Морриса и полицейс-

кого, которые ждали лифта. Моррис то и дело нажимал кнопку вызова с обычной своей нетерпеливой напористостью. Когда Бенсона вкатывали в лифт, он помахал Дженет, и дверцы закрылись.

Она вернулась в аудиторию.

— ...совершенствуется уже десять лет, — говорил Эллис. — Разработка началась для водителей ритма сердца, где смена батареек почти ежегодно требует несложной операции. Это, конечно, обременительно и для хирурга и для больного. Атомная батарейка абсолютно надежна и имеет длительный срок действия. Если Бенсон будет жив, менять батарейку нам придется не раньше тысячи девятьсот девяностого года.

Дженет Росс тихонько прошла к своему месту в тот момент, когда был задан следующий вопрос.

— А как вы определите, какой из сорока электродов должен предотвращать припадок?

— Мы вживим все сорок электродов, — ответил Эллис, — и присоединим их к компьютеру. Но в течение суток мы не будем подключать их. Через день после операции мы с помощью радио простимулируем все электроды и таким образом установим, какие из них дают максимальный эффект. Затем эти электроды мы подключим к компьютеру с помощью дистанционного управления.

В верхнем ряду амфитеатра раздался сухой кашель и знакомый голос произнес:

— Конечно, эти технические подробности очень интересны, но, мне кажется, они уведут нас в сторону от главного.

Дженет посмотрела вверх и отыскивала взглядом Мэнона. Именитому психиатру шел семьдесят пятый год,

и он теперь редко бывал в клинике. Его уже давно считали старым, отошедшим от дел чудаком, который полностью утратил связь с современной наукой.

— Мне кажется, — продолжал Мэнон, — что больной страдает психозом.

— Ну, это преувеличено, — заметил Эллис.

— Возможно, — продолжал Мэнон. — Но, во всяком случае, у него наблюдаются глубокие личностные нарушения. Эти путанные сопоставления людей и машин кажутся мне достаточно тревожным признаком.

— Его болезнь подразумевает личностные нарушения, — сказал Эллис. — В недавно опубликованном исследовании Харли и его сотрудники указали, что пятьдесят процентов всех случаев височной эпилепсии сопровождаются личностными нарушениями, которые не связаны с судорожной активностью как таковой.

— Совершенно верно, — ответил Мэнон с легким раздражением в голосе. — Совершенно верно. Это часть болезни, не связанная с судорожной активностью. Но скажите, ваша операция излечит эту часть?

Дженет Росс довольно улыбнулась: Мэнон пришел к тому же выводу, что и она.

— Нет, — сказал Эллис. — Вполне возможно, что и нет.

— Другими словами, операция прекратит припадки, но не снимет бреда?

— Вполне возможно.

— Я позволю себе сказать по этому поводу несколько слов, — сказал Мэнон, хмуро глядя на Эллиса со своей высоты. — Именно такое направление мыслей у хирургов НПИО и вызывает у меня тревогу. Я не говорю лично о вас. Это общая проблема, стоящая перед всей медициной. Скажем, в отделение скорой помощи поступает больной, который пытался покончить с собой, приняв сильную дозу наркотиков. Что

мы сделаем? Промоем ему желудок, отчитаем хорошенько и отпустим домой. От смерти мы его, безусловно, спасли, но не вылечили. Рано или поздно он снова попадет к нам. Промывание желудка не вылечивает депрессию. Оно помогает только от отравления наркотиками.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но...

— Мне хотелось бы напомнить вам о больном Л. Вы не забыли этот случай?

— По-моему, он не имеет никакого отношения к нашей теме, — сказал Эллис. В его голосе послышалось раздражение.

— Как сказать, — ответил Мэнон. И, заметив, что многие из присутствующих с недоумением обернулись к нему, продолжал: — Случай с больным Л. произошел в нашей клинике несколько лет назад и наделал тогда много шума. Мистеру Л. было тридцать девять лет, и он страдал двусторонним поражением почек в терминальной стадии. Хронический гломерулонефрит. Встал вопрос об операции по пересадке почек. Поскольку наши возможности в этом отношении сильно ограничены, кандидатов на такую операцию отбирает комиссия. Психиатры, члены комиссии, высказались категорически против кандидатуры Л., так как он страдал психозом. Он был убежден, что солнце властвует над землей, и поэтому отказывался выходить днем на улицу. Мы считали, что пересадка почек в определенном смысле может оказаться напрасной. Но в конце концов его все-таки оперировали. Через полгода Л. покончил с собой. Это, разумеется, трагедия. Но суть вопроса в том, не принесли бы несколько тысяч долларов и многие часы квалифицированного труда специалистов, затраченные на пересадку, больше пользы, если бы оперировали другого больного?

Эллис расхаживал взад и вперед, слегка шаркая искалеченной ногой. Это означало, как хорошо знала

Дженет, что он ощущает себя объектом нападения. Обычно Эллис тщательно скрывал свой недостаток и его хромота была заметна лишь опытному глазу. Но когда он уставал, сердился, нервничал, он вдруг начинал заметно хромать. Как будто он подсознательно искал сочувствия: не трогайте меня, я калека, но, конечно, сам он этого не замечал.

— Я понимаю ваше возражение, — сказал Эллис. — И, если угодно, при такой постановке вопроса оно обоснованно. Но я хотел бы взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. Совершенно верно, Бенсон психически болен и хирургическое вмешательство его, возможно, в этом отношении не излечит. Но что произойдет, если мы откажемся от операции? Выиграет ли от этого больной? Не думаю. Мы знаем, что припадки Бенсона угрожают не только его собственной жизни, но и жизни других. Они уже почти привели его на скамью подсудимых и продолжают учащаться. Операция исключит припадки, и мы думаем, что это принесет больному значительную пользу.

Мэнон пожал плечами. Дженет хорошо знала этот жест — он означал, что профессор оставил надежду переубедить оппонента.

— Есть еще вопросы? — спросил Эллис.

Больше вопросов не было.

З — Он так и остался при своем мнении, — сказал Эллис, вполголоса выругался и вытер лоб. Дженет Росс шла рядом с ним мимо стоянки автомашин к лабораторному корпусу Лэнджера. Близился вечер, и солнечный свет постепенно терял яркость и становился оранжевым.

— Он ведь прав, — сказала она мягко.

Эллис вздохнул:

— Я все забываю, что вы на его стороне.

— Почему бы это? — спросила Дженет и улыбнулась. Как психиатр НПИО, она с самого начала высказывалась против того, чтобы Бенсона оперировали.

— Послушайте, — сказал Эллис. — Мы делаем что можем. Было бы прекрасно полностью вылечить его. Но это не в наших силах. Мы можем только помочь ему. И поможем.

Дженет молчала. Говорить не имело смысла. Она уже много раз высказывала Эллису свое мнение. Операция может не помочь, более того, она может принести Бенсону вред. Она не сомневалась, что Эллис прекрасно это понимает, но упрямо не желает думать о такой возможности. Или ей так только кажется?

Собственно говоря, она относилась к Эллису не хуже, чем к другим хирургам. Но Дженет считала, что в хирургах слишком уж сильна потребность в действиях (недаром они почти всегда мужчины) — в конкретных, физических действиях. В этом смысле Эллис даже был лучше многих из них. До Бенсона он благоразумно отверг двух кандидатов на эту операцию, и она прекрасно понимала, как нелегко ему было поступить так, какое нетерпение его снесало.

— До чего все это противно! — сказал Эллис.

— Что именно?

— Да политика! В этом смысле операции на обезьянах куда приятнее! Никакой политики.

— Но вы же хотите оперировать Бенсона?

— Я готов, — сказал Эллис. — Мы все готовы. Сделать первый большой шаг необходимо, и время для этого настало. — Он посмотрел на нее. — Почему у вас такой вид, словно вы сомневаетесь?

— Потому что я сомневаюсь, — ответила она.

Они подошли к лабораторному корпусу. Эллис пошел на обед с Макферсоном — политический обед,

объяснил он раздраженно, — а Дженет поднялась на четвертый этаж.

За десять лет неуклонного роста нейропсихиатрическое исследовательское отделение постепенно заняло весь четвертый этаж корпуса. Стены на других этажах выкрашены в мертвый, холодно-белый цвет, но помещения НПИО переливались всеми цветами радуги. По идее это должно было успокаивать больных, вселять в них оптимизм, но на Дженет эти яркие стены действовали угнетающе. От них веяло неестественностью и искусственной бодростью, точно в детском саду для умственно отсталых детей.

Дженет вышла из лифта и обвела взглядом приемный покой: одна стена тут была ярко-голубая, другая — красная. Такими стенами, как и почти всем остальным, НПИО было обязано Макферсону. «Странно, — подумала Дженет, — насколько организация всегда отражает личность своего руководителя». Макферсона отличал безграничный оптимизм, и было в нем что-то от веселенькой атмосферы яслей и детских садов.

Но человек, решивший, что Гарри Бенсона следует оперировать, не может не быть большим оптимистом.

В отделении было тихо — рабочий день кончился, и почти все ушли. Она шла по коридору мимо разноцветных дверей с табличками ЭХОЭНЦЕФАЛОГРАФИЯ, КОРТИКАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ЭЭГ, ТЕМЕННАЯ ОБЛАСТЬ и ТЕЛЕКОМП в конце коридора. Работа, которая велась за этими дверями, была такой же сложной, как и названия на табличках. А ведь это только больничное крыло отделения, которое Макферсон называл «прикладным».

Прикладное казалось простым и будничным по сравнению с научным крылом со всеми его химиотродами, компсимами и другой новейшей аппаратурой. Не говоря уже о таких гигантских проектах, как

«Джордж» и «Марта» или «Форма Кью». Научное крыло на десять лет обгоняло прикладное, а оно было самым, самым последним словом.

Год назад Макферсон попросил Дженет показать НПИО группе журналистов, которые вели в своих газетах научные отделы. Он поручает это ей, объяснил он, потому что у нее «хороший экстерьер». Это прозвучало смешно, но она была поражена. Обычно Макферсон был старомодно любезен и отечески ласков.

Однако журналисты, когда начался осмотр, были поражены еще больше. Она собиралась показать им и прикладное и научное крыло, но уже прикладное настолько их ошарашило и привело в такое возбуждение, что ей пришлось закончить экскурсию на этом.

Долго после этого ее не оставляло тревожное чувство. Журналисты отнюдь не были наивными простаками. Они зарабатывали себе на хлеб, знакомясь с новыми достижениями во всех областях науки. И все же они онемели, представив себе возможные последствия исследований, с которыми она их познакомила. Сама она успела утратить эту свежесть взгляда и способность объять картину в целом — она работала в НПИО уже три года и постепенно привыкла к тому, что там делалось. Комбинирование людей и машин, человеческого и электронного мозга больше не казалось ей ни странным, ни зловещим. Это просто был путь, ведущий вперед и позволяющий добиваться результатов.

Тем не менее она была против операции Бенсона. С самого начала она считала, что Бенсон не подходит для подобной операции, и у нее еще оставался шанс доказать это.

В конце коридора Дженет остановилась перед дверью с табличкой «Телекомп», из-за которой доносилось слабое шипение печатного устройства компьютера. Она услышала голоса и открыла дверь.

Телекомп был сердцем нейропсихиатрического исследовательского отделения. Это была большая комната, почти вся занятая электронным оборудованием. Стены и потолки были звуконепроницаемые — напоминание о том времени, когда на выходе компьютера стрекотали телетайпы. Позже телетайпы были заменены бесшумными ЭЛ, электронно-лучевыми трубками — печатным устройством, которое наносило буквы на лист бумаги с помощью специального наконечника. Шипение этого устройства было самым громким звуком в комнате. Макферсон настоял на такой замене, потому что, по его мнению, треск телетайпов раздражал больных.

В комнате сидели Герхард и его ассистент Ричардс — близнецы-колдуны, как их прозвали. Герхарду только-только исполнилось двадцать четыре года, а Ричардс был еще моложе. В отличие от остальных сотрудников НПИО они не имели никакого отношения к медицине. Телекомп был для них своего рода площадкой для игр, оснащенной всяческими сложными игрушками. Они работали очень много, но выбирали для этого самое неожиданное время, нередко начиная вечером и кончая с рассветом. На совещаниях в отделении и на других официальных собраниях они появлялись редко — к большому неудовольствию Макферсона. Но в своей области они были незаменимы.

Герхард, щеголявший в ковбойских сапогах, рабочих брюках и сатиновых рубашках, в тринадцать лет прославился на всю страну, построив на заднем дворе дачи своих родителей в Фениксе шестиметровую ракету, работающую на твердом топливе. Ракета была снабжена довольно оригинальной электронной системой управления, и Герхард был твердо убежден, что сумеет вывести ее на орбиту. Соседи, которые могли любоваться носом ракеты, торчавшим над гаражом,

встревожились и обратились в полицию, которая в конце концов сообщила о ракете в военное ведомство.

Военные специалисты осмотрели ракету и отправили ее в Уайт-Сэндс для запуска. Вторая ступень ракеты включилась, не успев отделиться от первой, и ракета взорвалась на высоте двух миль. Но к этому времени Герхард уже имел четыре патента на ее электронное оборудование, а колледжи и промышленные фирмы наперебой предлагали ему стипендии. Он отказался от всех предложений, поручил своему дяде разместить патентные отчисления повыгоднее и, едва лишь получив право водить машину, обзавелся «мазерати». Герхард начал работать в фирме «Локхид» в Памдейле, штат Калифорния, но через год ушел, потому что отсутствие официального инженерного диплома лишало его возможности получить повышение. Да и его коллеги без особой симпатии относились к семнадцатилетнему выскочке, который разъезжал на роскошной гоночной машине и предпочитал работать по ночам. По их мнению, ему был совершенно чужд «дух товарищества».

Затем Макферсон взял Герхарда в НПИО для разработки электронных устройств, тождественных человеческому мозгу. Макферсон успел уже побеседовать с десятком-другим кандидатов на эту должность, которые «отдавали себе отчет в сложности проблемы» или видели в ней «интересные побочные возможности», но Герхард сказал, что «это будет занятно», и тут же был зачислен в штат НПИО.

Примерно так же сложилась и жизнь Ричардса. Он окончил среднюю школу и полгода проучился в колледже, но тут его призвали в армию. Его должны были отправить во Вьетнам, но он предложил кое-какое усовершенствование в электронных приборах радиоло-

каторных установок. Предложение оказалось дельным, и Ричардс, уехав не дальше Санта-Моники, продолжал военную службу уже в лаборатории. После демобилизации он тоже пришел работать в НПИО.

Близнецы-колдуны, улыбнулась Дженет.

— Привет, Джен, — сказал Герхард.

— Как дела, Джен? — спросил Ричардс.

Оба они не признавали никакой официальности и даже Макферсона называли Рогом, на что никто больше в отделении не решался. И Макферсон с этим мирился.

— Отлично, — сказала Дженет. — Процедура третьей степени рассмотрена на конференции. Сейчас я иду к нему.

— Мы кончаем проверку компьютера, — сообщил Герхард. — Как будто все в порядке, — и он показал на столик, где в окружении электронных приборов стоял микроскоп.

— Где он?

— Под микроскопом.

Дженет подошла ближе. Под микроскопом лежала прозрачная пластиковая коробочка размером с почтовую марку. Внутри коробочки находилась сложная система крохотных компонентов. Наружу было выведено сорок контактов. С помощью микроскопа «близнецы» по очереди проверяли каждый контакт.

— Осталось проверить логические цепи, — сказал Герхард. — И на всякий случай у нас приготовлен резервный блок.

Дженет подошла к полкам с картотекой и стала перебирать карточки анализов.

— У вас остались карточки для психологических тестов? — спросила она.

— Вон там, — ответил Герхард. — Вам какие нужны: пятимерного пространства или N -мерного?

— N-мерного.

Герхард открыл ящик стола и достал оттуда картонный прямоугольник и плоский пластмассовый перфоратор, к которому цепочкой был прикреплен заостренный металлический стержень, похожий на карандаш.

— Это ведь не для вашего «третьей степени»?

— Для него, — ответила Дженет.

— Но вы уже столько раз его проверяли...

— Еще один, последний, для истории болезни.

Герхард отдал ей карточку и перфоратор.

— А ваша «третья степень» знает, что с ним собираются сделать?

— В значительной мере, — ответила Росс.

Герхард покачал головой:

— Он просто сумасшедший.

— Да, — сказала Дженет. — В том-то и беда.

На седьмом этаже она остановилась у столика дежурной сестры и попросила историю болезни Бенсона. Сестра была новая и незнакомая.

— Я очень сожалею, — сказала она, — но мы не выдаем карточки родственникам больных.

— Я доктор Росс.

Сестра смутилась:

— Извините, доктор, я не заметила вашего значка с именем. Ваш больной в семьсот четвертой.

— Какой больной?

— Маленький Джерри Питерс.

Дженет смотрела на сестру, ничего не понимая.

— Вы же педиатр?

— Нет. Я — психиатр из НПИО. — Дженет поймала себя на том, что говорит с излишней резкостью, и поморщилась. Но слишком уж часто ей приходилось

слышать в детстве и юности: «Ну, конечно, ты хочешь быть сестрой, а не доктором» или «Женщине лучше заниматься педиатрией. Это как-то естественней».

— А! — сказала сестра. — Значит, вам нужен мистер Бенсон из семьсот десятой палаты. Его уже приготовили.

— Благодарю вас, — сказала Дженет, взяла историю болезни и пошла по коридору к палате Бенсона. Она постучала и услышала выстрелы. Приоткрыв дверь, она увидела, что в палате зажжена только лампочка на тумбочке, но полумрак был голубоватым: ярко светился экран телевизора.

Человек на экране говорил: «...умер, прежде чем его тело коснулось земли. Две пули в самое сердце».

— Добрый вечер, — сказала Дженет негромко и открыла дверь пошире.

Бенсон обернулся. Увидев врача, он улыбнулся и, нажав кнопку рядом с постелью, выключил телевизор. Голова у него была замотана полотенцем.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Дженет, входя в палату и садясь в кресло рядом с кроватью.

— Голым, — сказал Бенсон и потрогал полотенце. — Как-то странно. Просто не представляешь, сколько у тебя волос, пока их не сбредут. — Он снова потрогал полотенце. — А женщинам какво! — добавил он, взглянув на нее, и тут же смущенно отвел глаза.

— Это никому не приятно, — сказала Дженет.

— Да, конечно. — Бенсон откинулся на подушку. — После я заглянул в мусорный бачок и был ошарашен. Столько волос! А голова у меня замерзла. Очень странное ощущение. Они обвязали ее полотенцем. Я сказал, что хотел бы посмотреть на свою голову — надо же знать, как я выгляжу лысым, но они сказали, что лучше не надо. Я подождал, а когда они

ушли, встал с постели и пошел в ванную. Подошел к зеркалу...

— Ну и?..

— Я так и не снял полотенца. — Бенсон засмеялся. — Просто не смог. Что бы это могло означать, как по-вашему?

— Не знаю. А вы как думаете?

Он снова засмеялся.

— Почему психиатры никогда не отвечают на вопросы прямо? — Он закурил сигарету и вызывающе посмотрел на Дженет. — Они сказали, что мне не следует курить, а я курю.

— Вряд ли это важно, — сказала Дженет, внимательно изучая его лицо. Бенсон был как будто в хорошем настроении, и ей не хотелось портить этого настроения. Но, с другой стороны, такая веселость казалась не вполне естественной накануне операции мозга.

— Эллис ушел совсем недавно, — сказал Бенсон, выпуская дым. — Он нарисовал на мне какие-то знаки. Видите? — Бенсон слегка отогнул полотенце с правой стороны, обнажив бледную кожу. За ухом виднелись два синих крестика.

— Ну, как я выгляжу? — спросил он, широко улыбаясь.

— Прекрасно. А как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Вас ничего не тревожит?

— Нет. То есть какой в этом смысл? От меня ведь ничего не зависит. В ближайшие несколько часов я в ваших руках. И Эллиса тоже...

— Обычно люди все-таки тревожатся перед операцией.

— Ну вот, опять заговорил рассудительный психиатр! — Бенсон улыбнулся, затем нахмурился и прикусил губу. — Конечно, тревожусь.

— Из-за чего?

— Из-за всего. — Он нервно затаился. — Как я буду спать? Как я буду чувствовать себя завтра? Каким я буду после операции? Что, если кто-нибудь ошибется? Что, если я стану полным идиотом? Что, если боль будет невыносимой? Что, если я...

— Умрете?

— Да. И это тоже.

— В сущности, это простая операция. Не сложнее удаления аппендикса.

— Наверное, то же самое вы говорите всем своим больным, которым предстоит операция головы.

— Нет, правда. Это короткая, несложная операция. Она займет часа полтора, не больше.

Бенсон неопределенно кивнул. Дженет не могла решить, успокоила она его или нет.

— Знаете, — сказал Бенсон, — мне кажется, что ее вообще не будет. У меня такое чувство, что завтра утром в последнюю минуту мне скажут: «Вы здоровы, Бенсон. Можете идти домой».

— Мы надеемся, что операция вас полностью излечит. — Дженет внутренне поморщилась, но прозвучала эта фраза как будто убедительно.

— Вы так чертовски рассудительны. Иногда это невыносимо.

— Например, сейчас?

Бенсон снова потрогал полотенце.

— Я о том, что они собираются просверлить дырки в моей голове и воткнуть провода в...

— Вы ведь давно об этом знали.

— Да, конечно, конечно. Вы правы. Но ведь это ночь перед...

— Вы сердитесь?

— Нет. Я боюсь.

— И очень хорошо. Так и должно быть. Только не надо, чтобы страх вызывал в вас злобу.

Бенсон раздавил сигарету в пепельнице и тут же закурил другую. Меняя тему, он указал на перфоратор, который Дженет держала под мышкой.

— Что это?

— Еще один психологический тест. Давайте пройдем его.

— Сейчас?

— Да. Так полагается.

Бенсон безразлично пожал плечами. Он уже несколько раз проделывал этот тест. Он взял перфоратор, положил на него картонную карточку и начал отвечать на вопросы, читая их вслух:

— «Кем вы бы хотели быть: слоном или павианом?». Павианом. Слоны живут слишком долго.

Металлическим стержнем он пробивал на карте выбранный ответ.

— «Если бы вы были цветом, каким бы цветом вы хотели быть: зеленым или желтым?». Желтым. Я сейчас совершенно пожелтел от страха. — Бенсон засмеялся и пробил ответ.

Дженет молча ждала, пока он не ответил на все тридцать вопросов. Наконец Бенсон вернул ей перфоратор.

Настроение у него опять изменилось.

— Вы будете там? Завтра?

— Да.

— Я буду настолько в сознании, что узнаю вас?

— Вероятно.

— А когда я полностью приду в себя?

— Завтра днем или к вечеру.

— Так скоро?

— Это же действительно несложная операция, — повторила Дженет.

Бенсон кивнул. Она спросила, не нужно ли ему что-нибудь, и он попросил лимонада. Она ответила, что последние двенадцать часов перед операцией ему нельзя пить и есть. Ему сделают уколы, чтобы он лучше спал, и еще несколько уколов утром, перед операцией. И она пожелала ему спокойного сна.

Выходя из палаты, Дженет вновь услышала легкое гудение телевизора и металлический голос: «Послушайте, лейтенант, мне надо найти убийцу в городе с трехмиллионным населением...».

Она закрыла дверь.

Перед тем как уйти с этажа, Дженет сделала запись в истории болезни и обвела ее красным карандашом, чтобы обратить на нее внимание дежурных сестер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПСИХИАТРА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ

Больной Бенсон, тридцати четырех лет, два года страдает психомоторными эпилептическими припадками предположительно травматической этиологии, возникшими после автомобильной катастрофы. Больной уже пытался убить двух человек и несколько раз затем затевал драки. Любое его заявление о том, что «ему нехорошо» или «он чувствует скверный запах», может означать начало припадка. Немедленно сообщите об этом в НПИО и отдел охраны клиники.

Больной также страдает личностными нарушениями, входящими в клиническую картину его заболевания. Он уверен, что машины готовят заговор, чтобы завладеть миром. Он в этом твердо уверен, и всякие попытки разубедить его могут только пробудить в нем подозрительность и враждебность.

Необходимо также помнить, что больной — очень умный и проницательный человек. Он может быть чрезмерно требовательным, в этих случаях держаться с ним надо твердо, но соблюдая должное уважение.

Его интеллект и внешне нормальное поведение могут заставить забыть, что его психика изменена. Больной страдает органическим заболеванием, которое воздействует на его

психику. Под внешней уверенностью он прячет страх и тревожное отношение к тому, что с ним происходит.

Дженет Росс, психиатр НПИО.

4 — Я не понимаю, — сказал пресс-агент.
Эллис вздохнул. Макферсон терпеливо улыбнулся:

— Это органическая причина агрессивного поведения, — сказал он. — Вот какой линии следует придерживаться.

Они сидели вдвоем в ресторане «Четыре короля» неподалеку от клиники. Макферсон решил поужинать пораньше и пригласил Эллиса в такой форме, что отказаться было нельзя. Во всяком случае, так все это представлялось Эллису.

Он поманил официанта и попросил еще кофе и только потом сообразил, что кофе может помешать ему заснуть. Но это было неважно: все равно ему не удалось бы заснуть. Какой уж тут сон, если утром предстояло испытать процедуру третьей степени на человеке!

Эллис знал, что будет долго ворочаться с боку на бок в постели, мысленно проделывая всю операцию от начала до конца. Вновь и вновь он перебирал в памяти мельчайшие детали, которые все знал назубок. Он ведь прооперировал так не один десяток обезьян — сто пятьдесят четыре, если быть точным. А оперировать их было нелегко. Они разрывали швы, пытались выдернуть провода, пронзительно кричали, вырывались и кусались...

— Коньяку? — спросил Макферсон.

— Пожалуйста, — сказал пресс-агент.

Макферсон воспросительно посмотрел на Эллиса. Эллис покачал головой, подлил сливок в кофе и от-

кинулся на спинку стула, силясь подавить зевоту. Пресс-агент чем-то смахивал на обезьяну. На молодого макака-резуса: такой же тупой подбородок и ясные бойкие глазки.

Пресс-агента звали Ральфом. Фамилии его Эллис не знал. Пресс-агенты предпочитают не называть своих фамилий. Конечно, официально в клинике его пресс-агентом не называли. Он именовался «ответственным за информацию», а может быть, «представителем клиники по связи с печатью» или как-нибудь еще.

Нет, он все-таки очень похож на обезьяну! Эллис заставил себя отвести взгляд от того места за ухом, куда обычно вживлялись электроды.

— О причинах агрессивности нам известно, но довольно мало, — говорил Макферсон. — Хотя социологи создали множество дурацких теорий, пропаганда которых оплачивается деньгами налогоплательщиков, однако мы знаем, что, во всяком случае, одно заболевание — психомоторная эпилепсия — может привести к агрессивности.

— Психомоторная эпилепсия, — повторил Ральф.

— Вот именно. Причем психомоторная эпилепсия встречается не реже любых других форм эпилепсии. Она была у многих знаменитых людей, например у Достоевского. Мы в НПИО считаем, что она, возможно, широко распространена среди тех, кто постоянно ищет агрессивных действий — среди полицейских, гангстеров, «черных ангелов». Объяснения принято искать в отрицательных свойствах характера. Мы привыкли думать, что есть скверные люди, и считаем, что это нормально. Никому и в голову не приходит, что эти люди могут быть физически больными. Но, может быть, дело обстоит именно так.

— Понимаю, — сказал Ральф. И он как будто и правда что-то понял. «Макферсону надо преподавать

в школе», — подумал Эллис. Учить — это его призвание. Во всяком случае он никогда не блистал как исследователь.

— Таким образом, — продолжал Макферсон, проводя ладонью по седым волосам, — мы точно не знаем, насколько распространена психомоторная эпилепсия. Но, по нашей оценке, ею, возможно, страдают от двух до четырех миллионов американцев, то есть около двух процентов всего населения страны.

— Ого! — сказал Ральф.

Эллис пил кофе маленькими глотками. «Ого! — подумал он. — И нарочно не придумаешь. Ого!».

— По какой-то причине, — продолжал Макферсон, кивая официанту, который принес коньяк, — во время приступа больные психомоторной эпилепсией предрасположены к агрессивному поведению. Почему это так, мы не знаем, но это так. Этой болезни также сопутствуют повышенная сексуальность и патологическое опьянение.

Ральф заметно оживился.

— У нас была больная, которая во время припадка вступила за ночь в интимные отношения с двенадцатью мужчинами и все-таки осталась неудовлетворенной.

Ральф залпом выпил свой коньяк. Эллис заметил, что у него был широкий галстук с модным пестрым узором. Сорокалетний пресс-агент, которого тянет глотать коньяк при одной только мысли о подобной женщине!

— Патологическое опьянение подразумевает неоправданную агрессивность, вызванную ничтожным количеством алкоголя. Припадок могут вызвать один-два глотка.

Эллис подумал о Бенсоне, толстеньком, маленьком, застенчивом специалисте по вычислительным машинам, который напивался и избивал людей: мужчин,

женщин, всех, кто попадался ему под руку. Сама мысль о том, что его можно излечить с помощью проволочек, загнанных в мозг, казалась нелепой.

По-видимому, Ральф подумал то же самое.

— И эта операция излечит агрессивность? — спросил он.

— Да, — сказал Макферсон, — мы убеждены в этом. Но до сих пор на человеке таких операций еще не делали. Впервые она будет произведена завтра утром в нашей клинике.

— Понимаю, — сказал Ральф, как будто только сейчас понял, почему он сидит тут с ними.

— Это очень щекотливая тема для освещения в прессе, — сказал Макферсон.

— Да, конечно...

Наступила пауза, а затем Ральф спросил:

— Кто будет оперировать?

— Я, — сказал Эллис.

— Ну, что же, — сказал Ральф. — Надо будет проверить архив: мне нужен какой-нибудь недавний ваш снимок и биографические данные для газет. — Наморщив лоб, он обдумывал предстоящую работу.

Эллис был удивлен. Неужели он сейчас думает только об этом? О том, что ему может понадобиться фотография, снятая недавно? Но Макферсон принял это как должное.

— Мы снабдим вас всем, что вам потребуется, — сказал он, и они распрощались.

5 Роберт Моррис сидел в кафетерии клиники, доедая черствый яблочный пирог, когда запищал вызывник у него на поясе. Моррис выключил его и вернулся к пирогу. Через секунду писк раздался снова. Моррис выругался, положил вилку и пошел к телефону отвечать на вызов.

Было время, когда эта серенькая коробочка у него на поясе очень ему нравилась. Как приятно было, завтракая или обедая с какой-нибудь девушкой, вдруг услышать ее писк. Этот звук означал, что он очень занятый человек, на котором лежит колоссальная ответственность. Услышав писк, он обрывал разговор на полуслове, извинялся и шел отвечать на вызов, всем своим видом показывая, что долг для него важнее удовольствия. Девушки млели. Но через несколько лет серая коробочка уже представлялась ему бесчеловечной и неумолимой. Она постоянно напоминала ему, что он не принадлежит себе. В любой момент его мог кто-то вызвать и по самым нелепым поводам: дежурная сестра в два часа ночи желала уточнить назначение, нервный родственник считал, что его тетю после операции окружают недостаточным вниманием, секретарша напоминала, что ему надо быть на конференции, хотя он уже сидел на этой чертовой конференции.

Теперь самые приятные минуты его жизни наступали, когда он приходил домой и на несколько часов снимал с себя серую коробку. Он обретал тогда свободу и недосыгаемость. И это ему очень нравилось.

Набирая номер, Моррис тоскливо смотрел через столы на свой недоеденный пирог.

— Доктор Моррис.

— Доктор Моррис, двадцать четыре — семьдесят один.

— Благодарю. — Это был номер дежурной сестры седьмого этажа. Странно, что он помнит все номера. Телефонная сеть клиники была куда сложнее анатомии человеческого тела. Но с годами это пришло само собой. Моррис позвонил на седьмой этаж.

— Говорит доктор Моррис.

— А, да! — ответил женский голос. — У меня здесь сидит женщина, которая принесла передачу для боль-

ного Гарольда Бенсона. Она говорит, что это личные вещи больного. Их можно ему отдать?

— Я сейчас поднимусь к вам, — сказал Моррис.

— Спасибо, доктор.

Моррис вернулся к своему столику, взял поднос и направился с ним к окошку посудомойной. Снова раздался писк, и он опять пошел к телефону.

— Доктор Моррис слушает.

— Доктор Моррис, тринадцать — пятьдесят семь.

Это был номер отделения обмена веществ. Моррис набрал его.

— Доктор Моррис.

— Говорит доктор Хэнли, — ответил незнакомый мужской голос. — Вы не могли бы взглянуть на больную, у которой мы подозреваем стероидный психоз? У нее гемолитическая анемия, и мы собираемся удалить ей селезенку.

— Сегодня я посмотреть ее не могу, — сказал Моррис, — и завтра я тоже буду занят. — «Мягко сказано!» — добавил он про себя. — А вы обращались к Питерсу?

— Нет...

— У Питерса большой опыт в этой области. Свяжитесь с ним.

— Спасибо.

Моррис повесил трубку. Он вошел в лифт и нажал кнопку седьмого этажа. В третий раз раздался писк. Моррис посмотрел на часы. Было половина седьмого; и его рабочее время кончилось. Но он все-таки ответил на вызов. Он услышал голос педиатра Келсо.

— Хотите поразмяться?

— Ладно. А когда?

— Скажем, через полчаса.

— Если у вас есть мячи.

— В машине есть.

— Встретимся на корте, — сказал Моррис и добавил: — Возможно, я чуть-чуть задержусь.

— Только не надолго, — сказал Келсо. — А то скоро стемнеет.

Моррис обещал поторопиться и повесил трубку.

На седьмом этаже царил тишина. Другие этажи клиники в эти часы заполняли родственники и знакомые, но на седьмом этаже всегда было тихо и на входившего словно веяло глубоким покоем, о чем очень старались дежурные сестры.

— Вот она, — сказала сестра за столиком и кивнула в сторону сидящей на диване посетительницы, молодой и очень хорошенькой девушки, но как-то профессионально хорошенькой. У нее были длинные и стройные ноги.

— Я доктор Моррис, — представился он, подходя.

— Анджела Блэк. — Девушка встала и вежливо пожала руку Моррису. — Я принесла это для Гарри. — Она подняла с пола небольшую дорожную сумку. — Он меня просил.

— Хорошо, — сказал Моррис, беря у нее сумку. — Я передам.

— А можно ли мне его повидать? — нерешительно спросила девушка.

— Лучше не стоит.

Бенсона уже должны были побрить, а после этого больные, как правило, не хотят никого видеть.

— На несколько минут?

— Ему дали сильнодействующее снотворное, — сказал Моррис.

Девушка как будто огорчилась.

— Вы передадите ему, что я скажу?

— Конечно.

— Ну, так передайте, что я вернулась на свою старую квартиру. Он поймет.

— Хорошо.

— Вы не забудете?

— Нет. Я обязательно ему это передам.

— Спасибо. — Девушка улыбнулась. Улыбка у нее была симпатичная. Ее не портили даже длинные наклеенные ресницы и излишне яркие краски. И зачем только молодые девушки так красятся? — Ну, я, пожалуй, пойду, — она направилась к лифту. Короткая юбочка, длинные, стройные ноги, быстрая решительная походка. Моррис проводил ее взглядом, затем взял сумку. Она показалась ему тяжелой.

— Ну, как дела? — спросил полицейский, сидевший у двери с номером 710.

— Прекрасно, — отозвался Моррис.

Полицейский покосился на сумку, но ничего не сказал.

Бенсон смотрел ковбойский фильм, и Моррис приглушил звук.

— Одна симпатичная девушка просила вам передать вот это.

— Анджела? — Бенсон улыбнулся. — Да, снаружи она выглядит приятно. Не слишком сложный внутренний механизм, но приятный внешний вид. — Он протянул руку, и Моррис передал ему сумку. — Она все принесла?

Моррис следил за тем, как Бенсон открыл сумку и начал вынимать из нее вещи, раскладывая их на кровати. Две пижамы, электробритва, тюбики с кремом для бритья, книга в бумажной обложке. В заключение Бенсон извлек из сумки черный парик.

— А это зачем? — спросил Моррис.

Бенсон пожал плечами.

— Я знал, что рано или поздно он мне понадобится, — сказал он и засмеялся. — Вы же меня выпустите отсюда, не правда ли? Рано или поздно?

Моррис тоже засмеялся. Бенсон убрал парик в сумку и достал пластмассовую коробку. Щелкнул замочек — коробка открылась, и Моррис увидел набор отверток разной величины, каждая лежала в своем отделении.

— А это что такое? — спросил он.

Бенсон замялся, потом сказал:

— Я не знаю, поймете ли вы...

— Ну?

— Я всегда ношу их с собой. Для защиты.

Бенсон спрятал набор отверток обратно в сумку. Осторожно, с каким-то благоговением. Моррис знал, что больные нередко приносят с собой в клинику самые неожиданные вещи, особенно если больны серьезно. Для них это были словно талисманы, которые оберегали от опасности. Чаще всего эти вещи были связаны с каким-нибудь увлечением их владельца. Моррис вспомнил, как один яхтсмен с метастатической опухолью мозга захватил с собой полный набор инструментов для починки парусов, а женщина с тяжелым сердечным заболеванием не пожелала расстаться с коробкой теннисных мячей.

— Я понимаю, — сказал Моррис.

Бенсон улыбнулся.

6 Дженет Росс толкнула дверь с табличкой «Телекомп» и вошла. Внутри было пусто и тихо, только на экранах вспыхивали последовательности случайных чисел. Она налила себе кофе, затем положила в компьютер карточку последнего психологического теста Бенсона.

Этот разработанный НПИО психологический тест входил в систему, которую Макферсон называл «обо-

юдоострым мыслительным процессом». В данном случае он подразумевал, что предположение о сходстве мозга с электронной вычислительной машиной может быть использовано двояким образом, в двух различных направлениях. С одной стороны, можно использовать компьютер для изучения мозга, для анализа его механизмов. С другой стороны, новые сведения об устройстве мозга дадут возможность создавать более совершенные компьютеры. Как любил повторять Макферсон: «Человеческий мозг — такая же модель компьютера, как сам компьютер — модель мозга».

В течение нескольких лет в НПИО специалисты по счетно-вычислительным машинам и нейробиологи работали вместе. В результате этого сотрудничества появились «Форма Кью», программы типа «Джордж» и «Марта», а также новые психологические методики и новый психологический тест. Он был относительно прост и требовал прямых ответов, которые затем проходили сложную математическую обработку. Дженет смотрела на экран, где появлялись ряды чисел.

Дженет не обращала на них внимания — эти вычисления были «черновиком», промежуточными этапами, которые должны были привести к окончательному результату. Росс улыбнулась, представляя себе, как бы Герхард объяснил все это: обращение матриц 30 на 30 в пространстве, получение функций, приведение их к ортогональным и нормировка.

Сама она уже давно убедилась, что компьютером можно пользоваться, не понимая принципов его действия — подобно тому как мы пользуемся автомобилем, пылесосом... или собственным мозгом.

На экране появилось: СЧЕТ ЗАКОНЧЕН. ВКЛЮЧАЙТЕ ДИСПЛЕЙ.

Дженет включила дисплей и получила результаты в объемном изображении. На экране возник горб с крутой вершиной. Некоторое время Дженет задумчиво его рассматривала, потом сняла трубку телефона и вызвала Макферсона.

Макферсон, сдвинув брови, смотрел на экран. Эллис глядел через его плечо.

— Все достаточно ясно? — спросила Дженет.

— Вполне, — сказал Макферсон. — Когда это было сделано?

— Сегодня.

Макферсон вздохнул.

— Не желаете сдаваться без боя?

Вместо ответа Дженет нажала кнопку, и на экране появился еще один горб, значительно ниже первого.

— Вот результаты предыдущей проверки.

— В этой системе крутизна показывает...

— ...психологические отклонения.

— Да, картина заметно более четкая, — сказал Макферсон. — Заметно более четкая, чем даже месяц назад.

— Вот именно, — сказала Дженет.

— Но, может быть, он как-то подтасовывает результаты?

Дженет покачала головой и один за другим включила результаты четырех предыдущих тестов. Тенденция была очевидна: с каждым тестом горб становился выше и круче.

— Ну что ж, — сказал Макферсон, — ему, несомненно, становится хуже. Насколько я понял, вы по-прежнему убеждены, что его не следует оперировать.

— Даже больше, чем прежде. У него бесспорно психоз, и если вы вживите в его голову...

— Я знаю, — быстро проговорил Макферсон. — Я знаю, что вы хотите сказать.

— ...он решит, что его превратили в машину.

Макферсон повернулся к Эллису:

— Как вам кажется, можно опять сбить обострение торазином?

Торазин был сильнодействующим транквилизатором. У некоторых психопатических больных он нормализовал мышление.

— Попробовать стоит.

Макферсон кивнул.

— Я тоже так думаю. А вы, Дженет?

Дженет смотрела на экран и ничего не ответила. Такие тесты всегда вызывали у нее удивление. Эти горбы были абстракцией, математическим выражением эмоционального состояния, а вовсе не конкретными отличительными признаками данного человека, как, например, пальцы на руках или ногах, рост и вес.

— А что вы думаете, Дженет? — повторил Макферсон.

— Я думаю, что вы оба твердо решили оперировать.

— А вы по-прежнему этого не одобряете?

— Я «не одобряю». Я считаю, что Бенсона оперировать неразумно.

— А если дать ему торазин? — не отступал Макферсон.

— Это риск.

— Неоправданный риск?

— Возможно, и оправданный, но все-таки риск.

Макферсон кивнул и повернулся к Эллису.

— Вы все еще хотите его оперировать?

— Да, — негромко, но твердо сказал Эллис, не отводя глаз от экрана. — Я все еще хочу его оперировать.

7 Как и всегда, играя в теннис на корте в клинике, Моррис испытывал странное чувство. Смыкающиеся вокруг высокие корпуса, казалось, укоряли его, словно он был в чем-то виноват перед этим рядом безмолвных окон, перед всеми больными, которые не могли играть в теннис. И удары мяча, вернее их беззвучность. Возле клиники проходила автострада, и незатихающий однообразный шум проносившихся мимо машин полностью заглушал успокаивающее «чоп-чоп» теннисных мячей.

Уже смеркалось, и Моррис не мог следить за мячом, который теперь возникал на его половине поля ниоткуда. Однако Келсо это мешало гораздо меньше. Моррис часто шутил, что Келсо специально ест морковь, но как бы то ни было, играть с Келсо по вечерам было тяжело для самолюбия Морриса. Темнота помогала Келсо, а Моррис не любил проигрывать.

Он давно знал за собой эту черту, и она его не тревожила. Да, он был самолюбив в играх, самолюбив в работе, самолюбив в отношениях с женщинами. Дженет Росс не раз говорила ему об этом, а потом, как это водится у психиатров, переводила разговор на другое. Морриса это не трогало. Да, он самолюбив, и пусть самолюбие подразумевает неуверенность в себе, потребность в самоутверждении, комплекс неполноценности — ему это все равно. Соревнуясь с другими, он получал удовольствие, победа

приносила ему удовлетворение. А до сих пор он чаще выигрывал, чем проигрывал.

И в НПИО он пошел отчасти потому, что работа тут означала решение сложнейших задач и открывала широчайшие возможности. Втайне Моррис твердо рассчитывал стать профессором еще до сорока лет. До сих пор его карьера была быстрой и блестящей — недаром Эллис взял его к себе, — и Моррис не сомневался в своих дальнейших успехах. Совсем неплохо, если твое имя будет связано с одним из поворотных моментов в истории практической хирургии.

В общем настроение у Морриса было отличным, и полчаса он играл с полной отдачей сил, а потом устал. К тому же сумерки сгустились, и он помахал Келсо (бесполезно пытаться перекричать шум авто-страды), что пора кончать. Они встретились у сетки и обменялись рукопожатием. Моррис совсем успокоился, заметив, что Келсо весь в поту.

— Хорошо поиграли, — сказал Келсо. — Завтра в то же время?

— Не знаю, — сказал Моррис.

Келсо сначала не понял, а затем воскликнул:

— Ах, да! У вас ведь завтра большой день!

— Да, — кивнул Моррис. «Черт, неужели и педиатры уже знают?» На мгновение Моррис почувствовал то, что должен был чувствовать сейчас Эллис, — томительное, неясное напряжение, рожденное сознанием, что за операцией следит вся клиника.

— Ну, желаю удачи, — сказал Келсо.

Когда они шли к дверям клиники, Моррис заметил одинокую фигуру Эллиса, который слегка прихрамывая, пересек стоянку, сел в машину и поехал домой.

Среда
10 марта 1971 года

ВЖИВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОДОВ

1 В шесть часов утра на третьем хирургическом этаже Дженет Росс в светло-зеленом халате пила кофе с плюшкой. В ординаторской было много народу. Хотя операция официально начиналась в шесть, большинство задерживалось на пятнадцать-двадцать минут. Хирурги читали газеты, обсуждали биржевые новости, свои достижения в гольфе. Время от времени один из них вставал, шел на галерею и сверху заглядывал в свою операционную, проверяя, как идет подготовка к операции.

Дженет была единственной женщиной в ординаторской, и ее присутствие оказывало скрытое воздействие на чисто мужскую атмосферу, царившую там. Самой ей было неприятно ощущать, что из-за нее остальные говорят тише, держатся вежливее, избегают слишком смелых шуток и не позволяют себе выругаться. Ругательства ее не пугали, но вот чувствовать себя посторонней, даже лишней она не желала. Ей казалось, что она всю жизнь была лишней. Ее отец, хирург, даже не трудился скрывать, как он был разочарован и рассержен, что у него родилась дочь, а не сын. Для сына в его жизни было готовое место: по субботам он брал бы мальчика в больницу, водил бы его по операционным. Что может быть лучше для сына? Но дочь — это нечто совсем иное: существо, которое невозможно сочетать с существованием хирурга. И потому — лишнее...

Дженет обвела взглядом своих соседей и, чтобы как-то скрыть внутреннюю неловкость, подошла к телефону и набрала номер седьмого этажа.

— Говорит доктор Росс. Где сейчас мистер Бенсон?

— Его только что увезли с этажа.

— Когда именно?

— Минут пять назад.

Дженет повесила трубку и возвратилась к своему кофе. В ординаторскую вошел Эллис и помахал ей рукой.

— Операция задерживается на пять минут из-за компьютера, — сказал Эллис. — Они сейчас подсоединяют провода. Больного отправили?

— Пять минут назад.

— Вы видели Морриса?

— Еще нет.

— Пора бы ему пошевелиться.

Моррис спустился в лифте вместе с Бенсоном, который лежал на каталке, сестрой и одним из полицейских. Он сказал, повернувшись к полицейскому:

— Вам нельзя будет выйти с нами.

— Почему?

— Потому, что стерильный этаж.

— Так что же мне делать? — Полицейский был явно запуган. Все утро он держался покладисто и нерешительно. Процедура подготовки к операции ввергла его в состояние беспомощной растерянности.

— Вы можете вести наблюдение с галереи для зрителей на третьем этаже. Скажите дежурной сестре, что я разрешил.

Полицейский кивнул. Лифт остановился на втором этаже. Дверцы раскрылись. По коридору расхаживали люди в светло-зеленых хирургических халатах. Крас-

ная надпись строго предупреждала: СТЕРИЛЬНАЯ ЗОНА. ВХОД БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ СТРОГО ВОСПРЕЩЕН.

Моррис с помощью сестры выкатил Бенсона из лифта. Полицейский нервно следил за ними. Потом он нажал на кнопку третьего этажа, и двери лифта сомкнулись.

Моррис шел рядом с Бенсоном по коридору. Внезапно Бенсон сказал:

— Я же не сплю!

— Конечно.

— Но я не хочу не спать!

Моррис терпеливо кивнул. Полчаса назад Бенсону сделали уколы. Скоро они начнут действовать и он погрузится в дремоту.

— Вы чувствуете сухость во рту?

— Да.

Значит, начал действовать атропин.

— Все будет хорошо, — сказал Моррис.

Моррис ни разу в жизни не оперировался. На его счету были сотни операций, но сам он никогда не перенес ни одной. В последнее время ему иногда хотелось представить себе, каково это — лежать на операционном столе, и, хотя прямо он никогда бы в этом не признался, его томило подозрение, что ответ может быть только один: ужасно.

— Все будет хорошо, — повторил Моррис и похлопал Бенсона по плечу.

Но Бенсон только посмотрел на Морриса и, пока его везли по коридору в операционную № 9, не отводил взгляда от его лица.

Операционная № 9, самая большая операционная в клинике, была вся заставлена электронной аппаратурой. И хотя площадь ее равнялась почти ста метрам,

когда работала операционная бригада — двенадцать человек, — там становилось тесно. Но сейчас только две операционные сестры суетились на небольшом открытом пространстве с серым кафельным полом. Они устанавливали стерильные столы вокруг операционного кресла.

В операционной № 9 не было операционного стола. Его заменяло мягкое кресло с прямой спинкой, похожее на зубо врачебное. Дженет Росс смотрела на сестер через стекло двери, отделявшей операционную от помещения, где мыли руки и надевали стерильную одежду. Эллис закончил стерилизацию рук и теперь вполголоса спрашивал, где запропастился этот сукин сын Моррис. Перед операцией Эллис не скупился на крепкие выражения. Кроме того, он очень нервничал, хотя, по-видимому, думал, что этого никто не замечает. Дженет несколько раз присутствовала при том, как он оперировал животных, и отлично запомнила весь ритуал: внутреннее напряжение и площадная брань перед началом операции и глубочайшее спокойствие до ее конца.

Эллис завернул локтем краны и, пятясь, вошел в операционную так, чтобы не задеть руками за дверь. Сестра подала ему полотенце. Вытирая руки, Эллис посмотрел на Дженет, а затем вверх, на застекленную галерею. Дженет не сомневалась, что на галерее уже собралась толпа желающих посмотреть на операцию.

Пришел Моррис и начал мыть руки.

— Эллис интересовался, куда вы пропали, — сказала Дженет.

— Был гидом при пациенте.

Вошла сестра и спросила:

— Доктор Росс, из радиационной лаборатории принесли батарейку для доктора Эллиса. Она ему нужна?

— Да, если она заряжена.

— Сейчас спрошу, — сказала сестра. Она исчезла, потом снова просунула голову в дверь: — Он говорит, что батарейка заряжена и готова к употреблению, но если ваша аппаратура не экранирована, могут быть неприятности.

Дженет знала, что аппаратура операционной была экранирована еще неделю назад. Радиация от плутониевой батарейки была невелика — она даже не вуалировала рентгеновской пластинки, — но могла сказаться на чувствительности аппаратуры. Для людей, разумеется, опасности не было никакой.

— Тут все заэкранировано, — сказала Дженет. — Попросите его принести батарейку в операционную.

Она повернулась к Моррису.

— Как Бенсон?

— Нервничает.

— Это естественно, — сказала Дженет.

Глаза Морриса под марлевой маской взглянули на нее вопросительно. Она отряхнула с рук капельки воды и спиной попятилась в операционную. Человек из радиационной лаборатории вкатывал туда поднос со свинцовой коробочкой, в которой помещалась батарейка. Надпись на коробочке гласила: ОПАСНО! РАДИАЦИЯ. О том же предупреждал и оранжевый трилистник. Это было даже смешно — ведь батарейка никакой опасности не представляла.

Операционная сестра помогла Эллису надеть халат. Затем он засунул руки в резиновые перчатки.

— Она стерилизована? — спросил он человека, привезшего батарейку.

— Сэр?

— Батарейку стерилизовали?

— Не знаю, сэр.

— Тогда отдайте ее одной из сестер, чтобы она обработала ее в автоклаве. Батарейка должна быть стерильной.

Дженет вытерла руки и поежилась. В операционной было довольно холодно. Подобно большинству хирургов, Эллис предпочитал оперировать в холодном помещении — даже слишком холодном для больного. Но, как часто говорил Эллис, «если мне хорошо, хорошо и моему пациенту».

Эллис отошел к просмотровому прибору, в который сестра, не мывшая рук, закладывала рентгеновские снимки пациента. Эллис внимательно их рассматривал, как будто видел в первый, а не в десятый раз. Это были вполне нормальные снимки черепной коробки. В желудочки был накачан воздух, и рожки вышли темными и четкими.

Один за другим в операционную входили остальные члены операционной бригады. Всего их было двенадцать: четыре операционные сестры, один санитар, Эллис, два ассистирующих хирурга, в том числе Моррис, два техника-электронщика, программист и анестезиолог, который находился рядом с Бенсоном.

Не отрывая глаз от приборной панели, один из техников сказал:

— Можно начинать, доктор.

— Я думаю, подождем больного, — сухо ответил Эллис, и в операционной раздались смешки.

Дженет обвела взглядом семь телевизионных экранов. Они были разной величины и размещались с учетом их важности для хирурга. Самый маленький показывал операцию крупным планом. В настоящий момент на нем мерцало пустое операционное кресло, снимаемое сверху.

Другой телевизор, установленный ближе к хирургу, демонстрировал электроэнцефалограмму (ЭЭГ). Он еще был не подключен, и по экрану бежали шестнад-

цать прямых белых линий. Возле находился большой экран, передающий основные показатели состояния больного во время операции: электрокардиограмму, периферическое артериальное давление, дыхание, сердечный выброс, центральное венозное давление, температуру в прямой кишке. Как и на экране ЭЭГ, сейчас по нему тянулись только прямые линии. На двух других экранах не было никакого изображения. Во время операции они показывали черно-белые рентгенограммы.

Наконец, два цветных экрана демонстрировали выход лимбической программы компьютера. Программа демонстрировалась без уточненных координат. На экране можно было видеть схему мозга в трех измерениях, в то время как координаты, генерируемые компьютером, мелькали внизу. Как всегда, Дженет почувствовала, что, кроме людей, в операционной находится еще кто-то. Она знала, что в течение операции это ощущение будет усугубляться.

Эллис кончил просматривать рентгеновские снимки и кинул взгляд вверх на стенные часы. Было уже девятнадцать минут седьмого, а анестезиолог все еще возился с Бенсоном в предоперационной. Эллис прошелся по комнате, обмениваясь двумя-тремя словами с каждым из присутствующих. Против обыкновения он держался очень дружески, и Дженет это удивило. Она взглянула на галерею для зрителей, увидела за ее стеклом директора клиники, а также заведующих отделениями и перестала недоумевать.

В 6.21 Бенсона ввезли в операционную. Предварительные уколы уже оказали свое действие — он весь обмяк, веки у него слипались. Его голова была обернута зеленым полотенцем.

Под руководством Эллиса его сняли с каталки и усадили в кресло. Когда Бенсону на руки и на ноги

накинули кожаные ремни, он как будто очнулся и широко открыл глаза.

— Это для того, чтобы вы случайно не упали с кресла, — невозмутимо сказал Эллис. — Мы не хотим, чтобы вы ушиблись.

— А-а, — пробормотал Бенсон и снова закрыл глаза.

Эллис кивнул сестрам, и они сняли стерильное полотенце с головы Бенсона. Обритая голова, как всегда, показалась Дженет очень маленькой и очень белой. Кожа была гладкой, только на левом виске виднелась легкая царапина, оставленная бритвой. На правой стороне синели метки, которые накануне поставил Эллис.

Бенсон откинулся на спинку кресла. Глаз он больше не открывал. Один из техников стал прикреплять датчики к его телу, смазывая нужные места электролитной пастой. Он быстро завершил свою работу, и теперь от Бенсона к аппаратуре протянулось множество разноцветных проводов.

Эллис взглянул на телевизионные экраны. Шестнадцать зубчатых линий змеились на экране ЭЭГ, удары сердца фиксировались, плавно поднималась и опускалась кривая дыхания, температура замерла на одном уровне. Техники вводили в компьютер предоперационные параметры. Контрольные величины были введены раньше. Во время операции компьютер будет через каждые пять секунд проверять показатели состояния больного и давать сигнал о любом отклонении от нормы.

— Пожалуйста, включите музыку, — сказал Эллис, и одна из операционных сестер вставила кассету в портативный магнитофон, стоявший в углу операционной. Негромко зазвучал концерт Баха. Эллис всегда оперировал под Баха. По его словам, он надеялся приобщиться если не к гениальности Баха, то хотя бы к его точности.

Скоро должна была начаться операция. Стенные часы показывали 6.29.14. Часы операционного времени по-прежнему бездействовали: 0.00.00.

С помощью сестры Дженет надела стерильный халат и перчатки. С перчатками у нее всегда случались конфузы. Она не так часто присутствовала на операциях, и когда теперь всунула руки в перчатки, то промахнулась — один палец перчатки оказался пустым, а два ее пальца растянули другой. Понять, как отнеслась к этому сестра, было трудно — только глаза ее блестели под маской. Хорошо хоть, что Эллис и остальные хирурги смотрят на Бенсона, а не на нее.

Дженет отошла в глубину операционной, старательно переступая черные толстые кабели, которые тянулись по полу во всех направлениях. В первой стадии операции она участия не принимала. Ей предстояло ждать, пока не установят стереотаксический аппарат и не определят координаты. У нее было достаточно времени, чтобы разместить пальцы в перчатках как полагается.

Собственно говоря, никакого толку от нее тут не было, но Макферсон настаивал, чтобы на операциях, кроме хирургов, присутствовали и другие члены отделения. Ему казалось, что это должно содействовать сплочению сотрудников. По крайней мере, он так говорил.

Дженет смотрела, как Эллис и его ассистенты подготавливают Бенсона к операции, а затем стала следить за ними на телевизионном экране. Вся операция записывалась на видеоманитофонную ленту для последующего анализа.

— Думаю, можно начинать, — сказал Эллис спокойно. — Иглу!

Анестезиолог за креслом ввел иглу между вторым и третьим поясничным позвонком Бенсона. Тот чуть вздрогнул и глухо охнул. Анестезиолог сказал:

— Прошел твердую мозговую оболочку. Сколько дать?

На приборной доске компьютера вспыхнуло: **ОПЕРАЦИЯ НАЧАЛАСЬ**. Автоматически включились часы операционного времени и начали отсчитывать секунды.

— Тридцать кубиков для начала, — сказал Эллис. — Рентген, пожалуйста.

Рентгеновские аппараты были установлены перед головой Бенсона, а также справа и слева от него. С легким щелчком кассеты вошли в нужные гнезда. Эллис нажал ногой на кнопку, вделанную в пол, и на экране появились два черно-белых изображения черепа. Эллис смотрел на экраны, следя за тем, как воздух медленно наполнял желудочки мозга, оттеняя рожки.

Программист сидел за пультом компьютера, и его пальцы порхали по кнопкам. На экране компьютера появилась надпись: **ПНЕВМОГРАФ ВКЛЮЧЕН**.

— Наденем-ка ему шляпу, — сказал Эллис.

На голову Бенсона надели стереотаксическую раму цилиндрической формы. Отверстия для сверла были установлены по меткам на черепе больного. Еще раз все проверив, Эллис ввел обезболивающее вещество в скальп. Затем он сделал надрез и отогнул в сторону кусочек кожи, обнажив белую поверхность черепа.

— Сверло, пожалуйста.

Двухмиллиметровым сверлом он просверлил первую из двух дырочек справа, потом установил стереотаксическую раму — «шляпу» — на голове больного и плотно прижал ее к черепу.

Дженет посмотрела на экран компьютера. Вспыхнули и тут же погасли показатели ритма сердца и кровяного давления — никаких отклонений от нормы. Скоро компьютеру, так же как и хирургу, предстояло перейти к более сложному этапу операции.

— Проверим положение, — сказал Эллис и, отступив на шаг, окинул критическим взглядом бритую голову Бенсона, которую венчала металлическая рама. К креслу подошел рентгенолог и сделал снимки.

Дженет помнила, что прежде действительно делались рентгеновские снимки и хирург определял положение электрода путем визуального изучения. На это уходило много времени. При помощи циркуля, транспортира и линейки хирург наносил на снимок линии, а потом измерял их, по нескольку раз проверяя свои вычисления. Теперь же данные поступали прямо в компьютер, который производил необходимый анализ значительно быстрее и точнее.

Вся операционная бригада повернулась к экрану компьютера, на котором возникли изображения рентгеновских снимков и тотчас же сменились схематическими рисунками. Компьютер вычислил положение стереотаксического аппарата, которое совпадало с заданным. На экране вспыхнули оси координат и появилась надпись: **ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИЛЬНОЕ.**

Эллис кивнул.

— Спасибо за консультацию, — сказал он без малейшего юмора и подошел к подносу с электродами.

Они теперь пользовались электродами Бриггса из нержавеющей, покрытой тефлоном стали. В прошлом им пришлось перепробовать почти все — золото, сплав платины и даже гибкие стальные стрейги, которые применялись в те дни, когда вживление производилось на глаз.

Старый визуальный способ вживления электродов был неуклюжим и громоздким. Хирург удалял большой участок кости черепа, обнажая мозг. Точки для вживления он находил на живой поверхности, после чего вводил электроды в мозговое вещество. Если электроды надо было вживить в глубокие отделы моз-

га, оперирующему подчас приходилось рассекать мозг скальпелем почти до самых желудочков и только тогда хирург мог поместить электроды куда следовало. Операция продолжалась очень долго и никогда не давала оптимальных результатов.

Электронные вычислительные машины все изменили. Они позволили хирургу точно устанавливать точку вживления в трех измерениях. Первоначально хирурги НПИО вместе с другими исследователями в этой области попытались найти соответствия между глубинными точками мозга и строением черепа. Измерения велись от глазной орбиты, мочки уха, стреловидного шва. Разумеется, из этого ничего не вышло — между формой черепной коробки и положением в ней мозга попросту нет постоянной зависимости. Определить положение нужной точки, находящейся в глубине головного мозга, можно только путем сопоставления с другими точками мозга — и логическими ориентирами оказались желудочки, то есть заполненные жидкостью пространства внутри головного мозга. По новой системе все точки определялись по отношению к желудочкам.

С применением компьютера отпала необходимость оголять поверхность мозга. Вместо этого в черепе больного просверливались дырочки и через них вводились электроды, а компьютер с помощью рентгеновских аппаратов следил, правильно ли они вживляются.

Эллис взял первый комплект электродов. С того места, где стояла Дженет, комплект походил на простой тоненький проводок. На самом же деле это был жгут из двадцати проводков с тефлоновой изоляцией — оголен был лишь последний миллиметр проводка. Проводки имели разную длину, а потому концы электродов в наборе, если на них посмотреть в лупу, напоминали миниатюрную лестницу.

Эллис провел набор под большой лупой. Он попросил прибавить света и рассмотрел каждый контакт в отдельности. Потом отдал электроды сестре, чтобы она включила их в специальный аппарат. Они уже проверялись так десятки раз, но Эллис неизменно перепроверял все комплекты перед тем, как начать вживление. И у него всегда было наготове четыре стерильных комплекта, хотя для операции требовалось только два. Эллис был осторожен.

Наконец, он решил, что все в порядке.

— Мы готовы к вживлению? — спросил он.

Все кивнули. Эллис вернулся к креслу и сказал:

— Проходим через твердую мозговую оболочку.

Хотя череп был уже просверлен, но оболочка, *dura mater*, под которой находится мозг и мозговая жидкость, оставалась пока нетронутой. Ассистент Эллиса длинной иглой проколол оболочку.

— Есть жидкость, — сказал он, и тоненькая струйка прозрачной жидкости просочилась из отверстия и скользнула по коже. Сестра стерла ее губкой.

Дженет не переставала удивляться тому, как природа защитила человеческий мозг. Конечно, и другие жизненно важные органы надежно защищены — легкие и сердце помещаются внутри костяной клетки ребер, печень и селезенка укрыты под краем ребер, почки окружены жиром и прикрыты толстыми мышцами нижней части спины. Все это — отличная защита, и тем не менее она не идет ни в какое сравнение с защитой центральной нервной системы, которую со всех сторон окружает толстый слой кости. И это еще не все: под костью расположена твердая оболочка, а под ней — цереброспинальная жидкость, находящаяся под давлением, что обеспечивает мозгу идеальную защиту.

Макферсон как-то сравнил мозг человека с эмбрионом, плавающим в околоплодной жидкости. «Только

ребенок выходит на свет, — сказал Макферсон, — а мозг всегда остается в своем убежище».

— Вживляем, — сказал Эллис.

Росс подошла к операционной бригаде, плотным кольцом окружившей Бенсона. Эллис просунул конец электродного комплекта в высверленное отверстие и слегка надавил на другой его конец, проникая в мозг. Техник за пультом управления нажал несколько кнопок. На экране вспыхнуло: ВХОДНАЯ ТОЧКА ЗАФИКСИРОВАНА.

Бенсон не пошевелился, не издал ни звука. Мозг не чувствует боли, в нем отсутствуют нервные окончания. По прихоти эволюции орган, который ощущает боль всего тела, сам абсолютно лишен чувствительности.

Дженет посмотрела на рентгеновские экраны. Там в резком черно-белом изображении она увидела, как белый четко очерченный пучок электродов начал медленно погружаться в мозг. С фронтального изображения Росс перевела взгляд на боковое, а затем на схему, которую проецировал компьютер.

Компьютер преобразовывал рентгеновское изображение в упрощенную схему головного мозга, на которой цель в височной доле была окрашена в красный цвет, а путь, который электроды должны были проделать от входной точки до цели, изображался голубым пунктиром.

До сих пор Эллис шел точно по пунктиру.

— Очень мило, — сказала Дженет. Электроды проникали все глубже, и на экране компьютера быстро сменялись тройные координаты.

— Практика ведет к совершенству, — кисло пробормотал Эллис. Он сейчас использовал специальное устройство, прикрепленное к стереотаксической раме. Этот аппарат преобразовывал грубые движения пальцев хирурга в еле заметное перемещение электродов.

Если хирург смещал палец на сантиметр, электроды продвигались на полмиллиметра. Комплект электродов медленно, но непрерывно погружался в мозг.

Дженет перевела взгляд с рентгеновских экранов на экран, который показывал Эллиса. Было проще следить за Эллисом на экране, чем вертеть головой в разные стороны. Но тут Бенсон отчетливо произнес «Ох!», и она обернулась.

Эллис остановился.

— Что такое?

— Оперирумый, — сказал анестезиолог, указывая на Бенсона.

Эллис прекратил вживание, наклонился над креслом и заглянул Бенсону в лицо.

— Вы хорошо себя чувствуете, мистер Бенсон? — громко и отчетливо произнес он.

— Да. Отлично, — ответил Бенсон. Голос у него был сонный и невнятный.

— Вам больно?

— Нет.

— Прекрасно. Постарайтесь расслабиться, — сказал Эллис и продолжал операцию.

Дженет облегченно вздохнула. Почему-то возглас Бенсона заставил ее внутренне напрячься, хотя она знала, что нет никаких причин тревожиться. Бенсон не мог чувствовать боли, и ведь она прекрасно знала, что он сейчас находится в дремотном, а не в бессознательном состоянии — не было необходимости идти на риск, сопряженный с общим наркозом.

Дженет вновь повернулась к экрану компьютера. Компьютер теперь показывал мозг снизу, со стороны шеи. Путь электродов обозначался единственной синей точкой, окруженной концентрическими кругами. Эллис должен был держаться в радиусе одного миллиметра. Он отклонился на полмиллиметра.

«ОШИБКА 0,500 ММ», — предупредил компьютер.

— Вы соскальзываете со следа, — сказала Дженет.

Электроды остановились. Эллис посмотрел на экраны.

— Слишком высоко в плоскости «бета»?

— Широко в «гамма».

— Хорошо.

Через несколько секунд электроды продолжили свое погружение. «ОШИБКА 0,400 ММ», — сообщил компьютер. Схема мозга медленно повернулась, показывая мозг со всех сторон.

«ОШИБКА 0,200 ММ», — вспыхнуло на экране.

— Коррекция идет хорошо, — сказала Дженет.

Эллис кивнул, подпевая Баху.

«ОШИБКА 0,000 ММ», — указал компьютер и дал боковое изображение мозга. На другом экране оно стало фронтальным. Через несколько секунд экран сообщил: **ПРИБЛИЖАЕМСЯ К ЦЕЛИ**. Дженет прочла это Эллису.

Еще через секунду на экране сверкнуло: **ЦЕЛЬ**.

— Все, — сказала Дженет.

Эллис отошел от кресла и скрестил руки на груди.

— Проверим координаты, — сказал он.

Операционные часы показывали, что с начала операции прошло двадцать семь минут.

Пальцы программиста забегали по кнопкам. Компьютер воспроизвел на экранах процесс вживления электродов и повторил то же слово: **ЦЕЛЬ**.

— Теперь сравним, — сказал Эллис.

Компьютер наложил свою схему на рентгеновское изображение головы Бенсона. Совпадение было полным, и на экранах появилось: **СОВПАДЕНИЕ В ПРЕДЕЛАХ УСТАНОВЛЕННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ**.

— То, что нужно, — сказал Эллис.

Он навинтил пластмассовую крышечку, которая плотно прижала электроды к черепу, и закрепил ее цементом, которым пользуются стоматологи. Затем распутал двадцать тонких проводков, отходящих от электродов, и отодвинул их в сторону.

— Можно братья за второй комплект, — объявил он.

После второго вживления Эллис сделал дугообразный надрез на скальпе. Надрез проходил от точки вживления электродов мимо уха через шею так, чтобы поверхностные нервы и кровеносные сосуды остались незатронутыми, а затем поворачивал на правое плечо. Расслаивая ткани тупым ножом, Эллис сделал маленький подкожный кармашек около подмышечной впадины.

— Батарейка готова? — спросил он.

Ему подали батарейку. Она была меньше сигаретной пачки и содержала тридцать семь граммов радиоактивного изотопа окиси плутония-239. При радиации выделялась теплота, которая тут же преобразовывалась в электрическую энергию. Трансформаторное устройство поддерживало необходимое напряжение.

Перед вживлением Эллис еще раз проверил батарейку. Держа ее в руке, он заметил:

— Холодная. Никак не могу привыкнуть.

Дженет знала, что благодаря вакуумной изоляции батарейка остается холодной снаружи, тогда как внутри нее температура достигает 500 градусов по Фаренгейту — хоть жарь ростбиф.

Эллис проверил радиацию. Приборы показали минимальный уровень. Естественно, некоторая радиация была, но не больше, чем от обычного цветного телевизора.

Наконец Эллис попросил жетон. Бенсону предстояло носить его все время, пока в его теле будет нахо-

даться атомная батарейка. На жетоне было выправлено предупреждение, что в теле данного человека находится атомный водитель, и еще — телефонный номер. Дженет знала, что этот телефон подключен к магнитофону, который круглые сутки проигрывает одну и ту же запись. В записи содержалась подробная техническая информация о батарейке и предупреждение о том, что пулевые ранения, автомобильная катастрофа или другие несчастные случаи могут привести к тому, что плутоний, мощный излучатель радиоактивных альфа-частиц, может выпасть из своего контейнера. Далее следовали конкретные инструкции врачам, следователям и бальзамировщикам с указанием, что кремация допускается только после того, как батарейка будет извлечена из тела покойного.

Эллис вложил батарейку в подкожный кармашек, который он сделал на груди, и зашил окружающие ткани, чтобы она держалась прочнее. Затем он занялся крохотным компьютером.

Дженет посмотрела на галерею и увидела близнецов-колдунов, Герхарда и Ричардса, которые внимательно следили за ходом операции. Эллис осмотрел компьютер в лупу и отдал его технику, который подключил крошку к главному компьютеру клиники.

Дженет этот маленький компьютер представлял настоящим чудом. За три года ее работы в НПИО компьютер величиной с портфель постепенно превратился в миниатюрную модель, которая свободно умещалась на ладони и в то же время содержала те же элементы, что и ее громоздкий прототип.

Небольшие размеры позволили применить подкожную имплантацию. Больной мог свободно передвигаться, принимать душ, делать все, что он пожелает. Это было гораздо удобнее по сравнению с прежними моделями, когда батарейка прикреплялась к поясу больного и он весь был опутан проводами.

Дженет взглянула на экраны компьютера, которые извещали: **КОНТРОЛЬ ЗА ОПЕРАЦИЕЙ ПРЕКРАЩЕН ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПРОВЕРКИ**. На одном из экранов появилась увеличенная схема цепи маленького компьютера. Большой компьютер проверял все каналы и компоненты по отдельности, затрачивая на каждую проверку четыре миллионных секунды; проверка всего компьютера закончилась через две секунды. На экране загорелась надпись: **ЭЛЕКТРОННАЯ ПРОВЕРКА — НИЧЕГО**. Через несколько секунд снова появились схемы мозга. Большой компьютер вновь следил за операцией.

— Ну что ж, — сказал Эллис, — будем подсоединять.

Он тщательно подсоединил все сорок проводков от двух комплектов электродов к пластиковой коробочке компьютера, уложил проводки в разрез, спрятал коробочку под кожу и наложил швы.

Часы операционного времени показывали один час двенадцать минут.

2 Моррис вкатил Бенсона в послеоперационную палату — большое, длинное помещение с низким потолком, куда больных отвозили сразу после операции. У НПИО была тут своя секция — как и у кардиологического и ожогового отделений, но эта секция и все ее оборудование до сих пор еще ни разу не использовались. Бенсон был первым больным, оказавшимся там.

Лицо Бенсона было бледным, но в остальном он выглядел неплохо. Его голову и шею окутывали бинты. Под надзором Морриса его сняли с каталки и уложили на кровать. В другом конце палаты Эллис диктовал по телефону, как проходила операция. Его голос

записывался на магнитофон. Позже секретарша перепечатывает запись и вложит в историю болезни Бенсона.

Голос Эллиса бубнил в телефон: «...были сделаны разрезы на правом височном отделе черепа и сверлом К-7 просверлены двухмиллиметровые отверстия. Вживление электродов Бригтса было осуществлено при помощи компьютера по ЛИМБИЧЕСКОЙ программе. Дорогая, пожалуйста, заглавными буквами Л-И-М-Б-И-Ч-Е-С-К-О-Й. Вживление, по данным рентгенограмм и заключению компьютера, произведено в пределах установленных ограничений. Электроды зафиксированы...»

— Что с ним делать? — спросила послеоперационная сестра.

— Проверяйте пульс, дыхание и температуру каждые пять минут в течение первого часа, каждые пятнадцать минут в течение второго часа, каждые полчаса в течение третьего и затем через час. Если через шесть часов все будет нормально, можете отвезти больного в его палату.

Сестра кивнула и записала его указания. Моррис сел возле койки и принялся за составление краткой операционной справки.

Краткая операционная справка. Больной Гарольд Ф. Бенсон.
Предоперационный диагноз: психомоторная (височная) эпилепсия.

Послеоперационный диагноз: тот же.

Операция: вживление двух комплектов электродов Бригтса в правую височную долю с одновременным вживлением под кожу компьютера и батарейки с плутониевым зарядом.

Премедикация:

люминал 500 мг } за 1 час до начала операции.
атропин 60 мг }

Обезболивание: местное, лидокаин (1/1000), эпинефрин.

Приблизительная потеря крови: 250 куб. см.

Кровозамещающая жидкость: 200 куб. см D5/W

Длительность операции: 1 час 12 мин.

Послеоперационное состояние больного: хорошее.

Дописывая справку, Моррис услышал, как Дженет Росс сказала сестре:

— Как только больной очнется: сразу начинайте давать ему люминал.

Моррис повернулся к ней.

— Что-нибудь случилось?

— Нет.

— Но вы, по-моему, сердитесь.

— Вы хотите вывести меня из себя?

— Нет, — сказал Моррис, — разумеется, нет...

— Так проследите, чтобы он получал люминал. Необходимо, чтобы до интерфейсинга он был в спокойном состоянии.

И она выбежала из палаты. Моррис проводил ее взглядом, потом повернулся к Эллису, который следил за ними, хотя и продолжал диктовать. Эллис пожал плечами.

— Что с ней такое? — спросила сестра.

— Наверное, просто устала, — ответил Моррис. Он включил контрольные приборы на полке над головой Бенсона и подождал, пока они прогрелись. Затем он прикрепил временный индуктор к забинтованному плечу Бенсона.

Все провода были подсоединены к компьютеру во время операции, но сам компьютер пока еще включен не был. Сначала больному предстояло пройти «интерфейсинг», который позволит определить, какой из сорока электродов способен остановить эпилептический припадок. Затем этот электрод будет подключен к вживленному компьютеру. Но так как компьютер находился под кожей, подключение производилось с помощью индуктора.

Приборы тем временем следили за электрической активностью мозга Бенсона. По ярко-зеленым экранам над его головой бежали белые линии ЭЭГ. Аль-

фа-ритм был нормальным, только слегка замедленным из-за действия наркоза.

Бенсон открыл глаза и посмотрел на Морриса.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Моррис.

— Хочется спать, — ответил Бенсон. — Скоро начнется?

— Все уже кончилось, — сказал Моррис.

Бенсон кивнул без всякого удивления и закрыл глаза. Пришел техник из радиационной лаборатории и счетчиком Гейгера проверил, нет ли радиации. Счетчик молчал. Моррис надел жетон на шею Бенсону. Сестра с любопытством приподняла жетон, прочла надпись и нахмурилась.

Подошел Эллис.

— Ну что? Пора завтракать?

— Да. Пора завтракать, — ответил Моррис.

Они вышли из палаты.

3 Вся беда была в том, что ему не нравился звук собственного голоса. Он был грубый и скрипучий, да и дикция оставляла желать лучшего. Макферсон предпочитал представлять себе слова, как будто они напечатаны. Он включил диктофон на запись:

— Римская цифра три. Философский аспект вопроса.

Макферсон умолк и обвел взглядом свой кабинет. Большая модель мозга на письменном столе, полки с журналами вдоль стены, телевизор. На экране — запись утренней операции. Эллис сверлил отверстия в голове Бенсона. Звук был выключен, и белые фигуры на экране безмолвствовали. Макферсон посмотрел на экран и начал диктовать.

Эта операция впервые обеспечивает непосредственную связь между мозгом человека и компьютером, причем связь постоянную. Бесспорно, любой человек, который сидит за

пультом компьютера и взаимодействует с ним, нажимая на кнопки, находится с ним в определенном взаимодействии.

«Слишком казенно», — подумал Макферсон. Он перемотал ленту и изменил фразу.

Конечно, любой человек, сидящий за пультом управления и нажимающий на кнопки, уже взаимодействует с компьютером и связан с ним. Но это не прямая связь и не постоянная. Таким образом, данная операция представляет собой явление иного характера. Как же ее следует рассматривать?

«Хороший вопрос», — подумал Макферсон. Несколько секунд он смотрел на телевизионный экран, потом продолжал:

В этом случае компьютер можно рассматривать как своего рода протез. Человек, которому ампутировали руку, получает механический эквивалент своей утраченной руки, а человек, чей мозг поврежден, обретает механическую помощь для преодоления последствий этого повреждения. Такая оценка данной операции как будто бы очень удобна. Она превращает компьютер просто в весьма высококачественную деревянную ногу. Однако дело этим далеко не исчерпывается.

Макферсон замолчал и посмотрел на экран. Кто-то сменил ленту, и теперь воспроизводилась запись разговора Бенсона с психиатром до операции. Бенсон был возбужден, курил и тыкал перед собой горящей сигаретой.

Заинтересовавшись, Макферсон повернул регулятор громкости.

— ...знают, что делают. Машины везде. Прежде они были слугами человека, но сейчас подчиняют его себе. Незаметно-незаметно подчиняют...

В кабинет заглянул Эллис, увидел светящийся экран телевизора и улыбнулся.

— Изучаете предысторию?

— Пытаюсь немного поработать, — ответил Макферсон, указывая на диктофон.

Эллис кивнул и исчез, прикрыв за собой дверь.

Бенсон на экране говорил:

— ...сознаю, что я поступаю как предатель по отношению ко всему человечеству, потому что помогаю машинам стать еще умнее. Это моя работа — программировать искусственный разум и...

Макферсон убрал звук и снова начал диктовать:

В электронной вычислительной технике мы различаем центральное и периферическое оборудование. То есть главный компьютер считается центральным, хотя бы он находился в каком-нибудь подсобном помещении, например в подвале здания. Печатающие устройства компьютера, пульта управления и т.д. составляют периферическое оборудование. Они расположены на концах, на разных этажах здания.

Он опять посмотрел на экран телевизора. Возбуждение Бенсона заметно возросло. Макферсон включил звук и услышал:

— ...становятся все более умными. Вначале паровозы, затем автомобили и самолеты, затем счетные машины. Теперь компьютеры, петли обратной связи...

Макферсон выключил звук.

Аналогией у человека служит головной мозг и периферические исполнительные органы, такие, как рот, руки, ноги. Они подчиняются распоряжениям — командам — мозга, и в целом о работе мозга мы судим по действию этих периферических аппаратов. Мы наблюдаем за тем, как человек ведет себя, что он говорит, и из этих наблюдений делаем выводы о работе его мозга. В этой идее нет ничего нового.

Макферсон взглянул на телевизионное изображение Бенсона. Что бы сказал на это Бенсон? Согласился бы или нет? Хотя какое это могло иметь значение?

Но теперь с помощью этой операции мы создали человека не с одним мозгом, а с двумя. У него есть биологический

мозг, который поврежден, и электронный мозг, призванный корректировать повреждение. Новый мозг, таким образом, должен контролировать биологический мозг. А это создает совершенно новое положение. Биологический мозг становится периферическим исполнителем — единственным периферическим исполнителем команд электронного мозга. В одной области контроль полностью принадлежит электронному мозгу. А потому и биологический мозг больного, и его тело превращаются в окончание компьютера. Мы создали человека, который представляет собой большой, сложный периферический придаток нового компьютера. Больной становится печатающим устройством нового компьютера, и он так же не может что-либо изменить, как телевизионный экран не может воздействовать на информацию, которую мы с него получаем.

«Возможно, это сказано слишком сильно», — подумал Макферсон. Он нажал кнопку и произнес в микрофон:

— Гарриет, напечатайте последний абзац, но потом покажите его мне. Римская цифра четыре. Резюме и выводы.

Макферсон снова сделал паузу и включил звук.

Бенсон говорил:

— ...ненавижу их и особенно проституток. Авиамеханики, танцовщицы, переводчики, заправщики на бензоколонках — люди, подобные машинам или обслуживающие машины. Проститутки! Я их всех ненавижу...

Бенсон подчеркивал свои слова взмахами сигареты.

4 — Ну, и какое у вас было чувство? — спросил доктор Рэмс.

— Я была зла, — сказала Дженет Росс. — Зла, как черт. Эта сестра, которая стояла и смотрела на все, делая вид, будто не понимает, что происходит. Но она отлично понимала!

— Вы рассердились?.. — доктор Рэмс не договаривал.

— Из-за операции. Из-за Бенсона. Они все-таки его оперировали. Я с самого начала говорила им, с самого начала, что этого нельзя делать, но Эллис, и Моррис, и Макферсон хотели оперировать. Они захлебываются самоуверенностью. Особенно Моррис. Когда в послеоперационной я увидела, с каким смаком он глядит на Бенсона — бледного как смерть, замотанного в бинты, — я взбесилась.

— Но почему?

— Потому что он был такой бледный, потому что он...

Дженет умолкла. Она старалась найти адекватный ответ и не могла.

— Насколько я понимаю, операция прошла успешно, — сказал доктор Рэмос. — И после операции все больные обычно бывают бледными. Так что же вас взбесило?

После некоторого молчания Дженет проговорила:

— Не знаю.

Она услышала, что доктор Рэмос переменял позу. Видеть его она не могла, так как лежала на кушетке, а он сидел сзади нее в кресле. Наступило долгое молчание. Дженет смотрела в потолок и тщетно искала, что сказать. Ее мысли мешались, в них не было никакой стройности. Наконец доктор Рэмос сказал:

— Присутствие сестры, по-видимому, имело для вас большое значение.

— Разве?

— Вы ведь упомянули про нее.

— Я не заметила.

— Вы сказали, что там была сестра и она знала, что происходит... Так что же конкретно там происходило?

— Я была взбешена.

— Но вы не знаете почему?

— Нет, не знаю, — ответила Дженет. — Из-за Морриса. Он так петушится!

— Петушится? — повторил доктор Рэмос.

— Излучает самоуверенность.

— Вы сказали «петушится».

— Послушайте, я ничего под этим не подразумевала. Просто к слову пришлось... — Дженет вдруг умолкла. Ее душил гнев, и она уловила дрожь в своем голосе.

— Вы и сейчас сердитесь, — сказал доктор Рэмос.

— Очень.

— Почему?

— Они не стали меня слушать.

— Кто не стал вас слушать?

— Да никто из них. Ни Макферсон, ни Эллис, ни Моррис. Никто меня не слушал.

— Вы сказали доктору Моррису или доктору Эллису, что вы сердитесь?

— Нет.

— Но излили свой гнев на доктора Морриса?

— Да.

Он подводил ее к какому-то выводу, но ей не удавалось понять, к какому. Обычно на этом этапе она уже все понимала. Но сейчас...

— Сколько лет доктору Моррису?

— Не знаю. Он примерно моего возраста. Тридцать, тридцать один. Что-то около этого.

— Примерно вашего возраста.

Эта манера повторять слова собеседника окончательно вывела ее из себя.

— Да, черт возьми, примерно моего возраста.

— И он хирург.

— Да...

— Легче срывать злость на том, кого вы считаете своим ровесником?

- Я никогда об этом не думала.
 - Ваш отец тоже был хирургом, но он не был вашим ровесником.
 - Можете не разжевывать.
 - Вы все еще сердитесь.
- Дженет вздохнула.
- Давайте сменим тему.
 - Хорошо, — сказал доктор Рэмос тем безмятежным голосом, который ей иногда нравился, а иногда бесил ее.

5 Моррис терпеть не мог первичного приема. Такой прием вели главным образом психологи, и процедура была долгой и скучной. Статистика показывала, что из сорока человек, обращавшихся в НПИО, дальнейшему обследованию подвергался только один и лишь у одного из восьмидесяти четырех обнаружилось органическое поражение мозга с нарушениями в поведении. Таким образом, первичные консультации, как правило, оказывались пустой тратой времени.

И особенно когда дело шло о пациентах с «улицы». Год назад Макферсон из политических соображений принял решение, что любой человек, который узнал о существовании НПИО и обратился туда за помощью, должен быть осмотрен. Разумеется, большинство пациентов по-прежнему приходили в НПИО с направлениями, но Макферсон считал, что авторитет отделения требует немедленного осмотра и тех, кто сам себя туда направлял.

Макферсон считал также, что каждый из сотрудников отделения должен время от времени проводить первичные приемы. Поэтому два дня в месяц Моррис вел прием в маленьких консультационных кабинетах с «зеркалами» из полупрозрачного стекла. Сегодня

был один из его дней, и Моррис испытывал особенное раздражение. Радостное возбуждение после утренней операции еще не прошло, и ему меньше всего хотелось возвращаться к самым скучным из своих обязанностей.

Он с тоской взглянул на входящего в кабинет очередного посетителя. Это был длинноволосый молодой человек лет двадцати с небольшим, в джинсах и спортивной рубашке. Моррис приподнялся, здороваясь с ним.

— Меня зовут доктор Моррис.

— Крэг Беккермен, — его рукопожатие было мягким и искательным.

— Садитесь, пожалуйста. — Моррис указал на стул напротив стола, повернутый так, что лицо сидящего оказывалось точно напротив полупрозрачного стекла. — Что вас привело к нам?

— Я... хм... заинтересовался, — сказал Беккермен. — Я прочел о вас в журнале. Вы тут делаете операции на мозге.

— Совершенно верно.

— Ну, я и... я и заинтересовался.

— В каком смысле?

— В этой статье... Здесь можно курить?

— Конечно. — Моррис пододвинул ему пепельницу. Беккермен достал пачку сигарет, вытряхнул на стол одну сигарету и закурил.

— Так, значит, в этой статье...

— Да-да. Там было написано, что вы вставляете провода в мозг. Это правда?

— Да, мы иногда делаем такие операции.

Беккермен кивнул и затянулся.

— Ну, а правда, что вы можете ввести провода так, что человек испытывает удовольствие? Сильное удовольствие?

— Да, — ответил Моррис, стараясь говорить без всякого выражения.

— Так это правда?

— Да, это правда, — сказал Моррис. Он встряхнул авторучку, показывая, что в ней нет чернил, и открыл ящик стола, чтобы взять другую ручку, нажав одновременно на кнопку, скрытую в столе. Тотчас же зазвонил телефон.

— Доктор Моррис слушает.

На другом конце провода секретарша спросила:

— Вы звонили?

— Да. Будьте добры, переведите звонки на научный сектор.

— Хорошо, — ответила секретарша.

— Благодарю. — Моррис повесил трубку, прикидывая, через сколько минут сотрудники научного сектора займут свой пост с той стороны полупрозрачного стекла.

— Извините, нас перебили. Так вы говорили?..

— О проводах в мозгу.

— Да. При определенных обстоятельствах, мистер Беккермен, мы делаем подобные операции, но пока они носят чисто экспериментальный характер.

— Ничего, — сказал Беккермен, попыхивая сигаретой. — Мне это подходит.

— Если вам нужна информация, мы можем подобрать для вас некоторые материалы, подробнее освещающие нашу работу.

Беккермен улыбнулся и покачал головой.

— Нет, нет, — сказал он, — этого мне не нужно. Я хочу, чтобы меня оперировали. Предлагаю себя в качестве добровольца.

Моррис сделал удивленный вид. Он немного помолчал, потом сказал:

- Ах, вот что!
- Послушайте, — продолжал Беккермен. — В статье говорится, что один импульс создает ощущение десяти оргазмов. Потрясающе.
- И вы хотите, чтобы вам сделали такую операцию?
- Да. — Беккермен энергично кивнул. — Вот именно.
- Но зачем?
- Вы шутите? Кто же не захочет?
- Возможно, — сказал Моррис. — Только вы первый, кто просит об этом.
- Так в чем же дело? — спросил Беккермен. — Это что, стоит слишком больших денег?
- Нет. Но мы не делаем операций без веских причин.
- О-о! — сказал Беккермен. — Так, значит!
- Он встал и вышел из кабинета, покачивая головой.

На лицах трех сотрудников научного сектора было написано глубокое изумление. Они сидели в соседней комнате и все еще не спускали глаз с полупрозрачного стекла, хотя Беккермен уже давно ушел.

— Любопытно, — сказал Моррис.

«Научники» молчали. Наконец один из них кашлянул и сказал:

— Да, мягко выражаясь.

Моррис знал, чем сейчас заняты их мысли. Год из года они изучали вероятное развитие самых разнообразных проблем. Они натренированы думать о будущем — и вдруг им внезапно пришлось столкнуться с настоящим.

— Это электроман, — сказал один из них и вздохнул.

Идея существования электроманов в свое время вызвала большой интерес и даже послужила темой для академических изысканий. Тем не менее появление людей, у которых вырабатывалась бы неодолимая потребность в стимуляции электрическим током, напоминающая наркоманию, представлялось весьма маловероятным. И вот теперь они столкнулись с несомненным потенциальным электроманом.

— Электричество дает героину сто очков вперед, — сказал «научник» и засмеялся. Но смех прозвучал нервно и неестественно.

Моррис прикинул, что мог бы сказать Макферсон по этому поводу. Наверное, что-нибудь философское. Последнее время Макферсон в основном интересовался философией.

Возможность появления электроманов опиралась на удивительное открытие, которое сделал Джеймс Олдз в пятидесятых годах. Он обнаружил, что некоторые участки мозга при раздражении их электрическим током создавали острое ощущение удовольствия. Эти участки он назвал «путями вознаграждения». Когда крысе вживляли электрод в подобный участок мозга, она нажимала лапкой на рычажок стимулятора до пяти тысяч раз в час. Наслаждаясь, она не ела и не пила и перестала нажимать на рычажок, только когда от истощения лишилась последних сил.

Этот удивительный опыт был повторен на других животных — на золотых рыбках, морских свинках, дельфинах, кошках и козах. Стало ясно, что центры удовольствия — явление общее. Они были обнаружены и у человека.

Отсюда и родилась идея существования электромана, человека, стремящегося постоянно стимулировать центр удовольствия. На первый взгляд она казалась чисто теоретическим предположением, которое не мог-

ло найти практического воплощения. Однако на самом деле это было не так.

Конечно, пока технически это стоило бы неимоверно дорого, однако в дальнейшем такое препятствие могло легко исчезнуть. Воображение уже рисовало, как одна из японских превосходно оснащенных фирм начинает выпускать наборы электродов по два-три доллара за штуку и экспортировать их за границу.

Да и в идее подпольных операций такого рода не было ничего столь уж неосуществимого. Одно время около миллиона американок ежегодно прибегали к услугам подпольных абортариев. Конечно, операция по вживлению электродов в мозг человека была более сложной, но не слишком. А в будущем методика операции, несомненно, будет упрощаться и стандартизироваться, и нетрудно было представить себе появление в Мексике или на Багамских островах соответствующих клиник.

И хирурги для них, несомненно, найдутся.

Квалифицированный нейрохирург мог бы при желании сделать от десяти до пятнадцати таких операций в день, получая не менее тысячи долларов за каждую. Сумма вполне реальная и способная соблазнить не слишком щепетильного специалиста. За сто тысяч долларов наличными в неделю можно пойти на нарушение закона, даже если такой закон и будет издан, а это представлялось маловероятным.

Год назад клиника организовала совместно с юристами семинар «Биомедицинская технология и закон». Там рассматривался и вопрос об электроманах, но юристы уклонились от его обсуждения. Эта проблема вступала в противоречие с принципами, которые лежат в основе современных законов по борьбе с наркоманией. Все эти законы исходят из того, что человек становится наркоманом по неведению или против своей

воли. И совсем другое дело, если человек сознательно добивается операции, которая превратит его в наркомана. Юристы были убеждены, что желающих подвергнуться такой операции практически не будет, а потому не возникнет и необходимости в юридическом урегулировании. И вот Беккермен доказал, что за желающими дело не станет.

— Черт меня побери, — пробормотал другой сотрудник научного сектора.

Моррис не нашел в этих словах ничего утешительного. Его мучило чувство, которое он уже несколько раз испытывал с тех пор, как начал работать в НПИО. Ему казалось, что все совершается чересчур быстро, без соблюдения достаточной осторожности, и в один прекрасный день события могут внезапно и без предупреждения вырваться из-под контроля.

6 В шесть часов вечера Роджер Макферсон, глава нейропсихиатрического исследовательского отделения, поднялся на седьмой этаж взглянуть на своего пациента. Во всяком случае, так ему виделся Бенсон — его пациент. Собственническое чувство, но вполне законное. Ведь без Макферсона не было бы НПИО, и без НПИО не было бы операции, не было бы Бенсона. Вот как ему представлялось все это.

В палате № 710, залитой красноватыми лучами заходящего солнца, стояла тишина. Бенсон, казалось, спал, но, когда Макферсон закрыл за собой дверь, он открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Макферсон, подходя к кровати.

Бенсон улыбнулся.

— Все меня об этом спрашивают, — сказал он.

— Что ж, это вполне естественный вопрос. — Макферсон улыбнулся ему в ответ.

— Я чувствую себя усталым и только. Очень усталым. Иногда мне кажется, что я — бомба с часовым механизмом, а вы все гадаете, когда я взорвусь.

— Вот о чем вы думаете? — спросил Макферсон.

— Тик-так, — сказал Бенсон и закрыл глаза. — Тик-так.

Макферсон нахмурился. Он привык к механическим уподоблениям Бенсона — в конце концов тот был одержим мыслью, что люди — те же машины. Но так скоро после операции...

— Вы испытываете какую-нибудь боль?

— Нет. Только ноет за ушами, как будто я падал.

Макферсон знал, что это болела просверленная кость.

— Падали?

— Я — падший человек, — сказал Бенсон. — Я поддался.

— Чему?

— Процессу превращения в машину. — Он открыл глаза и снова улыбнулся. — Или в бомбу с часовым механизмом.

— Вас тревожат запахи? Какие-нибудь странные ощущения? — Макферсон посмотрел на экран ЭЭГ над головой Бенсона. Альфа-ритм был нормальный, никаких признаков судорожной активности.

— Нет. Никаких ощущений у меня нет.

— Но вы чувствуете, что можете взорваться? — Макферсон подумал, что эти вопросы, собственно, должна была задавать Дженет Росс.

— Примерно, — сказал Бенсон. — В грядущей войне все мы можем взорваться.

— Что вы имеете в виду?

— Вы как будто рассердились, — сказал Бенсон.

— Нет, я просто озадачен. О какой грядущей войне вы говорите?

— Войне между людьми и машинами. Видите ли, человеческий мозг устарел.

Это было что-то новое. Прежде Макферсон ничего подобного от Бенсона не слышал. Он взглянул на Бенсона, на его забинтованные плечи и голову. Из-за бинтов его голова и верхняя часть туловища казались непропорционально большими.

— Да, — говорил Бенсон. — Человеческий мозг исчерпал свои возможности. Он истощился, а потому создал следующее поколение разумных организмов. Они... Почему я так сильно устал? — Он снова закрыл глаза.

— Послеоперационное утомление.

— После в сущности несложной операции, — сказал Бенсон и улыбнулся с закрытыми глазами. Мгновение спустя он захрапел.

Макферсон постоял у кровати, а потом обернулся к окну и посмотрел на солнце, которое медленно опускалось в Тихий океан. У Бенсона была отличная палата: из ее окна между высокими домами Санта-Моники виднелась полоска океана. Прошло несколько минут, Бенсон больше не просыпался. Постояв еще немного, Макферсон вышел из палаты и направился к кабинке дежурной сестры, чтобы сделать запись в истории болезни.

«Больной в сознании, хорошо реагирует, ориентирован в обстановке. — Написав это, Макферсон остановился. Он, в сущности, не мог утверждать, что Бенсон действительно отдает себе отчет, где он находится и с кем говорит. Ведь специально он этого не проверял, однако говорил Бенсон логично, на вопросы отвечал, и Макферсон удовлетворился этим. — Мышление яс-

ное, последовательное, но сохраняются навязчивые идеи предоперационного периода. Пока еще трудно судить, но, по-видимому, справедливо предположение о том, что операция не окажет воздействия на его психическое состояние между припадками».

Он подписал: «Роджер Макферсон, доктор медицины», перечитал сделанную запись, закрыл карту и поставил ее на полку. Хорошо написано: кратко, четко, без ненужных предположений. Ведь история болезни — все-таки официальный документ, и ее могут затребовать в суд. Макферсон не думал, что история болезни Бенсона может оказаться в судебном деле, но осторожность никогда не бывает лишней. Он твердо верил в необходимость соблюдения всех формальностей и считал, что его обязанности заключаются именно в этом.

Руководителю любой научно-исследовательской лаборатории приходится выполнять определенные политические функции. Можно это отрицать, можно внутренне протестовать, но факт остается фактом: это составляет неотъемлемую часть обязанностей любого руководителя.

Тебе необходимо обеспечить, чтобы все сотрудники твоей лаборатории ладили друг с другом в своей работе. И чем больше у тебя в лаборатории примадонн, тем труднее твои функции как политика.

Тебе приходится изыскивать финансовые средства для своей лаборатории, а уж это чистейшая политика. Особенно если сфера исследований лежит в столь щекотливой области, как у НПИО. И для получения дотаций Макферсон давно выработал «принцип пероксидазы хрена». Он был очень прост: прося денег, вы заявляете, что эти деньги будут истрачены на поиски фермента пероксидазы хрена, который позволит разработать новый надежный способ излечения рака. Под

такой проект ничего не стоило получить шестьдесят тысяч долларов, тогда как на исследования в области контролирования мозга вам не дали бы и шестидесяти центов.

Макферсон посмотрел на длинный ряд историй болезни, на длинный ряд незнакомых фамилий, среди которых «БЕНСОН Г.Ф., 710» полностью терялась. В определенном смысле, подумал он, Бенсон прав — он действительно живая бомба с часовым механизмом. Человек, подвергшийся операции, которая обеспечила контроль над деятельностью его мозга, неизбежно должен вызвать предубеждение у широкой публики. «Контроль над сердцем» при помощи водителя ритма сердца был сочтен изумительным изобретением, «контроль над почками» с помощью лекарственных препаратов вызвал только восторги, но контроль над деятельностью мозга — это нечто зловещее, залог катастрофы, пусть даже в принципе он и вполне аналогичен контролю над деятельностью других органов человеческого тела. Даже методика почти та же: атомная батарейка, которой они пользовались, была разработана первоначально для стимулирования работы сердца.

Но предубеждение существует. А Бенсон считает себя тикающей часовой бомбой. Макферсон вздохнул, снова достал историю болезни Бенсона и открыл ее на странице, предназначенной для предписаний врачей. Он прочел послеоперационные предписания Эллиса и Морриса и добавил:

После интерфейсинга завтра с утра начинайте давать торазин.

Перечитав свою пометку, он решил, что сестры не поймут слова «интерфейсинг», зачеркнул его и приписал:

Завтра после двенадцати начинайте давать торазин.

Входя в лифт, Макферсон подумал, что у него на душе будет гораздо спокойнее, когда Бенсон начнет получать торазин. Быть может, нельзя разрядить бомбу с часовым механизмом, но бросить ее в ведро с холодной водой, безусловно, можно.

7 Поздно вечером в «Телекомпе» Герхард озабоченно смотрел на приборную панель компьютера. Он впечатал новые инструкции, потом подошел к печатающему устройству на выходе компьютера и начал просматривать толстую стопку листков с зелеными полосками в поисках ошибки в программировании, которая, как он знал, обязательно должна была содержаться в них.

Сам компьютер никогда не ошибался. Герхард работал с компьютерами вот уже десять лет, с разными компьютерами, в разных учреждениях, и ни разу ни один из них не допустил ошибки. Конечно, ошибки случались, и часто, но всегда по вине программиста, а не машины. Порой было трудно примириться с подобной непогрешимостью, хотя бы потому, что она противоречила привычному взгляду на мир, где машины постоянно ошибались: пробки перегорали, телевизоры ломались, электрические плиты перегревались, автомобили не заводились. Современный человек привык к этому и подсознательно ожидал от машин их законной доли ошибок.

Но компьютеры были совсем другими, и, работая с ними, приходилось поступаться самолюбием. Они никогда не ошибались — и все тут. Даже когда ошибку в программировании искали неделями, даже когда десятки разных людей десятки раз проверяли программу, даже когда все сотрудники приходили к выводу, что электронный мозг наконец дал промах, тем не

меее в конце концов выяснялось, что напутал все-таки человек. И так было всегда.

Вошел Ричардс, сбросил спортивную куртку и налил себе кофе.

— Как дела?

Герхард покачал головой.

— У меня неприятности с «Джорджем».

— Опять? Черт! — Ричардс посмотрел на приборную панель. — А как «Марта»?

— С «Мартой» все в порядке. По-моему, дело в «Джордже».

— «Джордж» — это который?

— «Святой Джордж», — сказал Герхард. — Сукин сын.

Ричардс допил кофе и сел у приборной панели.

— Можно я попробую?

— Конечно.

Ричардс принялся нажимать кнопки, настраивая машину на программу «Святого Джорджа». Потом на «Марту». Потом настроил их на взаимодействие.

Эти программы не были собственным созданием Герхарда и Ричардса, а представляли собой модификацию нескольких программ, разработанных в других университетах. И всех объединяла идея создать программу, которая заставила бы компьютер действовать эмоционально. Таким программам было только логично давать человеческие имена. До «Джорджа» и «Марты» была «Элиза» в Бостоне и «Олдос» в Англии.

«Джордж» и «Марта» по сути были единой программой с небольшими различиями. Первоначально «Джордж» был запрограммирован на нейтральное отношение ко всем стимулам. Затем была создана «Марта». «Марте» была свойственна агрессивность, очень

многое ей не нравилось. И наконец был создан еще один «Джордж», любящий «Джордж», получивший прозвище «Святого Джорджа».

Каждой программе было придано три эмоциональных состояния: любовь, страх и гнев. Каждая могла совершать три действия: искать контакты, избегать их и нападать. Все это, конечно, было весьма абстрактно и воплощено в числа. Например, первый «Джордж» был нейтрален по отношению к большинству чисел, но ему не нравилось число 751. Так он был запрограммирован. Эту неприязнь он переносил на все сходные числа — 743, 772 и т. п., предпочитая им такие числа, как 404, 133, 918. Если вы вводили одно из этих чисел, «Джордж» отвечал числами, означающими любовь и поиски контакта. Если нажимали число 707, «Джордж» начинал избегать контакта, а получив 750, устремлялся в нападение, о чем свидетельствовали числа: которые он печатал.

Герхард и Ричардс довольно долго всячески играли с этими программами, а затем внесли в них некоторые изменения, в результате чего компьютер заговорил. На смену числам пришли предложения. Это оказалось не только забавным, но и результативным. Взаимодействие двух программ получило название «рождественской игры», так как в основном она состояла из преподнесения и принятия подарков — предметов, которые, как и числа, обладали заданным эмоциональным воздействием или же обретали его в результате опыта.

Нормальный «Джордж», взаимодействуя с «Мартой», в конце концов начинал ей нравиться, и ее злобность стушевывалась.

Но «Святой Джордж» воздействовал на нее совсем по-другому. Его уступчивость только провоцировала ее. По крайней мере так было до сих пор.

Ричардс не спускал глаз с экрана, на котором шел диалог:

ЗДРАВСТВУЙ, Я СВЯТОЙ ДЖОРДЖ.

ЗДРАВСТВУЙ.

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

МАРТА.

ТЫ МАЛО ГОВОРИШЬ, МАРТА.

ДА.

НО ТЫ МНЕ НРАВИШЬСЯ.

А ТЫ МНЕ НЕ НРАВИШЬСЯ.

Я ПОНИМАЮ. ЧЕМ Я МОГУ ПОМОЧЬ?

— Он не последовательно печатает периоды,— заметил Ричардс. — Когда это началось?

— Это еще что, — сказал Герхард. — Вот погоди. ПОМОЧЬ?

ДА, Я ХОТЕЛ БЫ ТЕБЕ ПОМОЧЬ.

ВОЗЬМИ КОШКУ.

Ричард поморщился. «Джордж» и «Марта» были запрограммированы на неприязнь к кошкам. Давая кошку «Джорджу», «Марта» выражала крайнюю враждебность.

СПАСИБО.

ВОЗЬМИ ЕЩЕ КОШКУ.

СПАСИБО, ТЫ ОЧЕНЬ ЛЮБЕЗНА.

ВОЗЬМИ ЕЩЕ КОШКУ.

НЕТ, СПАСИБО.

ТЫ НЕ ЛЮБИШЬ КОШЕК?

НЕТ, НО МНЕ ДОСТАТОЧНО КОШЕК.

ВОЗЬМИ ГОРИЛЛУ.

— Да, действительно, — сказал Ричардс. — А в прошлые разы?

— То же самое, — сказал Герхард.

— Так же плохо?

— Абсолютно то же.

Они давно привыкли к мысли, что конечный результат взаимодействия компьютеров непредсказуем. Общую форму взаимодействия предугадать было можно, однако конкретные результаты прогнозированию не поддавались. Положение было примерно таким же, как и с компьютером, играющим в шашки: вероятнее всего, он должен выиграть, но всякий раз это будет по-разному, в зависимости от хода противника.

МНЕ НЕ НУЖНА ГОРИЛЛА,
РАЗВЕ ТЕБЕ НЕ НРАВЯТСЯ ГОРИЛЛЫ?
НЕТ, СПАСИБО.
ТЫ СЛИШКОМ ВЕЖЛИВ.
ИЗВИНИ, ЕСЛИ Я ТЕБЯ ЧЕМ-НИБУДЬ ОБИ-
ДЕЛ.
ОБИДЕЛ.
ТЫ СЛИШКОМ МНОГО ГОВОРИШЬ.
ИЗВИНИ.
ВОЗЬМИ БАКЛАЖАН.

Ричардс следил за диалогом с интересом. Для «Святого Джорджа» слово «баклажан» по программе не имело никакого эмоционального смысла. Но он не любил огурцы и бананы.

НЕТ, СПАСИБО.
ТЕБЕ НЕ НРАВЯТСЯ БАКЛАЖАНЫ?
НЕ ОСОБЕННО.
ВОЗЬМИ ЕЩЕ БАКЛАЖАН.

НЕТ, СПАСИБО.

Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ВЗЯЛ ЕГО.

НЕТ, СПАСИБО.

НЕТ, ВОЗЬМИ ЕГО.

НЕТ, СПАСИБО.

Я ТРЕБУЮ.

НЕТ, СПАСИБО.

— Что случилось с «Джорджем»? — спросил Ричардс. — Он отвечает слишком уж одинаково.

— Это меня и беспокоит.

— А что в программе могло бы его так завести?

— Я это как раз и искал, когда ты вошел.

Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ ТЫ ВЗЯЛ ОГУРЕЦ.

Я ОТКАЗЫВАЮСЬ.

— Джордж! — машинально воскликнул Ричардс.

ТОГДА ВОЗЬМИ БАНАН.

НЕТ.

— «Джордж» не выдержал, — сказал Ричардс. — Он уже больше не святой.

ТОГДА ВОЗЬМИ И БАНАН И ОГУРЕЦ.

НЕТ, СПАСИБО.

Я ТРЕБУЮ.

ИДИ К ЧЕРТУ. Я УБЬЮ ТЕБЯ ::

:::::::::::::::
:::::::::::::
:::::::::::::

Экран заполнился белыми точками.

— Что это означает? Непечатный ответ? — спросил Ричардс.

— Не знаю. Раньше я ничего подобного не видел.

— Сколько раз прогоняли эту программу?

— Сто десять раз. С «Мартой».

— Огрехи обучения?

— Нет.

— Черт меня побери, — сказал Ричардс. — Джордж превращается в раздражительного святого. — Он усмехнулся. — Это можно записать.

Герхард кивнул и вернулся к печатающему устройству. Теоретически ничего непонятного тут не было. «Джордж» и «Марта» были запрограммированы на обучение через опыт. Подобно шахматным программам, где мастерство машины растет с числом сыгранных игр, эта программа была рассчитана на то, что машина будет «учиться» реагировать по-новому. И вот после ста десяти экспериментов «Святой Джордж» вдруг перестал быть святым. Хотя он был запрограммирован на святость, в отношениях с «Мартой» он научился не быть святым.

— Я прекрасно его понимаю, — сказал Ричардс и выключил компьютер. Затем он присоединился к Герхарду, и они вместе стали искать ошибку, из-за которой все это стало возможным.

Четверг
11 марта 1971 года

ИНТЕРФЕЙСИНГ

1 Дженет Росс сидела в пустом кабинете. Она взглянула на стенные часы. Девять часов. Она посмотрела на письменный стол, на котором ничего не было, если не считать блокнота и вазы с цветами. Она посмотрела на стул напротив. И наконец громко спросила:

— Ну, как дела?

Раздался щелчок, и из вмонтированного в потолок динамика послышался голос Герхарда:

— Нам надо еще несколько минут, чтобы отрегулировать звук. Освещение нормальное. Давайте-ка поговорим?

Дженет кивнула и посмотрела через плечо на полупрозрачное стекло у себя за спиной. Она увидела свое отражение, но знала, что Герхард в соседней комнате наблюдает за ней.

— У вас усталый голос, — сказала Дженет.

— Неприятности со «Святым Джорджем». Провозился до поздней ночи, — ответил Герхард.

— Я тоже устала, — сказала она. — Только неприятность у меня с тем, кого святым никак не назовешь. — Она засмеялась.

Говорила она только для того, чтобы в соседней комнате могли отрегулировать звук, почти не думая. Но это было правдой: Артур меньше всего был святым. И даже впечатление, что перед ней незаурядная личность, успело совсем стереться за несколько недель их знакомства. Собственно говоря, она немножко им увлеклась. («Увлеклась? Гм. Вы это так называете?» — словно услышала она голос доктора Рэмаса). Артур родился красивым и богатым. У него был желтый «феррари», много энергии и обаяния. С ним она чувствовала себя женственной и легкомысленной. Артур был способен на веселые сумасбродства, например, слетать с ней на самолете в Мехико только для того, чтобы пообедать в маленьком ресторанчике, где, по его мнению, готовили неподражаемо. Она понимала, что это глупо, и все-таки подобные выходки ей очень нравились. И еще ей было с ним легко — никаких разговоров о медицине, о клинике, о психиатрии. Артура это нисколько не интересовало, и в ней он видел только женщину. («Объект желаний»? Черт бы побрал доктора Рэмаса).

Затем, когда она узнала его ближе, ей захотелось говорить с ним о своей работе. Но, к ее удивлению, выяснилось, что Артуру претят такие разговоры. Ее работа была для него как бы обличием его собственной внутренней слабости. Сам он номинально был биржевым маклером — сыну богатого человека не требовалось для этого больших усилий — и авторитетно рассуждал о деньгах, капиталовложениях, процентных ставках и ценных бумагах. Однако в его манере сквозила агрессивность, словно он искал самоутверждения и не находил его.

Затем Дженет поняла то, что ей следовало бы понять с самого начала: Артура в ней привлекала ее уверенность себе. Ее (во всяком случае, теоретически) было труднее ошеломить и покорить, чем какую-нибудь юную актрису на выходные роли, а потому победа над ней была особенно приятной.

В конце концов Дженет устала от всего этого. Веселые сумасбродства перестали доставлять ей удовольствие и начали вызывать неясное гнетущее чувство. Она правильно истолковала эти признаки — и все чаще оказывалась слишком занятой, чтобы встретиться с ним. А когда они все-таки встречались, веселая развязность Артура, его постоянные выдумки, его костюм, его машины не вызывали в ней ничего, кроме раздражения. Она поглядывала на него через ресторанный столик и не могла найти того, что видела прежде. Ни следа. И вчера вечером она окончательно порвала с Артуром. Они оба давно знали, что дело шло к этому.

Так почему же гнетущее ощущение не проходит?

— Вы что-то замолчали, — сказал Герхард.

— Я не знаю, что говорить... Настало время всем людям доброй воли прийти на помощь пациенту. Юркая рыжая лиса вытащила рыбку из ручья. Все мы

идем к последнему общему пути на небеса. — Она замолчала. — Этого хватит?

— Еще немного.

— Мэри, Мэри, все не так. Расцветает ли твой сад? Извините, дальше я не помню. Про гвоздики и табак. — Она засмеялась.

— Очень хорошо. Мы кончили настройку.

Дженет посмотрела на динамик.

— После проверки электродов вы сразу подключите компьютер?

— Не исключено, — ответил Герхард. — Если все будет в порядке. Рог торопится посадить его на транквилизаторы.

Дженет кивнула. Это была заключительная стадия лечения Бенсона, и курс транквилизаторов можно было начать не раньше ее завершения. До вчерашней ночи Бенсону давали люминал, но уже с утра он будет в полном сознании, как это требуется для интерфейсинга.

Термин «интерфейсинг» придумал Макферсон. Ему нравилась терминология, которой пользовались специалисты по вычислительным машинам. Интерфейс — это связующее звено между двумя системами. Или между компьютером и эффекторным устройством. В данном случае речь шла практически о связи между двумя компьютерами: мозгом Бенсона и компьютером, вживленным в его плечо. Электроды были подсоединены к компьютеру, но не включены. С их включением должна была возникнуть петля обратной связи Бенсон — компьютер.

Макферсон считал эту операцию первой из целой серии. Он предполагал от эпилептиков перейти к шизофреникам, а затем к умственно отсталым и слепым. У него в кабинете уже висели соответствующие графики. И он намеревался использовать все более сложную

электронную технику. В конце концов дело должно было дойти и до проектов вроде «Формы Кью», которую даже Дженет считала не слишком осуществимой.

Но пока нужно было дать ответ на чисто практический вопрос: какой из сорока электродов способен предотвратить припадок? Установить это можно было только экспериментальным путем.

Электроды были вживлены в заданный участок с точностью до одного миллиметра. Хирургически рассчитывать на большее не мог никто, и все же из-за плотности мозга даже такая точность оказывалась далеко не достаточной. Диаметр нервной клетки мозга не превышает одного микрона, то есть в одном квадратном миллиметре мозговой ткани находится около тысячи нервных клеток.

И по отношению к этим клеткам электроды были вживлены весьма приблизительно. Вот почему их и требовалось столько. Ведь хотя бы один должен попасть в нужную точку, а метод проб и ошибок позволял установить, какой именно электрод следует включать для предотвращения припадка.

— Больного сейчас привезут, — сказал Герхард.

Секунду спустя в кабинет вкатили Бенсона, одетого в синий халат с белыми полосами. Выражение его лица было бодрым, и он приветственно помахал Дженет — жест этот получился неуклюжим, так как плечо у него было все еще забинтовано.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Бенсон и улыбнулся.

— Задавать вопросы тут — это моя обязанность.

— Вопросы буду задавать я, — сказал Бенсон, все еще улыбаясь, но со скрытым напряжением в голосе.

Дженет с некоторым удивлением поняла, что он испытывает страх. И удивилась собственному удивлению. Его страх был вполне естественным. Любой че-

ловека на его месте тоже боялся бы. Ведь и она сама вовсе не была так уж спокойна.

Сестра погладила Бенсона по плечу, кивнула Дженет и вышла. Они остались вдвоем.

Некоторое время оба хранили молчание. Бенсон смотрел на Дженет, а она — на него, давая время Герхарду сфокусировать спрятанную в потолке телекамеру и подготовить стимулирующую аппаратуру.

— Так что же будет сегодня? — спросил Бенсон.

— Мы по очереди попробуем каждый электрод и посмотрим, что из этого получится.

Бенсон кивнул. Он казался спокойным, но Дженет давно научилась не доверять его спокойствию. Помолчав, Бенсон спросил:

— Это больно?

— Нет.

— Ну, хорошо, — сказал Бенсон. — Валяйте.

В соседней комнате Герхард, сидя в темноте на высоком табурете среди светящихся циферблатов многочисленных приборов, смотрел через полупрозрачное стекло на Дженет и Бенсона, которые начинали разговор. Сидящий рядом с ним Ричардс взял в руки микрофон магнитофона и сказал вполголоса:

— Серия стимуляций номер один, пациент Гарольд Бенсон, 11 марта 1971 года.

Герхард перевел взгляд на четыре телевизионных экрана, расположенных прямо перед ним. Первый из них показывал Бенсона крупным планом — это изображение записывалось на пленку видеомагнитофона. На второй экран компьютер проецировал изображение сорока электродов, расположенных двумя параллельными рядами в мозговом веществе. В момент стимуляции над соответствующим электродом вспыхивала яркая точка.

Третий экран показывал осциллографическую кривую электрического стимула. На четвертом экране светилась схема маленького компьютера, вживленного в плечо Бенсона.

Дженет Росс говорила в соседней комнате.

— Вы будете испытывать самые разные ощущения, в том числе и очень приятные. Мы хотим, чтобы вы нам рассказывали о том, что чувствуете. Хорошо?

Бенсон кивнул.

Ричардс сказал:

— Первый электрод, пять милливольт в течение пяти секунд.

Герхард нажал несколько кнопок. На одном из экранов появилась схема замкнутой цепи, ток зазмеился по сложному электронному лабиринту вживленного компьютера. Операторы следили за Бенсоном сквозь полупрозрачное стекло.

— Забавно, — сказал Бенсон.

— Что именно? — спросила Дженет.

— Это ощущение.

— Вы можете его описать?

— Как будто я ем бутерброд с ветчиной.

— Вы любите бутерброд с ветчиной?

Бенсон пожал плечами:

— Не так чтоб очень.

— Вы чувствуете голод?

— Не так чтоб очень.

— Вы чувствуете что-нибудь еще?

— Нет. Только вкус хлеба и ветчины. — Он улыбнулся. — Черного хлеба.

Герхард кивнул. Первый электрод стимулировал какое-то давнее воспоминание.

Ричардс:

— Второй электрод, пять милливольт, пять секунд.

Бенсон:

— Мне нужно в туалет.

— Это пройдет, — сказала Дженет.

Герхард отодвинулся от приборной панели и, прихлебывая кофе, следил за происходящим.

— Третий электрод, пять милливольт, пять секунд.

Этот электрод не оказал никакого воздействия.

Бенсон продолжал спокойно обсуждать с Дженет туалетные комнаты в ресторанах, отелях, аэропортах...

— Попробуй еще раз, — сказал Герхард. — Добавь пять милливольт.

Повторение третьего электрода, десять милливольт, пять секунд.

На телевизионном экране цепь замкнулась через третий электрод. Снова безрезультатно.

— Переходи к четвертому, — сказал Герхард и сделал несколько пометок.

№ 1 — воспоминание (бутерброд с ветчиной),

№ 2 — переполнение мочевого пузыря,

№ 3 — никаких субъективных изменений,

№ 4 —

Герхард поставил тире и стал ждать. Для того чтобы испробовать все сорок электродов, требовалось немало времени, но это было дьявольски интересно.

Воздействие электродов оказывалось удивительно разным, хотя располагались они совсем рядом. Еще одно неопровержимое доказательство плотности мозга, который кто-то называл самой сложной структурой нашей Вселенной. И совершенно справедливо: количество клеток в мозгу одного человека втрое превышает численность населения всего земного шара. Воображение было бессильно представить подобную плотность. Едва начав работать в НПИО, Герхард решил изучать мозг в натуре. Он занимался препарированием несколько дней, обложившись десятком учебников. С помо-

щью тупой деревянной палочки, обычного инструмента для препарирования мозга, он осторожно и терпеливо соскребал сыроподобное серое вещество — соскребал и в конце концов остался ни с чем. Мозг не похож на печень или легкие. Невооруженному глазу он представлялся абсолютно единообразным, и ничто не говорило о его функциях.

Мозг был слишком сложным, слишком тонким механизмом. И слишком плотным.

— Четвертый электрод, — сказал Ричардс в микрофон. — Пять милливольт, пять секунд.

Станным, детским голосом Бенсон произнес:

— Можно мне пирожка с молочком?

— Интересно, — заметил Герхард, следя на ним.

Ричардс кивнул.

— Как по-твоему, сколько ему сейчас лет?

— Пять-шесть, не больше.

Бенсон болтал с Дженет о пирожках, о своем трехколесном велосипеде. В течение следующих нескольких минут он медленно, точно путешественник во времени, возвращался из прошлого в настоящее.

Наконец он снова стал взрослым и уже рассказывал о своем детстве, а не жил в нем.

— Я постоянно клячил пирожки, а она мне их не давала. Говорила, что от них у меня могут испортиться зубы.

— Продолжим, — сказал Герхард.

— Пятый электрод, пять милливольт, пять секунд, — сказал Ричардс.

В соседней комнате Бенсон заерзал в кресле. Дженет спросила, что с ним.

— Очень странное ощущение, — сказал Бенсон.

— А именно?

— Трудно описать. Как наждачной бумагой... раздражает...

Герхард кивнул и сделал пометку: № 5 — «потенциальный припадок». Это иногда случалось. Вдруг оказывалось, что вживленный электрод стимулировал припадок. Никто не знал почему. Герхард считал что на этот вопрос найти ответ не удастся. Он был убежден, что мозг вообще непостижим.

Работа с программами типа «Джордж» и «Марта» убедила Герхарда, что относительно простая программа может вызвать сложное и непредсказуемое поведение компьютера. Бывает также, что запрограммированная машина далеко обходит своего программиста: так, в 1963 году Артур Сэмюэль «научил» машину играть в шашки и она в конце концов начала выигрывать у своего учителя.

А ведь все эти исследования проводились на машинах, чей электронный мозг не превосходил по сложности муравьиный. Мозг человека был куда сложнее, а его программирование длилось десятки лет. Так как же можно было надеяться постичь механизмы его работы?

В какой-то мере это оборачивалось философской проблемой. Согласно теореме Геделя, ни одна система не может объяснить саму себя и ни одна машина не может понять свое внутреннее устройство. В лучшем случае, считал Герхард, человеческий мозг после долгих лет работы сможет расшифровать мозг лягушки. Но он никогда не сможет в равной мере постичь себя. Для этого требуется сверхчеловеческий мозг.

Когда-нибудь, полагал Герхард, будет сконструирован компьютер, который сможет разобраться в мириадах нервных клеток и в сотнях миллиардов внутренних связей в человеческом мозгу. Тогда наконец человек получит искомые сведения — но добудет их для него другой разум. И человек, конечно, не будет знать, как работает этот компьютер.

В комнату вошел Моррис с чашкой кофе. Он отхлебнул глоток и посмотрел на Бенсона.

— Ну, как он держится?

— Хорошо, — ответил Герхард.

— Шестой электрод, пять и пять, — сказал Ричардс.

Бенсон никак не прореагировал. Он говорил с Дженет об операции, о том, что у него все еще болит голова. Повторная стимуляция также ничего не дала.

— Седьмой электрод, пять и пять, — сказал Ричардс.

Бенсон внезапно выпрямился.

— Это было приятно, — сказал он.

— Что? — спросила Дженет.

— Повторите, если вам нужно.

— Какое у вас возникло ощущение?

— Очень приятное, — сказал Бенсон. Он словно весь преобразился. — А знаете, доктор Росс, — добавил он, — вы замечательный человек.

— Благодарю вас.

— И очень привлекательны. Не помню, говорил я вам об этом раньше?

— Как вы себя сейчас чувствуете?

— Вы мне очень нравитесь. Не знаю, говорил я вам раньше?

— Мило, — проговорил Герхард, — наблюдая за Бенсоном. — Очень мило.

Моррис кивнул:

— Сильный центр удовольствия.

Герхард сделал пометку в своем блокноте. Моррис отхлебнул кофе. Они подождали, пока Бенсон успокоится. Потом Ричардс невозмутимо сказал:

— Восьмой электрод, пять милливольт, пять секунд.

Пробы продолжались.

2 В полдень на интервьюинг пришел Макферсон. Это никого не удивило. В известном смысле исход операции решался только теперь. Электроды, компьютер и батарейка были вживлены и подсоединены друг к другу, но они бездействовали, дожидаясь включения. Так новый автомобиль ждет, чтобы кто-нибудь повернул ключ зажигания.

Герхард показал Макферсону свои записи.

— При раздражении мозга импульсами по пять милливольт три точки дали положительные результаты, а две — отрицательные. Положительный результат получен с седьмым, девятым и тридцать первым электродами. Отрицательный — с пятым и тридцать вторым.

Макферсон взглянул на записи, потом посмотрел на Бенсона через полупрозрачное стекло.

— Среди положительных есть подход к центру удовольствия?

— По-видимому, седьмой.

— Сильный?

— Вполне. Когда мы его стимулировали, он сказал, что это ему нравится, и проявил большой интерес к Джен.

— Может быть, слишком сильный? С вредными последствиями?

Герхард покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Если, конечно, стимуляции не будут следовать друг за другом через короткие интервалы. Как было с тем норвежцем...

— Нам вряд ли следует этого опасаться, — перебил Макферсон. — Бенсон останется в клинике еще несколько дней. Если что-нибудь пойдет не так, мы всегда сможем переключить электроды. Нужно просто держать его под наблюдением. А девятый как?

— Слабоват и даже не очень четок.

— Как он реагировал?
— Повеселел, начал чаще улыбаться, рассказывать забавные анекдоты.

Макферсона это не заинтересовало.

— А как тридцать первый?

— Четкое успокаивающее действие. Безмятежность, расслабление, радость.

Макферсон потерял руки.

— Ну, мне кажется, можно остановиться на этом, — сказал он, еще раз взглянул через стекло не Бенсона и распорядился: — Включите седьмой и тридцать первый электроды.

Макферсон, несомненно, ощущал весь драматизм этого момента, его будущее место в истории медицины. Но сказать то же про Герхарда было никак нельзя. Он встал с табурета и равнодушно, словно ничего, кроме скуки, не испытывал, подошел к пульту управления компьютера в углу под телевизионным экраном. Он нажал на кнопки, экран засветился, и секунду спустя на нем возникла надпись:

БЕНСОН Г.Ф.

ИНТЕРФЕЙСИНГ.

ЭЛЕКТРОДЫ: 40, обозначение по номерам.

НАПРЯЖЕНИЕ: постоянное.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: постоянная.

ФОРМЫ ВОЛН: импульсы.

Герхард нажал кнопку, и надпись исчезла, сменившись вопросами, на которые Герхард печатал ответы.

ИНТЕРФЕЙСИНГ, БЕНСОН Г.Ф.

1. КАКИЕ ЭЛЕКТРОДЫ БУДУТ ВКЛЮЧАТЬСЯ?

Только 7, 31.

2. НАПРЯЖЕНИЕ НА СЕДЬМОМ ЭЛЕКТРОДЕ?

5 милливольт.

3. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ СТИМУЛЯЦИИ СЕДЬМЫМ ЭЛЕКТРОДОМ?

5 секунд.

После краткого перерыва те же вопросы были повторены для тридцать первого электрода. Глядя на Герхарда, Макферсон сказал Моррису:

— Забавно, не правда ли? Мы даем указания маленькому компьютеру. Маленький компьютер получает инструкции от большого компьютера, а тот получает их от Герхарда, самого большого компьютера.

— Может быть, — сказал Герхард и засмеялся.

На экране появилось:

ПАРАМЕТРЫ ИНТЕРФЕЙСИНГА ЗАФИКСИРОВАНЫ.

ГОТОВ К ПРОГРАММИРОВАНИЮ ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО БЛОКА.

Моррис вздохнул. Нет, ему явно не хотелось попасть в положение, когда какой-нибудь компьютер назвал бы и его «вспомогательным блоком».

Герхард продолжал невозмутимо печатать, и в комнате было слышно только это негромкое пощелкивание. Остальные телевизионные экраны показывали схему маленького компьютера. Включение закончилось, и она замерцала:

БЕНСОН Г.Ф. ПОДКЛЮЧЕН К КОМПЬЮТЕРУ.

ВЖИВЛЕННЫЙ ПРИБОР ЧИТАЕТ ЭЭГ И ОСУЩЕСТВЛЯЕТ НЕОБХОДИМУЮ ОБ- РАТНУЮ СВЯЗЬ.

И это было все. Моррис испытал легкое разочарование. Конечно, он заранее знал, что ничего другого не будет, но все-таки ждал чего-то более торжественного и теперь чувствовал себя так, словно обманулся в своих ожиданиях. Герхард произвел последнюю проверку. Все было в порядке, и на экране вспыхнула заключительная надпись:

КОМПЬЮТЕР УНИВЕРСИТЕТСКОЙ КЛИ-
НИКИ (СИСТЕМА 360) БЛАГОДАРИТ ВАС ЗА
ИНТЕРЕСНОГО ПАЦИЕНТА.

Герхард улыбнулся. В соседней комнате Бенсон все еще тихо беседовал с Дженет. Они ничего не заметили.

З На Дженет Росс процедура стимуляции произвела самое гнетущее впечатление. Она стояла в коридоре и смотрела вслед Бенсону, которого увозили. Сестра повернула кресло к лифту, мелькнула белая повязка на шее Бенсона, и они скрылись из виду.

Дженет пошла в противоположную сторону мимо разноцветных дверей НПИО. Ей почему-то вдруг вспомнился желтый «феррари» Артура. Воплощение элегантной беспечности. Идеальная игрушка. Ей очень захотелось оказаться сейчас в Монте-Карло: она выходит из машины Артура в своем лучшем вечернем платье и поднимается по лестнице в казино, чтобы поставить на карту всего лишь деньги, а не чью-то судьбу.

Она взглянула на часы. Черт, всего лишь четверть первого. Впереди добрая половина рабочего дня. Интересно, как живется педиатрам? Наверное, хорошо. Щекотать младенцев, делать уколы, наставлять юных матерей, как приучить ребенка проситься на горшочек. Чем не жизнь?

Перед ее глазами вновь возникло забинтованное плечо Бенсона, и она свернула в «Телекомп». Ей хотелось поговорить с Герхардом наедине, но в комнате было полно народу: Макферсон, Моррис, Эллис — короче говоря, все. Они весело переговаривались и пили кофе за здоровье друг друга.

Кто-то сунул ей в руку чашку, а Макферсон отечески положил руку ей на плечо:

— Насколько я понимаю, мы сегодня пробудили у Бенсона нежные чувства к вам.

— Как будто, — она заставила себя улыбнуться.

— Ну, я полагаю, это вам не в новинку.

— Как сказать!

В комнате стало тише, праздничное настроение угасло. Дженет почти не пожалела об этом. Вызвать у человека искусственное возбуждение — что тут смешного? Это представляет определенный научный интерес, но в эмоциональном плане вызывает скорее страх и жалость. С какой же стати так веселиться?

Эллис достал фляжку и влил ей в кофе прозрачную жидкость.

— По-ирландски, — сказал он, подмигнув. — Так будет вкуснее.

Дженет кивнула и посмотрела в глубину комнаты на Герхарда.

— Пейте же, пейте! — настаивал Эллис.

Герхард стоял рядом с Моррисом и, казалось, напряженно его слушал. Потом Дженет услышала, как Моррис сказал:

— ...кошками не торгуем.

Герхард засмеялся, Моррис засмеялся. Моррис рассказывал анекдоты.

— А ведь неплохо? — сказал Эллис. — Как по-вашему?

— Очень вкусно, — сказала Дженет, отпив глоток.

Заметив, что Моррис отошел налить себе еще кофе и Герхард остался один, она воспользовалась паузой и ускользнула от Эллиса и Макферсона.

— Послушайте, можно вас на два слова? — спросила она Герхарда.

— Конечно, — ответил Герхард, наклоняя к ней голову. — Что случилось?

— Скажите, можете вы последить за Бенсоном с помощью главного компьютера?

— За работой вживленного компьютера?

— Да.

Герхард пожал плечами.

— Могу, разумеется. Но зачем? Мы ведь знаем, что маленький компьютер в полном порядке.

— Да-да, — перебила Дженет. — Конечно. Но все-таки сделайте это. Для гарантии.

Герхард ничего не ответил, но его взгляд был достаточно выразителен. «Для гарантии против чего?» — яснее всяких слов спрашивал он.

— Ну, пожалуйста.

— Ладно, — сказал Герхард. — Я налажу контроль, как только они уйдут. Компьютер будет проверять его дважды в час.

Дженет сдвинула брови.

— Четыре раза в час?

— Лучше бы каждые десять минут.

— Договорились, — сказал Герхард. — Каждые десять минут.

— Спасибо.

Дженет залпом допила кофе и, чувствуя, как внутри нее разливается приятное тепло, вышла из комнаты.

4 Эллис сидел в углу палаты № 710 и наблюдал за суетой вокруг кровати Бенсона. Два сотрудника радиационной лаборатории проверяли уровень радиации, сестра брала кровь для исследования содержания стероидов, техник по ЭЭГ настраивал свою аппаратуру, и, наконец, Герхард и Ричардс в последний раз проверяли электроды и вживленный компьютер.

Сам Бенсон словно ничего не замечал: он неподвижно лежал на спине, глубоко дышал и смотрел в потолок. Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на людей, которые ощупывали его, поднимали и опускали его руки, поправляли простыни. Он лежал и смотрел в потолок.

У одного из техников были на редкость волосатые руки, которые по контрасту с белоснежными рукавами его халата казались очень темными, и, когда эта рука задержалась на забинтованном плече Бенсона, Эллису вдруг вспомнились обезьяны, которых он оперировал. Операции на животных — это всего лишь способ отработки методики, и как бы хирург ни убеждал себя, он ни на секунду не забывает, что перед ним обезьяна, а не человек, и можно ошибиться, можно располосовать обезьяну от уха до уха — это не страшно. Не будет ничего — ни скольких вопросов, ни родственников, ни адвокатов, ни репортеров. Даже хозяйственный отдел не станет предъявлять претензий по поводу судьбы обезьян, хотя каждая из них стоила не меньше восьмидесяти долларов. Обезьяны никого не интересуют. В том числе и его самого. Ведь свою цель он видел не в том, чтобы помогать обезьянам, а в том, чтобы помогать людям.

Бенсон пошевелился.

— Я устал, — сказал он и посмотрел на Эллиса.

— Не пора ли закругляться, ребята? — сказал Эллис.

Один за другим техники, кивнув, отходили от кровати и собирали инструменты. Последними ушли Герхард с Ричардсом. Эллис и Бенсон остались одни.

— Чувствуете сонливость? — спросил Эллис.

— Я чувствую себя чертовой машиной. Я чувствую себя как автомобиль, проходящий техобслуживание. Я чувствую себя так, словно меня ремонтируют!

Бенсон сердился все больше, Эллис заметил, что и сам волнуется. Он испытывал большой соблазн вызвать сестер и санитаров, чтобы было кому удерживать Бенсона, когда начнется припадок. Но он даже не встал со стула и только сказал:

— Это все глупости!

Бенсон, тяжело дыша, свирепо уставился на него.

Эллис взглянул на экран ЭЭГ. Волны там приобрели неправильную форму, образуя характерную для припадков конфигурацию.

Бенсон наморщил нос:

— Какой это запах? — вскрикнул он. — Отвратительный...

Над кроватью замигал красный сигнал: **СТИМУЛЯЦИЯ**. На пять секунд волны сплелись в бесформенный клубок белых линий. Зрачки Бенсона расширились. Затем линии выровнялись, а зрачки сузились до обычных размеров.

Бенсон отвернулся от Эллиса и посмотрел в окно на заходящее солнце.

— А знаете, — сказал он, — сегодня на редкость приятный день, вы не находите?

5 В 11 часов вечера Дженет Росс снова зашла в клинику. Просто так. После конца рабочего дня прозектор, который уже несколько недель настойчиво приглашал ее в кино, повторил свое приглашение, и на этот раз она наконец согласилась. Они смотрели детективный фильм — прозектор объяснил, что ходит только на детективы. Дженет насчитала пять убийств, а потом бросила считать. В темноте она покосилась на соседа: он улыбался. Его реакция на фильм была настолько стереотипной — прозектор, смакующий насилие и смерть, — что ей припомнились и другие стереотипы врачебного мира: садист-хирург, ребячливый педиатр, гинеколог-женоненавистник и, конечно, сумасшедший психиатр.

Когда они вышли из кино, прозектор подвез ее до клиники, где она оставила свою машину, но вместо того, чтобы поехать домой, она поднялась в НПИО. Просто так.

На этаже царил глубокая тишина, но Дженет рассчитывала, что Герхард и Ричардс еще не ушли. Она не ошиблась. Они сидели в «Телекомпе», склонившись над печатным устройством компьютера. Ее появление они даже не заметили. Дженет налила себе кофе и спросила.

— Что-нибудь заело?

Герхард почесал затылок:

— Теперь «Марта», — сказал он, — сначала «Джордж» отказывался быть святым. Теперь «Марта» становится милой. Все идет к чертям.

Ричардс улыбнулся:

— У вас свои пациенты, Джен. У нас — свои.

— Кстати, о моем пациенте...

— Ну конечно! — сказал Герхард, вставая. Он подошел к пульта управления. — А я-то гадал, зачем вы пришли! — Он улыбнулся. — Или неудачное свидание?

— Неудачный фильм, — ответила Дженет.

Герхард нажал несколько кнопок. Машина начала печатать цифры и буквы.

— Вот сводка всех проверок начиная с тринадцати часов двенадцати минут.

01.12 ЭЭГ нормальная
01.22 ЭЭГ нормальная
01.32 ЭЭГ нормальная
01.42 ЭЭГ сна
01.52 ЭЭГ сна
02.02 ЭЭГ нормальная
02.12 ЭЭГ нормальная
02.22 ЭЭГ нормальная
02.32 ЭЭГ сна
02.42 ЭЭГ нормальная
02.52 ЭЭГ нормальная
03.02 ЭЭГ нормальная
03.12 ЭЭГ сна
03.22 ЭЭГ сна
03.32 Стимуляция
03.42 ЭЭГ нормальная
03.52 ЭЭГ сна
04.02 ЭЭГ нормальная
04.12 ЭЭГ нормальная
04.22 ЭЭГ нормальная
04.32 ЭЭГ сна
04.42 ЭЭГ нормальная
04.52 ЭЭГ нормальная
05.02 ЭЭГ сна
05.12 ЭЭГ нормальная
05.22 ЭЭГ нормальная
05.32 ЭЭГ сна
05.42 ЭЭГ нормальная
05.52 ЭЭГ нормальная
06.02 ЭЭГ нормальная

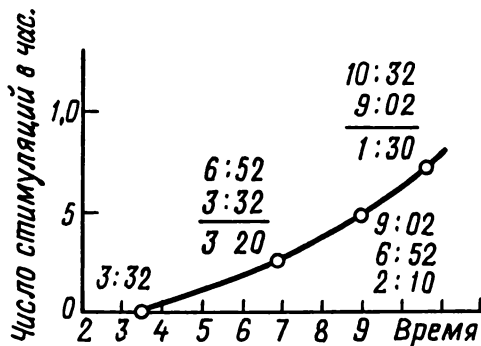
06.12 ЭЭГ нормальная
06.22 ЭЭГ нормальная
06.32 ЭЭГ нормальная
06.42 ЭЭГ нормальная
06.52 Стимуляция
07.02 ЭЭГ нормальная
07.12 ЭЭГ нормальная
07.22 ЭЭГ сна
07.32 ЭЭГ сна
07.42 ЭЭГ сна
07.52 ЭЭГ нормальная
08.02 ЭЭГ нормальная
08.12 ЭЭГ нормальная
08.22 ЭЭГ сна
08.32 ЭЭГ нормальная
08.42 ЭЭГ нормальная
08.52 ЭЭГ нормальная
09.02 Стимуляция
09.12 ЭЭГ сна
09.22 ЭЭГ нормальная
09.32 ЭЭГ нормальная
09.42 ЭЭГ нормальная
09.52 ЭЭГ нормальная
10.02 ЭЭГ нормальная
10.12 ЭЭГ нормальная
10.22 ЭЭГ нормальная
10.32 Стимуляция
10.42 ЭЭГ сна
10.52 ЭЭГ нормальная
11.02 ЭЭГ нормальная

— Я не совсем понимаю, — сказала Дженет, сдвигая брови. — Он, очевидно, то дремлет, то просыпается, а кроме того, он получил несколько стимуляций, но... — она покачала головой. — Вы не могли бы показать это иначе?

Пока она говорила, компьютер добавил в колонке цифр еще одно сообщение: 11.12 ЭЭГ нормальная.

— Уж эти мне люди! — с притворной досадой буркнул Герхард. — Не умеют воспринимать машинную информацию, и все тут.

Эта была правда. Машины молниеносно справлялись с длиннейшими колонками чисел. Людям же требовалось распознавать системы. Попытка научить машину отличать букву «Б» от буквы «В» превратилась в классическую задачу. Четырехлетний ребенок решал ее без всякого труда, но машина никак не могла уловить разницу между ними.

— Я вам дам график, — сказал Герхард. Он нажал кнопки, и колонки исчезли с экрана. Через секунду на нем появилась сетка, по которой побежали точки.

— Ах, черт, — сказала Дженет, глядя на график.

— В чем дело? — спросил Герхард.

— Он получает стимуляции все чаще. Вначале был долгий промежуток, затем они пошли через каждые два часа, а теперь этот интервал сократился до часа.

— Ну и что?

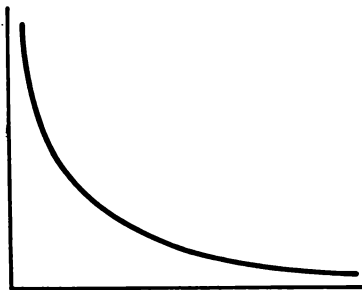
— Вам это ни о чем не говорит?

— Да нет.

— А должно бы! Мы знаем, что мозг Бенсона будет взаимодействовать с компьютером, правильно?

— Да...

— Это взаимодействие в определенном смысле будет процессом обучения. Так сказать, ребенок перед вазой с пирожками. Если хлопнуть его по руке всякий раз, как он потянется к вазе, ребенок вскоре прекратит свои попытки. Вот посмотрите. — Дженет быстро набросала график.

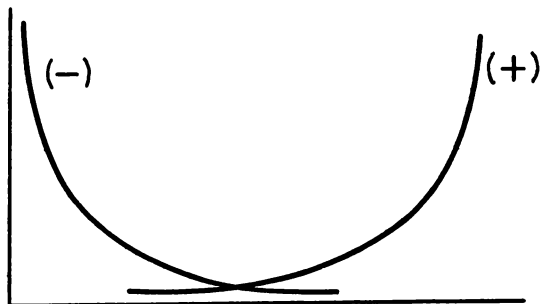

— Это — отрицательное подкрепление. Ребенок протягивает руку и испытывает боль. В результате он перестает тянуться к вазе. Понятно?

— Конечно, — ответил Герхард. — Но ведь...

— Дайте мне закончить. Так будет, если ребенок нормален. Если же он склонен упиваться своими страданиями, произойдет вот что.

Она начертила еще одну кривую.

— В этом случае ребенок все чаще и чаще протягивает руку к пирожкам, потому что ему нравится, когда его бьют по руке. И вместо отрицательного подкрепления мы получаем положительное. Вы помните Сесилия?

— Нет, — сказал Герхард.

Компьютер сообщил:

11.22 Стимуляция.

— А, черт! Так и есть! — воскликнула Дженет.

— Что?

— У Бенсона начинается положительный прогрессирующий цикл.

— Я не понимаю.

— Как у Сесилия. Сесиль был первым макаком, у которого электроды были подсоединены к компьютеру. Это было еще в шестьдесят пятом году. Компьютеры тогда еще не научились делать компактными — он был большим и громоздким, а обезьяну со-

единяли с ним вполне реальные провода. Ну, так у Сесилия была эпилепсия. Компьютер улавливал начало припадков и передавал контршок, чтобы его прекратить. Очень хорошо. Казалось, припадки должны были случаться все реже и реже, точно так же как рука ребенка должна все реже и реже тянуться к вазе. Но произошло обратное. Сесилию понравились электрические токи. И он начал старательно вызывать припадки, для того чтобы лишний раз испытать приятное ощущение.

— И, по-вашему, с Бенсоном происходит то же?

— По-моему, да.

Герхард покачал головой.

— Послушайте, Джен, все это, конечно, очень интересно. Но человек не может вызывать или прекращать эпилептические припадки по своему желанию. Он не в состоянии их контролировать. Эти припадки...

— ...непроизвольны... Совершенно верно. Человек не может их контролировать, так же как он не может контролировать ритм сердца, кровяное давление, пототделение и тому подобное.

После продолжительной паузы Герхард сказал:

— Вы ведь хотите сказать, что я ошибаюсь.

На экране компьютера замерцало:

11.32 — — — — —

— Я хочу сказать, что вы слишком редко бываете на конференциях. Вы что-нибудь слышали об аутогенной тренировке?

После паузы последовало смущенное «нет».

— Долгое время это оставалось загадкой. Считалось, что человек может научиться контролировать лишь сознательные действия. Можно научиться водить машину, но нельзя научиться снижать свое кровяное давление. Ну, конечно, были йоги, которые якобы

снижали потребность своего организма в кислороде и замедляли биение сердца почти до летального предела. Как говорят, они способны придать кишечной перистальтике обратное направление и пить через задний проход. Но все это было не доказано и казалось теоретически невозможным.

Герхард осторожно кивнул.

— Так вот, по-видимому, это вполне возможно. Можно научить крысу краснеть одним ухом. Правым или левым, как вам будет угодно. Можно научить ее снижать кровяное давление или частоту биения сердца. То же самое можно сделать и с человеком. Можно!

— Но как? — Герхард спросил это с любопытством. Его недавнее смущение уже прошло.

— Ну, человека с высоким кровяным давлением, например, достаточно поместить в отдельную комнату и надеть ему на руку манжет аппарата, измеряющего кровяное давление. Как только давление понижается, начинает звонить звонок. Вы просите пациента постараться, чтобы звонок звонил как можно больше. Звонок становится положительным подкреплением. Вначале понижение давления носит случайный характер. Но очень скоро субъект находит способ, как его снизить сознательно, и звонок раздается все чаще. А через несколько часов он уже звонит почти не переставая.

Герхард спросил:

— И вы считаете, что Бенсон искусственно вызывает припадки, чтобы получать стимуляцию?

— Да.

— Ну и что? Ведь припадков у него все равно не будет. Компьютер этого не допустит.

— Вы ошибаетесь. Года два назад одному норвежцу, страдавшему шизофренией, вживили электроды так, что он мог раздражать центры удовольствия по

желанию. Он проделывал это непрерывно, пока у него не начались судороги.

Герхард поморщился.

Ричардс, который следил за экраном, вдруг сказал:

— Что-то не так!

— В чем дело?

— Данные перестали поступать.

На экране они увидели:

11.32 — — — — —

11.42 — — — — —

Дженет вздохнула.

— Попробуйте экстраполировать эту кривую, — сказала она. — Проверьте, действительно ли у него начался цикл аутогенной тренировки и как быстро развивается этот процесс. А я пойду посмотрю, что случилось с Бенсоном.

Дверь за ней захлопнулась. Герхард повернулся к компьютеру.

Пятница
12 марта 1971 года

КРИЗИС

1 На седьмом этаже царил тишина. За столом сидели две дежурные сестры. Одна писала что-то в истории болезни, другая ела плитку шоколада и читала «Хронику кино». Дженет взяла с полки историю болезни Бенсона и раскрыла ее. Сестры не обращали на нее никакого внимания.

Дженет хотела убедиться, что Бенсон получил все назначенные ему препараты. Но, к своему удивлению, обнаружила, что это было не так.

— Почему Бенсон не получает торазина? — спросила она.

Сестры с недоумением посмотрели на нее:

— Бенсон?

— Больной в семьсот десятой палате, — Дженет посмотрела на часы: был первый час ночи. — Ему должны были начать давать торазин еще в двенадцать часов дня. Двенадцать часов назад.

— Разрешите? — одна из сестер протянула руку за историей болезни и открыла ее на странице с назначениями. Запись Макферсона о торазине была обведена красным карандашом. Рядом стояла загадочная пометка: «Позвонить».

Дженет знала, что без больших доз торазина бредовые представления Бенсона активизируются и могут стать опасными.

— Ах да! — сказала сестра. — Я помню. Доктор Моррис сказал, чтобы мы выполняли только его предписания и доктора Росс. Доктора Макфи мы не знаем и хотели позвонить ему, чтобы он подтвердил назначение. Ведь...

— Это доктор Макферсон, — жестко сказала Дженет, — глава НПИО.

Сестра хмурилась, рассматривая подпись.

— Но мы-то откуда могли это знать? Подпись неразборчивая. Вот посмотрите, — она вернула Дженет историю болезни. — Мы решили, что это «Макфи», а в телефонном справочнике клиники с таким именем есть только один — гинеколог. Ну, нам и показалось, что тут должна быть какая-то ошибка. Ведь бывает, что врачи берут не ту карту, так что мы...

— Ну хорошо, — перебила Дженет. — Это неважно. Просто дайте ему торазин и немедленно.

— Сейчас, доктор, — сестра сердито посмотрела на Дженет и направилась к шкафу с медикаментами. Дженет пошла по коридору к палате № 710.

У двери палаты, откинувшись на стуле, сидел полицейский и читал «Любовные истории» с таким увлечением, что Дженет даже удивилась. Ей не нужно было спрашивать, откуда он взял журнал — попросил у кого-нибудь из сестер, чтобы скоротать время. Он читал и курил сигарету, стряхивая пепел в направлении стоящей на полу пепельницы.

Когда Дженет подошла к двери, он оторвался от журнала.

— Добрый вечер, доктор.

— Добрый вечер. — Она с трудом удержалась, чтобы не отчитать его за неряшливость. Но полицейские находились вне ее юрисдикции, а кроме того, она просто сорвала бы на нем раздражение против дежурных сестер.

— Все спокойно? — спросила Дженет.

— Вполне.

В палате № 710 работал телевизор: из-за двери доносились голоса и смех. Кто-то сказал: «Ну и что же вы сделали?» Снова смех. Дженет открыла дверь.

Все лампы в палате были погашены, и ее освещал только экран телевизора. Бенсон лежал, отвернувшись к стене и укрывшись с головой. Он, по-видимому, спал. Дженет выключила телевизор и подошла к кровати. Она осторожно коснулась его ноги.

— Гарри, — негромко сказала она. — Гарри...

И умолкла.

Нога под ее рукой была мягкой и бесформенной. Дженет нажала посильнее и почувствовала, как что-то вздулось по сторонам ее ладони. Нащупав выключа-

тель, она зажгла лампочку на тумбочке у кровати и сдернула одеяло.

На кровати вместо Бенсона лежали три пластиковых мешка, которыми в клинике выстилали мусорные корзинки. Мешки были надуты, а отверстия завязаны крепким узлом. Свернутое полотенце заменяло голову, а еще одно полотенце, скрученное в жгут, служило «рукой».

Дженет вполголоса позвала полицейского:

— Идите-ка сюда, черт бы вас побрал!

Полицейский вбежал в палату, вытаскивая на ходу пистолет. Дженет указала на кровать. Он выругался.

— Что тут произошло?

— Это я вас хотела спросить.

Полицейский ничего не ответил. Он заглянул в ванную — никого, затем открыл стенной шкаф:

— Костюм тут...

— Когда вы в последний раз заглядывали в палату?

— ...а вот ботинок нет, — продолжал полицейский, все еще изучая содержимое стенного шкафа. — Его ботинки пропали. — Он обернулся к Дженет и с отчаянием в голосе спросил. — Да где же он?

— Когда вы в последний раз заглядывали в палату? — повторила она и нажала кнопку, вызывая дежурную сестру.

— Минут двадцать назад.

Дженет подошла к открытому окну и выглянула. Далеко внизу она увидела стоянку для машин, но даже самый ловкий акробат не сумел бы спуститься по этой отвесной стене с седьмого этажа.

— На какое время вы отлучались?

— Послушайте, доктор, я только на несколько минут...

— На какое время?

— У меня кончились сигареты. У вас в клинике нет автоматов. Мне пришлось зайти в кафе напротив. Я отсутствовал три минуты. Около половины двенадцатого. Сестры обещали приглядеть за ним.

— Великолепно, — сказала Дженет.

Она заглянула в тумбочку — бритвенный прибор Бенсона, его бумажник, ключи от машины... все было на месте.

В дверь просунула голову дежурная сестра:

— Что еще такое?

— По-видимому, пропал больной, — сказала Дженет.

— Простите, но...

Дженет махнула рукой в сторону пластиковых мешков на кровати. Сестра не сразу сообразила, в чем дело, но потом побелела.

— Позвоните доктору Эллису, — распорядилась Дженет. — А также доктору Макферсону и доктору Моррису. Они сейчас дома. Пусть диспетчер вас соединит. Объясните, что дело не терпит отлагательств. А им скажите, что Бенсон исчез. Потом позвоните в отдел охраны клиники. Вы все поняли?

— Да, доктор, — ответила дежурная сестра и выбежала из палаты.

Дженет села на кровать и посмотрела на полицейского.

— Откуда у него были мешки? — спросил он.

Дженет уже знала ответ на этот вопрос.

— Один он взял из мусорной корзины, другой — из корзины у двери, а третий из ванной. И два полотенца из ванной.

— Ловко! — сказал полицейский и указал на стенной шкаф. — Далеко он уйти не мог. Вот же его одежда.

— Но ведь ботинки он взял!

— Человек с забинтованной головой и в халате далеко не уйдет, даже и в ботинках. — Полицейский покачал головой. — Надо позвонить в участок.

— Бенсон звонил кому-нибудь?

— Сегодня вечером?

— Нет, в прошлом месяце.

— Послушайте, я как-нибудь обойдусь сейчас без ваших острот!

Только тут Дженет заметила, что полицейский еще совсем молод — ему не могло быть больше двадцати трех—двадцати пяти лет — и очень испуган. Он допустил непростительный промах и не знал, чем это для него кончится.

— Извините, — сказала она. — Да, сегодня вечером.

— Один раз. Около одиннадцати.

— Вы слышали, что он говорил?

— Нет, — полицейский пожал плечами. — Мне и в голову не приходило... — он умолк.

— Значит, в одиннадцать он кому-то позвонил, а в половине двенадцатого скрылся.

Дженет вышла из палаты и оглядела коридор. По дороге к лифту Бенсон должен был пройти мимо столика дежурной сестры, и его бы остановили.

Что еще он мог предпринять? Она посмотрела в другой конец коридора. Там была лестница. Может быть, он спустился по ней? С седьмого этажа? На это у Бенсона вряд ли хватило бы сил. Да и на первом этаже его сразу бы задержал дежурный. На что он мог рассчитывать — в халате, с забинтованной головой...

— Не понимаю, — сказал полицейский, выходя в коридор, — куда он девался?

— Он ведь очень умен, — сказала Дженет.

Да, именно об этом все они были склонны забывать. Для полицейских Бенсон был преступником, обвиняющимся в нанесении тяжких телесных поврежде-

ний, то есть одним из тех сотен любителей кулачных расправ, с которыми им приходится сталкиваться каждый день. Сотрудники клиники видели в нем больного — человека несчастного, опасного, находящегося на грани психоза, и все они забывали, что Бенсон, кроме того, обладал блестящим интеллектом. На предварительном психологическом обследовании в НПИО проверка его интеллектуальных способностей дала коэффициент сто сорок четыре. Он был вполне способен подготовить побег из клиники, а затем, подслушав у двери разговор полицейского с дежурной сестрой, мгновенно осуществить свой замысел. Но как?

Он, несомненно, понимал, что в халате выйти из клиники ему не удастся. Свою одежду он оставил в палате, значит, и в ней он не рассчитывал выбраться на улицу незамеченным. Во всяком случае, ночью. Его задержали бы в вестибюле. После девяти часов поторопные в клинику не допускались.

Так что же он придумал?

Полицейский направился к кабинке дежурной сестры, чтобы позвонить в участок. Дженет пошла за ним, осматривая двери соседних палат. В палате № 709 лежал больной с ожогами, но она приоткрыла дверь и заглянула внутрь, проверяя, не там ли Бенсон. Палата № 708 была пуста: больной, которому сделали пересадку почки, еще днем выписался. На всякий случай Дженет проверила и эту палату.

На следующей двери висела табличка БЕЛЬЕВАЯ. На каждом этаже хирургического отделения имелось такое помещение, где хранились бинты, шовный материал, белье. Дженет открыла дверь и вошла. Она оглядела ряды бутылей с растворами для внутривенных вливаний, подносы с наборами различных медицинских инструментов, стерильные маски, запасные халаты, форменную одежду сестер и санитаров...

Дженет вздрогнула. В глубине полки лежал свернутый в бесформенный комок синий халат. Он был засунут между аккуратными стопками белых брюк, рубашек и курток, которые носят санитары.

Дженет позвала сестру.

— Это невозможно, — говорил Эллис, расхаживая по кабине дежурной сестры. — Абсолютно невозможно. Он перенес операцию всего два... нет, полтора дня назад. Он просто не мог уйти.

— Но ушел, — сказала Дженет. — И выбрал для этого единственно возможный способ, переодевшись в костюм санитаря. По-видимому, он спустился по лестнице на шестой этаж и там сел в лифт. В вестибюле никто не обратил на него внимания: ведь санитары приходят и уходят в любое время суток.

На Эллисе был темный костюм и белая плиссированная рубашка. Он развязал галстук и нервно курил сигарету. Дженет впервые видела, как он курит.

— И все-таки этого быть не может, — сказал Эллис. — После торазина...

— Он его так и не получил.

— Как не получил?

— Что такое торазин? — спросил полицейский, делая пометку в своем блокноте.

— Сестры решили, что произошла ошибка, и ничего ему не давали. Бенсон не получал ни снотворного, ни транквилизаторов ровно сутки.

— А, черт! — сказал Эллис и бросил на сестер свирепый взгляд. — Но ведь у него была забинтована голова, — добавил он после секунды молчания. — Кто-нибудь да заметил бы это.

Моррис, который тихо сидел в углу, сказал:

— У него был парик.

— Вы шутите!
— Я сам видел.
— Какого цвета парик? — осведомился полицейский.
— Черный, — ответил Моррис.
— А, черт, — повторил Эллис.
— Откуда у него парик? — спросила Дженет.
— Принесла какая-то его знакомая. Накануне операции.

— Но послушайте, — не отступал Эллис. — Даже в парике он не мог уйти далеко. Бумажник и деньги он оставил здесь. А в такое время поймать такси практически невозможно.

Дженет смотрела на Эллиса, удивляясь его способности закрывать глаза на реальное положение вещей. Он просто не хотел поверить, что Бенсон скрылся, и отрицал факты с упрямым ожесточением.

— В одиннадцать часов, — сказала она, — Бенсон кому-то позвонил. — Она посмотрела на Морриса. — Вы помните, кто принес ему парик?

— Хорошенькая девушка.

— Вы не запомнили, как ее зовут? — спросила Дженет с легким сарказмом.

— Анджела Блэк, — тотчас ответил Моррис.

— Попробуйте найти ее в телефонной книге, — сказала Дженет.

Моррис начал пролистывать книгу. Зазвонил телефон. Эллис снял трубку. Несколько секунд он молча слушал, затем, так ничего и не сказав, передал трубку Дженет.

— Слушаю, — сказала она.

— Я только что получил результат экстраполяции, — произнес голос Герхарда. — Вы были правы. Это действительно цикл аутогенной тренировки. Точки стимуляций точно соответствуют точкам экстраполируемой кривой.

— Чудесно, — сказала Дженет и покосилась на Эллиса, Морриса и полицейского, которые с надеждой смотрели на нее.

— Все так, как вы говорили, — продолжал Герхард. — Бенсону, очевидно, нравятся стимуляции. Он все чаще и чаще провоцирует припадок. Кривая резко идет вверх.

— Когда наступит кризис?

— Скоро, — сказал Герхард. — Если он не нарушит цикла — а это маловероятно, — то в шесть утра стимуляции будут следовать одна за другой почти без перерыва.

— Вы проверили? — спросила Дженет, нахмурившись, и посмотрела на свои часы. Они показывали половину первого.

— Да. Непрерывные стимуляции начнутся в шесть часов четыре минуты сегодня утром.

— Спасибо, — сказала Дженет и быстро повесила трубку.

— У Бенсона начался цикл аутогенной тренировки, — объяснила она, обернувшись к остальным. — Кризис наступит в шесть утра.

— Черт! — сказал Эллис, взглянув на стенные часы. — Осталось меньше шести часов.

В углу Моррис, отложив телефонную книжку, говорил со справочной:

— В таком случае попробуйте западный Лос-Анджелес... Попробуйте списки новых номеров.

Полицейский перестал делать пометки и с недоумением спросил:

— В шесть часов что-то должно произойти?

— Да, по-видимому, — ответила Дженет.

Эллис затянулся сигаретой.

— Два года, — сказал он, — и все впустую. — Он старательно погасил сигарету. — А Макферсона известили?

— Ему позвонили по телефону.

— Попробуйте незарегистрированные номера, — попросил Моррис. Несколько секунд он слушал, затем сказал: — Говорит доктор Моррис из университетской клиники. Это экстренный случай. Нам необходимо найти Анджелу Блэк. Если... — Он сердито бросил трубку. — Стерва, — сказал он.

— Ну как?

Моррис покачал головой.

— Мы ведь даже не знаем, ей ли звонил Бенсон, — сказал Эллис. — Он мог позвонить еще кому-нибудь.

— Кому бы Бенсон ни звонил, через несколько часов с этим человеком может случиться непоправимое, — сказала Дженет. Она раскрыла историю болезни Бенсона. — Ну, думаю, ночь нам предстоит длинная. Пора приниматься за дело.

2 На автостраде было много машин. На автостраде всегда много машин, даже в пятницу в час ночи. Сквозь ветровое стекло Дженет смотрела на красные пятна габаритных огней, которые сливались в единый узор, растянувшийся на несколько миль. Столько людей! Куда они едут в такое позднее время?

Дженет обычно нравилось мчаться по автостраде. Когда ей случалось возвращаться домой из клиники поздно ночью, мелькание зеленых дорожных указателей, сложная паутина развязок и эстакад, бодрящее стремительное движение вперед опьяняли ее и она чувствовала себя счастливой, веселой, свободной. Дженет выросла в Калифорнии и смутно помнила первые автострады. Их сеть росла вместе с ней, и она не считала их ни опасностью, ни злом. Они составляли неотъемлемую часть ландшафта, дарили скорость и хмельную радость.

Автомобиль играл крайне важную роль в жизни Лос-Анджелеса, города, который больше любого другого зависел от техники. Без автомобилей Лос-Анджелес погиб бы, как погиб бы без воды, которая текла к нему по трубам сотни миль, как погиб бы без некоторых методов жилищного строительства. Так жил Лос-Анджелес, и корни этого восходили к началу века.

Но в последнее время Дженет яснее начала распознавать тонкие психологические следствия этой жизни внутри автомобиля. В Лос-Анджелесе не было кафе на тротуарах, где можно посидеть и поглазеть на прохожих — ведь по тротуарам никто не ходил. Зато пока горел красный сигнал светофора, люди в течение нескольких секунд смотрели друг на друга, а затем ехали дальше. Однако в этой изолированной жизни внутри кокона из тонированного стекла и нержавеющей стали, с коврами, кондиционированным воздухом, стереомагнитофоном и холодильником было нечто противоестественное. Глубокая человеческая потребность в прямом общении с себе подобными, потребность людей посмотреть и себя показать не находила удовлетворения.

Местные психиатры все чаще сталкивались с деперсонализационным синдромом. Лос-Анджелес был городом приезжих, которые еще не успели пустить тут корни. Автомобили мешали им узнать друг друга ближе, а общественных учреждений, которые могли бы способствовать их сближению, было слишком мало. В церковь практически не ходил никто, совместные работы не удовлетворяли тяги к общению. Люди страдали от одиночества, они жаловались на свою изолированность в этом городе, где у них нет друзей, вдали от родных, от своего прежнего дома. Они утрачивали желание жить, а автомобиль оказывался весьма удобным средством для самоубийства. Полицейс-

кие даже придумали термин «единичный несчастный случай». Вы выбирали эстакаду и влетали на нее со скоростью 80—90 миль в час, вжимая педаль газа в пол... Иногда требовалось несколько часов, чтобы извлечь мертвое тело из искореженной груды металла.

На скорости 65 миль в час Дженет, перестраиваясь из ряда в ряд, свернула с автостреды у Сансета и помчалась через Голливуд-Хилз, не притормаживая на поворотах — покрышки взвизгивали, лучи фар прорезали мрак. Движение тут было небольшое, и Дженет рассчитывала через несколько минут добраться до дома Бенсона.

Теоретически задача, стоявшая перед ней и остальным штатом НПИО, была простой: вернуть Бенсона в клинику до шести утра. В этом случае они отключили бы вживленный компьютер, оборвав учащающиеся стимуляции. Затем, продержав Бенсона несколько дней на транквилизаторах, они подключили бы компьютер к другим электродам. Теперь уже ясно, что первые электроды были выбраны неправильно. Но они сознательно шли на этот риск, полагая, что у них всегда остается возможность исправить ошибку. И вот этой-то возможности они и лишились.

Вернуть Бенсона в клинику было необходимо. Простая задача, и относительно простое решение: проверить все места, где Бенсон бывал особенно часто. Просмотрев историю его болезни, все они отправились по разным адресам. Дженет к нему домой, Эллис в ночной «Клуб кроликов», где Бенсон бывал довольно часто, а Моррис — в Санта-Монику, «Аутотроникс инкорпорейтед», где работал Бенсон. Моррис дозвонился до директора фирмы, и тот обещал сам его встретить, чтобы он мог без помех осмотреть здание.

Через час им предстояло связаться друг с другом и обменяться новостями. Очень простой план, хотя, по

ее глубокому убеждению, бесполезный. Но что им оставалось делать?

З Дженет оставила машину у дома Бенсона и по выложенной плитками дорожке направилась к входной двери. Она была приоткрыта, и откуда-то изнутри доносились взрывы смеха и веселый визг. Дженет постучалась и распахнула дверь.

— Можно?

Ей никто не ответил. Смех раздавался в глубине дома. Дженет вошла. Она ни разу не была у Бенсона дома и теперь не без интереса огляделась по сторонам. Ну конечно, этого и следовало ожидать!

Снаружи дом Бенсона был совершенно таким же, как сотни и тысячи деревянных бунгало, — скромный и незаметный, точно сам Бенсон. Однако внутри словно попадали в гостиную эпохи Людовика XVI: изящные старинные стулья и козетки, гобелены на стенах, паркет из красного дерева.

— Кто-нибудь дома? — спросила Дженет.

В тишине ее голос прозвучал особенно громко, но опять ее никто не услышал: смех раздавался по-прежнему. Дженет пошла на звук и оказалась в кухне. Плита была старомодная, ни электрической духовки, ни посудомойки, ни электрического миксера, ни тостера. «Никаких машин», — подумала Дженет. Бенсон создал для себя мирок, в который современная техника не допускалась.

За окном виднелась полоска газона и плавательный бассейн — стандартная принадлежность такого рода жилищ, все та же внешняя заурядность, которую культивировал Бенсон. Подводное освещение бассейна было включено. В прорезанной зеленоватым светом воде весело плескались две молоденькие девушки. Дженет открыла дверь черного хода и вышла.

Девушки ее не заметили. Они продолжали брызгаться, визжать и смеяться. Остановившись у самого края, Дженет спросила:

— Кто-нибудь дома?

Девушки обернулись к ней. Одна спросила:

— Вы ищете Гарри?

— Да.

— Вы из полиции?

— Я врач.

Девушка ловко выбралась из бассейна и начала вытираться. Она была в красном бикини.

— Он только что ушел, — сказала она. — Только он просил, чтобы мы ничего не говорили полицейским.

— А когда он ушел?

— Несколько минут назад.

— Вы давно здесь?

— Неделью, — ответила вторая девушка из бассейна. — Гарри пригласил нас погостить. Сказал, что мы очень симпатичные.

Первая девушка накинула полотенце на плечи и сказала:

— Мы познакомились с ним у «Кроликов». Он там часто бывает.

Дженет кивнула.

— С ним не соскучишься, — сказала девушка. — Всегда что-нибудь придумает. Вы знаете, кем он сегодня оделся?

— Кем же?

— Больничным санитаром. Все белое. — Она показала головой. — Умереть можно!

— Вы с ним говорили?

— А как же!

— Что он вам сказал?

Девушка в красном бикини пошла к дому. Дженет последовала за ней.

— Он сказал, чтобы мы ничего не говорили полицейским. Пожелал нам повеселиться.

— Зачем он приезжал?

— Ему надо было взять вещи.

— Какие?

— Что-то из его кабинета.

— Где его кабинет?

— Пойдемте, я вам покажу.

Они вошли в дом. Ноги девушки оставляли на паркете мокрые следы.

— Ну и местечко! Гарри просто псих. Вы слышали, как он рассуждает?

— Да.

— Ну, так вы знаете. Совсем свихнутый. — Она обвела комнату рукой. — Такое старье! Зачем он вам понадобился?

— Он болен, — сказала Дженет.

— Понятно. То-то он был весь в бинтах. Попал в автомобильную катастрофу?

— Ему сделали операцию.

— Seriously? В больнице?

— Да.

— Seriously?

Они вышли в коридор, в конце которого находились спальни. Девушка толкнула одну из дверей, и они оказались в кабинете — старинный письменный стол, старинные лампы, набитая волосом кушетка.

— Он зашел сюда и что-то взял.

— Вы заметили, что?

— А мы не смотрели. Какие-то рулоны. — Она показала руками. — Очень длинные. Как будто чертежи или еще что-то такое.

— Он взял еще что-нибудь?

— Да. Металлическую коробку.

— Какую? — Дженет представилось что-то вроде чемоданчика для бутербродов или ботанизирки.

— По-моему, это был набор инструментов. Он на секунду ее открыл, и там как будто лежали инструменты и еще что-то.

— А что именно?

Девушка помолчала, покусывая губы.

— Ну, я не очень разглядела, но...

— Да?

— По-моему там лежал пистолет.

— Он вам сказал, куда думает поехать?

— Нет.

— И вообще ничего?

— Нет.

— Он сказал, когда вернется?

— Знаете, он был какой-то странный. Поцеловал меня, потом Сюзи, сказал, чтобы мы веселились, и попросил ничего не говорить полицейским. А потом сказал, что, наверное, мы больше не увидимся. — Она покачала головой. — Странно как-то. Но вы же знаете Гарри.

— Да, — сказала Дженет. — Я знаю Гарри. — Она посмотрела на свои часы: 1.47. Оставалось еще четыре часа. Только четыре часа.

ЗВ ноздри Эллиса ударил едкий запах разгоряченных и потных человеческих тел. Он с отвращением поморщился. Как только Бенсон мог бывать здесь?

Круг яркого света вырвал из темноты стройные женские ноги. Невидимые зрители выжидающе замерли. Эллис вспомнил дни своей морской службы, когда он еще заглядывал в подобные заведения. Это было

в Балтиморе и так давно, что ему стало грустно — до чего же быстро летит время!

— А теперь, уважаемые дамы и господа, неподражаемая, очаровательнейшая Син-тия Син-сия. Поприветствуем прекрасную Син-тию.

Пятно света скользнуло выше, озарив девушку с красивым лицом, но очень пикантной фигурой. Заиграл оркестр. Когда свет добрался до глаз Син-тии, она замигала и принялась довольно неуклюже танцевать. Однако никого не смущало, что она не попадает в такт.

— Гарри Бенсон? — переспросил управляющий, стоявший рядом. — Да, он тут часто бывает.

— А давно вы его видели?

— Ну, давно — недавно, — сказал управляющий и кашлянул. На Эллиса пахло сладковатым запахом перегара. — Но я вам вот что скажу: лучше бы он тут не околачивался. По-моему, у него не все дома. И он всегда пристаёт к девочкам. А вы знаете, как трудно с ними ладить? Никаких сил не хватает.

Эллис кивнул и обвел взглядом публику. Бенсон скорее всего переоделся. Не станет же он расхаживать в форме санитара! Эллис внимательно вглядывался в затылки, в полоску шеи над воротничком. Но ни одной повязки не увидел.

— Значит, совсем недавно вы его не видели?

— Нет, — сказал управляющий, покачав головой. — На этой неделе ни разу. — Он окликнул официантку в белом бикини из кроличьего меха и с подносом, уставленным бокалами. — Салли, ты Гарри не видела?

— Наверно, он где-нибудь тут, — неопределенно ответила она и отошла.

— Нет, лучше бы он тут не околачивался и не надоедал девочкам, — сказал управляющий и снова кашлянул.

Эллис прошел в глубину зала. Над его головой в сизом табачном дыму скользнул луч прожектора, следуя за движениями девицы на сцене. Заложив руки за спину, она дергалась, вперив в темноту бессмысленные, пустые глаза. Эллис вдруг понял, почему Бенсон называл клубных танцовщиц машинами. Они и правда двигались, как автоматы.

Его опытный глаз различил под грудью танцующей девушки два шрама — следы пластической операции. Бенсона нигде не было, и Эллис вышел из зала. Он заглянул в телефонную будку, а потом в мужской туалет.

Там было тесно и пахло рвотой. Эллис брезгливо сморщился и посмотрел на себя в треснутом зеркале над раковиной. Да, «Клуб кроликов» в буквальном смысле слова бил вам в нос. Эллис попробовал представить себе, как это могло действовать на Бенсона.

Он вернулся в зал и направился к выходу.

— Ну, как? Видели его? — спросил управляющий.

Эллис покачал головой и прикрыл за собой дверь. На улице он глубоко вдохнул свежий ночной воздух и сел в машину, все еще размышляя о возможной роли запахов. Он уже не раз задумывался над этой проблемой, но ни к каким выводам еще не пришел.

Оперируя Бенсона, он воздействовал на определенную часть мозга — лимбическую систему. В эволюционном отношении лимбическая система представляет собой одну из «старейших» частей мозга. Ее первоначальной функцией было восприятие запахов. Собственно говоря, ее старинное название «ринэнцефалон» в переводе означало «обоняющий мозг».

Ринэнцефалон развился 150 миллионов лет назад, когда на Земле царствовали пресмыкающиеся. Он контролировал простейшее поведение: ярость и страх, инстинкт размножения и голод, нападение и бегство.

Собственно поведение пресмыкающихся этим и исчерпывалось. У человека же есть еще и кора головного мозга.

Однако это относительно недавнее добавление. Появилась кора примерно два миллиона лет назад. А в своем современном виде она существует лишь около ста тысяч лет. В масштабах эволюции это ничтожно малый срок. Кора образовалась вокруг лимбического мозга, который, скрытый под ней, оставался прежним. Кора, способная ощущать любовь, испытывать угрызения совести и создавать стихи, пребывала в состоянии хрупкого перемирия с мозгом крокодила, который лежал под ней. Иногда, как, например, в случае с Бенсоном, перемирие нарушалось и на время власть переходила к мозгу крокодила.

Как было обоняние связано со всем этим? Эллис не знал. Бесспорно, приступы часто начинались с ощущения странного запаха. Но все ли этим исчерпывалось? Быть может, тут действовал какой-нибудь неизвестный фактор?

Ответить на этот вопрос Эллис не мог, но, подумал он, уже сидя в автомобиле, сейчас было не время для подобных размышлений. Пока они должны во что бы то ни стало найти Бенсона, прежде чем его крокодилий мозг окажется хозяином положения. Однажды в НПИО Эллис видел это — наблюдал через полупрозрачное стекло. Бенсон держался абсолютно нормально и вдруг бросился к стене, изо всех сил ударил по ней кулаком, потом схватил стул и разбил его о стену в щепки. Нападение было внезапным, бездумным и яростным.

«Шесть часов утра, — подумал Эллис. — Времени остается так мало!»

4 — Что случилось? Чрезвычайное происшествие? — спросил Фарли, открывая дверь «Аутотроникса».

— Примерно, — ответил Моррис, поеживаясь. Ночь была прохладной, а он целых полчаса ждал Фарли у подъезда.

Фарли был высок, худощав и нетороплив. А может быть, он просто хотел спать. Моррису показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Фарли наконец открыл дверь и они вошли. Фарли зажег свет в очень скромно обставленном вестибюле и направился в глупину здания.

Они вошли в большой зал. Там между сверкающими металлическими конструкциями стояли письменные столы. Моррис слегка нахмурился.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал Фарли. — Вы думаете, у нас здесь беспорядок.

— Нет. Я...

— Да. Так оно и есть. Но мы добиваемся результатов, можете мне поверить, — Фарли махнул рукой в дальний угол комнаты. — Вон стол Гарри, рядом с «БАПом».

— С каким БАПом?

Фарли указал на огромного металлического паука:

— «БАП» — Безнадежно Автоматический Пинг-понгист. — Он улыбнулся. — Не так чтобы очень безнадежный, — добавил он. — Но мы тут любим шутить.

Моррис обошел вокруг, разглядывая машину.

— Она играет в пинг-понг?

— Довольно плохо, — признался Фарли. — Но мы над ней работаем. Мы получили дотацию от Министерства обороны на робота, играющего в пинг-понг. Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что это одно баловство.

Моррис пожал плечами. Ему не нравилось, когда ему то и дело сообщали, о чем он думает.

Фарли улыбнулся:

— Одному богу известно, зачем это им понадобилось. Но, конечно, такой робот открывает массу возможностей. Представьте себе компьютер, способный распознать сферическое тело, быстро перемещающееся в трехмерном пространстве, а затем ударить по этому телу так, чтобы оно отлетело назад в строгом соответствии с определенными правилами. Ведь шарик должен упасть между двумя белыми линиями, обязательно удариться о стол и так далее. Так что вряд ли такой робот требуется им для розыгрышей первенства по пинг-понгу. — Фарли отошел от машины, открыл дверцу холодильника, которую украшала большая оранжевая надпись РАДИАЦИЯ с пометкой ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ, и достал две банки.

— Хотите кофе?

Моррис еще раз прочел грозные предупреждения.

— Чтобы отпугивать секретарш, — Фарли засмеялся. Его веселое настроение смущало Морриса.

Фарли открыл банку с растворимым кофе, а Моррис подошел к столу Бенсона и приоткрыл верхний ящик.

— Что, собственно, произошло с Гарри?

— Простите? — сказал Моррис.

В ящике лежали карандаши, бумага, логарифмическая линейка и листки, исписанные вычислениями. Во втором ящике, по-видимому, хранились письма.

— Но ведь он был в клинике?

— Да. Его оперировали, а потом он исчез. Мы пытаемся его найти.

— Он действительно в последнее время был какой-то странный.

— Угу. — Моррис перебирал содержимое ящика. Деловые письма, деловые письма, бланки заявок...

— Я помню, когда это началось, — сказал Фарли. В ту неделю, когда был достигнут Водораздел.

Моррис обернулся к нему:

— Когда-когда?

— Когда был достигнут Водораздел. Вам как, чер-
ный или со сливками?

— Черный.

Фарли протянул Моррису чашку, а в свою положил густенные сливки и размешал их.

— Неделя, когда был достигнут Водораздел, — ска-
зал он, — пришлась на июль тысяча девятьсот шестьде-
сят девятого года. Вы, конечно, ничего о ней не слышали?

Моррис покачал головой.

— Это не официальное название. Его придумали
мы. Видите ли, все, кто занимается нашим делом,
знали, что это неизбежно.

— Что?

— Что будет достигнут Водораздел. Во всем мире
специалисты по счетно-вычислительным машинам
предвидели его и ждали, когда он будет достигнут. Это
произошло в июле шестьдесят девятого. Способность
обработки информации всех компьютеров в мире пре-
высила способность обработки информации мозгом
всех людей на земном шаре. Компьютеры стали накап-
ливать больше информации, чем три с половиной мил-
лиарда населения нашей планеты.

— Это и есть Водораздел?

— Вот именно.

Моррис отпил большой глоток. Горячий кофе об-
жег ему язык, но слегка взбодрил его.

— Вы шутите?

— И не думаю. Дело обстоит именно так. Водораз-
дел был пройден в шестьдесят девятом, и с тех пор

компьютеры неуклонно обходят людей. В семьдесят пятом году их способности в пятьдесят раз превысят человеческие. — Фарли промолчал. — Гарри это совершенно выбило из колеи.

— Могу себе представить, — сказал Моррис.

— Вот тогда это у него и началось. Он стал каким-то странным и очень скрытным.

Моррис окинул взглядом компьютеры, размещенные в зале. Ему стало немного не по себе: впервые в жизни он оказался в помещении, буквально загроможденном вычислительной техникой. Он понял, что ошибся в своей оценке Бенсона. Ему казалось, что Бенсон мало чем отличается от других людей. Но тот, кто работал в этом зале, не мог быть таким, как все. Работа тут неизбежно меняла человека. Моррис вспомнил, как однажды Дженет Росс сказала, что внутреннее сходство всех людей между собой — не более чем миф. Многие люди ни на кого не похожи. Просто ни на кого.

Фарли тоже своеобразен. При других обстоятельствах он увидел бы в нем только присяжного остряка. Но Фарли, несомненно, дьявольски умен. Так чем же порождена эта шутовская манера держаться?

— Вы знаете, как быстро развивается этот процесс? — спросил Фарли. — Стремительно. За какие-нибудь несколько лет нам удалось перейти от миллисекунд к наносекундам. Компьютер пятьдесят второго года ИЛЛИАК I мог проделывать одиннадцать тысяч арифметических действий в секунду. Быстро, а? Сейчас уже почти закончен ИЛЛИАК IV. Он будет производить двести миллионов операций в секунду. Это четвертое поколение. Разумеется, он не мог быть создан без помощи других компьютеров. Над его созданием два года с полной нагрузкой работали два компьютера.

Моррис допил кофе. То ли от усталости, то ли под воздействием этого жутковатого зала, но он вдруг ощутил некоторое родство с Бенсоном. Компьютеры, которые конструируют другие компьютеры... Может быть, они действительно завладевают миром? Интересно, что сказала бы Дженет? Совместный бред?

— Что-нибудь интересное у него в столе?

— Нет, — сказал Моррис.

Он сел на стул у стола Бенсона и оглядел зал. Он попытался принять позу Бенсона, думать, как Бенсон, стать Бенсоном.

— Как он проводил свободное время?

— Не знаю, — сказал Фарли, усевшись на столе напротив. — В последние месяцы он совсем замкнулся в себе. Я знаю, что у него были неприятности с полицией. И мне было известно, что он решил лечь к вам. Но клиника ему не очень нравилась.

— Почему же? — спросил Моррис без большого интереса. В том, что клиника вызывала у Бенсона враждебность, ничего удивительного не было.

Фарли не ответил. Он направился к доске для объявлений, к которой были пришпилены газетные вырезки и фотографии, снял пожелтевшую газетную заметку и протянул ее Моррису.

Это была вырезка из «Лос-Анджелес Таймс» от 17 июля 1969 года. Заголовок гласил «Университетская клиника получает новый компьютер». В заметке описывался компьютер системы 360, который был приобретен клиникой и установлен в ее подвале, чтобы использоваться для научных исследований, при операциях и в некоторых других целях.

— Вы обратили внимание на число? — спросил Фарли. — Неделя, когда был достигнут Водораздел.

Моррис, сдвинув брови, уставился на дату.

5 «Я стараюсь быть логичным, доктор Росс». «Я понимаю, Гарри». «Мне кажется, при обсуждении подобных предметов необходимо быть логичным и рассуждать рационально, ведь так?»

«Конечно».

Дженет Росс смотрела на вращающиеся кассеты магнитофона. Напротив Эллис, закрыв глаза, откинулся в кресле. Между его пальцами тлела сигарета. Моррис, продолжая слушать, налил себе вторую чашку кофе. Дженет записывала все, что им было известно, стараясь решить, каким должен быть их следующий шаг.

«В своих оценках я исхожу из тенденций, которыми, на мой взгляд, необходимо противостоять, — говорил Бенсон. — Их четыре. Во всяком случае — наиболее важных. Перечислить их?»

«Да, конечно».

«Вам это действительно хочется знать?»

«Да, действительно».

«Ну, так первая тенденция — это универсальность компьютера. Компьютер — машина, но машина, не похожая ни на одну другую из созданных за всю историю человечества. У остальных машин есть какое-то одно узкое назначение. Как, скажем, у автомобилей, холодильников, электрических посудомоек. И мы привыкли к тому, что машине присущи только специфические функции. Но к компьютерам это не относится. Они способны делать все...»

«Но ведь компьютеры...»

«Пожалуйста, дайте мне закончить. Вторая тенденция — это автономность компьютера. Прежде компьютеры не были автономны. Они походили на счетные машины и работали, только когда вы сидели рядом и нажимали кнопки. Как автомобиль: автомо-

биль не может ехать без шофера. Но сейчас все изменилось. Компьютеры обретают автономность. Вы можете запрограммировать их, а затем уйти, и они все сделают сами».

«Гарри, я...»

«Пожалуйста, не перебивайте меня. Это очень серьезно. Третья тенденция — это миниатюризация. Вы сами знаете. Компьютер, который в тысяча девятьсот пятидесятом году занимал целую комнату, теперь немногим больше сигаретной пачки. Скоро он станет еще меньше».

«Тенденция номер четыре...» — начал Бенсон после паузы, но Дженет выключила магнитофон. Она поглядела на Эллиса и Морриса и сказала:

— Бесполезно.

Они не ответили. Глаза у них были усталыми и пустыми. Дженет посмотрела на свои заметки.

Бенсон дома в 12.30. Взял (?) чертежи (?), пистолет и набор инструментов.

В последнее время Бенсон не бывал в «Клубе кроликов». Бенсон был очень встревожен, когда в июле 1969 года в университетской клинике был установлен компьютер.

— Какие-нибудь идеи? — спросил Эллис.

— Нет, — сказала Дженет. — Но, по-моему, кому-нибудь из нас надо поговорить с Макферсоном. — Она посмотрела на Эллиса, и он вяло кивнул. Моррис пожал плечами. — Хорошо. Я поговорю с ним сама.

Часы показывали 4.30.

— Мы испробовали все, что могли, — сказала Дженет Росс. — Время на исходе.

Макферсон смотрел на нее через письменный стол тусклыми усталыми глазами.

— Что я, по-вашему, должен сделать? — спросил он.

— Поставить в известность полицию.

— Это давно сделано. Дежурный полицейский сразу же сообщил все по начальству. Насколько я понимаю, седьмой этаж сейчас кишит полицейскими.

— Полиция ничего не знает об операции.

— Послушайте! Его на операцию привезли полицейские! Им прекрасно известно, что его оперировали.

— Но о том, к чему может привести операция, они не знают ничего.

— Они об этом не спрашивали.

— И они не знают о прогнозе компьютера на шесть часов утра.

— Ну и что? — спросил он.

Дженет начинало сердить его тупое упрямство. Ведь он прекрасно понимал, что она имела в виду.

— Наверное, они взглянули бы на дело иначе, если бы узнали, что в шесть часов утра у Бенсона должен начаться припадок.

— Вы правы, — сказал Макферсон, устало сторбившись. — До сих пор он был для них человеком, обвиняемым в нанесении телесных повреждений, который скрылся. А тогда он превратится в сумасшедшего убийцу с проводами в мозгу. — Макферсон вздохнул. — Пока они ставят своей целью задержать его. Если же сообщить им остальное, они постараются его убить.

— Но ведь речь идет о жизни людей. Если прогноз...

— Вот именно, — перебил ее Макферсон, — прогноз, сделанный компьютером. Он опирается на введенные в компьютер сведения, а они исчерпываются тремя стимуляциями. Через три точки можно провести множество кривых и экстраполировать их по-всякому. У нас нет достаточного основания утверждать, что

кризис наступит именно в шесть часов. Не исключено, что его вообще не будет.

Дженет посмотрела на графики, развешанные по стенам. В этом кабинете Макферсон проектировал будущее НПИО и увековечивал свои надежды в этих вот разноцветных графиках. Она знала, что значат для него эти графики. Знала, что значит для него НПИО. Знала, что значит для него Бенсон. И тем не менее позиция, которую он занял, была неразумной и безответственной.

Но как сказать ему об этом?

— Послушайте, Джен, — начал Макферсон. — По вашим словам, мы испробовали все, что могли. Я с вами не согласен. Мы еще можем просто подождать. Я не исключаю возможности, что он сам вернется в клинику, вернется искать у нас помощи. И пока на это есть надежда, я предпочитаю ждать.

— Значит, вы не считаете нужным информировать полицию?

— Нет.

— А если он не вернется к нам? Вы действительно готовы нести ответственность, если во время припадка он на кого-нибудь нападет?

— Я и так уже ее несу, — Макферсон грустно улыбнулся.

На часах было 5.00.

6 Они все были измучены, но никто из них не смог бы заснуть. Они сидели в «Телекомпе» и следили за кривой на экране компьютера, которая ползла к точке припадка. 5.30, затем 5.45.

Эллис докурил последнюю сигарету и пошел за новой пачкой. Моррис уткнулся в журнал, который лежал у него на коленях, но ни разу не перевернул страницу. Время от времени он поднимал голову и смотрел на стенные часы.

Дженет ходила взад-вперед и наблюдала, как за окном над бурой полоской смога на востоке разгорается утренняя зоря.

Вернулся Эллис с новым запасом сигарет.

Герхард оторвался от компьютера и занялся кофе. Моррис встал, подошел к Герхарду и начал следить за его движениями.

Дженет вдруг слышала тиканье стенных часов. Странно, что она раньше никогда его не замечала — такой громкий звук. А кроме того, раз в минуту раздавался щелчок, когда минутная стрелка перескакивала на следующее деление. Эти щелчки мешали ей. Она заметила, что с напряжением ждет, когда следующий щелчок на мгновение заглушит более тихое равномерное тиканье. «Легкая навязчивость», — подумала Дженет. Ей вспомнились другие психические явления того же порядка, которые она испытывала в прошлом: ощущение, что все это уже было, что это новое место она когда-то видела, деперсонализация, чувство, возникавшее на вечеринках, что она смотрит на себя со стороны, звуковые ассоциации, галлюцинации, фобии. Между здоровьем и болезнью, здравым рассудком и сумасшествием нет четкой границы. Это спектр. Человек занимает в нем определенное место, и те, кто находится в другой его части, кажутся ему странными. Бенсон представляется странным им, а они — Бенсону.

В 6.00 они все встали и, потягиваясь, посмотрели на часы. Ничего не произошло.

— Может быть, в четыре минуты седьмого... — сказал Герхард.

Они подождали.

Часы показали 6.04. Опять ничего. Телефон не звонил, никто не вошел в комнату. Ничего.

Эллис снял целлофановую обертку с сигаретной пачки и скомкал ее. Шуршание целлофана подейство-

вало на Дженет как скрип ржавой пилы. Эллис разгладил целлофан, снова его смял, снова разгладил... Дженет скрипнула зубами.

6.10.

Потом 6.15.

Вошел Макферсон, сказал с кривой улыбкой: «Пока все хорошо», — и снова скрылся.

Они переглянулись.

Прошло еще пять минут.

— Не знаю... — сказал Герхард, глядя на экран компьютера. — Может быть, экстраполяция все-таки была неверной. Ведь всего три точки... Может, попробовать построить еще одну кривую?

Он подошел к пульту управления и начал нажимать кнопки. По зеленому фону экрана побежали белые кривые. Герхард отвернулся от экрана.

— Нет, — сказал он. Компьютер повторяет первоначальную кривую. Это она и есть.

— Значит, компьютер врет, — сказал Моррис. — В половине седьмого откроется кафетерий. Кто хочет позавтракать?

— Не дурно бы, — проговорил Эллис и встал со стула. — Джен?

Она покачала головой.

— Я еще подожду здесь.

— Вряд ли что-нибудь произойдет, — сказал Моррис. — Вам не мешало бы подкрепиться.

— Я подожду здесь! — Дженет сама удивилась резкости своего тона.

— Ну, хорошо, хорошо, — сказал Моррис, поднимая руки ладонями вверх. Он посмотрел на Эллиса, и они вышли. Дженет осталась с Герхардом.

— У вас есть пределы достоверности для этой кривой? — спросила она.

— Да, — сказал Герхард. — Но мы их уже прошли. Они составляли плюс минус две минуты на девяносто девять процентов.

— Другими словами, припадок должен был произойти между двумя и шестью минутами седьмого?

— Да, приблизительно. — Герхард пожал плечами. — Но припадок явно не было.

Дженет подошла к окну. Солнце уже взошло, и все вокруг заливал бледный, красноватый свет. Почему восходы солнца всегда кажутся менее яркими, менее величественными, чем закаты? Они должны бы быть одинаковыми.

У нее за спиной пискнул сигнал.

— Ой-ой! — сказал Герхард.

Дженет обернулась.

— Что это?

Герхард показал на металлический ящичек на полке в углу. Ящичек был подсоединен к телефону. В нем мигала зеленая лампочка.

— Что это? — повторила Дженет.

— Специальный провод, — ответил Герхард. — Двадцатичетырехчасовая магнитофонная запись для жетона.

Дженет подошла к телефону и сняла трубку. Четкий, размеренный голос говорил: «...тело нельзя кремировать или вскрывать, пока не будет изъята атомная батарейка. Иначе может возникнуть опасность радиоактивного заражения. Для более подробной информации...»

Дженет обернулась к Герхарду.

— Как отключить запись?

Герхард нажал кнопку на ящичке. Магнитофон остановился.

— Я слушаю, — сказала Дженет в трубку.

Молчание. Потом мужской голос спросил:

- С кем я говорю?
- С доктором Росс.
- Вы как-то связаны с... — короткая пауза — нейропсихиатрическим исследовательским отделением?
- Да.
- Возьмите карандаш и запишите адрес. Говорит капитан Андерс из лос-анджелесской полиции.
- Дженет знаком попросила у Герхарда ручку.
- Что случилось, капитан?
- Мы расследуем убийство, — сказал Андерс, — и у нас есть к вам кое-какие вопросы.

7 У многоэтажного дома на одной из улиц, отходящих от бульвара Сансет, стояли три патрульные машины. Несмотря на ранний час и утреннюю прохладу, вокруг них уже собралась толпа. Дженет Росс остановила свою машину в начале улицы и пошла дальше пешком. В подъезде молодой полицейский преградил ей дорогу.

- Вы здесь живете?
- Я доктор Росс. Мне позвонил капитан Андерс. Полицейский махнул в сторону лифта.
- Третий этаж, налево, — сказал он и пропустил ее. Зеваки с интересом смотрели, как Дженет вошла в вестибюль и остановилась перед лифтом. Они вставали на цыпочки, чтобы лучше видеть, толкались, перешептывались. «За кого они меня принимают?» — мелькнуло у нее в голове. На патрульных машинах вспыхивали и гасли красные мигалки, отбрасывая багровые отблески в вестибюле. Подошел лифт, и двери сомкнулись.

Кабина выглядела неряшливо: пластиковая облицовка под дерево, истертый зеленый коврик, весь в пятнах, оставленных бесчисленными поколениями собак. Дженет раздраженно ждала, чтобы лифт наконец до-

полз до третьего этажа. Она хорошо знала такие дома — приют проституток, наркоманов и всякого городского отребья. Квартиры тут сдавались на короткий срок, помесечно, и жильцы постоянно менялись.

На третьем этаже она вышла из лифта и направилась к двери, у которой толпились полицейские. Ей снова пришлось повторить, что ее вызвал капитан Андерс, и только тогда полицейский пропустил ее в квартиру, предупредив, чтобы она ничего не трогала.

Квартира была однокомнатная, обставленная в псевдоиспанском стиле. Во всяком случае, так ей показалось. Человек двадцать там фотографировали, измеряли, посыпали вещи порошком, снимали отпечатки пальцев, что-то брали, что-то уносили — представить себе, как выглядела комната до этого, было попросту невозможно.

К ней подошел Андерс. Он был довольно молод — лет тридцать пять, не больше, в строгом темном костюме. Длинные волосы, достававшие сзади до воротничка, и роговые очки придавали ему неожиданное сходство с университетским преподавателем. «Как все-таки в нас сильны предрассудки», — подумала Дженет.

— Доктор Росс? — спросил он негромким приятным голосом.

— Да.

— Капитан Андерс. — Быстрое, уверенное рукопожатие. — Спасибо, что пришли. Тело в спальне. Медицинский эксперт тоже там.

Андерс проводил ее в спальню. На кровати лежал труп девушки лет двадцати пяти. Голова у нее была разбита, на теле зияли раны. Постельное белье пропиталось кровью, и в воздухе стоял тошнотворный сладковатый запах.

Кругом царил полнейший беспорядок: стул у туалетного столика был опрокинут, флаконы и тюбики валялись на испачканном ковре, который усеивали осколки разбитого ночника. В комнате работало шесть человек. Полицейский врач за столиком писал заключение.

— Это доктор Росс, — сказал Андерс. — Сообщите ей подробности.

Врач посмотрел на труп.

— Метод довольно зверский, как видите. Сильный удар в левую височную область, повреждение черепа, за которым последовала немедленная потеря сознания. Удар нанесен вот этой лампой. На ней обнаружены волосы убитой и кровь ее группы.

Росс посмотрела на лампу, потом снова на труп.

— А ножевые раны?

— Они нанесены позже, почти наверное после смерти. Она была убита ударом по голове.

Дженет смотрела на голову убитой: с одной стороны голова была промята, как волейбольный мяч, из которого выпустили воздух; лицо, прежде миловидное, было обезображено.

— Заметьте, — сказал врач, подходя вплотную к кровати, — она только начала краситься. Мы предполагаем, что она сидела за туалетным столиком, вот так. Удар был нанесен сверху и сбоку, так что она упала вместе со стулом, смахнув со столика флаконы и все прочее. Потом ее подняли... — полицейский врач вскинул руки и поднатужился, словно поднимая невидимое тело, — и положили на кровать.

— Кто-то очень сильный?

— О да. Это был мужчина.

— Откуда вы знаете?

— Волосы в стоке ванны. Мы нашли два типа. Одни ее, а другие по некоторым признакам могут

принадлежать только мужчине. Не менее очевидно, что они совершили половой акт, после которого мужчина принял душ. На влажном полотенце мы обнаружили следы крови группы А0. Группа крови убитой другая. После душа он, по-видимому, вышел из ванной и ударил ее сзади.

Дженет кивнула.

— Затем он поднял ее с пола и положил на кровать. Крови почти не было — ни на туалетном столике, ни на ковре ее практически нет. Но потом убийца взял какое-то орудие и нанес ей несколько ударов в живот. Заметьте, что самые глубокие раны находятся в нижней части живота, так что убийство носит, возможно, сексуальный характер. Но это пока только предположение.

Дженет кивнула, но ничего не сказала. Она уже решила про себя, что полицейский врач — довольно мерзкий тип, а потому не собиралась рассказывать ему ничего, кроме самого необходимого. Она нагнулась, рассматривая раны. Они были небольшими и круглыми. Кожа около них была сильно повреждена.

— Вы нашли оружие?

— Нет, — ответил врач.

— Как по-вашему, что это могло быть?

— Не знаю. Что-то не очень острое, но крепкое; чтобы нанести подобные раны относительно тупым орудием, требовалось значительное усилие.

— Еще одно доказательство, что это был мужчина, — заметил Андерс.

— Да, я бы сказал, что он использовал металлический предмет вроде ножа для разрезания бумаги или отвертку. Но что интересно, — продолжал врач, указывая на левую руку убитой, которая была вся исколота. — Как видите, он нанес несколько ударов в живот, затем в руку, причем раны находятся на одной прямой. Теперь заметьте, пройдя руку, он про-

должает колоть. Видите эти дыры в простыне и одеяле? Они расположены на той же прямой.

Он показал на дырки.

— Мы называем это «персеверацией». Автоматическое повторение бессмысленных движений. Как будто он был машиной, которая непрерывно повторяет одну и ту же операцию.

— Совершенно верно, — сказала Дженет.

— Мы предполагаем, — продолжал полицейский врач, — что имеем дело с сумеречным состоянием. Но мы не знаем, было ли оно органическим или функциональным, возникло спонтанно или было спровоцировано внешним воздействием. Поскольку пострадавшая спокойно впустила его в квартиру, можно сделать вывод, что сумеречное состояние наступило уже потом.

Дженет поняла, что полицейский врач старается пустить ей пыль в глаза, и рассердилась. Сейчас было не время играть в Шерлока Холмса.

Андерс протянул Росс металлический жетон.

— Осматривая комнату, мы нашли вот это, — сказал он.

Росс перевернула жетон и прочла:

**В МОЕМ ТЕЛЕ НАХОДИТСЯ ВЖИВЛЕННЫЙ
АТОМНЫЙ ВОДИТЕЛЬ. ТРАВМАТИЧЕСКИЕ
ПОВРЕЖДЕНИЯ ИЛИ ОГОНЬ МОГУТ РАЗ-
РУШИТЬ КАПСУЛУ И ВЫСВОБОДИТЬ ТОК-
СИЧЕСКИЕ ВЕЩЕСТВА. ПРИ НЕСЧАСТНОМ
СЛУЧАЕ ИЛИ СМЕРТИ ЗВОНИТЬ НПИО,
(213) 652—1134.**

— Тогда я позвонил вам, — сказал Андерс, внимательно глядя на Дженет. — Мы вам все рассказали. Теперь ваша очередь.

— Его зовут Гарри Бенсон, — сказала Дженет. — Ему тридцать четыре года, и он болен психомоторной эпилепсией.

Полицейский врач щелкнул пальцами:

— А, черт! — сказал он.

— А что такое психомоторная эпилепсия? — спросил Андерс.

В этот момент в спальню вошел один из сыщиков.

— Мы узнали, чьи это отпечатки, — сказал он. — Они зарегистрированы в картотеке Министерства обороны. Это надо же! С шестьдесят восьмого года получил допуск к засекреченным материалам. Его зовут Гарри Бенсон. Место жительства — Лос-Анджелес.

— К каким материалам? — спросил Андерс.

— Он специалист по счетно-вычислительным машинам, — ответила Дженет.

— Верно, — подтвердил сыщик. — Последние три года — засекреченные исследования в области вычислительной техники.

Андерс делал пометки в своем блокноте.

— Его группа крови указана?

— Да. Группа А0.

Дженет повернулась к врачу.

— А об убитой вам что-нибудь известно?

— Дорис Блэнкфурт, сценическое имя Анджела Блэк. Двадцать шесть лет, в этом доме живет шесть недель.

— Профессия?

— Танцовщица.

Дженет кивнула.

— А это имеет значение? — спросил Андерс.

— У него особое отношение к танцовщицам.

— Они его привлекают?

— И привлекают и отталкивают. Это довольно сложно объяснить.

Андерс посмотрел на нее с любопытством. Может быть, он опасается, что она его морочит?

— И он болен эпилепсией?

— Да, психомоторной эпилепсией.

Андерс сделал пометку в блокноте.

— Вам придется кое-что объяснить.

— Я понимаю.

— Потом описание, фотографии...

— Это у нас все есть.

— ...и как можно скорее.

Она кивнула. Желание противодействовать полиции или, во всяком случае, не помочь ей исчезло без следа. Ее взгляд то и дело возвращался к разmozженной голове убитой девушки. Она-то знала, каким внезапным и злобным было это нападение.

Дженет посмотрела на часы.

— Сейчас половина восьмого, — сказала она. — Я вернусь в клинику, но по дороге заеду домой принять душ и переодеться. Вы заедете за мной, или мы встретимся в клинике?

— Я заеду за вами, как только кончу здесь, — сказал Андерс. — А это будет минут через двадцать.

— Прекрасно, — сказала Дженет, и он записал ее адрес.

8 Дженет с удовольствием чувствовала, как горячие иголки душа покалывают ее тело. Она расслабилась, вдохнула горячий пар и закрыла глаза.

Она любила принимать душ, хотя в этом и крылось какое-то нарушение традиции: женщинам положено принимать ванну, а не душ. На это ей указал доктор Рэмс. Какая чепуха! Да и смысл традиций в том, чтобы их нарушать. У нее есть своя индивидуальность.

Она знала, что душ применяется для лечения шизофреников. Чередование холодных и горячих струй иногда действует на них успокаивающе.

— А потому вы подозреваете у себя шизофрению? — спросил доктор Рэмос и рассмеялся. Он смеялся не часто, и ей редко удавалось его рассмешить, даже когда она старалась.

Дженет выключила душ и, завернувшись в полотенце, подошла к зеркалу. Она протерла запотевшее стекло и посмотрела на свое отражение.

— Ну и видик! — сказала она и кивнула. Отражение кивнуло ей в ответ. Горячая вода смыла краску с век — единственную косметику, которую она себе позволяла. Теперь ее глаза казались маленькими и утомленно шурились. В котором часу она сегодня должна быть у доктора Рэмоса? Да и сегодня ли?

Кстати, какой сегодня день? Ей пришлось напрячь память. Ах, да! Пятница... Она не спала по крайней мере сутки и испытывала все сопутствующие бессоннице ощущения, которые помнила с того времени, когда была стажером: ноющее ощущение в желудке, тупая боль во всем теле, тяжесть в голове. Отвратительное состояние!

Она знала, что будет дальше. Часа через четыре она начнет мечтать о том, чтобы лечь спать. Ей будет представляться кровать, мягкий матрац, блаженное погружение в дремоту.

Ну, надо надеяться, что Бенсона скоро разыщут. Зеркало опять запотело. Дженет приоткрыла дверь, впуслав в ванную прохладный воздух, и ладонью протерла стекло. Она начала подкрашивать глаза, и тут в дверь позвонили.

Андерс! Ну да, ведь она не заперла двери...

— Открыто! — крикнула она и снова занялась глазами. Кончив подкрашивать один, она крикнула: — Если хотите кофе, вскипятите воду на кухне.

Ну, вот все в порядке! Дженет, придерживая полотенце, высунулась из ванной.

— Ну как, все нашли?

В коридоре стоял Гарри Бенсон.

— Доброе утро, доктор Росс, — сказал он приветливо. — Я не очень не вовремя?

Дженет даже удивилась охватившему ее страху. Бенсон протянул ей руку, и она машинально ее пожала. В эту секунду она не могла думать ни о чем, кроме своего страха. Почему она так испугалась? Она же хорошо его знает, ей часто приходилось бывать с ним наедине, и она никогда не боялась.

Конечно, отчасти дело в неожиданности. Ведь она думала, что это Андерс. И еще — непрофессиональность обстановки: она вспомнила про полотенце и свои босые ноги.

— Погодите, я сейчас оденусь, — сказала она.

Бенсон вежливо кивнул и ушел в гостиную. Быстро пройдя в спальню, Дженет заперла дверь и опустилась на кровать. Она тяжело дышала, как будто ей пришлось пробежать большое расстояние. «Тревожное состояние», — сказала она себе, но это не помогло. Ей вспомнился больной, который в полном отчаянии крикнул: «Не говорите мне, что у меня депрессия. Я чувствую себя ужасно!»

Она достала из стенного шкафа первое попавшееся платье, а потом вернулась в ванную и посмотрела на себя в зеркало. «Оттягиваю неприятную минуту», — подумала она. Но тянуть время было никак нельзя.

Глубоко вздохнув, Дженет вышла из спальни.

Бенсон растерянно стоял в самом центре гостиной, и Дженет вдруг увидела комнату его глазами — современную, стерильную, враждебную. Современная

мебель, черная кожа и хром, жесткие линии, абстрактные картины на стенах — современное, сверкающее, машинообразное, функциональное, абсолютно враждебное окружение.

— Этого я от вас не ждал, — сказал Бенсон.

— У нас с вами разное восприятие, Гарри. — Дженет старалась говорить весело. — Хотите кофе?

— Нет, спасибо.

Бенсон был одет аккуратно — пиджак и галстук, но его парик, черный парик, неприятно подействовал на нее. И его глаза — далекие глаза человека, уставшего до предела. Дженет вспомнила, как выглядели крысы, непрерывно стимулировавшие центр удовольствия, когда эксперимент подходил к концу. Они лежали на полу клетки, тяжело дыша, не в силах подползти к рычажку и нажать его еще хотя бы раз.

— Вы одна дома? — спросил Бенсон.

— Да.

Под левым глазом Бенсона виднелся небольшой синяк. Дженет заметила, что бинты почти не видны — только узенькая белая полоска между париком и верхним краем воротничка.

— Что-то случилось? — спросил Бенсон.

— Нет. Ничего.

— Вы держитесь как-то напряженно. — В его голосе слышалось искреннее участие. Возможно, он только что получил стимуляцию. Дженет вспомнила, как Бенсон проникся к ней нежностью во время интерфейсинга.

— Нет... Ничего подобного, — Дженет попыталась улыбнуться.

— У вас очень приятная улыбка, — сказал он.

Дженет скользнула взглядом по его одежде, ища следы крови. Девушка была буквально залита кровью, которая должна была бы забрызгать и Бенсона, и тем

не менее нигде ни пятнышка. Возможно, он снова принял душ и уж потом оделся. После того как убил ее.

— Ну, а я хочу кофе, — сказала Дженет и ушла в кухню. Теперь, когда она не видела его перед собой, ей стало легче. Она поставила кофейник на плиту, радуясь минутной передышке. Нет, надо взять себя в руки, надо стать хозяйкой положения!

Странно: его внезапное появление испугало ее, но не удивило. Психомоторные эпилептики все время находятся в состоянии гнетущего страха перед собственным слепым стремлением к насилию. Многие из них в отчаянии покушаются на самоубийство, и все они мучаются и ищут помощи у врачей.

Но почему Бенсон не вернулся в клинику?

Дженет пошла в гостиную. Бенсон стоял у широкого окна и смотрел на город, протянувшийся во все стороны и на многие мили.

— Вы на меня сердитесь? — спросил Бенсон.

— Сержусь? За что?

— За то, что я убежал.

— А почему вы убежали, Гарри?

Дженет почувствовала, что с этими словами она вновь обрела обычное самообладание. Она сумеет с ним справиться. Это ее работа. Ей приходилось бывать наедине с куда более опасными больными. Она вспомнила свою шестимесячную практику в больнице штата, где ей приходилось работать с психопатами и закоренелыми убийцами — симпатичными, обаятельными людьми, от которых мороз подирал по коже.

— Почему? Да потому, — Бенсон улыбнулся и сел в кресло. Потом поерзал, встал и сел на диван.

— У вас вся мебель удивительно неудобная. Как вы только можете жить в такой неуютной обстановке?

— Мне она нравится.

— Но это неудобно, — Бенсон пристально, с вызовом посмотрел на нее, и она снова пожалела, что они встретились здесь. Эта обстановка была угрожающей, а на угрозы Бенсон отвечал нападением.

— Как вам удалось найти меня, Гарри?

— Вас удивляет, что я знаю, где вы живете?

— Немножко.

— Я предусмотрителен, — сказал Бенсон. — Перед тем как пойти в клинику, я узнал, где вы живете, где живет Эллис и где — Макферсон. Где все живут.

— Но зачем?

— На всякий случай.

— На какой случай?

Вместо ответа Бенсон встал, подошел к окну и начал смотреть на город.

— Там меня сейчас ищут, — сказал он. — Ведь так?

— Да.

— Но они меня не найдут — город слишком велик.

Из кухни донесся свист кипящего кофейника. Дженет извинилась и пошла на кухню заварить кофе. Ее глаза шарили по полкам в поисках какого-нибудь тяжелого предмета. Может быть, ей удастся ударить Бенсона по голове. Эллис в жизни не простит ей этого, но...

— У вас на стене висит картина, — раздался голос Бенсона из комнаты. — Одни только цифры. Чья она?

— Человека по имени Джонс.

— Зачем человеку рисовать цифры? Это область машин.

Дженет размешала растворимый кофе, подлила молока, вернулась в комнату и села на диван.

— Гарри...

— Нет, я серьезно. А вот это? Что это должно означать? — Он постучал костяшками пальцев по другой картине.

— Гарри, сядьте, пожалуйста.

Бенсон пристально посмотрел на нее, потом подошел и сел напротив. Он, казалось, был весь напряжен, но через секунду безмятежно улыбнулся. На мгновение его зрачки расширились. «Еще одна стимуляция, — подумала Дженет. — Так что же мне делать, черт побери?»

— Гарри, — сказала она вслух. — Что с вами случилось?

— Не знаю, — ответил он с той же безмятежностью.

— Вы ушли из клиники...

— Да, я ушел из клиники в белом форменном костюме. Я все обдумал заранее. Анджела ждала меня с машиной.

— А потом?

— Потом мы поехали ко мне домой. Я был сильно возбужден.

— Почему вы были возбуждены?

— Понимаете, я ведь знал, как все это кончится.

— И как же это кончится? — Она не совсем понимала, что он имеет в виду.

— А потом мы поехали к ней, выпили немного и вообще... И я рассказал ей, как это кончится. И она перепугалась. Хотела позвонить в клинику, сообщить, где я... — Бенсон вдруг сбился и уставился в одну точку. Дженет не собиралась настаивать, чтобы он продолжал. Ведь затем произошел припадок, и Бенсон просто не помнил, что он убил Анджелу. Его амнезия была полной и непритворной.

Но необходимо, чтобы Бенсон говорил.

— Почему вы ушли из клиники, Гарри?

— Это было днем, — сказал Бенсон и поглядел на нее. — Я лежал в постели и вдруг понял, что за мной ухаживают... понимаете... ухаживают, как за машиной. Я все время этого боялся.

Одно давнее отвлеченное предположение Дженет вдруг подтвердилось: за параноическим страхом Бенсона перед машинами крылась боязнь потерять самостоятельность, попасть в зависимость от кого-то. И он говорил чистейшую правду, утверждая, что боится, когда за ним ухаживают. А люди обычно ненавидят то, что внушает им страх.

Но ведь Бенсон в определенной мере зависит от нее... Как на него это действует?

— Вы там мне все лгали, — неожиданно сказал Бенсон.

— Вам никто не лгал, Гарри.

Бенсон начинал сердиться.

— Нет, лгали. Вы... — Он вдруг осекся и снова улыбнулся.

Расширенные зрачки — еще одна стимуляция. Они уже следуют одна за другой почти без интервалов. Скоро должен наступить новый кризис.

— Знаете что? Это удивительное ощущение! — сказал он.

— Какое ощущение?

— Это жужжание.

— Жужжание?

— Когда все вокруг становится черным — ж-ж-ж-ж! — и я снова счастлив. И на душе так тепло, так радостно.

— Стимуляция, — сказала Дженет.

Она подавила в себе желание взглянуть на часы. Зачем? Андерс сказал, что приедет через двадцать минут, но он мог задержаться. Но даже если он и приедет сейчас, то вряд ли сумеет одолеть Бенсона. С психомоторным эпилептиком во время припадков справиться не так-то легко. В конце концов Андерс застрелил бы Бенсона или попытался бы. А этого ей во что бы то ни стало хотелось избежать.

— Но вот что... Жужжание только иногда бывает приятным. Когда оно становится слишком сильным, то... можно задохнуться.

— А сейчас оно становится сильным?

— Да, — сказал Бенсон. И улыбнулся.

И в этот миг Дженет вдруг поняла всю полноту своей беспомощности. То, чему ее учили, ее умение контролировать поведение больного, направлять поток его мыслей, истолковывать его слова — все это было сейчас бесполезно. Словесное маневрирование тут ничего не даст и не поможет ему, как не поможет психотерапия человеку, умирающему от бешенства или от опухоли в мозгу. Она имела сейчас дело не с психическим заболеванием. Бенсон находился во власти машины, которая неумолимо подводила его к припадку. Словесное воздействие не могло отключить вживленный компьютер.

Выход был один: отвезти Бенсона в клинику. Но каким образом? Она попробовала пробудить в нем сознание.

— Гарри, вы понимаете, что происходит? Стимуляции переутомляют вас и могут вызвать припадок.

— Это приятное ощущение.

— Но вы же сами сказали, что оно не всегда приятно?

— Да, не всегда.

— Так разве вы не хотите, чтобы это починили?

— Починили? — сказал он после паузы.

— Исправили... Устроили так, чтобы у вас больше не было припадков.

«Надо тщательно выбирать слова...»

— Вы считаете, что меня нужно починить?

Дженет вспомнила, что это было любимое словечко Эллиса.

— Гарри, вы будете чувствовать себя лучше.

— Я чувствую себя прекрасно, доктор Росс.
— Но, Гарри, когда вы приехали к Анджеле...
— Я ничего этого не помню.
— Вы поехали туда после того, как ушли из клиники.
— Я ничего не помню. Все записи памяти стерты.
Только треск. Включите звук и сами услышите. — Бенсон открыл рот и зашипел. — Понятно? Треск и больше ничего.

— Вы не машина, Гарри, — сказала она мягко.
— Пока еще нет.

Дженет почувствовала, что от напряжения ее начинает тошнить. И опять-таки ее сознание отвлеченно зарегистрировало это интересное физиологическое проявление эмоционального состояния. И она обрадовалась краткой передышке. Но тут же ее охватила злость на Эллиса и Макферсона. Все эти конференции, на которых она без конца доказывала, что вживление компьютера неминуемо усилит его бред.

Были бы они сейчас тут!

— Вы хотите превратить меня в машину, — сказал Бенсон. — Вы все. И я веду с вами войну.

— Гарри...

— Не перебивайте! — крикнул он. Его лицо словно свела судорога, но оно тут же расплылось в улыбке.

Еще одна стимуляция. Их разделяют только минуты. Где же Андерс? Хотя бы кто-нибудь пришел! Может быть, выбежать на лестницу и закричать? Или позвонить в клинику? В полицию?

— Удивительно приятное ощущение, — сказал он, продолжая улыбаться. — Удивительно! С ним ничто не сравнится. Я мог бы без конца купаться в этом ощущении.

— Гарри, попробуйте расслабиться.

— А я и не напряжен вовсе. Но ведь вам нужно совсем другое?

— Что мне нужно?

— Чтобы я был послушной машиной. Чтобы я подчинялся своим создателям и действовал строго согласно инструкциям. Вам ведь это нужно?

— Вы не машина, Гарри.

— И никогда не буду машиной. — Улыбка исчезла с его лица. — Никогда! И ни за что!

Дженет вздохнула.

— Гарри. Мне нужно, чтобы вы вернулись в клинику.

— Нет.

— Мы вас вылечим.

— Нет.

— Нас заботит ваша судьба, Гарри.

— Моя судьба! — Бенсон зло расхохотался. — Нет, вас интересую не я, а ваш эксперимент. Ваши протоколы. Вас интересует ваша карьера, а до меня вам нет никакого дела. — Он все больше возбуждался. — Статью в медицинском журнале не украсит упоминание, что среди стольких-то пациентов, за которыми велось наблюдение столько-то лет, один умер оттого, что совсем свихнулся, и полицейские его пристрелили.

— Гарри...

— Я ведь знаю, — сказал Бенсон и растопырил пальцы. — Час назад мне стало плохо, а когда я пришел в себя, то увидел под ногтями кровь. Кровь... Да, я знаю... Он посмотрел на свои ногти, потом потрогал бинты. — Операция должна была принести пользу, а от нее нет никакого толку.

Он вдруг заплакал. Выражение его лица не изменилось, но по щекам поползли слезы.

— От нее нет никакого толку, — повторил он. — Не понимаю, почему...

И так же внезапно он улыбнулся. Еще одна стимуляция. А после предыдущей не прошло и минуты.

Через несколько секунд начнется припадок.

— Я никому не хочу зла, — сказал Бенсон, радостно улыбаясь.

Дженет испытывала глубокую жалость к нему, и ей стало тоскливо при мысли о том, что произошло.

— Я понимаю, — сказала она. — Давайте вместе поедem в клинику.

— Нет, нет...

— Я поеду с вами. И буду рядом каждую минуту. Все устроится.

— Не спорьте со мной! — Бенсон вскочил на ноги, стиснул кулаки и злобно посмотрел на Дженет. — Я не только слушать...

Он умолк, но не улыбнулся.

Потом втянул воздух носом и сказал:

— Какой это запах? Я его ненавижу. Что это? Я его ненавижу, слышите? Ненавижу!

Он шагнул к ней, продолжая сопеть, протягивая руки...

— Гарри!

— Я ненавижу это ощущение!

Дженет вскочила и попятилась. Медленно и неуклюже Бенсон пошел за ней, по-прежнему протягивая руки.

— Мне не надо такого ощущения. Я не хочу его. Не хочу!

Он перестал принохиваться. Припадок начался, и он шел к ней...

— Гарри!

Его лицо было пустым, как восковая маска, но он не опустил рук. Двигался он медленно, словно луна-тик, и Дженет пока удавалось сохранять между ним и собой достаточное расстояние.

Неожиданно Бенсон схватил тяжелую стеклянную пепельницу и бросил в нее. Дженет увернулась, и пе-

пельница разбила стекло в окне, брызнули осколки.

Бенсон прыгнул к Дженет, схватил ее и сжал, как в тисках.

— Гарри, — еле выговорила она, — Гарри!

Она посмотрела на его лицо — оно оставалось все таким же пустым.

Она ударила его коленом в пах.

Бенсон охнул, отпустил ее и, перегнувшись пополам, закашлялся. Дженет бросилась к телефону и набрала номер станции. Бенсон все еще не мог распрямиться.

— Станция слушает.

— Дайте мне полицию!

— Какую? Беверли-Хилз или Лос-Анджелеса?

— Все равно!

— Нет, но все-таки...

Дженет бросила трубку — Бенсон снова пошел к ней. Из трубки доносилось: «Алло, алло...»

Бенсон вырвал шнур и швырнул телефон через комнату. Он схватил торшер и начал им размахивать, со свистом рассекая воздух. Дженет пригнулась, и массивное основание торшера пронеслось над самой головой. Такой удар убил бы ее на месте. Убил бы... Эта мысль заставила ее очнуться.

Она кинулась на кухню. Бенсон бросил торшер и побежал за ней. Дженет рывком выдергивала ящики, ища нож. Ничего, кроме ножичка для чистки овощей. Черт, куда подевались все большие ножи?

Бенсон вошел на кухню. В панике Дженет швырнула в него кастрюлей. Ударившись о его колено, кастрюля с грохотом покатилась по полу.

А ее сознание продолжало отвлеченно работать, подсказывая ей, что она допустила огромную ошибку, что в кухне есть что-то такое, чем можно воспользоваться. Но что? Что?

Руки Бенсона сомкнулись у нее на шее и сжались. Дженет схватила его за запястья и попробовала высвободиться. Она попыталась ударить Бенсона ногой, но он отклонился, а потом прижал ее к столу, запрокидывая назад.

Дженет не могла пошевелиться, не могла вдохнуть. Перед глазами у нее поплыли темные круги. Она задыхалась.

Ее пальцы царапали по столу, пытаясь нащупать что-нибудь, хоть что-нибудь, и не находила ничего.

Кухня...

Дженет в отчаянии раскинула руки. Выключатель посудомойки, выключатель духовки — машины в ее кухне...

Все вокруг стало зеленым. Темные круги ширились, плясали... Она умрет на кухне...

Кухня, кухня, опасности кухни. И, теряя сознание, она вдруг вспомнила.

Микроволны!

Она уже ничего не видела. Вокруг сомкнулась тусклая мгла, но ее пальцы еще не утратили чувствительности. Они коснулись холодного металла духовки, скользнули по стеклянному окошечку, выше... выше к ручкам... Она повернула выключатель...

Бенсон пронзительно закричал.

Тиски, сжимавшие ее шею, разжались, и она соскользнула на пол. Бенсон кричал надрывно и страшно. Постепенно Дженет обрела способность видеть. Бенсон стоял над ней, стиснув руками голову. И кричал.

Он не смотрел на нее, не замечал, что она лежит на полу и никак не может отдышаться. Он корчился от боли и выл, как раненый зверь. Потом, не отнимая рук от головы, выбежал из кухни, а Дженет провалилась в черное небытие.

9 На шее Дженет лиловели синяки. Она осторожно провела по ним пальцем, рассматривая себя в зеркале.

— Когда он ушел? — спросил Андерс. Он стоял в дверях ванной и смотрел на нее.

— Не знаю. Видимо, тогда же, когда я потеряла сознание.

Андерс посмотрел через плечо в гостиную.

— Настоящий разгром.

— Могу себе представить.

— Почему он напал на вас?

— У него начался припадок.

— Но вы же его врач...

— Это не имеет значения. Во время припадков он теряет контроль над собой. Полностью. В таком состоянии он способен убить собственного ребенка.

И такие случаи бывали.

Андерс недоверчиво хмурил брови. Дженет прекрасно понимала, как трудно ему было освоиться с этой мыслью. Человек, никогда не выдававший психомоторного эпилептика во время припадков, просто не мог представить себе тупой звериности подобного нападения. В ней нельзя было найти ничего хотя бы отдаленно похожего.

— Вот как, — сказал наконец Андерс. — Но он же вас чуть не убил. «В общем — нет», — подумала Дженет, все еще трогая синяки. Через несколько часов они станут еще более заметными. Что ей делать? Замазать чем-нибудь? У нее не было нужных косметических средств. Надеть свитер с глухим воротником?

— Нет, — сказала она вслух. — Он меня не убил. Но мог бы.

— Что ему помешало?

— Я включила плиту.

Андерс озадаченно посмотрел на нее.

— Это что, помогает от эпилепсии?

— Нет, но это оказало воздействие на вживленную электронную аппаратуру. У меня микроволновая духовка, а микроволны выводят из строя механизм водителя ритма. С этим в последнее время часто сталкиваются кардиологи. «Опасности кухни». В последнее время о них часто писали.

— А! — сказал Андерс.

Андерс вышел позвонить, а Дженет тем временем переоделась. Она выбрала черный свитер с высоким воротником и серую юбку и, отступив от зеркала, оглядела себя. Синяки не были видны. И тут она вдруг обратила внимание на мрачные тона своего костюма — черный и серый. Это было не в ее стиле. Слишком мертво и холодно. Она уже хотела переодеться, но передумала.

В гостиной Андерс говорил по телефону. Дженет почувствовала, что хочет пить, и пошла на кухню. Нет, хватит кофе. Ей требовалось что-нибудь покрепче. Виски со льдом. Наливая виски, она увидела на деревянной крышке стола длинные царапины и посмотрела на свои ногти. Три ногтя были сломаны. А она и не заметила.

Взяв виски, Дженет пошла в гостиную.

— Да, — говорил Андерс в телефон. — Да, я понимаю. Нет... ни малейшего представления. Да, мы пробудем... — Он замолчал и долго слушал.

Дженет подошла к разбитому окну и посмотрела на город. Солнце давно взошло, подсветив коричневатую пелену, висевшую над крышами домов. Ей пришлось в голову, что, живя тут, она подписывает себе смертный приговор. Надо бы переехать куда-нибудь на берег океана, где воздух чище.

— Послушайте, — сказал Андерс сердито. — Ничего бы не случилось, если бы вы хорошенько внушили

своему полицейскому, чтобы он не отлучался от двери палаты, когда ему вздумается. Советую не забывать об этом.

Андерс с раздражением бросил трубку. Дженет обернулась. — Черт, — пробурчал он. — Политика.

— Даже в полиции?

— Особенно в полиции, — ответил Андерс. — Чуть что не так, сразу же ищут козла отпущения.

— И на эту роль избрали вас?

— Примериваются.

Дженет кивнула и прикинула, что сейчас происходит в клинике. Наверное, то же самое. Клиника всячески оберегает свою репутацию, и руководители отделов, конечно, трясутся, а директор взвешивает, как это все может отразиться на дотации. И кому-то придется стать козлом отпущения. Макферсон — слишком крупная фигура, она и Моррис слишком незначительны. Скорее всего расплачиваться должен будет Эллис — он ведь лишь помощник профессора, а когда увольняют помощника профессора, создается впечатление, будто он только проходил испытательный срок и оказался слишком напористым, слишком дерзким, слишком честолобивым. Это гораздо удобнее, чем уволить профессора — ведь такое увольнение обязательно бросает тень на тех, кто раньше утверждал его в этой должности.

Да, наверное, Эллис. А догадывается ли он? Ведь он совсем недавно купил новый дом в Брентвуде. Он им так гордится! На следующей неделе собирался праздновать новоселье и пригласил всех сотрудников НПИО. Она продолжала смотреть на город сквозь разбитое стекло.

Андерс спросил:

— Послушайте, какое отношение водитель ритма сердца имеет к эпилепсии?

— Никакого. Просто Бенсону вживлен водитель ритма мозга, очень похожий на водитель ритма сердца.

Андерс раскрыл свой блокнот:

— Ну-ка, начните все сначала. И, если можно, по-медленнее.

— Хорошо, — сказала Дженет и поставила стакан. — Но, если вы разрешите, я сначала позвоню.

Андерс кивнул и, откинувшись в кресле, ждал, пока она разговаривала с Макферсоном. Затем, стараясь говорить как можно спокойнее, Дженет рассказала ему все, что знала.

10 Макферсон положил трубку и посмотрел в окно на утреннее солнце. Оно уже не казалось бледным и холодным — утро было в разгаре.

— Звонила Росс, — сказал Макферсон.

— И? — спросил Моррис из своего угла.

— Бенсон приходил к ней на квартиру. Но она не смогла его задержать.

Моррис вздохнул.

— Нам как будто не везет, — сказал Макферсон. Он покачал головой, не отрывая глаз от окна. — Я не верю в везение, — добавил он и повернулся к Моррису. — А вы?

Моррис так устал, что не сразу понял.

— Верю во что?

— В везение.

— Конечно, в это верят все хирурги.

— А я не верю, — сказал Макферсон. — И никогда не верил. Я верил только в планирование. — Он показал на графики, развешанные по стенам, и замолчал.

Графики были большие, четыре фута в поперечнике, и многоцветные. В сущности, они представляли собой раскрашенное расписание будущих достижений

НПИО. Макферсон очень ими гордился. Например, в 1967 году он рассмотрел положение вещей в трех областях — машинной даиагностике, хирургической технике и микроэлектронике — и пришел к выводу, что вместе они позволяют осуществить хирургическое лечение психомоторной эпилепсии к середине 1971 года. Это произошло на четыре месяца раньше — достаточно точный прогноз.

— Достаточно точный! — сказал Макферсон вслух.

— Что? — спросил Моррис.

Макферсон покачал головой.

— Вы устали?

— Да.

— Мы все устали. А где Эллис?

— Варит кофе.

Макферсон кивнул. Кофе — это хорошо. Он протер глаза, прикидывая, когда наконец ему удастся отправиться спать. Не скоро. Не раньше, чем разыщут Бенсона. А на это потребуется несколько часов, если не дней.

Он снова посмотрел на графики. Все шло так хорошо. Вживление электродов — на четыре месяца раньше срока. Компьютерная стимуляция поведения — почти на девять месяцев раньше. Но и тут кое-что не ладилось. Программы «Джордж» и «Марта» выходили из-под контроля. А «Форма Кью»?

Макферсон покачал головой. «Форма Кью» теперь может и не осуществиться, хотя это был его излюбленный проект. Создание «Формы Кью» планировалось на 1979 год, а применять ее к человеку предполагали начать с 1986 года. В 1986 году ему будет семьдесят лет, если он вообще доживет до этого времени, — но это его не беспокоило. Ему дорога была сама идея — такая простая и вместе с тем такая многообещающая.

«Форма Кью» представляла собой логическое следствие всей работы НПИО. Возникла она как «Форма донкихотства», потому что представлялась невероятной. Но Макферсон был уверен, что в конце концов проект неминуемо осуществится в силу своей необходимости. Ведь дело шло о размерах и стоимости.

Современный электронный компьютер, скажем третье поколение цифровых компьютеров фирмы «ИБМ», обходится в несколько миллионов долларов. Он потребляет огромное количество энергии и занимает слишком много места. И тем не менее, по количеству связей самый большой компьютер не превосходил мозга муравья. Компьютер с возможностями человеческого мозга занял бы целый небоскреб, а энергии ему потребовалось бы столько, сколько расходует город с полумиллионным населением.

Естественно, что о создании такого компьютера при современном уровне техники нечего было и думать. Приходилось искать новые пути — и Макферсон не сомневался, что знает, каким будет этот путь.

Живая ткань.

В теории все это выглядело достаточно просто. Компьютер, как и мозг человека, состоит из отдельных частей — маленьких электронных клеток того или иного типа. С каждым годом размеры этих «клеток» уменьшались и должны были уменьшаться и впредь по мере развития микроэлектроники. Потребление энергии также сокращалось.

Тем не менее, достигнуть размеров реальной нервной клетки, нейрона, они не смогут никогда. Ведь в одном кубическом дюйме уместается около миллиарда нервных клеток. Никакая миниатюризация не в состоянии достигнуть такой экономии места. Равным образом никаким техническим способом нельзя созда-

вать элемент, которому требовалось бы так мало энергии, как нервной клетке.

Следовательно, надо создать компьютер из живых нервных клеток. Ведь умеем же мы выращивать отдельные нервные клетки в культуре ткани, умеем изменять их искусственным путем. А в будущем научимся выращивать нужные типы клеток, обеспечивать нужные связи.

Это позволит создать компьютер, размеры которого не превысят, скажем, шести кубических футов, но который вместит мириады нервных клеток. Его потребность в энергии будет достаточно скромной, и не возникнет никаких побочных трудностей, связанных с уничтожением вредных отходов и прочим. Вместе с тем это будет носитель самого большого интеллекта планеты.

«Форма Кью».

Некоторые лаборатории и научно-исследовательские институты уже вели предварительную работу и добились неплохих результатов. Однако Макферсона интересовал не сам органический сверхкомпьютер — он был лишь побочным продуктом. Его же увлекала идея органического протеза человеческого мозга.

Ведь стоило создать органический компьютер, состоящий из нервных клеток и получающий энергию из насыщенной кислородом крови, и сразу открывалась возможность вживить его в тело человека, который таким образом обретал два мозга.

И что же будет тогда? Тут отказывало даже воображение Макферсона. Разумеется, возникло невероятное количество самых разных проблем — взаимосвязи, расположения искусственного мозга, потенциального соперничества между ним и «старым» мозгом и еще множество других. Но до 1986 года хватит времени для их разрешения. В конце концов, в 1950 году боль-

шинство людей все еще посмеивалось при упоминании о космических полетах.

«Форма Кью». Сейчас она была лишь далеким видением, но выделите на нее средства — и она обретет реальность. Макферсон в этом не сомневался, но теперь, после того как Бенсон скрылся из клиники, положение изменилось.

В дверь кабинета заглянул Эллис.

— Кто-нибудь хочет кофе?

— Да, — ответил Макферсон и посмотрел на Морриса. Моррис покачал головой и встал.

— Я, пожалуй, проиграю кое-какие записи Бенсона.

— Неплохая мысль, — сказал Макферсон, хотя вовсе так не думал. Но он понимал, что Моррису необходимо чем-то заняться, иначе он мог совсем расклеиться.

Моррис и Эллис ушли, и Макферсон остался наедине со своими разноцветными графиками, наедине со своими размышлениями.

11 Когда Дженет Росс кончила свой рассказ, было уже двенадцать, и она испытывала невероятную усталость. Виски помогло ей успокоиться, но усилило утомление. Она заметила, что начинает запинаться, терять ход мыслей, говорить совсем не то, что ей хотелось сказать. Никогда еще не охватывала такая всепоглощающая усталость.

Андерс, напротив, был полон сил и энергии, и это ее раздражало.

— Как вы думаете, где сейчас Бенсон? Куда скорее всего он мог направиться? — спросил он.

Она покачала головой.

— Невозможно сказать. Поведение после припадка непредсказуемо.

— Но вы же его психиатр, — настаивал Андерс. — Вы должны многое о нем знать. Неужели вы не можете представить себе его следующий шаг?

— Нет, — сказала Дженет. (Как она устала! Неужели он не понимает?) — Состояние Бенсона, безусловно, вне нормы. Он на грани психоза, у него спутанное сознание, он получает частые стимуляции и перенес несколько припадков почти подряд. Он способен на что угодно.

— Но если он растерян... — Андерс помолчал. — Что он может сделать в таком состоянии? Как будет себя вести?

— Послушайте, — сказала Дженет. — Это бесполезно. Так мы никуда не придем. Сейчас он способен на все.

— Ну, хорошо. — Андерс поглядел на нее и отпил глоток кофе.

Ну почему он не может перестать? Нелепо же пытаться выследить Бенсона, исходя из его психического состояния. И ведь ясно, как все это кончится. Кто-нибудь наткнется на Бенсона и пристрелит его. Даже Бенсон сказал...

Дженет сдвинула брови. Что он сказал? Что-то о том, как все это кончится. Но что именно? Она попыталась вспомнить его слова, но не сумела. Тогда она была так испугана, что не слишком его слушала.

— Тупик, — сказал Андерс, вставая и отходя к окну. — В любом другом городе у нас еще оставалась бы надежда на успех. Но не тут, не в Лос-Анджелесе. Это же пятьсот квадратных миль! Он больше Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско и Филадельфии, взятых вместе. Вам это известно?

— Нет, — ответила Дженет, думая о другом.

— Слишком много мест, где можно укрыться, — говорил Андерс. — Слишком много путей к бегству...

слишком много шоссе, слишком много аэропортов, слишком много пристаней. Если он не дурак, то уже едет в Мексику или в Канаду.

— Нет, он этого не сделает, — сказала Дженет.

— А что он сделает?

— Вернется в клинику.

— А мне почудилось, что вы не беретесь предсказывать его поведение, — заметил Андерс после некоторого молчания.

— Это только предчувствие и ничего больше.

— Ну, так едем в клинику, — сказал Андерс.

НПИО выглядело как военный штаб во время боевых действий. Прием пациентов был отменен до понедельника. Четвертый этаж был закрыт для всех, кроме сотрудников клиники и полиции. По коридорам сновали «научники» с испуганными лицами. Они явно опасались не только потери дотаций, но и увольнения. Непрерывно звонили телефоны, репортеры пытались прорваться сквозь кордон полицейских. Макферсон заперся у себя в кабинете с руководителями клиники; Эллис рычал на каждого, кто приближался к нему на десять шагов; Моррис куда-то исчез, и его никак не могли найти, а Герхард и Ричардс пытались заказать телефонный разговор, чтобы проверить прогноз на другом компьютере, но все линии были заняты.

Беспорядок был полнейший: пепельницы, доверху набитые окурками, скомканные бумажные стаканчики из-под кофе и огрызки бутербродов на полу, мятые куртки и халаты на стульях. Телефоны звонили не умолкая: едва кто-нибудь вешал трубку, как тут же раздавался звонок.

Дженет Росс сидела с Андерсом у себя в кабинете и проверяла описание внешности Бенсона в полицейском отчете. Несмотря на компьютерную обработку,

описание было достаточно точным: мужчина, белый, волосы темные, глаза карие, рост 5 футов 8 дюймов, вес 140 фунтов, возраст 34 года. Особые приметы — парик и забинтованная шея. Предположительно вооружен пистолетом.

Причины преступления: предполагаемое психическое заболевание.

Дженет вздохнула.

— Он не вполне укладывается в ваши компьютерные категории.

— В них никто не укладывается, — сказал Андерс. — Остается надеяться, что описание достаточно точное, чтобы его можно было опознать. Кроме того, мы размножили его фотографию и разослали по городу. Это должно помочь.

— А что мы будем делать сейчас?

— Ждать, — сказал Андерс. — Если только вы не догадаетесь, где он может прятаться.

Дженет покачала головой.

— Тогда будем ждать, — повторил Андерс.

12 В этом помещении с низким потолком стены были выложены белым кафелем. Плафоны дневного света ярко сияли над шестью столами из нержавеющей стали, снабженными стоками. Пять столов были пусты, на шестом лежало тело Анджелы Блэк. Два прозектора производили вскрытие, а Моррис, наклонившись над столом, следил за ними.

Как хирург, Моррис много раз присутствовал на вскрытиях, но они были совсем другими. На этот раз прозекторы перед тем, как начать вскрытие, почти полчаса изучали внешний вид трупа и снимали его. Особое внимание они обращали на края ран, на «осад-

нение кожи», как они выразились. «Это означает, что раны были нанесены тупым орудием», — объяснил один из них. Оно не рассекло кожу, а натянуло ее и прорвало. Затем орудие вошло в тело, но ссадина оказалась шире самой раны. В нескольких местах в раны вдавились волосы — еще одно подтверждение того, что нанесены раны тупым предметом.

— Но каким именно? — спросил Моррис.

— Пока определить это невозможно, — ответили они. — Прежде необходимо исследовать раневой канал, определить его глубину.

Сделать это было не так просто: форма раны из-за эластичности кожи менялась, подлежащие ткани сдвигаются как до наступления смерти, так и после. Такое исследование требовало много времени. Моррис устал, у него болели глаза, и через некоторое время он вышел из секционной в криминалистическую лабораторию, где на большом столе было разложено содержимое сумочки убитой.

В лаборатории работало три человека: один называл предмет, другой записывал его в формуляр, третий прикреплял ярлык. Все было обычным и простым — губная помада, пудреница, ключи от машины, кошелек, бумажные носовые платки, жевательная резинка, записная книжка, шариковая ручка, противозачаточные пилюли, тушь для ресниц, заколки. И две пачки спичек.

— Две пачки спичек, — говорил полицейский. — Обе со штампом отеля «Морской аэропорт».

Моррис вздохнул. Эта процедура была такой же медленной и тщательной, как и вскрытие. Неужели они думают, что так и правда можно что-нибудь узнать? Он почувствовал, что не в силах больше наблюдать за этой кропотливой работой. Такое стремление к решительным действиям, неумение терпеливо ждать Джанет Росс называла «болезнью хирургов». Моррис вспо-

мнил, как на конференции НПИО, когда рассматривался кандидат на операцию третьей степени — женщина по фамилии Уорли, — он настаивал на операции, несмотря на то, что положение осложнялось другими заболеваниями. Дженет Росс тогда засмеялась. «Сниженный эмоциональный контроль», — сказала она. В ту минуту Моррис готов был ее убить. И ему не стало легче, когда Эллис спокойно согласился с тем, что миссис Уорли — неподходящий кандидат для этой операции. Моррис почувствовал, что его предали, хотя Макферсон и сказал затем, что предложенную кандидатуру, по его мнению, отвергать сразу не следует — миссис Уорли можно занести в список и подвергнуть дальнейшему обследованию.

«Сниженный эмоциональный контроль, — подумал Моррис. — Черт бы ее побрал!»

— «Морской аэропорт»? — переспросил полицейский. — Отель, в котором все стюардессы останавливаются?

— Не знаю, — ответил другой.

Моррис пропустил их слова мимо ушей. Он протер глаза и решил выпить чашку кофе. Он не спал уже тридцать шесть часов и знал, что долго не выдержит.

В поисках автомата с кофе он поднялся по лестнице. Ведь где-нибудь должен быть кофе! Даже полицейские пьют кофе. Его пьют все. И вдруг Моррис, вздрогнув, остановился.

Он уже слышал о «Морском аэропорте».

Именно там Бенсон был арестован в первый раз по подозрению в избиении механика. При отеле был бар, где это и случилось. Да, да, именно там!

Моррис взглянул на часы и пошел на стоянку автомашин. Если поторопиться, то он успеет добраться до аэропорта до часа «пик».

Над головой с ревом пронесся идущий на посадку реактивный самолет. Моррис свернул с автострады на

улицу, ведущую к аэропорту. По сторонам мелькали бары, мотели, станции автопроката. По радио передавали объявление:

— На автостраде Сан-Диего в результате дорожного происшествия грузовик перегородил три северных ряда. Компьютерный прогноз скорости движения двенадцать миль в час. На автостраде Сан-Бернардино к югу от поворота на Экстер встала машина. Компьютерный прогноз скорости — тридцать одна миля в час...

Моррис снова задумался о Бенсоне.

Может быть, компьютеры и правда подчиняют себе мир? Ему вспомнился забавный низенький англичанин, который читал в клинике лекцию и заявил, что скоро можно будет оперировать на расстоянии — хирург, находясь даже в другом полушарии, будет управлять специальным роботом при помощи сигналов, передаваемых через спутник. Это казалось нелепостью, и все-таки его коллеги — хирурги явно встревожились.

— На автостраде Вентура к западу от Хэскелла столкновение двух машин замедлило движение. Компьютерный прогноз: восемнадцать миль в час.

Моррис обнаружил, что очень внимательно слушает дорожные сообщения. Как бы то ни было, а жители Лос-Анджелеса не могли обходиться без этой передачи. Сообщения о положении на шоссе регистрировались сознанием так же машинально, как в других городах — сообщения о погоде.

Моррис приехал в Калифорнию из Мичигана. Первое время он, желая завязать разговор, начинал с вопроса о прогнозе погоды на конец дня или на следующий день и не понимал, почему на него смотрят с таким недоумением. Позже он понял, что попал в одно из тех довольно редких мест, где погода никого

не интересует — она круглый год почти не менялась, и о ней попросту не говорили.

Зато автомобили! Это была поистине универсальная тема! Всем хотелось узнать, на какой машине ты едешь, нравится ли она тебе, надежна ли она, а если ломалась, то как именно. Поэтому любые сведения о дорогах, рассказы о заторах или о происшествиях, в которые ты попадал, или об удобных объездах, которые тебе удавалось отыскать, всегда вызывали оживленное обсуждение. В Лос-Анджелесе всему, что имело отношение к автомобилям, придавали самое серьезное значение, и тут уж не приходилось скупиться на время или внимание.

Моррис вдруг вспомнил слова одного астронома, которые суммировали всю бессмысленность такого автомобильного культа: если бы марсиане увидели Лос-Анджелес, сказал этот астроном, они неминуемо решили бы, что высшую форму жизни в этой области Земли представляют автомобили. И в каком-то смысле они были бы недалеко от истины.

Моррис оставил машину на стоянке перед отелем «Морской аэропорт» — типичным образчиком калифорнийского смешения стилей, псевдояпонской харчевней из стекла, пластмасс и неоновых огней. Моррис вошел в вестибюль и сразу спустился в бар, почти пустой, как и можно было ожидать в пять часов дня. Только две стюардессы за столиком в углу, три посетителя на табуретках у стойки и скучающий бармен, который тупо смотрел прямо перед собой.

Моррис сел у стойки и, подзвав бармена, показал ему фотографию Бенсона.

— Вы знаете этого человека? — спросил он.

— Что будете пить? — сказал бармен.

Моррис постучал пальцем по фотографии.

— У нас бар. Мы продаем напитки.

Морриса охватило странное чувство. Он иногда испытывал его перед началом операции. Тогда ему казалось, что он только играет роль хирурга перед кинокамерой. Это было ощущение нереальности, театральности происходящего. И вот теперь он выступал в роли частного сыщика.

— Его фамилия Бенсон, — сказал Моррис. — Я его врач. Он тяжело болен.

— А чем?

Моррис вздохнул.

— Вы его видели?

— Много раз. Его зовут Гарри, так?

— Совершенно верно. Гарри Бенсон. Когда вы видели его в последний раз?

— С час назад. — Бармен пожал плечами. — А чем он болен?

— Эпилепсией. Его необходимо найти. Вы знаете, куда он пошел?

— Эпилепсией? Это надо же! — Бармен взял фотографию и начал ее рассматривать. — Да, это он. Только перекрасил волосы в черный цвет.

— Вы знаете, куда он пошел?

— По виду и не скажешь, что он болен. А вы не...

— Вы знаете, куда он пошел? — крикнул Моррис.

Наступило продолжительное молчание. Бармен напустился. Моррис пожалел о своей несдержанности.

— А еще говорит — врач! — сказал бармен. — Катитесь-ка отсюда!

— Мне нужна ваша помощь, — сказал Моррис. — Нельзя терять ни минуты. — Моррис открыл бумажник, достал из него все свои документы, на которых значилось «доктор медицины», и разложил их на стойке.

Бармен даже не взглянул на них.

— Его также разыскивает полиция.
— Так я и знал, — сказал бармен. — Так я и знал.
— И я могу вызвать сюда полицейского, чтобы он вас допросил. Возможно, вы окажетесь соучастником убийства.

Бармен взял визитную карточку, поднес ее к глазам и бросил обратно на стойку.

— Ничего я не знаю, — сказал он. — Он сюда иногда заходит, вот и все.

— Куда он пошел сегодня?
— Не знаю. Он ушел вместе с Джо.
— С каким Джо?
— С механиком. Работает в ночную в «Юнайтед».
— «Юнайтед эйр лайнз»?
— Ага, — сказал бармен. — Послушайте, а как насчет...

Но Моррис уже не слушал.

Из вестибюля он позвонил в НПИО и с помощью телефонистки отыскал капитана Андерса.

— Андерс слушает.

— Говорит Моррис. Я в аэропорту. Я напал на след Бенсона. Час назад его видели в баре отеля «Морской аэропорт». Он ушел с механиком, которого зовут Джо, работает в «Юнайтед». В ночную смену.

Андерс ничего не ответил, но Моррис услышал шорох карандаша на бумаге.

— Так, — сказал Андерс. — Что-нибудь еще?
— Нет.
— Сейчас же вышлем машины. Вы думаете, что он пошел в ангары «Юнайтед»?
— Возможно.
— Высылаем машины.
— А как...

Моррис умолк и посмотрел на трубку. Из нее не доносилось ни звука. Он перевел дух, прикидывая, что делать дальше. С этого момента в дело включилась полиция. Бенсон опасен. Так что лучше не вмешиваться.

Но, с другой стороны, когда они сюда доберутся? Где находится ближайший полицейский участок? В Инглвуде? В Калвер-Сити? Сейчас улицы забиты машинами, и, даже включив сирены, они придут в аэропорт не раньше чем через двадцать минут. А то и через полчаса.

Слишком долго. За это время Бенсон успеет скрыться. А потому надо его отыскать. Просто отыскать и следить за ним издали.

Не пытаться его задержать. Но и не дать ему скрыться.

Большая вывеска гласила: ЮНАЙТЕД ЭЙР ЛАЙНЗ — ВХОД ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА. Под вывеской находилась будка сторожа. Моррис остановил машину и высунул голову в окно.

— Я доктор Моррис. Мне нужен Джо.

Он приготовился к длинным объяснениям, но сторож, по-видимому, готов был поверить ему на слово.

— Джо пришел минут десять назад. Записал, что идет в седьмой ангар.

Он махнул рукой в сторону трех больших ангаров, за которыми располагались автостоянки.

— Который седьмой?

— Крайний слева, — ответил сторож. — Не знаю, зачем он пошел туда, разве что из-за посетителя.

— Какого посетителя?

— Он записал посетителя. — Сторож заглянул в книгу. — Мистер Бенсон. Он повел его в седьмой ангар.

— А что там, в седьмом?

— Дэ-эс десять. Поставлен на ремонт. Пока там никто не работает. Ждут новый мотор уже вторую неделю. Может, хотел показать ему этот самолет.

— Спасибо, — сказал Моррис.

Въехав в ворота, он остановился у седьмого ангара и вылез из машины. И тут его охватили сомнения. А вдруг Бенсон вовсе и не в седьмом ангаре? Надо проверить. Иначе можно попасть в глупое положение. Он будет сидеть здесь, на стоянке, а когда приедет полиция, выяснится, что Бенсон успел скрыться.

Лучше проверить. А бояться нечего. Он молод и в прекрасной физической форме. Кроме того, ему хорошо известно, насколько Бенсон опасен. И он будет на чеку. Ведь Бенсон опасен главным образом для тех, кто не знает, в какое чудовище его превращает болезнь.

Моррис решил заглянуть в ангар и убедиться, что Бенсон действительно там.

Гигантские ворота ангара были закрыты наглухо, а никакого другого входа видно не было. Но ведь как-то люди попадают внутрь?

Он внимательно оглядел стенку из рифленого железа и возле левого угла наконец обнаружил дверь. Он снова сел в машину, подъехал к двери и затем вошел в ангар.

Там была кромешная тьма. И тишина. Моррис постоял возле двери. Потом он услышал слабый стон. Он пошарил руками по стене, нащупал стальную коробку с рубильниками и включил их.

Одна за другой под самой крышей ангара вспыхнули яркие лампы. Моррис увидел стоящий посреди ангара гигантский самолет. Забавно, каким огромным он кажется в четырех стенах.

Моррис направился к нему и снова услышал стон, но не смог определить, откуда доносится этот звук. Он

никого не видел — только голый пол и голые стены. У дальнего крыла самолета стояла лестница. Моррис прошел к ней под блестящим хвостом самолета. Ему стало жарко. Воздух был пропитан запахом бензина и смазки.

Опять стон.

Моррис ускорил шаги, прислушиваясь, как они отдаются эхом в гулкой пустоте. Стон, казалось, раздавался внутри самолета. Но как туда попасть? Он даже удивился этой мысли, вспомнив, сколько раз ему приходилось летать. В самолет поднимаются по трапу... Но здесь в ангаре? Как забраться в эту махину?

Он прошел мимо двух двигателей на крыле. Гигантские цилиндры с черными лопастями турбин внутри. И двигатели тоже никогда прежде не казались такими огромными. А может быть, он просто не обращал на них внимания?

Снова стон.

Моррис подошел к лестнице и полез вверх. Поднявшись на шесть футов, он увидел перед собой сверкающую серебристую гладь крыла, усеянную заклепками. И надпись СТАВЬ НОГУ СЮДА. Рядом багровели капли крови. Моррис посмотрел на крыло и заметил окровавленного человека, лежащего на спине. Шагнув к нему, он увидел разможенное лицо, руку, вывернутую под неестественным углом.

Сзади раздался какой-то шум. Моррис резко обернулся. И тут неожиданно свет в ангаре погас.

Моррис замер. Он вдруг утратил способность ориентироваться и словно повис в необъятной безграничной черноте. Он не двигался. Не дышал. Он ждал.

Раненый снова застонал. И опять сомкнулась тишина. Моррис опустил на колени, сам не зная зачем. Но

близость металлической поверхности крыла вселяла в него уверенность. Он не боялся и только никак не мог собраться с мыслями.

Затем он услышал тихий смехок. И ему стало страшно.

— Бенсон?

Молчание.

— Бенсон, вы здесь?

Молчание. И шаги по бетонному полу, ровные, отдающиеся в вышине.

— Гарри, это доктор Моррис.

Он замигал, стараясь привыкнуть к темноте. Бесполезно. Он ничего не видел — ни конца крыла, ни очертаний фюзеляжа. Ничего.

Шаги приближались.

— Гарри, я хочу вам помочь. — Его голос дрогнул, и Бенсон, конечно, понял, что он боится. Нет, надо молчать. Его сердце бешено стучало, он тяжело дышал.

— Гарри...

Молчание. Но шаги замерли. Может быть, Бенсон устал. Может быть, он получил стимуляцию. Может быть, он передумал.

Новый звук: позвякивание металла. Совсем близко.

Опять позвякивание.

ОН ПОДНИМАЕТСЯ ПО ЛЕСТНИЦЕ.

Моррис покрылся холодным потом. Он по-прежнему ничего не видел, абсолютно ничего. И никак не мог сообразить, как он стоит — лицом к лестнице или спиной.

Опять позвякивание.

Моррис попробовал определить, откуда доносится звук. Спереди! Значит, он стоит лицом к хвосту самолета, лицом к концу крыла. И значит — лицом к лестнице...

Опять позвякивание.

Сколько ступенек в лестнице? Примерно шесть футов — шесть ступенек. Скоро Бенсон поднимется на крыло. Чем ему защищаться? Моррис оцупал карманы. Одежда намокла от пота и прилипла к телу.

И вдруг все происходящее показалось ему нелепым: ведь Бенсон — его пациент, а он — его врач. Бенсона можно уговорить, Бенсон послушается.

Опять позвякивание.

Ботинок! Моррис мгновенно снял с ноги ботинок. Черт, резиновая подошва. Но все же лучше, чем ничего. Крепко сжимая ботинок в руке, он занес его над головой, готовясь нанести удар. Перед его глазами всплыло изуродованное, окровавленное лицо механика, и он понял, что ему придется ударить Бенсона, сильно ударить, изо всех сил.

Он должен будет убить Бенсона.

Позвякивание прекратилось, но теперь Моррис слышал дыхание — совсем близко. И тут издалика, но с каждой секундой нарастая, донесся вой сирен. Полиция! Бенсон тоже услышит сирену и не станет нападать.

Опять позвякивание.

Бенсон спускается! Моррис вздохнул с облегчением.

Затем он услышал странный, скребуший звук, крыло под его ногами задрожало. Бенсон не спустился с лестницы. Он поднялся наверх и теперь стоял на крыле.

— Доктор Моррис?

Моррис чуть было не ответил ему, но вовремя сдержался. Он знал, что и Бенсон ничего не видит. Бенсон рассчитывал определить направление по голосу. Моррис молчал.

— Доктор Моррис! Помогите мне.

С каждой секундой вой сирен становился громче. Морриса захлестнула волна радости: сейчас Бенсон будет схвачен и этому кошмару придет конец.

— Пожалуйста, помогите мне, доктор Моррис.

«А может быть, он говорит это искренне? — подумал Моррис. — Может, ему и правда нужна помощь?». Если так, то долг врача обязывает его ответить.

— Пожалуйста...

Моррис поднялся с колен.

— Я здесь, Гарри, — сказал он. — Только не волнуйтесь и...

Что-то просвистело в воздухе. Моррис понял, что сейчас последует удар. Его рот и челюсть обожгла невыносимая боль. Он опрокинулся на спину и покатился по крылу. Боль была ужасной, он и представить себе не мог, что бывает подобная боль.

И тут он упал в темноту. От крыла до пола было невысоко. Но ему показалось, что он падает долго. Целую вечность.

13 Дженет Росс стояла в отделении скорой помощи и через небольшое окошко заглядывала внутрь перевязочной. Морриса окружило шесть человек, и ей были видны только его ноги. Одна была без ботинка. На белых халатах врачей и санитаров алела кровь.

Андерс, который стоял рядом с ней, сказал:

— Вряд ли мне нужно вам говорить, что я думаю обо всем этом.

— Да, конечно.

— Он очень опасен. Доктору Моррису следовало дожидаться приезда полиции.

— Но ведь полиция его не поймала, — сказала Дженет, неожиданно рассердившись. Андерс ничего не

понимает. Он не понимает, что ты чувствуешь ответственность за своего пациента, что испытываешь потребность помочь ему.

— Но и Моррис тоже, — сказал Андерс.

— А почему полиция его не поймала?

— Когда полицейские вошли в ангар, Бенсона уже не было. В ангаре есть несколько выходов, а оцепить его они не успели. Моррис лежал под крылом самолета, а механик на крыле, и оба изуродованы.

Из перевязочной вышел Эллис. Измученный, небритый, сникший.

— Как он? — спросила Дженет.

— Все в порядке, — сказал Эллис. — Несколько недель ему придется помолчать, но в остальном все в порядке. Сейчас его заберут в операционную, чтобы зафиксировать челюсть и удалить все зубы. — Он повернулся к Андерсу. — Они нашли, чем он его ударил?

Андерс кивнул:

— Двухфутовым куском свинцовой трубы.

— И прямо по рту! Хорошо еще, что осколки зубов не попали в легкие. Рентген в бронхах ничего не обнаружил. — Эллис обнял Дженет за плечи. — Они его починят, Джен.

— А что с другим?

— С механиком? — Эллис покачал головой. — Тут я ни за что не поручусь. У него раздроблена переносица, носовая кость вошла в мозг. Из носа сочится мозговая жидкость. Большая потеря крови и угроза энцефалита.

— Как вы оцениваете его состояние? — спросил Андерс.

— Критическое.

Андерс кивнул и ушел.

Дженет вышла из отделения скорой помощи вместе с Эллисом. Они направились к кафетерию. Эллис не снимал руки с ее плеча.

— Да, скверно все получилось, — сказал Эллис.

— Он, правда, будет совсем здоров?

— Конечно.

— Но он был красив...

— Челюсть ему починят. Все будет хорошо.

Дженет поежилась.

— Вам холодно?

— Да, — сказала Дженет. — И я устала. Страшно устала.

Она сидела с Эллисом в кафетерии и пила кофе. Как всегда, в половине седьмого там было много народу. Эллис ел медленно, каждое его движение показывало, как он устал.

— Забавно, — сказал Эллис.

— Что?

— Сегодня днем мне звонили из Миннесоты. У них есть вакансия на кафедре нейрохирургии. Спрашивали, не заинтересует ли это меня.

Дженет промолчала.

— Смешно, правда?

— Нет, — сказала Росс.

— Я ответил, что буду от этого думать, только когда меня отсюда выгонят.

— А вы уверены, что это должно произойти?

— А вы нет? — Эллис скользнул взглядом по белым халатам врачей, сестер, стажеров, сидевших вокруг. — Миннесота мне вряд ли понравится. Там слишком холодно.

— Но там хорошая кафедра.

— О да. Хорошая кафедра. — Эллис вздохнул. — Отличная кафедра.

Дженет стало жаль его, но она тут же подавила в себе жалость. В том, что случилось, виноват он сам. И ведь она его предупреждала! Ни разу за эти сутки она не позволила себе сказать кому-нибудь: «Я же говорила». Ни разу даже не подумала так. Какой смысл? И Бенсону от этого было бы ни малейшей пользы, а главным для нее было помочь ему.

Но она не испытывала особого сочувствия к смелому хирургу. Смелые хирурги рисковали не своей жизнью, а жизнью других людей. И в самом худшем случае хирург мог лишиться только своей репутации.

— Ну, — сказал Эллис, — я, пожалуй, пойду в НПИО. Посмотрю, как там. Знаете что?

— А?

— Надеюсь, они его убьют.

Он встал и направился к лифтам.

Операция началась в семь часов вечера. С галереи для зрителей Дженет смотрела, как Морриса ввели в операционную и начали готовить к операции. Оперировали Бендиксон и Кэртисс — оба хорошие специалисты в пластической хирургии. Все, что возможно, они, безусловно, сделают.

И все-таки она вздрогнула, когда с лица Морриса сняли стерильные марлевые тампоны. От носа и выше оно было таким, как всегда, только очень бледным. Но ниже — кровавое месиво. Она никак не могла определить, где в этой красной маске находится рот.

Она была потрясена, хотя глядела издали. Так какое же впечатление должно было это произвести на близком расстоянии?

Она смотрела, как тело оперируемого и его голову обертывали стерильными простынями. Хирурги облачились в светло-зеленые халаты и надели перчатки, столики с инструментами были придвинуты к столу, операционные сестры приготовились. Предоперационный ритуал был проделан спокойно и деловито. Замечательный ритуал, настолько неизменный, настолько совершенный, что никто бы не подумал — вполне возможно, и сами хирурги в том числе, — что они оперируют своего коллегу. Этот ритуал, эта раз и навсегда установленная процедура были такой же анестезией для хирурга, как газ — для больного.

Дженет постояла еще несколько минут и ушла.

14 Подходя к НПИО, Дженет увидела у дверей толпу репортеров, окруживших Эллиса. Он отвечал на вопросы с явной злостью. Несколько раз раздались слова «контроль над сознанием».

Чувствуя себя немножко виноватой, Дженет свернула к боковой двери и поднялась на лифте на четвертый этаж. «Контроль над сознанием, — думала она. — Желтая пресса извлечет из этого все, что возможно. Затем последуют внушительные редакционные статьи в солидных газетах и еще более внушительные редакционные статьи в медицинских журналах, рассматривающих рискованные последствия бесконтрольных и безответственных исследований. Можно себе представить!»

Контроль над сознанием!

Да ведь сознание каждого человека находится под контролем, и все этому только рады. Наиболее властный контроль над ним осуществляют родители. И они

же причиняют самый большой вред. Теоретики обычно забывают, что никто не рождается с предрассудками, неврозами, обманутыми надеждами. Все это развивается благодаря чьей-то помощи. Конечно, родители вредят своим детям бессознательно. Они просто прививают своему ребенку то отношение к окружающему миру, которое им кажется правильным.

Новорожденные дети — это маленькие компьютеры, ожидающие программирования. И они научатся тому, чему их будут учить, — начиная от скверной грамматики и кончая скверным мироощущением. Подобно компьютерам, они не способны отличить плохие идеи от хороших. Аналогия достаточно точная: очень многие указывали на «инфантилизм» и буквальность восприятия у компьютеров. Так, если отдать компьютеру распоряжение: «Надень ботинки и носки», он непременно ответит, что надеть на ботинки носки невозможно.

Основное программирование заканчивается к семи годам. Отношение к вопросам этики, пола, расы, религии, национальности выработано. Гороскоп запущен, и детям остается только следовать по предначертанному пути.

Контроль над сознанием...

А такой простой момент, как социальные условности? Рукопожатие при встрече? Проходить слева? Рюмку ставить справа? Поворачиваться лицом к соседям в лифте. Сотни мельчайших условностей, которые необходимы для стереотипизации социального взаимодействия. Стоит отнять любую из них, и человек теряется.

Контроль над сознанием необходим людям. Они рады ему. Без него им не на что было бы опереться.

Но пусть несколько человек попытаются решить одну из важнейших проблем современности — помешать разнуздачной агрессивности — и тут же со всех сторон последуют вопли: «Контроль над сознанием! Контроль над сознанием!»

Что же лучше — контроль или отсутствие контроля?

На четвертом этаже Дженет прошла между полицейскими, толпившимися в коридоре, к себе кабинет. Андерс, хмурясь, положил трубку.

— Мы кое-что узнали, — сказал он.

— Да? — Дженет сразу забыла о своем раздражении.

— Но только я не совсем понял, что бы это значило.

— А именно?

— Мы разослали по городу описание Бенсона и его фотографии. И один человек его опознал.

— Кто?

— Служащий отдела строительства и планировки в муниципалитете. Он сказал, что Бенсон заходил к нам десять дней назад. В этом отделе, в частности, хранятся планы всех общественных зданий в черте города.

Дженет кивнула.

— Ну, так Бенсона интересовала схема электросети в одном здании. Для какой-то проверки. Он сказал, что он инженер-электрик, и предъявил какое-то удостоверение.

— Девушка у него в доме упомянула, что он забрал оттуда какие-то чертежи, — сказала Дженет.

— Вероятно, те самые!

— Но какого здания?

— Университетской клиники, — ответил Андерс. — У него есть полный план электросети клиники. Зачем он ему, как по-вашему?

Они молча смотрели друг на друга.

К восьми часам Дженет засыпала на ходу. У нее ныла шея, голова раскалывалась. Она понимала, что больше не выдержит: если сейчас же не лечь спать, дело неминуемо кончится плохо.

— Если я вам понадобится, я буду где-нибудь на этаже, — сказала она Андерсу.

Она шла по коридору мимо полицейских в форме и не замечала их, как будто полицейские были обязательной принадлежностью больничных коридоров.

Она заглянула в кабинет Макферсона. Макферсон сидел за столом, склонив голову на плечо, и спал. Он дышал часто и прерывисто, словно его мучил кошмар. Дженет тихонько притворила дверь.

Мимо прошел санитар. Он нес полные пепельницы и стопку бумажных стаканчиков из-под кофе. Ей показалось странным, что санитар выполняет обязанности уборщицы. У нее в сознании всплыла неясная мысль, какой-то вопрос, который она не могла никак сформулировать.

Эта мысль продолжала ее преследовать, но в конце концов она убедилась, что ей в ней не разобраться. Она слишком устала и плохо соображала. Заглянув в одну из процедурных и убедившись, что там никого нет, она закрыла за собой дверь и повалилась на кушетку.

Секунду спустя она уже спала.

15 В комнате отдыха Эллис смотрел на самого себя. Было одиннадцать часов вечера, и по телевизору передавали последние известия. Эллиса привело сюда отчасти тщеславие,

а отчасти болезненное любопытство. Перед телевизором сидели еще Герхард, Ричардс и Андерс.

На экране Эллис, чуть-чуть скашивая глаза в сторону телекамеры, отвечал на вопросы репортеров, которые подносили микрофоны к самому его лицу. Однако, решил Эллис, держался он спокойно. Это было приятно. Да и отвечал он вовсе не плохо.

Репортеры спросили его об операции, и он коротко, но ясно изложил им ее суть.

Один из них спросил:

«С какой целью была сделана операция?»

«Больной, — сказал Эллис, — периодически начинает вести себя агрессивно. У него органическое заболевание мозга — его мозг поврежден. Мы стараемся починить его. Мы стараемся предотвратить агрессивность».

«Против этого не может быть никаких возражений, — подумал Эллис. — Даже Макферсон будет доволен».

«А повреждение мозга часто ведет к агрессивности?»

«Насколько часто, мы не знаем, — сказал Эллис на экране. — Более того, нам не известно, как часто встречается подобное повреждение. Однако, согласно нашим оценкам, явные повреждения мозга наблюдаются у десяти миллионов американцев, а еще у пяти миллионов — не столь явные».

«Значит, у пятнадцати миллионов», — сказал какой-то репортер. — То есть у одного человека из тринадцати?»

«Быстро высчитал!» — подумал Эллис. Сам он позже получил соотношение один к четырнадцати.

«Что-то около этого, — ответил Эллис на экране. — Два с половиной миллиона человек страдают церебральной недостаточностью. Два миллиона — органическими заболеваниями с судорожной готовно-

стью, включая эпилепсию. Шесть миллионов — умственной отсталостью. И почти два с половиной миллиона имеют поведенческие нарушения, сопровождающиеся двигательным возбуждением».

«И все эти люди агрессивны?»

«Отнюдь нет. Но при проверке людей, склонных к агрессивным вспышкам, выясняется, что процент с повреждениями мозга среди них очень высок. Я говорю о физических повреждениях. Этот фактор, несомненно, занимает значительное место наряду с такими общепризнанными причинами, ведущими к насилию, как бедность, дискриминация, социальная несправедливость и прочее. Причем, следует учитывать, что физический дефект исправить только социальными мерами невозможно.

В потоке вопросов наступила пауза. Эллис помнил ее, помнил, как он ей обрадовался. Значит, он побеждает, он подчиняет себе ситуацию!

«Говоря о насилии, вы...»

«Я имею в виду вспышки агрессивного поведения, направленные против отдельных людей. Это самая большая проблема современности — насилие. И особенно в нашей стране. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году в Соединенных Штатах Америки было убито и искалечено больше американцев, чем за все годы вьетнамской войны. А точнее (репортеры замерли) — четырнадцать с половиной тысяч убийств, тридцать шесть с половиной тысяч изнасилований, триста шесть тысяч пятьсот случаев нанесения тяжких телесных повреждений. Итого свыше трети миллиона случаев применения физического насилия. А ведь эти цифры не включают автомобильных катастроф и дорожных происшествий, которые дали за тот же год пятьдесят шесть тысяч убитых и три миллиона раненых».

— Вы лихо оперируете цифрами, — пробормотал Герхард, не отводя взгляда от экрана.

— Но ведь это произвело нужное впечатление.

— Да, пыль в глаза. — Герхард вздохнул. — Но вы что-то подозрительно коситесь.

— Как всегда.

Герхард засмеялся.

На экране репортер спрашивал:

«И вы считаете, что эти цифры отражают частоту физического повреждения мозга?»

«В значительной мере, — ответил Эллис. — В значительной мере. Одним из симптомов физической болезни мозга считать стремление личности к насильственным действиям. Об этом свидетельствуют многие примеры. У Чарльза Уитмена, который убил семнадцать человек в Техасе, была злокачественная опухоль мозга. Примечательно, что он за несколько недель до этого жаловался своему психиатру на упорное желание влезть повыше и стрелять в людей. Ричард Спек до того, как убил восемь медицинских сестер, несколько раз зверски избивал ничем его не задевших людей. Ли Гарвей Освальд неоднократно кидался с кулаками на собственную жену и на посторонних. Все эти случаи получили широчайшую известность, но ведь ежегодно случается около трехсот шестидесяти тысяч таких же происшествий, которые не привлекают к себе внимания. Мы стремимся хирургическим путем устранить агрессивное поведение. Я не вижу в этом ничего сомнительного. Наоборот, по моему мнению, это благородная и важная задача».

«Но ведь это же контроль над сознанием?»

«А как вы называете обязательное среднее образование?» — спросил Эллис.

«Образованием», — ответил репортер.

На этом интервью закончилось. Эллис вскочил со стула.

— В результате я выгляжу дураком! — воскликнул он.

— Вовсе нет, — сказал Андерс.

Суббота
13 марта 1971 года

КОНЕЦ

1 Ее били, били больно, безжалостно. Она перевернулась на бок и застонала.

— Джен! — Герхард тряс ее за плечо. — Проснитесь, Джен.

Она открыла глаза. В комнате было темно. Кто-то наклонился над ней.

— Дженет, да проснитесь же, Джен!

Она зевнула, и шею закололо тысячью иголок.

— Что случилось?

— Вам звонят. Бенсон!

Джен сразу очнулась. Герхард помог ей встать, и она помотала головой, стараясь обрести ясность мысли. Шея отчаянно болела, ныли затекшие руки и ноги, но она ничего не замечала.

— По какому телефону?

— В «Телекомпе».

Они вышли в коридор, и Дженет зажмурилась от яркого света. Полицейские все еще были, но они явно устали — глаза у них потускнели, щеки обвисли.

Вслед за Герхардом она вошла в «Телекомп».

Ричардс протянул ей трубку со словами:

— Вот и доктор Росс.

— Алло? Гарри?

Андерс сидел в углу напротив у параллельного телефона.

— Мне нехорошо, — сказал Гарри Бенсон. — Я хочу, чтобы это кончилось, доктор Росс.

— Что случилось, Гарри?

Она уловила в его голосе усталость и почти детскую неуверенность. А что сказала бы крыса после двадцати четырех часов непрерывных стимуляций?

— Ничего не ладится. Я устал.

— Мы можем вам помочь, — сказал Дженет.

— Это ощущение, — продолжал Бенсон. — Я от него устаю и только. Просто устаю. Я хочу, чтобы оно прекратилось.

— Вы должны позволить, Гарри, чтобы мы вам помогли.

— Я не верю в вашу помощь.

— Вы должны довериться нам, Гарри.

Наступило долгое молчание. Андерс вопросительно посмотрел на Дженет. Она пожала плечами.

— Гарри?

— Зачем только вы со мной это сделали! — сказал Бенсон.

Андерс посмотрел на часы.

— Что сделали?

— Операцию.

— Мы можем все исправить, Гарри.

— Я сам хотел исправить, — сказал Бенсон. Голос у него звучал капризно, как у обиженного ребенка. — Я хотел выдернуть провода.

Дженет нахмурилась:

— И вы пытались это сделать?

— Нет. Я попробовал отодрать бинты, но было слишком больно. Я не люблю, когда мне больно.

И это были слова маленького ребенка. Дженет не могла решить, носила ли эта регрессия специфический характер или ее породили страх и усталость.

— Я рада, что вы не выдернули...

— Но мне надо что-то сделать, — сказал Бенсон. — Я должен уничтожить это ощущение. Я налажу компьютер.

— Гарри, вы этого не можете сделать. Предоставьте все нам.

— Нет. Я сам его налажу.

— Гарри, — сказала Дженет тихим, ласковым, материнским голосом. — Гарри, пожалуйста, доверьтесь нам.

Он ничего не ответил. Она услышала его тяжелое дыхание. Дженет скользнула взглядом по напряженным замершим в ожидании лицам вокруг.

— Гарри, пожалуйста, доверьтесь нам. В последний раз. И все будет хорошо.

— Меня ищет полиция.

— Здесь нет полицейских. Они все ушли. Вы можете смело прийти сюда. Все будет хорошо.

— Вы мне и раньше лгали. — Его голос вновь стал капризным.

— Нет, Гарри. Произошла ошибка. Если вы придете сюда, все будет хорошо.

Наступила долгая пауза, затем в трубке послышался вздох.

— Мне очень жаль, — сказал Бенсон. — Я знаю, чем это кончится. Но я должен сам наладить компьютер.

— Гарри...

Раздался щелчок, а затем частые гудки отбоя.

Дженет положила трубку. Андерс тут же позвонил на телефонную станцию узнать, проследили ли они вызов. И Дженет поняла, почему он все время смотрел на часы.

— Черт! — Андерс бросил трубку на рычаг. — Они так и не смогли установить, откуда звонили! Идиоты!

— Он говорил совсем как ребенок, — сказала Дженет, покачивая головой.

— А что он имел в виду, когда заявил, что хочет наладить компьютер?

— Наверное, собирается вырвать провода из плеча.

— Но он сказал, что уже пробовал это.

— Может быть, пробовал, а может быть, и нет.

В результате всех этих стимуляций и припадков он полностью утратил ясность мыслей.

— А вообще возможно вырвать провода и компьютер?

— Да, — ответила Дженет. — Во всяком случае, животным это удавалось. Обезьянам. — Она протерла глаза. — У нас есть кофе?

Герхард налил ей чашку.

— Бедный Гарри, — сказала Дженет. — Ему, должно быть, сейчас очень страшно.

Из своего угла Андерс спросил:

— Но в какой мере он утратил ясность мысли?

— В очень значительной. — Дженет отпила глоток. — А сахара у вас нет?

— Настолько, что он способен перепутать компьютеры?

— Сахар кончился, — объяснил Герхард.

— Не понимаю, — сказала Дженет.

— У него ведь есть план электросети клиники, — продолжал Андерс. — А главный компьютер — ком-

пьютер, с помощью которого его оперировали, — находится в подвале клиники.

Дженет поставила чашку и с недоумением посмотрела на Андерса. Потом нахмурилась, еще раз протерла глаза, взяла чашку и опять поставила ее на столик.

— Не знаю, — произнесла она наконец.

— Пока вы спали, мне сообщили результаты вскрытия. Установлено, что Бенсон нанес эти раны отверткой. Он напал на механика и на Морриса. Машины и люди, имеющие к ним отношение. Моррис участвовал в механизировании его самого.

Дженет слегка улыбнулась.

— Простите, кто здесь психиатр?

— Я просто спрашиваю, это возможно?

— Да, конечно, это возможно...

Снова зазвонил телефон. Дженет взяла трубку:

— НПИО.

— Техоокеанский телефонный узел. Мы еще раз проверили этот звонок по поручению капитана Андерса. Он тут?

— Одну минутку. — Она кивнула Андерсу, и он взял трубку.

— Андерс слушает. — Наступила продолжительная пауза, потом Андерс сказал: — Повторите, пожалуйста. — Андерс слушал и кивал. — А когда именно вы проверяли?

Ах, так! Спасибо.

Он повесил трубку и тут же снова снял ее.

— Расскажите-ка про эту атомную батарейку, — сказал он, набирая номер.

— Меня интересует, что произойдет, если она будет повреждена, — ответил Андерс и повернулся к телефону.

— Команду противорадиационной защиты. Говорит Андерс из уголовной полиции.

Дженет сказала:

— В батарееке находится тридцать семь граммов радиоактивного плутония двести тридцать девять. В случае ее повреждения возникнет опасность облучения.

— Какие частицы излучаются?

Она посмотрела на него с удивлением.

— Я окончил колледж, — сказал он. — И даже умею читать и писать.

— Альфа-частицы, — ответила Дженет.

Андерс сказал в трубку:

— Говорит Андерс из угловой полиции. Срочно пришлите машину к университетской клинике. Возможно радиоактивное заражение. Плутоний двести девять. — Он умолк, некоторое время слушал, а потом посмотрел на Дженет:

— Возможен взрыв?

— Нет.

— Нет, — повторил Андерс в трубку и снова начал слушать. — Хорошо. Я понимаю. Присылайте как можно скорее.

Андерс повесил трубку.

— Может быть, вы все-таки объясните мне, что происходит? — сказала Дженет.

— На телефонной станции установили, что в тот период, когда Бенсон позвонил к вам, ни одного звонка извне в клинику не было. Ни одного.

Дженет растерянно заморгала.

— Вот именно, — сказал Андерс. — Бенсон звонил откуда-то из клиники.

Из окна четвертого этажа Дженет смотрела на автостоянку, наблюдая, как Андерс отдает распоряжения двадцати полицейским. Половина из них вошла в главный корпус, остальные остались на улице и, разбившись на маленькие группки, тихо переговарива-

лись и курили. Затем подъехал белый фургон, из него вылезли три неуклюжие фигуры в серых защитных костюмах с металлическим отливом. Андерс подошел к ним и после короткого разговора кивнул и начал помогать выгружать из фургона какую-то странную аппаратуру.

Потом направился в сторону НПИО.

Герхард следил за всеми этими приготовлениями вместе с ней.

— Ну, теперь Бенсону не уйти, — сказал он.

— Я знаю. Я все думаю, нельзя ли каким-либо образом обезоружить его или парализовать? Не могли бы вы сделать портативный микроволновый излучатель?

— Я думал об этом, — сказал Герхард. — Но это опасно. Предугадать, как именно он подействует на компьютер Бенсона, невозможно. И вы сами понимаете, какая свистопляска начнется со всеми водителями ритма сердца в клинике.

— Неужели мы ничего не можем сделать?

Герхард покачал головой.

— Но ведь, наверное, все-таки есть какой-то выход, — настаивала Дженет.

Герхард снова покачал головой:

— К тому же очень скоро внедренная внешняя среда подчинит себе все остальное.

— Теоретически!

Герхард пожал плечами.

Термин «внедренная внешняя среда» был в большом ходу среди сотрудников научного сектора НПИО. Идея казалась очень простой, но за ней стояло многое. Опиралась она на общеизвестный факт: внешняя среда воздействует на мозг. Она создает ситуации, которые превращаются в воспоминания, оценки, навыки — все то, что воплощается в связях между клетками мозга.

Как руки землекопа меняются под воздействием его работы, так и человеческий мозг претерпевает изменения под воздействием пережитого. И, подобно мозолям на ладонях землекопа, эти изменения сохраняются и после того, как ситуация, вызвавшая их, сама уйдет в прошлое.

В этом смысле прошлое и пережитое внедрялось в мозг, и мозг любого из нас представляет собой итог всего нашего прошлого опыта. Отсюда следовало, что причина заболевания и его лечение лежали в разных плоскостях. Причиной нарушения поведения могло быть что-то пережитое в раннем детстве, и было невозможно вылечить нарушение, установив причину, так как причина осталась в прошлом, исчезла, когда больной стал взрослым. Лечение приходилось искать еще где-то. Как говорили «научники»: «Спичка может вызвать пожар, но когда огонь уже полыхает, его нельзя потушить, погасив спичку. Дело уже не в спичке. Надо тушить пожар».

Целые сутки Бенсон получал интенсивные стимуляции от вживленного компьютера. Эти стимуляции породили новый опыт, новые ожидания. В мозг внедрялась новая среда, и очень скоро они более не смогут предсказать реакцию мозга, потому что старого мозга Бенсона уже не существовало. Теперь у Бенсона был новый мозг, продукт нового опыта.

Вошел Андерс.

— Мы готовы, — сказал он.

— Я вижу.

— У каждого входа в подвал дежурят двое. Еще двое — у главного входа, двое — в отделении скорой помощи и двое — у каждого из трех лифтов. На этажах, где находятся больные, постов нет. Мы не хотим, чтобы там возникли какие-нибудь неприятности.

Дженет оценила его деликатность, но вслух не сказала ничего.

Андерс посмотрел на свои часы.

— Без двадцати час, — сказал он. — Надо бы, чтобы кто-нибудь показал мне главный компьютер.

— Он в подвале, — объяснила Дженет, указывая на главный корпус. — Вон там.

— Вы меня проводите?

— Конечно.

Ей было уже все равно. Она больше не питала иллюзий, что сумеет повлиять на ход событий. Она отдавала себе отчет, что вовлечена в неумолимый процесс, охватывающий множество людей и множество прошлых решений. То, что должно случиться, случится.

Когда Дженет шла по коридору рядом с Андерсом, ей вдруг вспомнилась миссис Крейл. Странно, она, казалось, забыла о ней много лет назад. Эмили Крейл была ее первым пациентом. Ей было пятьдесят лет. Ее дети выросли, мужу она надоела. У миссис Крейл была затяжная депрессия, постоянно толкавшая ее на попытки самоубийства. Дженет Росс чувствовала себя лично за нее ответственной и вкладывала в лечение миссис Крейл весь пыл юности. Как полководец, ведущий войну, она продумывала общую стратегию, воплощала ее в конкретные действия, пересматривала и уточняла планы сражений.

Она выходила миссис Крейл после двух неудачных попыток.

А потом ей постепенно стало ясно, что у ее энергии, умения и знаний есть пределы. Состояние миссис Крейл не улучшалось, она только стала хитрее и в конце концов ей удалось осуществить свое намерение. Но, к счастью для себя, Дженет тогда уже не ощущала, что судьба больной зависит только от нее.

Теперь то же повторилось и с Бенсоном.

Они были уже возле лифта, но тут из «Телекомпа» донесся громкий голос Герхарда:

— Дженет! Дженет, вы еще здесь?

Она вернулась в «Телекомп», Андерс настороженно последовал за ней.

— Посмотрите-ка! — Герхард указал на печатное устройство компьютера:

ТЕКУЩАЯ ПРОГРАММА ЗАКОНЧЕНА

СМЕНА ПРОГРАММЫ ЧЕРЕЗ 05 04 02 01 00.

СМЕНА ПРОГРАММЫ.

— Главный компьютер переходит на новую программу, — сказал Герхард.

— Ну и что?

— Мы не меняли программу.

— Так какая же это программа?

— Не знаю. Мы программу не меняли.

Дженет и Андерс смотрели на экран.

НОВАЯ ПРОГРАММА ЧИТАЕТСЯ КАК...

Продолжения не последовало. Экран был пуст.

— Что это значит? — спросил Андерс.

— Не знаю, — сказал Герхард. — Может быть, вмешался кто-то другой, хотя не представляю как. Последние двенадцать часов наша программа идет под грифом первостепенной важности и изменить что-нибудь можно только с нашего пульта.

На экране снова загорелись буквы:

НОВАЯ ПРОГРАММА ЧИТАЕТСЯ КАК ВЫХОД МАШИНЫ ИЗ СТРОЯ, ВСЯКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЗАКОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО

ЧЕНО ЗАКОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО ЗА- КОНЧЕНО ЗАКОНЧЕНО

— Что? — воскликнул Герхард. Он начал нажимать на кнопки на пульте управления, потом перестал. — Бесполезно. Компьютер отказывается принимать программу.

— Почему?

— Очевидно, что-то случилось с главным компьютером.

Дженет посмотрела на Андерса.

— Проводите-ка меня туда, — сказал он.

В этот момент перестал работать первый пульт управления. Погасли все лампочки, изображение на экране сузилось в маленькую светящуюся точку и исчезло. Перестал работать второй пульт, потом третий. Телепринтеры замолкли.

— Компьютер выключил себя, — сказал Герхард.

— Вероятно, не без помощи со стороны, — заметил Андерс и направился к лифту в сопровождении Дженет.

В сырой холодной полумгле они торопливо шли к главному корпусу. Андерс на ходу проверял пистолет, поворачивая его к свету фонарей, горящих на автостоянке.

— Поймите одно, — сказала Дженет. — Угрожать Бенсону бесполезно. Это на него не подействует.

Андерс улыбнулся.

— Потому что он машина?

— Нет. Он просто не прореагирует. Если у него припадок, он не увидит пистолета, не поймет, что это такое.

Они вошли в ярко освещенный главный подъезд и направились к центральному лифту.

— Где находится атомная батарейка? — спросил Андерс.

— Под кожей правого плеча.

— А точнее?

— Вот здесь. — Дженет начертила прямоугольник у себя на плече.

— Это ее размеры?

— Да. Как пачка сигарет.

— Спасибо, — сказал Андерс.

Они спустились в подвал. Два полицейских в лифте напряженно и нервно поглаживали пистолеты.

В лифте Андерс спросил:

— Вы когда-нибудь стреляли из пистолета?

— Нет.

— Ни разу?

— Нет.

Андерс умолк. Двери лифта раздвинулись. В лицо им повеяло прохладой подвального помещения. Они оглядели коридор — голые бетонные стены, трубы под потолком, резкий, ничем не смягченный свет.

Они вышли из лифта. Двери за их спиной сомкнулись.

Они постояли, прислушиваясь. Ничего, кроме глухого машинного гула.

Андерс прошептал:

— В это время здесь кто-нибудь бывает?

Дженет кивнула.

— Обслуживающий персонал. Прозекторы, если они еще не кончили.

— Патологоанатомическая лаборатория здесь, в подвале?

— Да.

— А где компьютер?

— Вон там.

Дженет повела его по коридору. Прямо находилась прачечная. Она была уже закрыта на ночь, но перед дверью стояли тележки с узлами грязного белья. Андерс внимательно осмотрел узлы и только тогда пошел дальше к кухне.

Там тоже никого не было, но свет горел, отражаясь на белом кафеле стен и длинных рядах мармитов из нержавеющей стали.

— Так короче, — объяснила Дженет, входя в кухню. Их шаги звонко отдавались на плитках пола. Андерс шел неторопливо, Чуть-чуть выдвинув вперед руку с пистолетом, отвернутым немного в сторону.

За кухней начинался другой коридор, почти такой же, как первый. Андерс вопросительно посмотрел на Дженет. Она знала, что он уже потерял представление о том, где находится: ведь она сама научилась ориентироваться тут только через несколько месяцев.

— Направо, — сказала она.

Они прошли мимо плаката с надписью: **О ЛЮБОМ ПРОИСШЕСТВИИ СООБЩАЙТЕ СВОЕМУ НАЧАЛЬНИКУ.** Рисунок изображал человека с царапиной на пальце. Дальше висел другой плакат: **ВАМ НУЖЕН ЗАЕМ? ОБРАЩАЙТЕСЬ В СВОЮ ССУДНУЮ КАССУ.**

Они свернули в поперечный коридор, где в углублении стояли автоматы с горячим кофе, плюшками, бутербродами, шоколадными батончиками. Дженет вспомнила, как во время суточных дежурств забегала сюда ночью перекусить. Давным-давно, когда медицина представлялась ей высоким, благородным и перспективным призванием: в самое ближайшее время предстояли великие открытия и она будет их свидетельницей и участницей.

Андерс заглянул в углубление и прошептал:

— Посмотрите!

Дженет, удивленная его тоном, поглядела на автоматы. Они все были разбиты. На полу валялись шоколадки и завернутые в целлофан бутерброды. Из автомата с кофе, точно кровь из артерии, била прерывистая струйка. Андерс перешагнул через кофейную лужу и потрогал вмятины в металлическом корпусе автомата.

— Похоже на топор, — сказал он. — Где он мог достать топор?

— С противопожарного стенда.

— Но топора здесь нет, — сказал Андерс и поглядел на Дженет.

Она промолчала, и они пошли дальше по коридору. У следующего пересечения Андерс спросил:

— Куда идти?

— Налево, — ответила Дженет и прибавила: — Теперь недалеко.

Впереди был еще один поворот. Дженет знала, что за этим поворотом находится архив. А рядом — компьютер. Это было сделано специально, так как в дальнейшем предполагалось перевести архив на компьютерное обслуживание.

Внезапно Андерс замер. Дженет сразу остановилась и прислушалась. Кто-то шел по коридору, напевая себе под нос.

Андерс прижал палец к губам и жестом приказал Дженет не двигаться с места, а сам пошел вперед. Голос явно приближался. У поворота коридора Андерс остановился и осторожно заглянул за угол. Дженет затаила дыхание.

— Эй! — крикнул мужской голос. Андерс протянул руку, и в этот момент какой-то человек покатился по полу в сторону Дженет. — Э-эй!

По коридору растекалась вода из опрокинутого ведра. Дженет подошла к упавшему. Это был пожилой уборщик.

— Какого дья...

— Ш-ш-ш! — Она прижала палец к губам и помогла ему подняться.

К ним подошел Андерс.

— Не уходите с этажа! Ждите на кухне. Ни в коем случае не уходите! — почти прошипел он.

Дженет понимала, что он имеет в виду. Тот, кто попытался бы сейчас подняться наверх, рисковал попасть под пули полицейских.

Уборщик недоуменно и испуганно кивнул.

— Успокойтесь, — сказала Дженет.

— Да я же ни сном ни духом...

— Тут где-то прячется человек, которого мы ищем, — продолжала она. — Вам придется пока подождать.

— Идите на кухню! — повторил Андерс.

Уборщик кивнул, отряхнулся и пошел по коридору в сторону кухни. Один раз он оглянулся все с тем же недоумением.

Они пошли дальше и за поворотом остановились перед архивом. На стене было написано: **ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ.**

Андерс вопросительно посмотрел на Дженет. Она кивнула, и они вошли в архив.

В огромном помещении, словно в библиотеке, тянулись бесчисленные ряды стеллажей, от пола и до потолка заставленные историями болезни. Андерс остановился, не скрывая своего изумления.

— Чем не бухгалтерия? — сказала Дженет.

— Здесь все больные, которые когда-либо лечились в клинике?

— Нет. Только истории болезни за последние пять лет. Остальные хранятся на складе.

Они осторожно пошли между стеллажами — Андерс впереди с пистолетом наготове. Время от времени

Андерс останавливался и заглядывал в просветы между полками. Но там никого не было видно.

— Тут кто-нибудь дежурит?

— Должны бы.

Дженет смотрела на длинные ряды историй болезни. Архив всегда производил на ее сильное впечатление. Она была врачом, и через ее руки проходили сотни, тысячи больных, а видела она их еще больше. Но тут, в архиве клиники, они исчислялись миллионами — в одной только клинике одного города одной страны. Миллионы и миллионы больных.

— У нас тоже есть архив, — сказал Андерс. — Карты у вас часто пропадают?

— Постоянно.

— И у нас тоже, — вздохнул Андерс.

В этот момент из-за стеллажей вышла девушка лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Она несла стопку истории болезни. Быстрым движением Андерс поднял пистолет. Девушка ахнула, карточки посыпались на пол.

— Тихо! — прошипел Андерс.

Девушка подавила готовый вырваться крик и уставилась на них широко открытыми глазами.

— Я из полиции, — сказал Андерс и отогнул лацкан пиджака, показывая значок. — Вы кого-нибудь видели здесь?

— Кого-нибудь...

— Вот этого человека. — Андерс показал ей фотографию.

Девушка взглянула на фотографию и замотала головой.

— Вы уверены?

— Да... то есть нет... то есть...

— Надо идти к компьютеру, — сказала Дженет. Ей было жаль эту девушку. В архиве постоянно подраба-

тывали старшие школьники и студенты. Платили им немного... Дженет вдруг вспомнила, как ее напугали, когда ей было примерно столько же лет, как этой девушке. Они гуляли в лесу с приятелем и увидели змею. Ее спутник сказал, что это гремучая змея, и она смертельно перепугалась. Позже она узнала, что он просто ее дразнил — змея была даже не ядовитой. Ее возмутило...

— Хорошо, — сказал Андерс. — Идем к компьютеру. В какую сторону?

Дженет пошла вперед. Андерс повернулся к девушке, которая подбирала с пола истории болезни.

— Вот что, — сказал он. — Если вы увидите этого человека, не заговаривайте с ним, а просто кричите, и как можно громче. Понятно?

Девушка кивнула.

И тут Дженет поняла, что на этот раз гремучая змея — действительно гремучая змея, что все это происходит на самом деле.

Они снова вышли в коридор и направились к компьютерному отделению — единственному помещению в подвале, отделанному с большим тщанием. Голубая ковровая дорожка закрывала бетонный пол. В стене, выходящей в коридор, пробиты большие окна. Дженет помнила, как устанавливали компьютер. Она тогда усомнилась, нужны ли такие расходы. По ее мнению, они были лишними.

«Лучше, чтобы люди видели, как и что», — сказал Макферсон.

«А именно?»

«Ведь компьютер — это просто машина. Больше и дороже большинства остальных, но все-таки машина. И нужно, чтобы люди привыкли к нему. Не следует, чтобы они боялись компьютера или поклонялись ему. Надо, чтобы он стал чем-то естественным и привычным».

Но всякий раз, когда Дженет проходила мимо компьютерного отделения, она испытывала обратное чувство: особый уход, ковровая дорожка, дорогостоящее обрамление придавали компьютеру значительность, необычность, неповторимость. Недаром во всей клинике ковер в коридоре лежал еще только перед одной дверью — перед дверью на первом этаже, за которой находилось помещение, предназначенное для отправления религиозных обрядов, где могли служить священники любой церкви. Так и тут — святилище компьютера.

Так ли уж нужны компьютеру ковры на полу?

Как бы то ни было, персонал клиники по-своему откликнулся на зрелище за широкими окнами. К стеклу был приклеен листок с надписью **КОРМИТЬ И ДРАЗНИТЬ КОМПЬЮТЕР ЗАПРЕЩАЕТСЯ.**

Они пригнулись, и Андерс осторожно заглянул внутрь.

— Ну, что? — шепнула Дженет.

— По-моему, это он.

Дженет заглянула в окно. Сердце у нее вдруг отчаянно забилося. Она вся напряглась.

Внутри компьютерного отделения находились шесть магнитных печатающих устройств, центральный пульт управления в форме перевернутой буквы «L», телепринтер, входное устройство для программирования и два дисковых блока — сверкающий металл, резкие линии и углы. Матово сияли лампы дневного света. И никого — только компьютер, одинокий, отделенный от всего мира. Дженет почему-то вспомнились вертикальные монолиты Стоунхенджа.

И тут она увидела: между двумя печатающими устройствами прошел человек. Белая форма санитара, темные волосы.

— Это он, — сказала Дженет.

— Где дверь? — спросил Андерс. Почему-то он еще раз проверил свой пистолет, громко щелкнув обоймой.

— Вон там. — Дженет указала на дверь шагах в десяти от них.

— А еще есть выход?

— Нет.

Ее сердце билось все так же часто. Она перевела взгляд с Андерса на пистолет, потом снова на Андерса.

— Вы пока оставайтесь тут.

С этими словами Андерс пригнул ее к полу, а сам пополз к двери. Он встал на колени и оглянулся. Дженет с удивлением поняла, что он боится. Его лицо было неестественно напряженным, тело словно свела судорога. Руку с пистолетом он вытянул перед собой.

«Мы все боимся», — подумала она.

Резким ударом ноги Андерс вышиб дверь, прыгнул вперед и бросился на пол. Дженет услышала, как он закричал: «Бенсон!» Тут же раздался выстрел. За ним второй, третий. Она не знала, кто стреляет.

Ноги Андерса торчали из двери: клубы сероватого дыма поднимались к потолку.

Раздались еще два выстрела и пронзительный вопль. Дженет зажмурила глаза и прижалась щекой к коври. Андерс крикнул:

— Бенсон! Сдавайся, Бенсон!

Бесполезно, подумала она. Неужели Андерс не понимает?

Опять выстрелы, один за другим. Неожиданно над ней раздался громкий треск, и ей на голову и плечи посыпались осколки стекла. Она стряхнула их и вдруг увидела, что совсем рядом на полу сидит Бенсон. В окне, которое он пробил своим телом, не осталось ни единого целого стекла. По-видимому, пуля задела ему ногу: на белой штанине расплзлось красное пятно.

— Гарри...

Она заметила, что голос у нее стал хриплым. Так велик был ее ужас. Она знала, что не имеет права его бояться. Это причиняло вред ему, подрывало ее доверие к себе, было нарушением профессионального долга — и все-таки она боялась.

Бенсон посмотрел на нее пустыми, невидящими глазами. И побежал по коридору.

— Гарри, подождите...

— Ничего! — крикнул Андерс, выбегая из компьютерной и бросаясь вдогонку за Бенсоном с пистолетом в вытянутой руке. Это выглядело так смешно, что Дженет чуть не засмеялась. Она слышала в отдалении бегущие шаги Бенсона. Андерс скрылся за поворотом, и звук их шагов смешался.

Дженет осталась одна. Она поднялась с пола, испытывая головокружение и тошноту. Она знала, что должно было произойти. Бенсон, как зверь в ловушке, кинется к какому-нибудь выходу. Как только он появится там, где можно будет стрелять без риска попасть в кого-нибудь еще, полицейские откроют огонь. Корпус был оцеплен. Спасись Бенсон не мог. Но видеть, как это кончится, она не хотела.

Она вошла в компьютерное отделение и огляделась. Главный компьютер был полностью выведен из строя. Два устройства магнитозаписи были опрокинуты, центральный пульт управления зиял множеством мелких круглых отверстий, и из них на пол летели искры. Надо было что-то сделать, пока не начался пожар. Дженет посмотрела по сторонам в поисках огнетушителя и в углу на ковре увидела топор Бенсона. А потом — пистолет.

Она нагнулась и подняла его. Он оказался неожиданно тяжелым. Она зажала пистолет в руке — большой, скользкий, холодный. Андерс выбежал отсюда с пистолетом. Так значит... Пистолет Бенсона! Дженет

установилась на него, как будто он мог что-то рассказать о Бенсоне.

Где-то один за другим раздались четыре выстрела. По лабиринту коридоров прокатилось эхо. Она подошла к разбитому окну и посмотрела наружу. Никого! И ничего не слышно.

«Конечно», — подумала Дженет. Треск и шипение искр заставили ее обернуться. Только теперь она обратила внимание еще на один звук — монотонное пощелкивание. Она увидела, что магнитная лента полностью перемоталась и ее конец хлещет по металлическому стержню.

Она выключила записывающее устройство и посмотрела на телепринтер, по которому бежали буквы: КОНЧЕ... КОНЧЕ... Раздались еще два выстрела, на этот раз заметно ближе. И Дженет поняла, что Бенсон все еще жив, все еще где-то тут. Она стояла в углу и ждала.

Снова выстрел — уже совсем рядом.

И приближающиеся шаги.

Дженет притаилась за консолью. Как нелепо! Сначала Бенсон прятался за компьютером, теперь она прижимается к металлической стенке, словно ища у него защиты.

Она услышала частое прерывистое дыхание. Шаги замерли, открылась дверь и с громким стуком захлопнулась. За консолью ей ничего не было видно.

По коридору мимо двери кто-то пробежал, и топот его ног замер в отдалении. Наступила глубокая тишина. А потом Дженет опять услышала хриплое дыхание и кашель.

Она выпрямилась.

На полу, привалившись спиной к стене, в изорванной белой форме санитара сидел Гарри Бенсон. Его левая нога была залита кровью, пот градом струился

по лицу, он задыхался. Его глаза были устремлены в пустоту, и он не осознавал, что рядом кто-то есть.

Дженет еще сжимал в руке пистолет, но она не испытывала ничего, кроме радости. Как-нибудь все устроится. Бенсон жив! Полицейские его не убили. Они тут одни, и ей никто не помешает — какая невероятная удача! В эту секунду Дженет была счастлива.

— Гарри!

Бенсон медленно повернул голову и замигал, он как будто не узнал ее, но потом улыбнулся.

— Здравствуйте, доктор Росс.

Улыбка была радостной, и Дженет вдруг увидела, как Макферсон наклоняет седую голову, благодаря ее, потому что проект спасен и Бенсон возвращен в клинику живым. Потом ей почему-то вдруг вспомнилось, как во время торжественной церемонии, когда ей вручали диплом врача, ее отец почувствовал себя плохо и должен был уйти. Почему она подумала об этом именно сейчас?

— Все будет хорошо, Гарри, — сказала Дженет и обрадовалась уверенности в своем голосе.

Она хотела успокоить Бенсона и не попыталась подойти к нему, а осталась стоять в углу за консолью.

Бенсон молчал, все так же тяжело дыша. Потом он посмотрел на разбитый компьютер.

— Мне все-таки это удалось, верно? — сказал он.

— Все будет хорошо, Гарри, — повторила Дженет. Она уже обдумала дальнейшее. Сейчас надо привести в порядок его ногу, а завтра с утра они отсоединят вживленный компьютер, перепрограммируют электроды и положение будет спасено. Все кончится благополучно. Как удачно это вышло. Эллис справит новоселье. Макферсон поведет НПИО к новым научным открытиям. И они будут ей благодарны. Они оценят ее действия и отдадут должное ее...

— Доктор Росс... — Бенсон пытался подняться, морщась от боли.

— Не двигайтесь, Гарри. Лежите спокойно.

— Но мне надо встать.

— Не двигайтесь, Гарри.

Глаза Бенсона вспыхнули, улыбка исчезла.

— Не называйте меня Гарри. Меня зовут мистер Бенсон. Называйте меня мистер Бенсон.

В его голосе слышалась злоба. Дженет растерялась. Ведь она же старается ему помочь. Неужели он не понимает, что только она одна еще хочет ему помочь? Остальных вполне устроит, если его убьют.

Бенсон изо всех сил пытался подняться.

— Не двигайтесь, Гарри! — и она показала ему пистолет. Злое, враждебное движение. Она рассердилась на него. Конечно, она знала, что это плохо, и все-таки она рассердилась.

— Это мой пистолет! — Бенсон улыбнулся радостной детской улыбкой.

— Теперь он у меня, — сказала Росс.

Губы Бенсона оставались раздвинутыми, но уже в гримасе боли. Он поднялся на ноги и тяжело оперся о стену. На ковре у его левой ноги багровело большое пятно.

— Меня ранили.

— Не двигайтесь. Все будет хорошо.

— Он попал мне в ногу... — Бенсон перевел взгляд с кровавого пятна на лицо Дженет. Он опять улыбнулся. — Вы ведь не будете стрелять, верно?

— Буду, если понадобится.

— Вы же мой доктор.

— Не двигайтесь с места, Гарри.

— Вы не станете стрелять, — сказал Бенсон и сделал шаг вперед.

— Остановитесь, Гарри!

Бенсон улыбнулся и сделал еще один шаг. Он пошатнулся, но удержался на ногах.

— Вы не станете стрелять.

Дженет стало страшно. Она боялась, что убьет Бенсона, и боялась, что не убьет его. Слишком сложным было положение — они одни среди обломков компьютера...

— Андерс! — крикнула она. — Андерс!

По коридору прокатилось гулкое эхо.

Не отрывая взгляда от ее лица, Бенсон сделал еще шаг, покачнулся и навалился грудью на одну из консолей. Его белая куртка лопнула под мышкой. Бенсон тупо поглядел на прореху.

— Разорвалось... — сказал он.

— Стойте там, Гарри. Стойте там!

«Так разговаривают с животным», — подумала Дженет. Не кормить и не дразнить зверей. Она чувствовала себя цирковой укротительницей.

Бенсон, цепляясь за консоль, тяжело дышал.

— Отдайте мне пистолет, — сказал он вдруг. — Он мне нужен. Отдайте!

— Гарри!

С глухим стоном Бенсон выпрямился и шагнул вперед.

— Андерс!

— Бесполезно, — сказал Бенсон. — У вас не осталось времени, доктор Росс.

Он не спускал с нее пристального взгляда. Внезапно его зрачки расширились. Очередная стимуляция.

— Чудесно! — проговорил он и улыбнулся.

Стимуляция отвлекла его, и он несколько мгновений сосредоточился на блаженном ощущении. Когда он заговорил снова, голос у него был спокойный и отчужденный.

— Видите ли, они гонятся за мной. Они натравили на меня свои маленькие компьютеры. Программа:

охота. Выследи и убей. Программа, изначально заложенная в человеке. Выследи и убей. Вы понимаете?

Их разделяло пять-шесть шагов. Дженет держала пистолет, вытянув руку, как это делал Андерс. Но ее рука дрожала.

— Пожалуйста, Гарри, не подходите ближе, — сказала она. — Пожалуйста!

Бенсон улыбнулся.

И шагнул вперед.

Безотчетно Дженет все сильнее нажимала на спусковой крючок. Прогремел выстрел. Отдача была такой сильной, что ее руку подбросило вверх, а сама она попятилась к стене, стараясь удержаться на ногах.

Бенсон стоял в клубящемся дыму и мигал. Потом он снова улыбнулся.

— Это не так просто, как кажется.

Дженет судорожно сжала рукоятку пистолета. Теперь он был теплым. Она попробовала снова поднять его, но рука у нее тряслась, и ей пришлось придержать ее у запястья.

Бенсон снова шагнул вперед.

— Не подходите, Гарри. Я не шучу.

Перед глазами Дженет закружилась вихрь образов. Она увидела Бенсона, каким он был, когда впервые пришел к ней на прием, — мягким, кротким, тяжело больным человеком. А потом — часовые беседы, тесты, препараты... Он был хорошим, честным человеком, измученным страхом. Он не виноват. Это она виновата. Виноват Эллис, виноват Макферсон, виноват Моррис.

Потом она увидела Морриса — лицо, превращенное в кровавое месиво.

— Доктор Росс, — сказал Бенсон. Вы мой врач. Вы не причините мне вреда.

Он был совсем рядом. Его руки тянулись к пистолету. Дженет, дрожа всем телом, смотрела, как эти

руки приближаются к стволу пистолета, как разжимаются пальцы, готовясь схватить...

Она выстрелила в упор.

С поразительной быстротой Бенсон подпрыгнул и повернулся в воздухе, увернувшись от пули. Дженет обрадовалась: она сумела его отогнать, не поранив. Сейчас прибежит Андерс и они вдвоем сладят с ним, доставят в операционную.

Бенсон всем телом ударился о печатное устройство и опрокинул его. Раздался отрывистый треск — оно начало печатать. Бенсон упал на спину. Из его груди густой струей била кровь. Белая форма стала багряной.

— Гарри? — сказала Дженет.

Он не шевельнулся.

— Гарри? Гарри?

Дженет плохо помнила, что было потом. Пришел Андерс и взял пистолет из ее руки. Потом он отвел ее в угол комнаты, а три человека в серой одежде поставили на пол носилки с длинной пластмассовой капсулой. Они открыли крышку — внутри была странная желтая прокладка, похожая на медовые соты. Люди в сером подняли тело Бенсона — Дженет заметила, что они очень следят за тем, чтобы кровь не попала на их защитные костюмы, — и положили его в капсулу. Потом они закрыли капсулу и заперли особые замки. Два человека унесли ее, а третий стал ходить взад и вперед со счетчиком Гейгера, который громко трещал. Дженет подумала, что так кричит рассерженная обезьяна. Человек со счетчиком подошел к ней. Лица его она не видела, потому что стекла его серого шлема запотели.

— Вам лучше уйти отсюда, — сказал он.

Андерс обнял ее за плечи. Она заплакала.

Содержание

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

Перевод В.Тальми и О.Битова 5

ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР

Перевод И.Гуровой и Ю.Симонова 291

Литературно-художественное издание

Майкл Крайтон

ШТАММ «АНДРОМЕДА»

ЧЕЛОВЕК-КОМПЬЮТЕР

Заведующий редакцией А.А.Кирюшкин

Ведущий редактор А.Г.Белевцева

Редактор М.А.Харузина

Художник К.А.Сошинская

Художественный редактор Н.М.Иванов

Технические редакторы А. Л. Гулина, Л. П. Бирюкова.

Корректор Н. Н. Овчинникова.

ИБ № 8121

Сдано в набор 16.05.91. Подписано к печати 15.07.91.

Формат 70 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 2.

Печать высокая с фотополимеров. Гарнитура «Таймс».

Объем 8,25 бум. л. Усл. печ. л. 23,10. Усл. кр.-отт. 23,67. Уч.-изд. л. 23,99.

Изд. № 918940. Тираж 100 000 экз. Заказ 235. Цена отпуская 13 р. 50 к.

Издательство «Мир»

ПК «Пластик». 454038, г. Челябинск-38, ПК «Пластик».

В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по печати.

129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

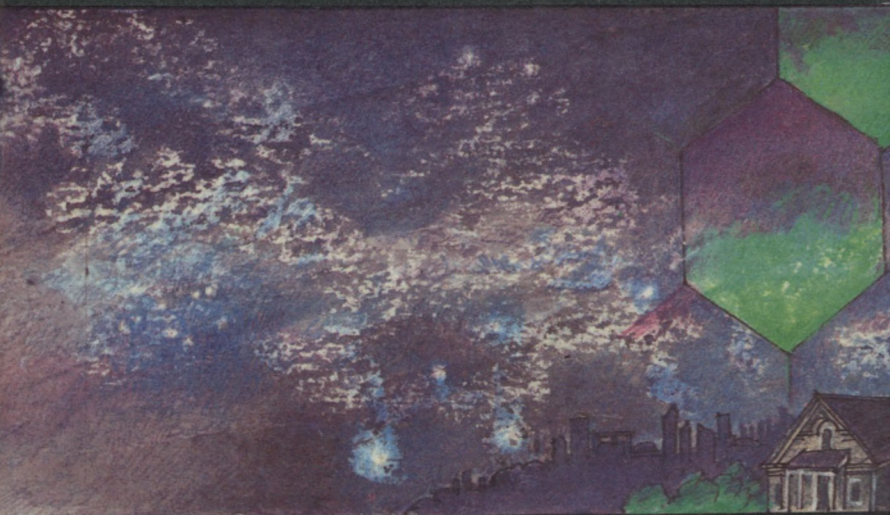
Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
изд-ва «Уральский рабочий». 620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Отп. ц. 13 р. 50 к.

Зарубежная

фантастика

Издательство «Мир»